Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ФРАНЦИИ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР И ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

АЛМА-АТА
«Наука» Казахской ССР
1989

Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата: Наука, 1989. 464 с.

Книга написана по материалам советско-французского симпозиума, состоявшегося в Алма-Ате в октябре 1987 г., и посвящена одной из важнейших проблем мировой истории — взаимодействию кочевых культур и древних цивилизаций. В статьях молодых исследователей и видных ученых Советского Союза и Франции отражены новейшие достижения историков в области изучения общеисторических закономерностей развития контактов между номадами и оседлыми земледельцами древних цивилизаций.

Для археологов, этнографов, историков и других специалистов по общественным наукам.

Редакционная коллегия:

член-кор. АН Туркменской ССР *В. М. Массон* (отв. редактор),
член-кор. АН Казахской ССР *Р. Б. Сулейменов*,
доктора ист. наук *К. А. Акишев, К. М. Байпаков*,
кандидаты ист. наук *С. М. Ахинжанов, Л. Б. Ерзакович*

В $\frac{0503010000-064}{407(05)-89}$ Дп. 89

ISBN 5—628—00340—9

©Издательство «Наука» Казахской ССР, 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мир оседлых культур и мир номадов реально отражают многообразие формопроявлений мировой истории, причем каждый со своей спецификой — от социально-политической структуры до темпов исторического развития. Тезис об их взаимодействии в известной мере тривиален, но в условиях дифференциации знаний зачастую проявляется в использовании тех или иных конкретных примеров аналогий или заимствований даже порой в неполярном ви́дении исторических событий в зависимости от исходной точки отсчета. Достаточно вспомнить то и дело возникающие дискуссии о номадах как изначально прогрессивном или, наоборот, неизменно регрессивном явлении в историческом процессе. Вне сферы эмоций такая, по существу, метафизическая постановка вопроса мало результативна. Наиболее перспективно рассмотрение проблемы о перманентном взаимодействии двух историко-культурных ареалов, многообразии форм и типов взаимодействий, эпохальных изменениях и диалектической противоречивости.

Материалы советско-французского симпозиума, публикуемые в настоящей книге, отражают стремление научных коллективов и отдельных ученых сосредоточить внимание в первую очередь на этих аспектах и особенностях. Форма двустороннего коллоквиума позволяет мобилизовать научный потенциал ученых различных стран, объединить их усилия по изучению как отдельных явлений, так и исторических процессов в целом. Эта организационная форма все более приобретает устойчивую традицию в археологии Средней Азии и Казахстана, о чем, например, свидетельствует выход книги И. М. Ани-

симовой «Археология Средней Азии и развитие международного сотрудничества» (1988).

Тема «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций» стала предметом такого форума не случайно. Необходимость рассмотрения накопленных знаний по древней и средневековой археологии и истории Центральной Азии под таким углом зрения была продиктована всем ходом развития исторической науки, решительно отказавшейся от устоявшихся стереотипов в трактовке этой проблемы. Рассматривая взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций как объективный процесс, детерминированный историческим разделением труда и сложившимися в эпоху становления производящего хозяйства различными хозяйственно-культурными типами, научное знание ощущало острую потребность в выявлении основных закономерностей межкультурного взаимодействия на различных этапах развития человеческого общества и в изучении региональных особенностей этого процесса. Симпозиум имел целью активизировать исследователей в конкретно-исторической разработке проблем взаимодействия, организовать обмен идеями, методологическими разработками теоретического плана, а также результатами исследований всевозможных аспектов этой проблемы.

Представительный состав участников также продемонстрировал огромный интерес к затронутой проблеме научной общественности нашей страны. На заседаниях присутствовали исследователи из Института археологии АН СССР (Москва, Ленинград), Института археологии АН УзССР (Самарканд), Института искусствознания Министерства культуры УзССР (Ташкент), Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР (Душанбе, Пенджикент), Института истории КиргССР (Фрунзе), Института археологии и этнографии АН АрмССР (Ереван), Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР, Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (Алма-Ата), Ташкентского, Казахского, Карагандинского, Челябинского, Кемеровского госуниверситетов, педагогических институтов и областных музеев Казахстана, Института «Казпроектреставрация» Министерства культуры Казахской ССР.

Участие в симпозиуме группы французских специалистов из Национального центра научных исследований во главе с проф. А.-П. Франкфором, подготовивших семь

из тридцати прозвучавших научных докладов, — свидетельство позитивных перемен в области расширения крепнущего сотрудничества между учеными СССР и Франции.

Работа конференции, проходившая и в форме заседаний, и в форме свободного обмена мнениями, стала для его участников общественно значимым событием. Большинство докладов и сообщений содержало разработки по важнейшим направлениям данной научной проблемы: общие закономерности взаимодействия; взаимодействие и социально-экономическое развитие; взаимодействие и культурный процесс; взаимодействие и этническая история; взаимодействие и духовное производство. И хотя не все доклады достаточно полно раскрывали тематику, обсуждение в такой представительной аудитории в значительной мере стимулировало ее дальнейшую разработку.

Важный результат симпозиума — обнародование значительных успехов в сфере накопления нового материала, что позволяет теперь вопрос о взаимодействии номадов и древних цивилизаций исследовать на конкретном археологическом материале и перейти от лозунгов и общих установок к конкретным историческим разработкам. Открываются перспективы совершенствования приемов интерпретационных построений, и здесь большое значение имеют, в частности, работы французской школы теоретической археологии.

В подобной системе международных связей советско-французское сотрудничество по восточной археологии основано на устойчивой традиции различных научных школ и в силу этого дает зримые конкретные результаты. В настоящее время в этой области действуют две программы. Одна из них посвящена древнейшим этапам, начиная с палеолита вплоть до эпохи раннего железа. Первоначально сконцентрированная на Бактрии и в соседних странах, эта программа в настоящее время модифицирована и охватывает весь центральноазиатский регион. Именно более широкий взгляд на эту проблему предопределил выпуск шеститомной «Истории цивилизаций Центральной Азии», предпринятый ЮНЕСКО. Первое совещание по этой программе было проведено в 1982 г. в Душанбе, результаты его опубликованы и у нас и во Франции. Проведение второй встречи в Париже в 1985 г. означало уже дальнейшее расширение круга

вопросов по археологии с древнейших времен до раннего железа всего среднеазиатского региона.

Вторая программа связана с изучением городских культур Бактрии и Согда эпохи до арабского завоевания. Первый коллоквиум по этой программе состоялся в 1986 г. в Самарканде, его труды оперативно изданы Академией наук УзССР. Проведен второй симпозиум по этой тематике, на этот раз в Париже.

Совещание, материалы которого приведены в настоящей книге, является уже третьим по первой из советско-французских программ, и опыт, накопленный учеными обеих стран, во многом способствовал его результативности.

Широкий состав участников совещания позволил охватить не только центральноазиатский регион, но и привлечь материалы по Ближнему Востоку, Африке, севернее экватора. Хронологический диапазон — от неолитических истоков скотоводства до кочевников позднего средневековья, практически до начала новой истории. Достаточно разнообразны и аспекты исследований, включающих вопросы культурного взаимодействия, функционирования экономических механизмов, этнические и политические взаимодействия. В центре ряда статей — проблема города и степи, традиционная для истории и археологии Средней Азии и Казахстана. Важна постановка вопроса Ж. К. Гарденом об археологических признаках номадизма. Совершенно ясно, что огромный археологический материал требует неустанного совершенствования самой процедуры его использования в исторических построениях. Вместе с тем следует иметь в виду, что набор специфических артефактов в таком случае на объяснительном уровне должен определяться образом жизни как устойчивой специфической системой, выработанной в данной среде. Хорошо зарекомендовавшее и в целом продуктивное привлечение к трактовке археологических материалов данных этнографии должно идти не по пути отдельных выхваченных аналогий, а по пути комплексного анализа и моделирования. В этом отношении направление, именуемое французскими коллегами «этноархеологией», представляет несомненный интерес.

В советской науке ослаблено внимание к социально-экономической проблематике кочевых обществ, формационная природа которых требует дальнейшего анализа

и творческих дискуссий. Существует и терминологический разнобой в определении кочевников, пастухов, «неоседлых скотоводов». В целом наметилась тенденция определять скотоводческо-земледельческие культуры степной бронзы как пастушеские и именовать кочевыми культуры, формирующиеся после широкого освоения верхового коня. Расширительное использование термина «номады» вплоть до эпохи неолита, принятое, в частности, французскими учеными, в определенной мере гасит эпохальную специфику.

Внешние же признаки высокого развития цивилизации могут найти объяснение и в рамках иных концепций. Видимо, есть основание говорить после раскопок Синташты и открытия Аркаима об обществе андроновской эпохи как о раннем комплексном обществе, далеком от первобытного примитивизма, но еще не являющемся раннеклассовым. Хорошо известно, что в отдельных случаях концентрация власти, например, в рамках структуры типа чифдом («вождество») позволяла создавать выдающиеся материальные ценности, в частности монументальную архитектуру. Так было в среде скотоводческих культур Европы бронзового века, примером чему служит знаменитый Стоунхэндж. Аналогичный феномен наблюдаем и в раннеземледельческих культурах Балкан VI—IV тыс. до н. э. Вместе с тем неразвитость социальной структуры приводила к тому, что в изменившейся ситуации эти успехи быстро сходили на нет, культурная дезинтеграция возвращала общество на исходные рубежи. Во всяком случае это — интереснейшая проблема, и очень важно, что в полном объеме она была поставлена именно на данном симпозиуме. Читатель без труда обнаружит и другие комплексы дискуссионных вопросов и перспективных разработок.

Работа по подготовке сборника к печати проведена совместно сотрудниками Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

I. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР И ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР И ДРЕВНИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ О ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ТИПАХ

Б. В. Андрианов *(Москва)*

Решение многих проблем взаимодействия кочевых культур с древними земледельческими цивилизациями тесно связано с изучением истории формирования и развития хозяйственно-культурных типов, под которыми советские этнографы понимают исторически сложившиеся комплексы хозяйства и культуры, типичные для народов, часто различных по происхождению, но обитающих в сходных географических условиях и находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития [1].

Наукой установлено, что направление хозяйства и географическая среда в значительной степени определяют особенности традиционной материальной культуры разных народов: типы их поселений, жилищ, утвари, одежды, средств передвижения, пищи и т. п. Множественность локальных проявлений человеческой культуры всюду сочетается с единством, обусловленным всеобщими закономерностями всемирно-исторического процесса, определяющими способы производства и характер социальных структур. Как известно, основные формы хозяйственной деятельности доиндустриальных обществ — охота, рыболовство, собирательство, земледелие и скотоводство — претерпели изменения в ходе исторического процесса, менялось и соотношение между ними в общественном производстве [2]. Особенно важны последст-

[1] *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955. № 4; *Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблема их картографирования // Советская этнография. 1972. № 2.

[2] *Андрианов Б. В.* Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // Советская этнография. 1968. № 2. С. 24.

вия изменений в соотношении и взаимодействии главных форм производящего хозяйства — земледелия и скотоводства, которые исторически и определили формирование основных групп хозяйственно-культурных типов, выделяемых этнографами.

Научным достижением является реконструкция сложного исторического пути хозяйственно-культурной дифференциации народов мира в разных историко-культурных областях. Оказалось, что к началу XX в. все хозяйственно-культурные типы могут быть объединены в ряд генетических, стадиально-типологических групп. Одни из них возникли конвергентно, другие явились результатом дивергентных процессов. Эти группы различаются между собой главными направлениями хозяйственной деятельности, характером разделения труда, уровнем его производительности и нарастанием объема прибавочного продукта. К первой, наиболее древней, группе с присваивающей натуральной экономикой относятся хозяйственно-культурные типы охотников и собирателей, сохранившихся кое-где в XX в. в глухих уголках с экстремальными природными условиями; ко второй — типы с переходными к земледелию и скотоводству формами хозяйства; к третьей — типы с мотыжным (ручным) земледелием и пастушеским животноводством; к четвертой, более поздней, группе — типы с плужным земледелием и животноводством, в которой особое место занимают кочевники-скотоводы аридной зоны [3].

Скотоводство как форма хозяйственной деятельности, основанной на содержании и разведении домашних животных, прошло ряд этапов: пастушеский, отгонно-пастбищный, полукочевой и кочевой. Возникнув почти одновременно с земледелием в древних («вавилонских») центрах Старого Света, скотоводство развивалось иными темпами, то обгоняя земледелие, то отставая от него. Закономерную линию развития этих форм на археологическом материале в свое время попытался проследить Б. Б. Пиотровский [4]. Его схема выглядит следующим образом: а) сосуществование примитивного ручного зем-

---

[3] *Андрианов Б. В.* Неоседлое население мира: (Историко-этнографическое исследование). М., 1985. С. 22.

[4] *Пиотровский Б. Б.* Формы хозяйства, способствующие образованию классов и становлению государства: (Возникновение раннеклассового общества): Тезисы доклада. М., 1973.

леделия и скотоводства; б) усиление роли скотоводства, легче дающего на низком уровне развития производительных сил прибавочный продукт; в) отделение скотоводства от земледелия при ведущей роли полукочевого скотоводства; г) рост на основе скотоводства имущественной межплеменной и внутриплеменной дифференциации и процесса образования классов; д) второй подъем земледелия и образование на основе плужного орошаемого и неорошаемого земледелия древних государств и кочевых обществ на их периферии.

С развитием скотоводства человек начал хозяйственное освоение многих пустынных территорий аридной зоны, в то время мало пригодных для земледелия. Хозяйственно-культурные типы, основанные на преобладании скотоводства, сыграли огромную роль в исторических миграционных процессах и хозяйственном освоении новых областей. Представители скотоводческих хозяйственно-культурных типов несли навыки производящего хозяйства в зону охотников и собирателей, что меняло образ жизни последних. Именно с этого времени археологические материалы позволяют осветить сложный процесс взаимодействия хозяйственно-культурных типов — скотоводов и земледельцев, которые формировались в пределах обширной Среднеазиатско-Казахстанской историко-культурной провинции на протяжении тысячелетий. В каждый период истории существовала определенная историко-этнографическая, культурная общность, границы которой не были стабильными, но в их рамках исторически постепенно складывались своеобразные формы взаимного территориального приспособления формирующихся различных хозяйственно-культурных типов.

Исследованиями археологов раскрыта картина постепенного продвижения в VI—III тыс. до н. э. раннеземледельческих культур юга Туркмении, основанных на лиманном и горно-ручьевом земледелии и скотоводстве, на восток и северо-восток — в зону неолитических охотников, рыболовов и собирателей степей и гор. В конце V — начале IV тыс. до н. э. земледельческо-скотоводческие племена проникли в дельту р. Теджен, а в III, и особенно во II тыс. до н. э., зона производящего хозяйства продвинулась из южных районов на Амударью, бассейн Зеравшана и Ферганскую долину, а на север Казахстана — из Приуралья. На юге Туркмении и на верх-

ней Амударье (в Бактрии) зародилась в этот период протогородская культура [5].

В евразийских степях в III — начале II тыс. до н. э. наметился процесс выделения из среды полуоседлых скотоводов-земледельцев более подвижных скотоводов. С увеличением подвижности населения евразийские степи и пустыни из географического фактора, разделяющего и изолирующего отдельные историко-культурные области и племена, стали фактором объединяющим, благоприятствующим культурным контактам, а также распространению технических достижений, производственных навыков, различных духовных ценностей [6].

На основе подвижных форм скотоводства, по мнению Н. Я. Мерперта, в степной полосе от Урала до Днестра сформировалась широкая древнеямная культурно-историческая общность, на основе которой, по-видимому, и сформировались древние индоиранские этносы [7]. Согласно В. И. Абаеву, языки, на которых они говорили, в своем дальнейшем развитии прошли ряд этапов [8]: первый — период арийской общности (вторая половина III тыс. до н. э.); второй — разделения ее на протоиранскую и протоиндоарийскую ветви (первая половина II тыс. до н. э.); третий — обособления североиранской (скифо-сарматской) группы от южноиранской (первая половина I тыс. до н. э.).

В этих сложных историко-культурных процессах особую роль сыграли подвижные скотоводы, являвшиеся носителями сходных культур бронзы второй половины II тыс. до н. э., к которым относятся хорошо изученные археологами культуры Волжско-Уральского междуречья (срубная культура), андроновских племен казахстанских степей, племен Южного Приаралья (тазабагъябская культура) и многих близких им скотоводческо-зем-

---

[5] *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964; *Он же.* Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии // Древний город Средней Азии. М.: Наука, 1973. С. 3—6.

[6] *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974. С. 128.

[7] *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: (Реконструкция и историко-типологический анализ протоязыка и протокультуры). Тбилиси, 1984. Т. 2. С. 950—952.

[8] *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглосы. М., 1965; *Он же.* Миф и история в Гатах Зороастра // Историко-филологические исследования: Памяти Н. И. Конрада. М., 1974.

ледельческих племен Средней Азии[9]. Расселение этих племен далеко на восток и юг усиливало контакты оседлых земледельцев юга и подвижных скотоводов севера, укрепляло и усложняло их культурное взаимодействие. Историческим процессам способствовало и дальнейшее развитие подвижного скотоводства, изобретение и распространение у скотоводов конных боевых колесниц и колес со спицами, что получило блестящее подтверждение в археологических находках В. А. Генинга (погребения с колесницами на р. Синташте в Южном Зауралье — II тыс. до н. э.), а также в наскальных изображениях (запряженные лошадьми колесные повозки), датируемых эпохой бронзы (III—II тыс. до н. э.) и обнаруженных на юге Средней Азии (Саймалы-Таш) и далее — к югу (в Индию), на восток (в Южную Сибирь и Монголию)[10]. В низовьях Сырдарьи, в самом центре Среднеазиатско-Казахстанской историко-культурной провинции, был открыт и археологически исследован величественный мавзолей — Северный Тагискен IX—VIII вв. до н. э. В конструкциях мавзолея преобладает сочетание планировок — квадратных с круглыми, поэтому он также может быть увязан с индоарийской ведической традицией культа колесниц и коня, характерных для подвижных скотоводов индоиранцев[11].

В конце II и начале I тыс. до н. э. бронзовые орудия труда стали сменяться железными, наступила «эпоха железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора» (Ф. Энгельс). Применение железа при изготовлении пахотных орудий резко раздвинуло в Европе и Азии зону плужного земледелия и в то же время способствовало дальнейшей специализации скотоводов в зоне полупустынь и степей Евразии, расширило диапазон перекочевок, увеличило подвижность населения, ускорило развитие прогрессивных черт в хозяйстве и культуре; совершенствовалась материальная культура — конская упряжь, формы удобной для всадничества одежды, конструкция переносного жилища и т. п. По своей сути это

[9] *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977. С. 51.

[10] *Шер А. Я.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. С. 194. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык... С. 736—737.

[11] *Итина М. А.* Хорезмская экспедиция: (Основные итоги и перспективы исследования) // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 11.

и было начало формирования специализированного хозяйственно-культурного типа кочевников-скотоводов умеренного пояса Евразии.

Существуют разные точки зрения на проблему возникновения и развития кочевничества, в том числе в Среднеазиатско-Казахстанской историко-культурной провинции. Советские исследователи В. Г. Богораз-Тан, В. И. Равдоникас, А. М. Золотарев, М. Г. Левин искали в свое время истоки номадизма в среде бродячих степных охотников. Это направление развил в своих работах С. И. Вайнштейн, который относит формирование развитого хозяйственно-культурного типа кочевников умеренного пояса Евразии лишь к середине I тыс. н. э., когда было широко распространено разборное жилище с решетчатым остовом, жесткое седло со стременем, различные виды легкой и прочной утвари из кожи, дерева, металла и войлока, когда складывались те формы подвижного быта, которые без особых изменений доживают до этнографической современности[12]. Другая крайняя точка зрения гласит: возникнув на рубеже II и I тыс. до н. э., хозяйственно-культурный тип кочевников-скотоводов сохранился почти без изменений до XIX в.[13]

Если говорить о форме хозяйствования кочевников (перегон скота по сезонным пастбищам с относительно стабильным местом зимовки), составе стад (процентное соотношение видов скота), действительно можно констатировать сходство между древними усунями и казахами Восточного Казахстана (К. А. Акишев), сарматами и калмыками Прикаспия (А. М. Хазанов), скотоводством оседлых «джетысарцев» в низовьях Сырдарьи и каракалпаками XIX в. (Т. А. Жданко). Это сходство объясняется устойчивостью природных условий, строгой периодичностью смены травостоя на пастбищах разного типа, что определяло и пути перекочевок со скотом на протяжении многих столетий. В то же время хозяйственно-культурный тип кочевников, их материальный и духовный мир, предметы культуры развивались, совер-

[12] *Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук: Доклады советской делегации. М., 1973. С. 9.

[13] *Акишев К. А.* К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 31—46.

шенствовались, видоизменялись, что хорошо иллюстрируется при простом сопоставлении археологических материалов, характеризующих древних, средневековых и поздних кочевников.

Уже в древности в начале I тыс. до н. э. наметились хозяйственно-культурные различия между отдельными группами скотоводов-кочевников. На севере (в Казахстане — в зоне типчаково-полынных степей) ведущая роль принадлежала овцеводству и коневодству с длительными меридиональными перекочевками и круглогодичным содержанием скота. На юге (в Южном Казахстане и Киргизии — в долинах рек) преобладало полукочевое скотоводство — овцеводство, коневодство, зарождалась прочная оседлость, развивались поливное земледелие и городская культура. На юго-востоке (в Семиречье и Восточном Казахстане) складывалась область комплексного хозяйства, базировавшегося на полукочевом (яйлажном) скотоводстве — крупный рогатый скот, коневодство, овцеводство — и богарном земледелии [14]. На юго-западе (в Среднеазиатском междуречье — в местах зимовок в низовьях Амударьи и Сырдарьи) произошло выделение групп полукочевых скотоводов из среды земледельцев-скотоводов на рубеже II и I тыс. до н. э., и с этого времени на территории Хорезмского оазиса активно развивался хозяйственно-культурный тип оседлых плужных земледельцев с ирригацией и отгонным скотоводством, в то время как в низовьях Сырдарьи вплоть до XIX в. сохранялись архаические традиции комплексного полуоседлого хозяйства скотоводов, земледельцев, рыболовов [15]. На юго-западе (в Туркмении) в составе стада преобладали верблюды, овцы и козы, маршруты перекочевок были обусловлены расположением колодцев, а на юге (в горной зоне Таджикистана) сезонные миграции скотоводов носили преимущественно вертикальный характер. В горах в условиях большого разнообразия природных условий формировались различные формы скотоводства: отгонно-пастбищная, кочевая, выгонная, стойлово-выгонно-яйлажная [16]. Но почти

---

[14] Там же. С. 35—38.

[15] *Итина М. А.* Хорезмская экспедиция... С. 9.

[16] *Кармышева Б. Х.* Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана: (Конец XIX — начало XX в.) // Советская этнография, 1982. № 3.

всюду скотоводство в той или иной степени сочеталось с земледелием на протяжении истории региона.

Многолетние археологические и этнографические исследования истории возникновения и развития орошаемого и неорошаемого земледелия в Средней Азии и сопредельных областях Казахстана выявили большое разнообразие форм хозяйствования и соотношения навыков земледелия и скотоводства. Огромное значение почти для всей этой территории, входящей в аридную зону, имело развитие ирригационной техники[17]. Но для каждой природной зоны историко-культурной провинции были характерны свои особенности прогресса ирригации. Так, в зоне предгорий и на берегах небольших рек начало орошения связано с лиманами и подпрудным регулированием паводковых ручьев, что не требовало широкой кооперации населения[18]. В долинах и дельтах крупных рек ирригация проделала более сложный путь — от болотного или лиманного земледелия через регулирование паводков с помощью обваловки и сооружения мощных защитных дамб к сложным оросительным системам, регулированию сезонных разливов рек в масштабе крупных водных бассейнов; организация ирригационного хозяйства здесь сопровождалась оформлением первых государственных образований Бактрии, Маргианы, Согда, Хорезма[19].

Земледельцы южных районов Средней Азии уже в древности освоили многие культурные растения — пшеницу (мягкую, круглозерную, карликовую), ячмень, просо; одомашнили абрикосы, яблоки, груши, дыни; позднее ввели в культуру рис, виноград, овощи, различные технические культуры, в том числе хлопчатник (гуза). Обитатели земледельческих оазисов накопили богатейший опыт орошаемого земледелия на равнинах, в предгорьях и горах, на горных покатых террасированных скло-

---

[17] *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья: (В связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969; History of Irrigation and Drainage in the USSR / Ed. by B. G. Stepa, B. V. Andrianov, B. S. Maslov. Delhi, 1985. P. 41—113.

[18] *Букинич Д. Д.* История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства // Хлопковое дело, 1924. № 3—4; *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. С. 20.

[19] *Андрианов Б. В.* Роль ирригации в становлении древних государств: (На примере Средней Азии) // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 73—86.

нах, конусах выноса горных рек и т. д. Там, где выпадало достаточно зимне-весенних осадков, уже в древности было развито неполивное богарное, преимущественно зерновое земледелие [20].

Важным источником истории среднеазиатских народов, взаимодействия оседлоземледельческого населения с подвижными скотоводами-кочевниками являются древнейшие разделы Авесты-Гаты и Яшты, в основе которых, по мнению многих исследователей, лежат проповеди исторического лица — Заратуштры (Зороастра), жившего не позднее VII в. до н. э. [21]. Проповеди содержат большой фольклорный и религиозно-мифологический материал восточноиранских народов и сведения об их территории, простирающейся от Герата до гор Паропамиза на юге, до оазиса Мерва и берегов Аральского моря — на севере. В текстах упоминаются главная река арийской Земли — Датья (которую отождествляют с Амударьей), искусственные каналы, а также обитатели этих территорий — *арии* и *тура* [22].

Историко-социальная интерпретация авестийских текстов, проделанная С. П. Толстовым, В. В. Струве, М. М. и И. М. Дьяконовыми, В. И. Абаевым, раскрыла общую картину борьбы двух хозяйственно-культурных укладов: между ариями — оседлыми земледельцами-скотоводами (разводившими преимущественно крупный рогатый скот) Дахистана, Маргианы, Согда, Бактрии, Хорезма и тура — скотоводческими полукочевыми и кочевыми племенами в низовьях и дельтах крупных среднеазиатских рек [23]. Происходили процессы нарастания кризиса первобытнообщинных отношений, зарождения классовой дифференциации общества, утверждения сильной власти как необходимого условия организации крупного ирригационного хозяйства, ставшего основой орошаемого земледелия многих среднеазиатских оазисов. В Средней Азии, как и во многих других областях древнего мира, границы ряда первоначальных государственных объеди-

[20] *Андрианов Б. В.* Опыт типологизации орошаемого земледелия и ирригации в Средней Азии и Казахстане: (Конец XIX — начало XX в.) // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 76.

[21] *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 308.

[22] *Абаев В. И.* Скифский быт и реформа Зороастра // Archiv Orientalne. 1956. Т. 24.

[23] Там же. С. 41.

нений в основном совпали с границами ирригационных систем и зон орошения в низовьях рек Атрека (Дахистан), Сурхандарьи (Бактрия), Мургаба (Маргиана), Зеравшана (Согд), нижней Амударьи (Хорезм) [24]. Ранее всего эти процессы получили развитие там, где уже сформировались протогородские цивилизации второго порядка в виде крупных населенных центров городского типа, с памятниками монументальной архитектуры, развитым металлургическим и гончарным ремеслом, сложением систем знаков, предшествующих письменности, широким распространением печатей, заметной стратификацией общества, судя по инвентарю богатых погребений [25]. Эти городские центры, возникнув на самом юге Средней Азии (Южная Туркмения, Бактрия), постепенно распространяли свое влияние на сопредельные области. Так, в IX—VII вв. в Мургабском оазисе выросли центры небольших владений и оазисы на дельтовых протоках и каналах Гапти-Акар и Гунияб [26].

Археологические исследования Хорезмской экспедиции под руководством С. П. Толстова доказали, что в VI в. до н. э. в Хорезмском оазисе с его обширными естественными и людскими ресурсами победили силы объединения скотоводческо-земледельческого населения, создалась могущественная сако-массагетская военно-демократическая конфедерация восточноиранских племен. На ее основе сложилось древнехорезмское государство с родом сиявушидов во главе [27]. Создание этого государства явилось важной предпосылкой организации крупного ирригационного хозяйства на берегах нижней Амударьи.

На нижней Сырдарье — иная картина. В среде сако-массагетских племен, обитавших здесь в середине I тыс. до н. э., и более поздних жителей низовий Сырдарьи основой хозяйства являлось не регулярное ирри-

[24] *Дьяконов М. М.* Сложение классового общества в Северной Бактрии // Советская археология. 1954. Т. 19. С. 178.

[25] *Массон В. М.* Зона раннегородских цивилизаций между Шумером и Индией // Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых исследований 1969 года. М., 1970. С. 63—66; *Аскаров А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 154.

[26] *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы // Материалы Института археологии АН СССР. 1959, № 73. С. 128.

[27] *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 42—79, 341.

гационное земледелие с крупными каналами, как на Амударье, а комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство с неустойчивым дельтовым земледелием. На этой территории долго сохранялись восходящие к эпохе бронзы особенности примитивной ирригации и пастбищного скотоводства [28].

Археологи выявили большие различия между типами поселений западной части Сырдарьинской дельты и северо-восточной (с так называемыми «джетыасарскими» крупными городищами, обитатели которых во второй половине I тыс. до н. э. и первой половине I тыс. н. э. вели скотоводческо-земледельческое хозяйство с высоким удельным весом в стаде крупного рогатого скота). Городища окружали обширные погребальные поля при полном отсутствии открытых сельских поселений, весьма характерных для более южных районов дельты Сырдарьи — для окрестностей укрепленных оседлых поселений IV—II вв. до н. э. на Жанадарье, в западной части дельты (Чирик-Рабат, Бабиш-Мула). Курганные могильники здесь располагались на возвышенных местах. Их археологическое изучение, особенно Южного Тагискена и Уйгарака (VII—V вв. до н. э.), выявило широкие связи как с южносреднеазиатско-переднеазиатским миром (бусы и импортная посуда типа Яз-III, образы льва и пантеры), так и с культурой скифо-сибирского круга (предметы в «зверином» стиле). По мнению М. А. Итиной, многочисленные археологические находки этого времени позволяют наметить различия между крупными регионами: восточной областью (Тува, Алтай, Южная Сибирь и Восточный Казахстан), скифо-сарматской европейской (западной), Приуральской савроматской и Приаральской, где «звериный» стиль саков Приаралья имеет в основном западную савроматскую ориентацию, но содержит и немало центральноазиатских черт [29].

В каждый период истории население Среднеазиатско-Казахстанской провинции представляло собой определенную культурную общность, внешние границы которой, однако, не были стабильными: то они соединяли в эпоху бронзы и раннего железа сако-скифский мир от Причерноморских степей до Центральноазиатских нагорий и пустынь, то продвигались далеко на юг (при ахеменидах, кушанах и позже, в период арабских завоеваний) в

[28] *Андрианов Б. В.* Роль ирригации... С. 78.
[29] *Итина М. А.* Хорезмская экспедиция... С. 10.

Афганистан и Северную Индию, то связывали в тесный узел евразийские торговые коммуникации «шелкового пути» от Европы, Малой Азии до Китая, то вновь заходили далеко на север и северо-запад, объединяя в раннем средневековье Среднюю Азию с Поволжьем, Причерноморьем и Западной Сибирью (племенные союзы и ранние государства кочевников кимаков, кыпчаков, хазар и др.). Установление в XIX в. государственной границы Российской державы на юге (от устья Атрека, верховьев Пянджа, Памира и Джунгарского Алатау) способствовало превращению этого территориально-политического рубежа в очень важный историко-культурный рубеж нового времени.

В этом историко-географическом континууме на протяжении истории складывались процессы взаимодействия не только двух основных хозяйственно-культурных типов — оседлых пашенных земледельцев (с ирригацией) и скотоводов-кочевников, но и целого ряда переходных форм. Так, исследования периферии древнего Хорезма и особенно работы в междуречье низовий Амударьи и Сырдарьи позволили С. П. Толстову сделать вывод о формировании хозяйственно-культурных типов и выделить особый древний тип с полуоседлым комплексным скотоводческо-земледельческо-рыболовным хозяйством, который в низовьях Сырдарьи сохранился до XIX в.[30] В среде древних обитателей (сакских племен, «джетыасарцев» и более поздних скотоводческо-земледельческих племен) этого региона, обильного камышовыми пастбищами и речными протоками, не сложились политические и экономические предпосылки для создания крупного оазисного ирригационного хозяйства. Немалую роль в этом, по-видимому, сыграли местные историко-географические условия, благоприятствующие скотоводству, с одной стороны, а с другой — неблагоприятствующие развитию регулярного земледелия в условиях частых нападений кочевников (туров, позднее — гуннов, тюрков, огузов, кыпчаков)[31].

Традиции комплексного скотоводческо-земледельческо-рыболовного хозяйства сохранились у поздних оби-

[30] *Толстов С. П.* Города гузов // Советская этнография. 1947. № 3. С. 55—102; *Жданко Т. А.* Проблема полуоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана // Советская этнография, 1961. № 2. С. 53—62.

[31] *Андрианов Б. В.* Роль ирригации... С. 82.

тателей юго-восточного Приаралья — аральских узбеков, каракалпаков, что способствовало существованию у отдельных групп общинно-патриархальных порядков и родоплеменной социальной организации вплоть до конца XIX в., в то время как в оседлоземледельческой зоне развивались с глубокой древности классовые отношения, городская, торговая и ремесленная жизнь. Между зоной кочевников и оседлых земледельцев устанавливались своеобразные формы взаимного экономического приспособления, разделения труда, торгового обмена, общественно-политического и культурного взаимодействия в прямой зависимости от крупных и более мелких исторических событий, взаимоборства господствующих политических группировок, различных государственных образований и социальных сил [32]. Эти события были связаны как с внутренними социально-экономическими процессами, развивавшимися по-разному в оседлоземледельческой и кочевноскотоводческой средах [33], так и с крупными завоевательными походами (Александра Македонского, а также гуннов, тюрков, арабов, монголов, джунгаров).

Все эти события не только меняли от эпохи к эпохе политическую карту региона, но и отражались на территориальном соотношении основных земледельческих и кочевноскотоводческих хозяйственно-культурных типов. Так, в глубокой древности зона производящего хозяйства с развитым регулярным земледелием продвинулась из южных районов Средней Азии на северо-восток, на юге уже в I тыс. до н. э. сложились древнеземледельческие цивилизации, на их периферии начался сложный исторический процесс изменения хозяйства, образа жизни и форм культуры — процесс, который сопровождался не только формированием нового хозяйственно-культурного типа кочевников-скотоводов, но и начавшейся социальной стратификацией, получившей вещественное археологическое выражение в монументальных скифских и сакских захоронениях с богатейшим инвентарем (курганы Бесшатыра, Чиликты, Иссыка и др.) [34]. Этот сложный

---

[32] *Ракитников А. Н.* Некоторые особенности исторической географии земледелия и животноводства в Средней Азии // Вопросы географии: (Сб. № 50). 1980. С. 74.

[33] *Марков Г. Е.* Кочевники Азии: (Структура хозяйства и общественной организации). М., 1976. С. 278—313.

[34] *Акишев К. А.* Курган Иссык. М., 1978.

исторический процесс как бы «воспроизводился» заново в новых исторических условиях по мере проникновения на территорию Средней Азии и Казахстана все новых волн кочевников-скотоводов с востока из Центрально-азиатских нагорий. С образованием Тюркского каганата в VI в. эти миграции кочевников приобрели особенно большой размах. Они способствовали распространению тюркских языков и тюркоязычного населения в Средней Азии и Казахстане, в Восточной Европе и на Кавказе.

Сформировавшись на определенном уровне развития производительных сил, кочевое скотоводство и основанный на этой ведущей хозяйственной деятельности хозяйственно-культурный тип достиг своего расцвета в средние века, но затем началась экономическая и культурная стагнация, характерная для нового времени.

РОЛЬ НЕОСЕДЛЫХ СКОТОВОДОВ В РАЗВИТИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЕВРАЗИИ

Г. Е. Арешян *(Ереван)*

В исторической науке долгое время существует традиция — противопоставлять общество неоседлых скотоводов как варваров по отношению к городской цивилизации, основывавшейся на ирригационном земледелии. В таком подходе сказалось влияние эгоцентрических ценностных ориентаций оседло-земледельческого населения, усматривавшего в номадах носителей разрушения и дикости. В этом же проявляется и необъективность, связанная с применением одних и тех же критериев при оценке двух различных миров. Так, общепризнанные критерии уровня развития цивилизации — наличие письменности, ремесел и пр., которые позволяют понять состояние городской культуры, принципиально не применимы при характеристике уровня культуры, достигнутого различными обществами неоседлых скотоводов.

Рассматривая культурный прогресс на протяжении многотысячелетней истории, нетрудно обнаружить, что в развитии цивилизации Евразии номады играли прогрессивную роль.

В некоторых сферах деятельности неоседлые скотоводы выработали более совершенные культурные средства по сравнению с земледельцами городских ирригационных цивилизаций. Полуоседлые и кочевые скотоводы создали более совершенную систему культурной адаптации к экстремальным условиям природной среды, нежели первые цивилизации ирригационных земледельцев. В эпохи аридизации климата, когда ирригационное земледелие переживало застой или упадок, различные типы хозяйства неоседлых скотоводов позволяли эффективно использовать ограниченные природные ресурсы. Их общины были функционально более автономными по сравнению с общинами оседлых земледельцев и земледельцев-скотоводов.

Экстенсивное (с точки зрения эксплуатации природных ресурсов) неоседлое скотоводство основывалось на интенсификации индивидуального труда. Доминирующий пастушеский труд позволял освободить от производительного труда многих мужчин, что с точки зрения экономии трудовых ресурсов позволяет общества неоседлых скотоводов считать более прогрессивными по сравнению с древними цивилизациями ирригационных земледельцев. Именно это высвобождение мужской силы при образе жизни неоседлых скотоводов явилось основой становления специфических форм военной организации, которые неоднократно доказывали свои преимущества перед военной организацией оседлых земледельцев.

Темпы развития социально-экономических процессов, связанных с образованием классов, в скотоводческих обществах были выше, чем в земледельческих, что рассмотрено Б. Б. Пиотровским. Согласно его исследованиям, накопление прибавочного продукта в скотоводческих обществах происходило более интенсивно, чем в земледельческих, что вело к ускорению в нем имущественной дифференциации и классовому расслоению. В среде неоседлых скотоводов сложение классового общества предшествовало формированию государства [1].

Нам кажется вероятным, что в обществах неоседлых скотоводов на развитых этапах становления раннеклассового общества формировалась и архаическая царская

[1] *Пиотровский Б. Б.* Формы хозяйства, способствующие образованию классов и становлению государства // Возникновение раннеклассового общества: Тезисы доклада. М., 1973.

власть, возникновение которой, как известно, также предшествует образованию государства как бюрократическо-иерархической системы классового господства. В отличие от неоседло-скотоводческих обществ, становление архаической царской власти в обществах ирригационно-земледельческих идет параллельно формированию государства.

Таким образом, можно говорить о глубокой самобытности основополагающих тенденций развития как общества ирригационных земледельцев, так и неоседлых скотоводов. Несопоставимость многих параметров функционирования этих обществ наглядно проявляется и в различной направленности развития общественного разделения труда. Если для древних обществ ирригационных земледельцев характерно преимущественно внутреннее развитие, т. е. углубление внутриобщинного, внутриэтнического разделения труда, то неоседлым скотоводам свойственно преобладание тенденции развития внешнего — межплеменного, межэтнического разделения труда.

Известно также: общества неоседлых скотоводов создали системы коммуникации, которые по скорости и расстоянию передачи культурной информации были недосягаемы для всех земледельческих цивилизаций, предшествовавших образованию великих империй. Именно поэтому определенные категории культурных явлений очень быстро распространялись на огромных пространствах Евразии, населенных неоседлыми скотоводами.

Наконец, неоседлый образ жизни стимулировал миграцию населения, которая, в свою очередь, являлась катализатором этнических и, в частности, этногенетических процессов, развивавшихся особенно интенсивно в пределах контактов между неоседло-скотоводческим и оседло-земледельческим населением. В истории Евразии есть немало примеров тому, как этносы неоседлых скотоводов, переходя к оседлому образу жизни, что зачастую случалось при завоевании неоседлыми скотоводами оседло-земледельческих народов, аккультурировались в местной среде земледельческой цивилизации, но, сохраняя прежнюю этническую доминанту, ассимилировали аборигенное население. Ассимиляция могла идти в различных пределах: от ассимиляции одного лишь этнического самосознания

до поглощения субстратного языка и даже ассимиляции физического типа. Названные процессы можно наглядно проиллюстрировать фактами древней и средневековой истории Армянского нагорья и Кавказа. Так, аридизация климата вызвала в середине III тысячелетия до н. э. упадок шенгавитской (куро-араксской) оседло-земледельческой культуры раннего бронзового века и ее замену культурами неоседлых скотоводов. Ускорение социально-экономических процессов и, в частности, социальной дифференциации в среде последних привело к формированию раннеклассового общества и архаической царской власти уже к концу III тысячелетия до н. э. Инвентарь курганов конца раннего бронзового, а также среднего бронзового века свидетельствует об установлении дальних и интенсивных связей, невозможных для оседло-земледельческих обществ предшествующего периода, а также о преимущественном развитии межсоциумного общественного разделения труда. Вместе с тем частая смена археологических культур среднего бронзового века свидетельствует об интенсификации этнокультурных взаимодействий, процессов аккультурации и культурогенеза.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ НОМАДИЗМА: ИССЛЕДОВАНИЯ В БАКТРИИ

Ж.-К. Гарден *(Париж)*

Первая задача нашего исследования — подчеркнуть различие, существующее между исследованиями кочевничества, базирующимися на этнологических наблюдениях или на интерпретации исторических источников, с одной стороны, и воссозданием того же феномена на основании археологической документации по предшествующим этно-историческим данным — с другой. Мы стремимся связать археологическое изучение кочевничества вообще (причем Центральная Азия является лишь одним из рассматриваемых участков наряду с другими) с одним из направлений этой науки, развивающейся се-

годня[1] и завтра[2] и ставящей своей задачей уяснить обоснованность тех привнесений, которые появляются благодаря материальным памятникам, их роли в воссоздании жизни людей прошлого.

Вторая задач заключается в том, чтобы выводы настоящего исследования проиллюстрировать на нескольких конкретных примерах, относящихся к региону Центральной Азии и базирующихся на археологии Бактрианы, где ссылки на кочевников под разными наименованиями постоянны на протяжении всей истории. Изученные конкретные случаи, однако, послужат не только иллюстративным материалом: они наведут на два-три точных вопроса исторического и антропологического порядка. Возможно, есть исследователи, которые будут в состоянии дать на них ответы, но автору они пока не ясны.

Теоретическое введение. Археолог, занимающийся поисками следов кочевничества общественных структур прошлого, пользуется характеристиками этого явления, которые он сознательно или несознательно черпает в работах антропологов или историков. Они же, в свою очередь, сделали это явление одним из предметов своей специализации. Термины «антропологи», «антропология» берутся здесь в самом общем смысле, охватывая этнологию, социальную антропологию, культурную антропологию и т. д. В самом деле, в этом случае, как и в других, археология — лишь ветвь исторической антропологии, самобытность которой проявляется в природе изучаемых объектов (предметы материальной культуры) и в методах, которые нацелены на коллекционирование, анализ и интерпретацию этих объектов. Однако по завершении этого процесса археолог формирует свои гипотезы, относящиеся к структуре и эволюции общества, на языке, понятном антропологу и историку.

Если воспользоваться терминологией схематизации суждений[3], можно сказать, что «окончательные предло-

[1] *Gardin J.-C.* Une archéologie théorique. Hachette. Paris, 1979. Version russe: Teoreticheskaja Arkheologija. Moscou: Progress, 1983; *Binford L. R.* Bones. Ancient men and modern myths. New York: Academic Press, 1981.

[2] *Callay A.* L'archéologie demain. Belfond. Paris, 1986.

[3] *Gardin J.-C.* Une archèologie... P. 175—184. *Idem.* Version russe... P. 166—174; *Idem.* The part of local knowledge in archaeological interpretation // *Shennan S. J.* ed. Archaeological approaches to cultural identity (sous press). 1987.

жения» (P_n) археологических построений, относящихся к кочевничеству, должны или могут быть направлены на изучение всех аспектов явления, о котором идет речь в работах по антропологии (исторической и неисторической). Например, возникает необходимость определить исходя из памятников материальной культуры (факторы ремесел, экологические факторы), правильно описанных (P_0):

а) тип кочевничества, конкретная его разновидность из числа определенных специалистами (кочевничество скотоводческое, симбиотическое, караванное и т. п.);

б) для каждого типа характеристики кочевничества в изучаемом контексте (протяженность, маршруты, ритм и т. п.);

в) характеристики и следствия социального, политического, экономического порядка в том же контексте (обмен с оседлым миром, «сегментарные» общества, патриархальные феодальные структуры и т. п.);

г) изменения, наблюдаемые во времени и пространстве в каждой из перечисленных плоскостей, и факторы, обусловливающие эти изменения.

Можно легко себе представить множество воссоздаваемых моделей, исходя лишь из элементного соотношения $(A \times B \times C) \times D$. Поднимаемая здесь теоретическая проблема касается природы умозаключений (доводов), которые убедительным образом могут привести к той или иной модели (P_n) исходя из базы археологических данных (P_0). Эта проблема затрагивает два смежных вопроса:

а) каковы в стадии археологического и палеоэкологического наблюдения (уровень P_0) показатели, дающие возможность обосновать комплекс гипотез, относящихся к типам, разновидностям, характеристикам и преобразованиям кочевничества в какой-либо из общественных систем прошлого (уровень P_n);

б) каковы логические операции, способные связать в одно целое описательные предложения (P_0) и интерпретирующие предложения (P_n), а также на какие аргументы опирается каждое из заключений $(P_t) \rightarrow (P_{t \neq 1})$ в цепочке, восстановленной между P_n и P_0 эмпирико-индуктивным путем:

$(P_t) \rightarrow (P_t + 1)$ или гипотетически-дедуктивным путем;

$(P_t) \rightarrow (P_t - 1)$ — в зависимости от конкретного случая.

Систематические исследования в этой области пока еще немногочисленны [4]. Я стремился показать на нескольких примерах, взятых из собственного опыта, необходимость в приумножении таких исследований для объяснения более фундаментальных археологических изменений, связанных с взаимоотношениями между кочевниками и оседлыми жителями Центральной Азии.

Отдельные случаи. Первый пример касается вторжения в Бактриану народностей «кочевников», которым приписывается низвержение власти греков в этой местности в середине II в. до н. э. Кратко суть проблемы сводится к следующему.

История Бактрии отмечена явлениями одного и того же порядка, начиная с самых ранних эпох, о которых известно, что тогда имело место вторжение кочевников, пришедших из казахских степей или из Северной Азии к оседлым поселениям в бассейне Амударьи. По отношению к периодам, предшествующим классической античности, единственными показателями этих миграций ввиду отсутствия памятников письменности являются археологические памятники, среди которых основную роль играют черепки сосудов (известно, сколь многочисленны в археологической литературе ссылки на «степную керамику» или на «керамику кочевников» Цетральной Азии бронзового или железного века). В самом деле, все происходит так, как если бы было возможно различать в керамическом материале: сохранились ли при раскопках и изысканиях в Бактриане чужеродные элементы, свидетельствующие о присутствии «степных кочевников» в данном регионе. С помощью этого же механизма якобы возможно обнаружить появление кочевников-завоевателей Бактрианы, как их некогда называл Тарн, на территориях, где эти кочевники обосновались в конце эллинистического периода, после своей миграции.

Однако наш случай не таков или, по крайней мере, археологические наблюдения по отношению к нему весьма неопределенны, даже и противоречивы. Проблема может быть резюмирована так.

---

[4] Примером высокого качества такой работы является статья Жильберта, посвященная перегону овец в горы и разведению скота, опубликованная в специальном выпуске журнала «Мировая археология». (см.: *Gilbert A. S.* On the origins of specialized nomadic pastoralism in western Iran // World Archaeology. 1983. Т. 13. N 1. P. 105—119).

Во-первых, можно назвать сегодня не менее 15 археологических участков, по которым археологи ссылались на следы «кочевников-завоевателей» Бактрианы в речном бассейне Амударьи: на левом берегу (в Афганистане) — большие городские участки в Бактрах и в Ай-Ханум, а также некрополь Тиля-Тепе; на правом берегу (в СССР) — обширные совокупности курганов, обнаруженные в долине притоков Окса — Кизил Аз (Ксировское захоронение около Дангара), Нарирниган (хорошо известные некрополи Бешкентской долины), Сурхандарья (по крайней мере, часть захоронений Туп-Хона) и участки на самом Оксе (захоронение Бабышов) или еще севернее в окрестностях Бухары.

Во-вторых, если рассуждать об исторической эпохе так же, как о более древних периодах, отмеченных вторжениями или миграциями кочующих народов, то в керамике, найденной на этих участках, надо отыскать следы наших завоевателей, победителей греков. Таким образом, наши современные данные в этом отношении противоречивы. Мне потребовалось бы слишком много времени, чтобы дать подробное описание, поэтому приведу лишь несколько примеров, уделив больше внимания тем, которые мне лучше известны, и непосредственно южной Бактриане.

Рассмотрим два больших городских участка, которые были заняты, совершенно очевидно, греками: Бактра и Ай-Ханум, где раскопки дали коллекцию керамических изделий, приписываемых «кочевникам-завоевателям».

Описывая кратко первую коллекцию, отметим, что в Бактрах — это сосуды, вылепленные из толстой глины, смешанной с гравием и песком. Формы малоразнообразны: в большинстве случаев закрытые вазы среднего размера. Декоративные элементы схематичны: косая насечка у края или в верхней части, зажим края, лентообразный орнамент из глины (щликера) на стенке, волнистый или дугообразный. Этот орнамент наводит на мысль о ручке, и именно ручки составляют наиболее заметную характерную черту этой коллекции. Приводя несколько примеров, стараюсь не повторять описание, но ссылаюсь на интерпретацию, предложенную мной 30 лет назад [5]. Я сближал комплекс этих отличительных черт с теми,

[5] *Gardin J.-C.* Céramiqueis de Bactres. Mémoires de la Dèlégation Archéologique Française en Afghanistan. Klincksieck. Paris, 1957. T. 15. P. 34.

что наблюдаются на сосудах сарматских племен, которые в то время пересекали Азию от Алтая к Черному морю [6]. Сходные гипотезы были выдвинуты впоследствии на основе других материалов многими советскими археологами: например, Обельченко — по поводу материалов, собранных в районе Самарканда и Бухары [7], Толстовым и Итиной — по поводу коллекции из Тегискена на Сырдарье [8], Мандельштамом — в более общем плане, но в этом же направлении, с сарматской атрибуцией [9].

Рассмотрение второй коллекции дает совершенно другую картину, она недавно отражена Бертилем Лионэ в статье сборника, посвященного памяти Ахмада Али Кохзада из Афганистана [10]. В соответствии с этой работой характерными видами керамики кочевников-завоевателей являются балки (выделанные кружки) с плоским дном из толстой глины без декоративных элементов и без приделанных ручек, таким образом, сильно отличающиеся от керамических изделий, приписываемых тем же завоевателям на участке в Бактрии.

Рассмотрим керамический материал, собранный советскими археологами в захоронениях или курганах, которые они, в свою очередь, приписывали кочевникам — победителям греков. Контраст здесь еще более поразителен: в то время как выделанная вручную керамика превалирует в описываемых коллекциях Бактр и Ай-Ханум, сосуды, обнаруженные в этих захоронениях, в основном сделаны на круге. Наиболее распространенным типом является кубок без ручки или чашка без ручки, то и другое на узкой подставке, впрочем, такие

---

[6] *Ibid.* Зам. 2.

[7] *Obe'chenko O. V.* Livandakskij mogil'nik // Istorija Material'noj Kul'tury Uzbekistana. 1961. V. 2. *Idem.* Pogrebenie Sarmatskogo tipa pod Samarkandom // Sovestskaia Arkheologija. 1967. N 1. P. 181—187; *Idem.* Kurgannye mogil'niki epokhi Kushan v Bukharskom oazisé // Communications présentées par les savants soviétiques sur l'archéologie et la culture de l'Asie centrale à l'époque kushane. Dushanbe, 1968. P. 49—51.

[8] *Tolstov S. P., Itina M. A.* Saki nizov'ev Syr-Dar'i: (po materìalam Tagiskena) // Sovestskaia Arkheologija. 1966. N 1. P. 151—175.

[9] *Mandel'shtam A. M.* Necotorye voprosy rannej istorii kushan v svete arkheologicheskih dannykh // Problemy arkheologii Srednei Azii. Leningrad, 1968. P. 67—69.

[10] *Lyonnet B.* Les Nomades et la chute du royaume gréco-bactrien: nouvelles données en provenance d'Aïkhanoum (Afghanistan du N-E) // 'A paraitre dans les Mélanges A. A, Kohzad. Académie des sciences. Kabul, 1968.

сосуды были найдены в захоронениях Бали-гисор из Ай-Ханум, относящихся к той же эпохе. Часто встречается также кувшин с эллипсовидным корпусом, маленького размера, также сделанный на круге. Оба типа сосудов обычны для гисской «оседлой» керамики эллинистического периода в Бактриане; в Ай-Ханум, в частности, их атрибуция «кочевникам», таким образом, объясняется просто археологическим контекстом, а именно захоронениями или курганами, где эти вазы были найдены. Заметное исключение представляет некрополь Ксиров в Таджикистане, где выделанная вручную керамика наиболее распространена.

Вернемся теперь к общей проблеме, поставленной в начале этого сообщения, т. е. к археологическим показателям кочевничества и, в частности, к керамическим показателям. Предположим, что мы столкнулись с совокупностью описанных находок Ай-Ханум, в Бухаре, Бактре, Ксиров, не имея никакой гипотезы относительно природы народов, которые изготовляли и использовали эти керамические изделия. У нас нет каких-либо оснований приписывать их тому же движению пастухов-кочевников родом из евразийских степей на пути к оседлости на обрабатываемых землях Бактрианы. Другими словами, керамика в этом случае, несмотря на то, что представляется на первый взгляд, не является надежным показателем этих миграций. «Несмотря на то, что представляется» — этим я хочу сказать, что все вышеприведенные атрибуции возможны, и моя цель не в том, чтобы их оспорить. Более того, крайне легко найти «объяснение» всех этих различий, которые я подчеркнул, как, впрочем, это и не преминули сделать археологи, в том числе и я сам:

1) мы наблюдаем *одно* движение народов, но проходившее в несколько потоков, в отстоящих друг от друга по времени и каждый раз отмеченных различным набором керамических изделий;

2) сами эти народы различны (скифы, сарматы, скифо-сарматы и т. п.), но объединены общим обозначением «кочевники»;

3) возможно, их образ жизни и экономический уклад различались: одни народы были еще кочевниками, другие — уже оседлыми, третьи — в процессе перехода к оседлости;

4) можно также предположить, что они использовали

различные сосуды, одни, сделанные вручную, традиционные, и, следовательно, «кочевнические», другие, изготовленные на круге, заимствованы у оседлых народов и т. п.

Эти гипотезы также вероятны, ничто не препятствует даже их комбинации. Лишь сама их множественность является лишним доводом для того, чтобы усомниться в надежности конструкций, столь частых для Центральной Азии, когда от наблюдений над керамикой переходят к гипотезам о той или иной разновидности народа с экономическим укладом кочевников, о какой бы эпохе ни шла речь [11].

Второй пример я суммирую более кратко. Речь идет об оседании тюркских или урало-тюркских народностей из Согдианы в Балийском королевстве в эпоху установления ислама. Археологическими показателями этой миграции наряду с другими являются черепки керамических изделий, собранные Марком ле Берром в ходе его изысканий в центральном Хиндукуше. Такова минимальная база в нашей реконструкции [12], которая исходит из параллелей между названной керамикой и той, что собрана советскими учеными в поселениях этой же эпохи в Согдиане (Пенджикент, Туткаул и т. п.). Таким образом, в обоих случаях речь идет о виде посуды, которую в других контекстах охотно бы отнесли к присутствию или даже «вторжению» кочевников, пришедших из степей Средней Азии: выделанные вручную изделия, сухая глина, шипы и шарики, приделанные к поверхности, типичные рисунки и т. п. Однако, если гипотеза о миграции с севера к югу от Амударьи представляется в своем роде достаточно обоснованной, этих мигрантов едва ли можно назвать кочевниками, каковы бы ни были характерные свойства их керамических изделий. Следовательно, этот пример также дает основание утверждать, что некоторые показатели, основанные на данных керамики и применяемые очень часто по отношению к доисторическим эпохам, чтобы сделать заключения о контак-

[11] *Gardin J.-C.* Migrateurs et porteurs de pots en Bactriane de l'age du Bronze á nos jours // *Barrelet M.-T.* et *Gardin J.-C.* A propos des interprétations archeologiques de la poterie. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations, 1986.

[12] *Gardin J.-C., Lyonnet B.* Céramiques et chronologie des monuments préislamiques de l'Hindukush central // *Le Berre M.* Monuments préislamiques de l'Hindukush central: Mémoires de la DAFA. Paris: Edition Recherche sur les Civilisations, 1987. V. 24. P. 97—120.

тах или конфликтах между кочевниками и оседлыми, нуждаются в более детальных интерпретациях.

Могут быть приведены и другие подобные случаи, когда вторжение различных «кочевников» в Бактриану (например, гералиты, монголы) не проявляется в том регионе этими же показателями (керамика и др.). Отсюда вытекает вывод о необходимости более подробных исследований, акцентированных на логических взаимоотношениях, эмпирических коррекциях между двумя полюсами. То есть эти исследования являются основой для археологических реконструкций кочевничества в любом из рассматриваемых аспектов [13].

В заключение подчеркну, что мы не можем всегда отрицать наличие этих теоретических направлений в современной археологии. Они прекрасно представлены в недавней работе, на которую я хотел бы обратить внимание моих советских коллег с целью ее перевода на русский язык. Речь идет о книге швейцарца А. Галлая Книга издана во Франции на французском языке под названием «Археология завтра» [14]. Работа прекрасно документирована и продумана, так что может убедить даже самых заядлых полевых археологов в необходимости принимать в расчет теоретические вопросы того типа, что я здесь затронул.

Наши исследования по применению искусственного интеллекта в археологии, которые составили предмет недавно изданной книги [15], находятся в русле направления, которое, впрочем, выходит далеко за рамки границ археологии: речь идет о медленном утверждении практической эпистемологии в гуманитарных науках [16] параллельно исследованиям, развивающимся в это же время под знаком революции познания.

---

[13] Именно методологии этих изысканий посвящено теоретическое введение настоящей работы.

[14] *Gallay A.* L'archeologie demain. Belford. Paris, 1986.

[15] *Gardin J.-C., Guillaume O., Herman P., Hesnard A., Lagrange M.-S., Renaud M., Zadora-Rio E.* Systémes experts et sciences humaines: le cas de l'archéologie. Paris: Eyrolles, 1987. (Название «практическая эпистемология» дано в недавней моей работе).

[16] *Gardin J.-C., Lagrange M.-S., Martin J.-M., Molino J., Natali-Smit J.* La logique du plausible: essais d'épistémologie pratique en sciences humaines. Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1981 (2-e editions revue et augmentee, 1987).

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КОЧЕВНИКАМИ И ОСЕДЛЫМИ ПЛЕМЕНАМИ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

Ж.-П. Дигар *(Париж)*

Постановка проблемы. Рассматривать отношения между кочевниками и оседлыми племенами в широком смысле и в пространственно-временных границах не просто. В районах севернее Восточной Африки, от Монголии до Мавритании и даже в Андах [1], есть много объектов, на которых можно исследовать этот синтез [2]. Однако похоже, что, если исследователь хочет избежать использования плоских обобщений или погружения в этнографические детали, следует ограничиться изучением одного, связанного географически и исторически, района и одной проблемой, по возможности жестко определенной.

Среди наиболее представительных районов распространения номадизма Средний Восток имеет особое значение как для изучения истории отношений кочевников и оседлых жителей, так и для вызванных этой проблемой теоретических дебатов. Многие эпизоды истории этого региона — например, неолитизация [3], основание античных государств [4], великие завоевания и средневековая «бедуинизация», [5] современное возникновение оседлых поселений — были иногда интерпретированы как разновидности превращений отношений между кочевниками и оседлыми племенами. Но — в этом суть разногласий по вопросу — определяющие факторы, активный принцип изменений находятся, по мнению одних, в среде кочевников, по мнению других — в среде оседлых групп. Точнее

[1] *Murra J.* Formaciones económicas y politicas del mundo andino Lima: Instituto de Estudios Peruanos. 1975.

[2] *Khazanov A. M.* Nomads and the outside world. Cambridge: Cambridge University Press (Cambridge Studies in Social Anthropology). 1984.

[3] *Cauvin J.* Les premiers villages de Suro-Palestine, du IXe au VIIIe millénaire av. J.-C. Lion: Maison de l'Orient. 1978.

[4] *Briant P.* Etat et pasteurs au Moyen-Orient ancien. Cambridge: Cambridge University Press / Paris: Aditions de la Maison des Sciences de l'Homme (Production Pastorale et Société), 1982.

[5] *Planhol X. de.* Les fondements géographiques de l'histoire de l'Islam. Paris: Flammarion, 1968.

говоря, впервые признавали у кочевников наличие военной организации, стремящейся к территориальной экспансии, способной на автономное развитие, специфической, во всяком случае, в то время как вторые видели в них только паразитарные или деградирующие формы больших государственных образований, форм, эволюция которых могла быть только результатом давления или влияния оседлого мира.

Полемика имеет основной отправной точкой работы Владимирцова, для которого «социальный режим» монголов представлялся путем оригинальным, кочевым, переходным к феодализму [6]. В то время как некоторые исследователи присоединялись к этой концепции, обнаружив даже (например, Потапов [7]) «буржуазное» видение бесклассового общества кочевников, другие, напротив, лишали его всякой способности к развитию, которое могло бы привести его своим путем к способам производства, отличным от тех, что были вокруг.

Новый аспект в дебатах проявился в двух статьях, опубликованных в начале 70-х гг. в журнале «Советская этнография» [8]. В первой из них Марков утверждал, что быстрый ритм воспроизводства скота и, следовательно, увеличившиеся возможности накопления, частного присвоения стад внутри маленьких экономически автономных социальных коллективов, постоянная потребность в увеличении пастбищ и т. д. вызвали у скотоводов раньше, чем у земледельцев, социальную интенсификацию и диверсификацию. Этот анализ резко критиковался во второй статье, в которой Лашук, подчеркивая, напротив, экстенсивный характер и элементарное техническое оснащение кочевого скотоводства, оспаривал возможность социального развития кочевников отдельно от развития оседлых обществ: они не могут быть вне «основных законов истории».

Полемика неожиданно вновь возникла в Париже в 1976 г. во время коллоквиума по вопросам изучения от-

---

[6] *Vladimirtsov B.* Le régime social des Mongols. Le féodalisme nomade. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient A. Maisonneuve, 1948.

[7] *Potapov L. P.* L'essence des relations patriarco-féodales chez les peuples nomades de l'Asia centrale et du Kazakhstan // Problémes d'Histoire. 1954. N 6. P. 73—89.

[8] *Markov G. E.* Quelques problémes de l'organisation sociale des nomades d'Asie // Sovetskaia Etnografiia. 1970. N 6. P. 74—89; *Lashuk L. P.* Le nomadisme et les lois générales de l'histoire // Sovetskaia Etnografiia. 1973. N 2. P. 83—95.

ношений между животноводством и социальной организацией [9]. Выяснилось, что в числе разногласий между неофункционалистским англосаксонским подходом и подходом французских марксистов к обществам кочевников на одном из первых мест стоял вопрос о социальном неравенстве и материальной базе. Короче говоря, первые считают, что в основе скотоводческих обществ лежит равенство [10], а проникавшая в них социально-экономическая дифференциация могла проистекать только, так сказать, из неоднородности общества в целом. Для вторых, наоборот, неравенство может быть вызвано внутренними противоречиями в среде кочевников. Как показал Бонт [11] на примере скотоводов Восточной Африки, циклы развития этих обществ в значительной мере зависят от продуктивности труда скотоводов. Учитывая ограниченность производительных сил, всякое увеличение продуктивности и вытекающее из него накопление благ может привести в скором времени к «кризису перепроизводства», который может выразиться в увеличении риска ухудшения пастбищ, падежа скота и т. д.; для разрешения кризиса требуется изменение производительных сил (например, введение земледелия, по мысли Массаи), что приведет к немедленному изменению производственных отношений.

Несмотря на свои марксистские убеждения, Хазанов [12] занимает среднюю позицию, а его выводы близки к взглядам «лагеря сторонников зависимости». Основные элементы его доказательства следующие:

1) общества кочевников-скотоводов вовсе не были автаркическими, они не смогли бы существовать независимо от оседлых племен;

2) они образовались не в результате эволюции коче-

---

[9] Equipe ecologie et anthropologie des societes pastorales (ed.): Pastoral production and society / Production pastorale et société. Cambridge: Cambridge University Press / Paris: Edition de la Maison des Sciences de l'Homme, 1979.

[10] *Evans-Pritchard E. E.* The Nuer. A description of the modes of livelihood and political institutions of a Nilotic people. Oxford: Clarendon Press, 1940; *Middleton J., Tait D.* (eds.) Tribes without rulers. Studies in African segmentary systems. London: Routledge and Kegan Paul, 1958; Gellner E. Saints of the Atlas. London: Weidefeld and Nicholson, 1969.

[11] *Bonte P.* Organisation économique et sociale des pasteurs d'Afrique orientale. Paris: Centre d'Etudes et de Recherches Marxistes (Cahiers du C. E. R. M., 110). 1974.

[12] *Khazanov A. M.* Nomads and outside world...

вых племен охотников-собирателей, но в ходе внутренней дифференциации в коллективах оседлых земледельцев-скотоводов;

3) формы социальной организации кочевников могут происходить из внутреннего взаимодействия групп скотоводов или из их отношений с окружающими коллективами, но они структурно не связаны с экономикой скотоводов, т. е. не существует социальных структур, общих для всех кочевников или свойственных только кочевникам.

До этого момента в рассуждениях нет ничего неприемлемого. Зато для того, чтобы прийти к мысли об абсолютном регулировании уровня развития экономики кочевых коллективов общим уровнем развития общества, Хазанов без колебаний вступает на путь чрезмерного упрощения или ненужного усложнения. Свидетельством тому являются его концепции о так называемой «бедности» технических систем кочевников или разделение им при анализе сегментарности кочевых коллективов на структуры асимметричные, дифференцированные, слоистые и т. д. Эти различия являются ничем иным, в конечном итоге, как замысловатыми метафорами, предназначенными для усиления факта разделения общества на классы.

Для того чтобы разобраться в вопросе, постараемся привести основные элементы общей проблемы к более простому виду. Возникают три группы вопросов, на которые необходимо ответить:

какое экономическое и социологическое содержание и какие границы, в частности, по отношению к оседлым жителям, можно признать за понятием кочевничества и общества кочевников; можно ли говорить и в какой степени о специфичности коллективов скотоводов;

какова природа и формы отношений между кочевниками и оседлыми племенами; существуют ли между ними настолько неравные отношения, что эволюция одних может быть навязана эволюцией других;

неизменны ли типичные различия кочевников оседлых племен, скотоводов-земледельцев и т. д. во всех контекстах.

От кочевничества к скотоводческим обществам. В первую очередь подчеркнем следующее: реальность, которую обозначают термином «номадизм», гораздо сложнее, чем можно было бы предположить, опираясь на

один, в основном географический, критерий — перемещение человеческих групп в пространстве.

На самом деле (во всяком случае в зоне, которая нас сейчас интересует) номадизм фундаментально связан с практикой разведения травоядных животных в районах, где засушливость в разной степени является правилом: возникает необходимость в поисках воды и сезонных пастбищ, в перемещениях животных, объединенных в стада, иногда очень крупные.

Первым следствием такого способа адаптации пространства к производственной деятельности в специфических экологических условиях является *множественность видов номадизма.* Между истинным номадизмом, который предполагает полное отсутствие постоянного места жительства и в конечном итоге даже понятия территории (как, например, у племени регибат на западе Сахары), и настоящей деревенской оседлостью существует в зависимости от среды (полупустыня, степь, горы) и видов скота (дромадеры, верблюды, быки, мелкий скот, смешанный скот) бесконечно много промежуточных форм. Это — полуномадизм (между несколькими местами жительства), полуоседлость (в течение только части года), вертикальный номадизм (между пастбищами, расположенными на разной высоте), непериодический номадизм и т. д.[13] Тщательное разделение должно быть установлено между номадизмом, который, какую бы форму он ни принял, предполагает перемещение всей рассматриваемой группы людей и перегон скота в горы, при котором животные, принадлежащие в основном оседлому населению, сопровождаются лишь несколькими охраняющими их лицами.

Всегда в интересующей нас сейчас зоне номадизм присущ «сегментарным» обществам, т. е. обществам, в которых распределение людей между группами регулируется принципом однолинейной родственной связи, родовой связи в крайнем случае, с преимущественными браками с родственницами из боковых родственных линий. Такой тип родственной связи и способ заключения браков вместе с правилом совместного общинного жи-

[13] *Planhol X., Rognon P.* Les zones tropicales arides et subtropicales. Paris: Armand Colin, 1970; *Digard J.-P.* Problèmes de terminologie et de typologie des déplacements de nomades // Séminaire sur les structures d'habitat: circulation et échanges, déplacement et séjour. Paris: Collége de France, 1983. P. 187—197.

тельства приводит к расслоению рода на «сегменты» и все больше и больше к структуре из составных элементов, число которых возрастает при переходе от наиболее широкого коллектива — племени, к более мелким, семейным ячейкам. В классических трудах по антропологии скотоводческих обществ[14] (вслед за работой Эванса, Притчарда, 1940) акцентируется очень специфический способ поддержания внутреннего порядка и политической стабильности в сегментарных системах: способ уравновешенного противопоставления структурно эквивалентных единиц (сегментов или групп сегментов рода). В соответствии с этими трудами такой способ управления всегда будет противостоять возникновению облеченного большой властью совета по управлению племенами и сообщит сегментарной системе фундаментальный элемент «равенства».

Еще одной доминантной чертой большинства рассмотренных скотоводческих обществ является особенное сочетание форм организации частной жизни и форм организации общественного производства, характеризующееся соответственно частным присвоением стад и коллективным владением пастбищами: первое гарантирует автономность семьи, внутри которой передаются скот и рабочая сила; второе делает возможным гибкое и единообразное использование природных ресурсов и укрепляет единство племени. Это положение «коллектива в себе», основанное сначала на всем производстве на уровне надстройки, и «коллектива в производстве» побудило провести сравнение эволюции коллективов скотоводов-кочевников с «германской формой» трансформации первобытного общества, описанной Марксом в «Grundrisse»[15].

Под общим и расплывчатым термином «номадизм» понимается взаимодействие комплексных, но составляющих единое целое экологических, экономических и социальных сил, которые бессмысленно было бы рассмат-

---

[14] *Evans-Pritchard E. E.* The Sanusi of Cyrenaica. London: Oxford University Press, 1961; *Lewis I. M.* A pastoral democracy. A study of pastoralism and politics among the Northern Somali of the Horn of Africa. London: Oxford University Press, 1961; *Cunnison I.* Baggara Arabs. Oxford: Clarendon Press, 1966; *Cole D. P.* Nomads of the nomads. The Al Murrah Bedouin of the Empty Quarter. Chicago:Aldin, 1975.

[15] Equipe ecologie ... P. 3—7.

ривать иначе, чем через двойную призму скотоводства и родовой организации. Несмотря на возможные варианты[16], именно соединение способа производства с особенной социальной организацией в данной географической среде породило специфику скотоводческого кочевничества. Это соединение не случайно, но и произошло не автоматически; вытекающие из него реальные особенности не безграничны.

Два взаимодополняющих мира. Оседлая жизнь, которой присуще наличие сел и городов, где население делится на земледельцев и ремесленников, купцов и администрацию, не менее разнообразна и сложна, чем жизнь кочевников. Между жителями оседлыми и кочевниками нет непроходимой пропасти, наоборот, существует множество связей, наслоений, обменов.

Отметим, прежде всего, демографический обмен. Известно, что уже Ибн Халдун писал об этом: пустыня — это необыкновенный генератор жизни[17]. Ту же мысль подтверждают Планоль и Рот[18]. В результате относительной неприкосновенности, рассеяния на громадной территории кочевники испытывают постоянный демографический излишек по отношению к возможностям среды; от этого происходит центробежное движение более или менее постоянного населения, образуется настоящий предохранительный клапан, через который лишние люди оттесняются к возделанным полям[19]. Но такая форма оседлости, затрагивающая в основном обедневших кочевников, не может рассматриваться как последняя стадия необратимого ослабления или распада кочевничества. Напротив, она является одним из условий его выживания. Плюс к тому — периоды экономических и политических кризисов могут привести к массовому обращению крестьян в кочевников: средневековая «бедуинизация» турецко-иранского мира является самым

[16] *Barrou J., Bonte P., Digard J.-P.* Etudes sur les sociétés de pasteurs nomades // I. Sur l'organisation technique et économique. Paris: Centre d'Etudes de Recherches Marxistes (Cahiers du C. E. R. M., 109), 1973.

[17] Ibn Khaldoun A. Prolégoménes / Trad. de Slane. Paris: P. Geuthner, 1958. P. 1. P. 177—183. P. 2. P. 386—391.

[18] *Planhol X. de.* Les fondements... P. 15; *Roth E. A.* The demographic study of pastoral peoples // Nomadic peoples. 1986. N 20. P. 63—76.

[19] *Barth F.* Nomads of South Persia. The Basseri tribe of the Khamseh confederacy. Oslo: Universitetsforlaget / London: Allen and Unwin / New York: Humanities Press (1961). 1964. P. 113—121.

наглядным тому примером [20]. Современная аграрная политика и насаждение оседлости, при которых животноводство в некоторых случаях приносится в жертву производству растительной продукции, хотя и с меньшим размахом, тоже имеют иногда в виде косвенного и на первый взгляд парадоксального эффекта локальное возвращение к кочевничеству групп населения, которые особенно сильно почувствовали нехватку продуктов животноводства [21]. В большинстве случаев новые кочевники или недавние оседлые поселенцы сохраняют связи со своими родными племенами и играют в новом коллективе роль привилегированных торговых и политических посредников [22]. Такая проницаемость для людей границ между кочевничеством и оседлостью может принять множество других форм, в частности сезонных: нередко номады используют, например, периоды затишья в своей пастушеской деятельности (чаще всего зимой) для того, чтобы продать свою рабочую силу на полях или, как в последние годы, на соседних стройках.

Наслоение в пространстве образа жизни кочевников и оседлых жителей является дополнением и в некоторой степени условием циркуляции людей. Кочевое скотоводство — большой поглотитель пространства, захлестывающий когда только можно территории земледельцев: поля, оставленные последними под паром, представляют для кочевников в период высыхания степи дополнительные, очень ценные пастбища; неудобства (порча посевов), которые иногда может нести с собой такой тип вторжения, компенсируются естественным удобрением, втаптываемым животными в землю, что очень ценится крестьянами. Такой обмен услугами часто приводит к связям неслыханной сложности [23] и способствует в нормальной («мирной») ситуации ослаблению напряженности в отношениях между двумя общностями.

---

[20] *Planhol X. de.* Les fondements... P. 209.

[21] *Naaman A.* Le pays de Homs (Syrie) // Thése de Doctorat és-Lettres et Sciences Humaines. Paris: Université de Paris, 1951. P. 156; *Papoly-Yazdi M.-H.* Le nomadisme et la semi-nomadisme dans le nord du Khorâssân (Iran) // Thése de Doctorat ès-Lettres et Sciences Humaines. Paris: Université de Paris-Sorbonne. 1983.

[22] *Bart F.* Le nomadisme dans les montagnes et sur les hauts-plateaux de l'Asie du Sud-Ouest // Les problémes de la zone aride. Paris: U. N. E. S. C. O. (Recherches sur la Zone Aride). 1962. P. 369—385.

[23] *Naaman A.* Le pays de Homs (Syrie)... P. 264.

Но фактором, еще в большей степени определяющим, чем циркуляция людей, наложение в пространстве или обмен услугами, является обмен благами. Уже подчеркивался характер экологической адаптации скотоводства как способа завоевания особой среды [24], однако его превосходство над оседлой жизнью при равном техническом вооружении стоит того, чтобы на нем остановиться. По мнению Барта, «не существует способа, позволяющего более эффективно использовать сезонные пастбища, чем тот, который лежит в основе адаптации кочевников» [25].

Эта адаптация и ее эффективность существуют не без некоторых противоречий, которые иногда дорого стоят кочевникам. С одной стороны, кочевое скотоводство является основным, если не исключительным видом деятельности практикующих его групп: скот — основа их экономики и центр всех их забот. Следовательно, эта чрезвычайно развитая специализация приводит пастухов к необходимости добывать себе в других коллективах значительную часть необходимых продуктов питания, причем обычно большую часть продуктов (кроме молока, мяса, добытого на охоте, и собранных растений); кое-что из одежды и почти всю домашнюю утварь, в особенности металлическую. С другой стороны, изменения в продуктивности скота кочевников, которые представляют постоянную угрозу для и без того непрочного экологического равновесия, заставляют пастухов, чтобы не перегружать пастбища, регулярно сбывать на сторону большую часть прироста своих стад. Сейчас чаще всего устраивают раз в год продажу необязательных для воспроизводства самцов для забоя, что является для кочевников почти единственным способом экспорта и основным источником денежного дохода. Иногда они сопровождаются перемещениями всего каравана и торговлей топленым маслом и шерстью (если женщины не ткут из нее ковры и полотнища для палаток и одежды). Другое решение состоит в обращении излишка скота в земельную собственность (участки для земледелия или строительства); будучи первым этапом процесса оседлости, на сей раз через обогащение, эти инвестиции являются также источником потенциальной торговли для тех, кто,

---

[24] *Digard J.-P.* Histoire et anthropologie des sociétés nomades // Annales: Economies, Sociétés, Civilisations. 1973. 23(6). P. 1425.
[25] *Bart F.* Le nomadisme dans... P. 383.

наоборот, из-за разорения вынужден оставить кочевую жизнь.

Изучая различия между кочевниками и оседлыми племенами, следует обращать внимание не на формальную противоположность двух способов существования в пространстве, а на форму «производственной специализации («produktive spezialisierung») [26] и широкого специального разделения труда, учитывая ту особенность, что «речь идет не об интересном феномене расчленения единой культуры и единого уровня развития орудий труда, но о различных технико-экономических системах, связанных экономически, но разделенных на две социальные основы, не связанные общим происхождением» [27].

Кочевники и оседлые жители лицом к лицу: от взаимопомощи к враждебности. Если, *«с точки зрения экономической структуры...* можно рассматривать элемент кочевничества и элемент оседлости как простые профессиональные объединения, существующие внутри общей экономической системы» (курсив мой. — *Авт.*), представляется неточным обозначение их взаимоотношений термином «симбиоз» [28] или также взятым из словаря науки о психологии поведения животных термином «мутуализм» [29]. Дело в том, что этими двумя словами обозначают ассоциацию длительную и взаимовыгодную, сопровождающуюся прежде всего независимостью обоих партнеров [30]. Однако, если кочевники и оседлые жители экологически и экономически дополняют друг друга, они уже независимы и *не могут в равной степени получать выгоду от сотрудничества* [31]. Их отношения помещаются между двумя крайними полюсами, роль которых

[26] Institut für orientforschung: Das Verhältnis von Bodenbauern und Viehzüchtern in historischer Sicht. Berlin: Akademie-Verlag, 1968.

[27] *Leroi-Qourhan A.* Le geste et la parole: technique et langage. Paris: Albin Michel, 1964. P. 235.

[28] *Digard J.-P.* A propos des aspects économiques de la symbiose nomades-sédentaires dans la Mésopotamie ancienne // *Silva Castillo J. (ed.)*. Nomads and sedentary peoples. México: El Colegio de México, 1981. P. 13—23.

[29] *Bates D. Q.* The role of the state in peasant-nomads mutualism // Anthropological Quarterly. 1971. 44 (3). P. 109—131.

[30] *Odum E.* Fundamentals of ecology. Philadelphia: Daunders, 1959.

[31] *English P. W.* Urbanites, peasants and nomads: the Middle Eastern ecological trilogy // Journal of Geography. 1967. N 67. P. 54—59.

играет, с одной стороны, относительно гармоничный синтез двух коллективов (в случае, например, «предфеодализма» монголов[32]), с другой — близкое соседство двух различных сущностей, всегда дополняющих друг друга экономически, но социально закрытых друг для друга и поддерживающих отношения неравного обмена и «более или менее регламентируемой враждебности»[33].

В этом последнем случае к описанному выше передвижению людей, обмену услугами и благами прибавляется (или замещает их) положение более или менее острого соперничества двух коллективов. Соперничество проявляется в вопросах контроля за рабочей силой средствами производства и распределения продуктов и может привести к войне и покорению и (или) установлению, в основном кочевниками, различных форм социально-экономического порабощения: наложение на погонщиков верблюдов и крестьян «братских налогов», вымогательство дани, взятие заложников или рабов и т. д.

Превосходство крупных кочевых племен в критические моменты взаимоотношений между кочевниками и оседлыми жителями — факт общеизвестный[34] и был проиллюстрирован в крупном масштабе на Среднем Востоке завоеваниями монголов, турок, арабов[35] и даже (хотя и в меньшей степени) варваров[36]. Превосходство достигается многими факторами, степень значения каждого из которых является предметом особых дискуссий. В первую очередь отметим технический фактор. Точно известно, со времен опубликования работ Досталя об Аравии и Серени о евроазиатских степях[37], как совершенствование техники случки дромадеров и лошадей

---

[32] *Vladimirtsov B.* Le régime social...

[33] *Briant P.* Brigandage, dissidence et conquête en Asie achéménide et hellénistique // Dialogues d'Histoire Ancienne. 1975. N 2. P. 163—258.

[34] *Nelson C.* (*ed.*). The desert and the sown: Nomads in the wider society. Berkeley: University of California, Institute of International Studies (Research Series, 21). 1973.

[35] *Planhol X. de.* Les fondements...

[36] *Briant P.* Etat et pasteurs...

[37] *Dostal W.* The evolution of Beduin life // *Gabriely F.* (*ed.*). L'antica societa beduina. Roma: Centro di Studi Semitici (Studi Semitici, 2). 1959. P. 11—34; *Sereni E.* La circolazione etnica e culturale nella steppa eurasiatica. Le tecniche e la nomenclatura del cavallo // Studi Storici. 1967. N 3. P. 455—533.

благоприятствует оптимизации адаптации кочевников и контролю за большими территориями.

Не следует все же сводить проблему к простому обладанию инструментами превосходства кочевников над оседлыми жителями. Суть поставленного здесь вопроса — в определении природы технических систем кочевников. Недавние работы показывают, что «формула техники» кочевого скотоводства [38] — формула интегрированная и сплоченная во всех вариантах, порождающая технически сложные системы [39]. Эти работы показывают, что в противоположность часто высказываемому мнению собственные возможности обновления техники у кочевников весьма значительны, в частности, в области «одомашнивания».

Со времени начала использования природного рефлекса лактации животных [40] вплоть до создания гибридов (верблюды-дромадеры, быки-яки), позволяющих удовлетворить требованиям к продуктивности и способности занимать немного пространства [41], примеров тому множество. Технический динамизм номадов превращается в поразительно трудное привыкание к новым ситуациям. Хотя, когда необходимо приспособиться к требованиям рынка, кочевники могут намного перенести сроки стрижки овец, как это делают в племени Иорук в Турции [42] или бахтиары в Иране [43], или, еще лучше, сроки воспроизводства, как в племени Сасаван в Иране [44],

---

[38] *Bonte P.* La'formule technique'du pastoralisme nomade // *Barrau J., Bonte P., Digard J.-P.* The exploitation... P. 40—50.

[39] *Digard J.-P.* Techniques des nomades Baxtyâri d'Iran. Cambridge: Cambridge University Press / Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme (Production Pastorale et Société), 1981.

[40] *Amoroso E. C., Jewell P. A.* The exploitation of the milk ejection reflex by primitive peoples // *Mourant A. E., Zeuner F. E. (eds.).* Man and cattle. London: Royal Anthropological Institute. 1963. P. 126—137.

[41] *Planhol X. de.* Caracteres généraux de la vie montagnarde dans le Proche-Orient et dans l'Afrique du Nord // Annales de Géographie. 1962. N 71 (384). P. 113—130; *Tapper R.* One hump or two? Hybrid camels and pastoral cultures // Production Pastorale et Société. 1985. N 16. P. 55—69; *Ekwall R. B.* Fields on the hoof. Nexus of Tibetan nomadic pastoralism. London: Holt, Rinehard and Winston. 1968.

[42] *Bates D. G.* Differential access to pasture in a nomadic society: the Yörük of Southeastern Turkey // *Irons W., Dyson-Hudson* (eds.). Perspectives on nomadism. Leiden: E. J. Brill. 1972. P. 48—59.

[43] *Digard J.-P.* Techniques des nomades...

существует формальное опровержение, противопоставляемое всем, кто обвиняет[45] в «натурализме» скотоводческое кочевничество. Впрочем, труды по археологии, такие, как работа Лесника об Индии[46], позволили уже установить степень относительности «архаизма» скотоводов в сравнении с соседствующими с ними земледельцами той же эпохи. Еще одним доказательством динамизма пастухов является рассеяние в среде крестьян техники выращивания скота и переработки животноводческой продукции[47], так же, как и техники случки и видов военного оружия. Достаточно посмотреть, например, труды Фелдеса, Яна и Синора, Винерона и т. д., посвященные разбору этих важных вопросов, для того, чтобы увидеть, насколько можно продлить перечисление[48].

Превосходство кочевников над оседлыми жителями в некоторых критических ситуациях имеет, кроме названных, еще и социальные причины, всю их совокупность можно разделить примерно на три группы, элементы которых могут проявиться как поочередно, так и одновременно.

Первая группа проявляется в генеральной тенденции кочевников к территориальной экспансии, тенденции, которая происходит из соединения экологических противоречий — высокой скорости прироста поголовья в стадах[49], требующей прироста площадей пастбищ, — и

---

[44] *Schweizer G.* Nordost-Azerbaidschan und Shah Sevan-Nomaden // Strukturwandlungen in nomadisch-beüerlichen Lebensraum des Orients. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1970. P. 81—148.

[45] *Lashuk L. P.* Le nomadisme...

[46] *Leshnik L.* Pastoral nomadism in the archaeology of India and Pakistan // World Archaeology. 1972. N 4. P. 150—166.

[47] *Digard J.-P., Planhol L., Bazin L.* Eléments turcs dans le vocabulaire pastoral Baxtyâri // Production Pastoral et Société. 1982. N 11. P. 5—11.

[48] *Földes L.* (*ed.*). Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Budapest: Akademi Nauk. 1969; *Jahn K., Sinor D.* (*eds.*). Proceedings of the VII th meeting of Permanent International Altaistic Conference // Central Asiatic Journal. 1965. N 10 (3—4). P. 141—338; *Vigneron P.* Le cheval dans l'Antiquité. Nancy: Annales de l'Est. 1968. V. 2.

[49] *Dahl G., Hjort A.* Having herds. Pastoral herd growth and household economy. Stockholm: University of Stockholm. Department of Social Anthropology (Stockholm Studies in Social Anthropology). 1976; *Redding Ir. R. W.* Decision making in subsistence herding of sheep and goats in the Middle East // Ph. D., Chicago: University of Michigan. 1981.

структурных особенностей быстрого роста родственных связей в сегментарной системе [50].

Вторая серия факторов определяется особенной ролью агрессивности в коллективах кочевников-скотоводов. Как только она принимает, как у бедуинов, форму набегов (ghazw) с целью кражи скота, она может быть интерпретирована как механизм перераспределения богатства между производственными единицами [51]. Можно, однако, пойти дальше и увидеть в кочевых коллективах Среднего Востока [52] (Black-Michana, 1975, вслед за Evans-Pritchard, 1970) «общества мстителей» (feuding societies), в которых месть (feud) является постоянным видом социальных отношений, проявляясь в виде насилия или угроз, так что страх агрессии меняет мотив отношений между группами. Месть является у них постоянным состоянием, которое не может (в противоположность войне — warfare) ни кончиться, ни исчерпаться; споры, примирения, сделки между противоположными партиями, какими бы частыми они ни были, всегда могут быть только хрупкой временной передышкой: именно в этом заключается основное условие существования главного элемента — страха перед агрессией. Но месть может играть свою роль лишь до тех пор, пока возможен эффективный контроль за ее проявлениями, при котором она подчиняется строгим правилам, лимитирующим предел и последствия вооруженных столкновений и цель ее — в поддержании структурного равновесия между родами и во избежание переноса обычаев одних племен в другие. Здесь можно найти «уравнительную» составляющую систем скотоводов-кочевников, вскрытую в многочисленных трудах по антропологии.

Зато — и именно здесь вмешивается последняя группа факторов — если главные действующие лица не принадлежат к одному и тому же племени или тем более к коллективам кочевников и оседлых жителей, столкнове-

---

[50] *Peters E. L.* The proliferation of segments in the lineage of the Bedouin of Cyrenaica // Journal of the Royal Antropological Institute. 1960. N 90. P. 29—53; *Sahlins M.* The segmentary lineage: an organization of predatory expansion // American Anthropologist. 1961. N 63 (2). P. 322—345.

[51] *Sweet L. E.* Camel raiding of North Arabian Bedouin: a mechanism of ecological adaptation // American Anthropologist. 1965. N 67. P. 1132—1150.

[52] *Black-Michaud J.* Cohesive force. Feud in the Mediterranean and the Middle East. Oxford: Clarendon Press, 1975.

ния радикально меняют природу и форму; они больше не знают границ и должны привести к признанию иерархического порядка между противниками, вплоть до физического уничтожения одних другими, если в этом есть необходимость. Месть переходит тогда в войну, в которой, несмотря на равенство первоначальных условий, кочевники всегда побеждают и территориальная экспансия превращается в победу. В то время как месть — это «просто момент воспроизведения данных социальных отношений» [53], регулируемых родственными или возрастными связями, война, по-видимому, является частью процессов формирования социальных классов и государства. Эти процессы могут начаться в ответ на внешние стимулы, как, например, колебания рынка, давление колониальной власти или чаще всего центрального государства. Так, большинство американских и английских историков считают, что внутренняя структура племен кочевников в разной степени зависит от уровня централизации управления [54].

Тем не менее не следует забывать важное положение, что эти стимулы являются лишь катализатором, действие которого может проявиться только в том случае, если сами коллективы скотоводов-кочевников обладают способностью ускоренного развития. В случае ослабления механизма, регулирующего отношения между сегментами, этот катализатор усиливает возникающее значительное социальное неравенство, происходящее от неравного отношения к средствам производства (животным, пастбищам, воде).

Двигатель этого развития заключается в специфике процесса разведения скота: немедленная обратимость скота (одновременно предмет, средство и продукт труда, а следовательно, стоимость) и противоречия между част-

---

[53] *Bazin J., Terray E.* (*eds.*). Guerres de lignages et guerres d'Etats en Afrique. Paris: Editions des Archives Contemporaines, 1982. P. 20.

[54] *Lambton A. K. S.* The tribal resurgence and the decline of the bureaucraty in eighteenth century Persia // *Naff T., Owen R.* (*eds.*). Studies in eighteenth century islamic history. Carbondale: Southern Illinois University Press. 1977. P. 108—129; *Garthwaite G. R.* Tribe, confederation and the state: an historical overview of the Bakhtriari and Iran // *Tapper R.* (*ed.*). The conflict of tribe and state in Iran and Afghanistan. London: Croom Helm / New York: St. Martin's Press, 1983. P. 314—330.

ными и коллективными формами сложившегося у кочевников производства [55].

Кочевники и оседлые жители в роли соседей: сходство и различия. Как ни очевидно превосходство кочевников во многих ситуациях, оно все же относительно (слово «превосходство», употребляемое здесь для краткости, используется часто неверно). На самом деле господство кочевников только в исключительных случаях привело к разрушению оседлых обществ (завоевание монголами Ирана) и ограничивалось чаще всего ассимиляцией и превращением кочевников в оседлых жителей или, по крайней мере, в правящий ими класс. На самом деле нельзя найти пример длительно существовавшего аппарата управления, состоявшего из представителей класса, вышедшего из бывших кочевников, который не распространял бы свою власть и свое влияние на значительную часть соседних оседлых деревень и не внедрился бы в них [56]. Этому в равной степени способствуют важные причины, из которых можно выделить технические и социальные факторы.

Начиная с некоторого порога возрастания, эффективность и продуктивность скотоводческих систем требуют для своего наиболее полного развития разделения средств производства и расширения поля производительных сил, в частности для земледелия. Возникает проблема хранения новых продовольственных запасов (зерновых), рассмотрение которой бросает новый свет на собственные возможности развития скотоводческих систем и отношений между кочевниками и оседлыми жите-

---

[55] *Digard J.-P.* La dynamique sociale et les facteurs de changement chez les pasteurs nomades // Production Pastorale et Société. 1978. N 3. P. 2—17; *Idem.* Le territoire comme résultat du procés de travail pastoral // Production Pastorale et Société. 1982. N 11. P. 45—53.

[56] *Digar J.-P.* Histoire et anthropologie des sociétés nomades // Annales: Economies, sociétés, Civilisations. 1973. N 23 (6). P. 1423—1435; *Fernea R. A.* Shaykh anf Effendi: Changing patterns of authority among the El Shabana of Southern. Iran. Cambridge (Mass.): Harvard University Press. 1970; *Lattimore O.* Inner Asian frontiers of China. New York: American Geographical Society. 1951; *Rosenfeld H.* The social composition of the military in the process of state formation in the Arabian desert // Journal of the Royal Anthropological Institute. 1965. N 95. P. 75—86; *Swidler N.* The development of the Kalat Khanate // *Irons W., Dyson-Hudson N.* (*eds.*). Perspectives on nomadism. Leiden: E. J. Brill. 1972. P. 115—121.

лями [57]. Раньше иногда не без некоторых оснований считалось, что необходимость перемещений человеческих коллективов является техническим препятствием при создании значительных запасов питания (или создание таких резервов считалось неудобным для групп, которые вынуждены перемещаться). Так, например, Саллинс пишет (относительно охотников-собирателей это верно), что «поиск питания настолько успешен, что в течение части дня эти люди, похоже, не знают, чем заняться. Но успех этого поиска зависит от *мобильности* группы, более или менее значительной в различных случаях, но всегда такой, при которой желание обладать благами очень быстро заглушается мыслью о необходимости их транспортировать. По правде говоря, об охотнике (кочевнике) можно сказать, что богатство для него — бремя. Поэтому очень быстро становится необходимым ограничение богатства... Собственность и подвижность находятся в противоречии» [58]. Точно так же Латтимор уверяет, что в Монголии «настоящий кочевник — это бедный кочевник» [59].

Что представляют собой кочевники на Среднем Востоке? В первую очередь, это пастухи, а скот — это благо, которое обладает способностью передвигаться самостоятельно, за неимением другого транспорта на нем перевозятся и прочие блага (у овцеводов животные — производители продуктов питания и рабочие животные обязательно перегоняются отдельно друг от друга, значительное поголовье скота не привлекается к выполнению функций транспорта). Проблема транспорта касается в основном продуктов питания растительного происхождения. А ведь, например, вертикальный тип кочевничества, встречающийся в турецко-иранском секторе, далекий от роли тормоза земледелия, имел скорее тенденцию содействовать земледелию в той степени, в какой оно позволяет кочевникам использовать два поля: одно — для выгона скота на летнее пастбище, другое — для зимнего выгона скота (в то время как крестьяне пользуются

[57] *Digard J.-P.* Note sur les rapports entre techniques de conservation du grain et structures sociales chez les nomades Baxtyâri d' Iran // *Gast M., Sigaut F.* (*eds.*). Les techniques de conservation des grains à long terme. 1. Paris: Edition du C. N. R. S., 1979. P. 185—189.

[58] *Sahlins M.* La premiére société d'abondance // Les Temps Modernes. 1968. N 24 (268). P. 654—655.

[59] *Lattimore O.* Inner Asian... P. 76.

всегда только одним). Если, несмотря ни на что, запасы остаются недостаточными, как это бывает в большинстве случаев, это происходит не столько из-за недостаточности технических средств, имеющихся для их транспортирования, сколько из-за отношений по поводу производства и, в частности, условий присвоения земли, на которой может развиваться земледелие, отношений, которые исторически неблагоприятны для кочевников. Для тех, кому благоприятны производственные отношения и кто имеет доступ к плодородным землям, реальным препятствием является транспорт, но он не лимитирует объем хранения, а усложняет техническое решение консервации и накопления по возможности в наилучших условиях.

Итак, единственное условие выживания крестьян — предоставить достаточные гарантии против разрушения запасов, их расхищения и т. д. Можно было бы даже сказать, что с нашей точки зрения техническая эффективность некоторых видов кочевничества не может выразиться в полной мере и представляет лишь ограниченный интерес для тех, кто ею увлекся, если не изучать тыловую, в некоторой степени, поддержку, оказываемую ему оседлым миром. Другими словами (и для того, чтобы проиллюстрировать на конкретном примере), некоторые кочевники Ирана и Афганистана могут пользоваться преимуществом двупольной системы только в той мере, в какой они могут располагать стационарными помещениями для постоянного хранения урожая, охраняемыми в их отсутствие остающимися на местах семьями. На самом деле это условие и зависимость, в которую оно ставит кочевников по отношению к крестьянам, мало что значит по сравнению со временем, затратами труда и технических средств, которых потребовало бы постоянное траспортирование продовольственных запасов. В этом, однако, заключается еще один ключ к воспроизводству кочевничества, поддерживаемому оседлым населением, а также дополнительный мотив настойчивости племенной элиты в вопросе расширения своего влияния за пределы границ своих владений.

Описанный процесс идет не без трудностей и потерь, так как вожди кочевников должны преодолевать ограничения, которые ставит им родовая организация, и брать свои дистанции со своей начальной социальной базы. Древность процесса подтверждается анализом ве-

ликого Ибн Халдуна, не считая других свидетельств, например Лакоста: «в то время как он (старейшина) спекулирует на дружеских связях, которые для него создает родовая организация, он будет стараться разрушить эту политическую структуру, которая стала важным препятствием для установления действительной абсолютной монархии» [60]. Переход от теории к практике требует от элиты кочевников большой «политической работы» по манипулированию родовыми связями и правилами игры в отношениях между сегментами, что хорошо иллюстрирует понятие «дом», принятое Леви-Страусом из истории европейских Средних Веков для объяснения социальной организации квакуитлей: «На всех уровнях социальной действительности, от семьи до государства, дом — это институт, позволяющий собрать силы, которые в любом другом месте кажутся абсолютно взаимоисключающими в силу своей противоположной ориентации. Патриархат и матриархат, перемена мест жительства и оседлость, гипергамия и гипогамия, близкий и дальний брак, племя, род и отбор — все эти понятия, которые обычно служат этнологам для определения различных известных типов обществ, объединяются в доме, как если бы дух (в понимании XVIII в.) этого заведения вселял во все области общественной жизни теоретически несовместимые принципы. Вкладывая, если можно так сказать, «два в одно», дом выполняет роль фактора, поворачивающего явление от внутреннего к внешнему, он заменяет внутреннюю двойственность внешним единством» [61]. И тот же автор пишет далее: «Для того, чтобы интерпретировать систему (дом), следует прибегнуть к гипотезе скрытого конфликта между индивидуумами, занимающими некоторое положение в социальной структуре... Эти конфликты как бы вложены один в другой, и двусмысленные решения, которые общество им всегда находит, происходят в конечном счете из одинакового состояния, при котором интересы политические и экономические, которые претендуют на завоевание социального поля, не встали еще на путь «старых кровных связей» — как говорили Маркс и Энгельс. Для самовыражения и воспроизводства эти интересы неиз-

[60] *Lacoste Y.* Ibn Khaldoun. Paris: Maspero, 1973. P. 153.

[61] *Levi-Strauss C.* L'organisation sociale des Kwakiutl // La voie des masques: Edition revue, augmentée, et rallongée de trois excursions. Paris: Plon, 1979. P. 188—189.

бежно должны перейти на язык родственных связей, хотя он им чужд, ничем другим они не могут пользоваться. И также неизбежно они разрушают его»[62]. Так было, например, с местью: находясь на службе у старейшин для поддержания политической стабильности внутри племени, она в то же время в силу своих законов явилась препятствием для перехода к классовой структуре или к первобытно-общинному государству. Поэтому у них возникла необходимость в одновременном использовании противоречащих друг другу принципов мести и войны: в зависимости от ситуаций и цели они могут преступать одни во имя уважения к другим и переходить таким образом от одной структуры (родовой) к другой (государственной), продолжая перед своими соплеменниками изображать существование в рамках первой структуры.

На этой стадии анализа имеет небольшое значение, кто кого покоряет — кочевники оседлых или наоборот, поскольку над всеми стоит государство. Однако, где бы ни были его истоки и на кого бы оно ни опиралось, государство всегда, рано или поздно, заставит стать крестьянином или горожанином. К тому же под наиболее совершенной классовой формой государство усугубляет различия в образе жизни, но своей эффективностью в качестве инструмента «организации производства в масштабе всего общества» (Gesellschaftliche Gesamtproduktion)[63] оно обязано не одному классу, а возможности контролировать межклассовые различия. Политики — сторонники оседлости, которые надеются на радикальное изменение социальной структуры кочевников, не должны обманывать себя: кроме всех последних десятилетий она показала себя более дорогой, чем эффективной; раньше, за редким исключением (Оттоманская империя), обращение к ней никогда не выходило за пределы декларации принципа и должно рассматриваться в связи с временной невозможностью заинтересованных государств контролировать в широких масштабах эволюцию отношений между кочевниками и крестьянами.

Чаще всего центральная власть господствует над кочевниками, отбрасывая их на второстепенное положение

---

[62] *Ibid.* P. 190—191.

[63] Institut für orientforschung...

и подавляя идеологически [64]. При этом с ними устанавливаются дружественные отношения, отвечающие форме эксплуатации (предоставление людей в армию и т. д.), более гибкой и лучше приспособленной, если можно так сказать, к частному случаю скотоводов, чем отношения в племени, основанные на прямом вымогательстве у крестьян, например, рабочих рук и благ. В равной степени следует остерегаться неправильных интерпретаций, вызванных кажущимся автономным положением коллективов в государстве. Принижение образа жизни кочевников властями, выражающими интересы оседлых жителей, еще и сегодня проявляется, в частности, в обозначении их мало приятными словами «разбойники», «дикари», «варвары» и т. д. и может иногда отражать идеологию завоевания и оседлости [65]; но еще чаще является точным отблеском реальных социальных структур и доказательством постоянно существовавшего в истории подавления как принципа и основы практики при экономической и политической ассимиляции кочевников-скотоводов в обществе, за неимением других способов их покорения [66].

Выводы. В наших выводах мы хотим сделать предостережения. Статья была написана с целью представления некоторых текущих дискуссий об отношениях между кочевниками и оседлыми группами. Мы не проводили (и не следует проводить) никаких аналогий. Такой метод, ловушки и границы которого были уже много раз описаны [67], еще труднее применять к кочевникам-скотоводам, чем к другим группам. Похоже, что прошли уже те времена, когда кочевники рассматривались (так

---

[64] *Pastner S.* Ideological aspects of nomad-sedentary contact: a case from Southern Balucistan // Anthropological Quarterly. 1971. N 44 (3). P. 173—184.

[65] *Briant P.* Brigandagé, dissidence...

[66] *Ahrweiler H.* Le nomadisme et les nomades á Byzance et face á Byzance, communication au colloque international du C. N. R. S. // L'acculturation turque dans l'Orient et la Méditerranée. Paris, 1975; *Cassin H.* Le semblable et le différent: Babylone et Israël // *Pollakoff L.* (*ed.*). Hommes et bêtes. Entretiens sur le racisme. Paris: Mouton, 1975. P. 115—127; *Digard J.-P.* Montagnars et nomades d'Iran; des «brigands» des Grecs aux «sauvages» d'aujourd'hui // Dialogues d'Histoire Ancienne. 1975. N 2. P. 263—273.

[67] *Bromberger C., Digard J.-P.* L'ethnoarchéologie: le point de vue d'ethnologues // *Barrelet M.-T.* (ed.). L'archeologie de l'Iraq... Perspectives et limites de l'interprétation anthropologique des documents. Paris: Editions du C. N. R. S., 1980. P. 41—52.

же, впрочем, как и другие «примитивные» народы) как неизменные сущности, структура, культура и образ жизни которых восходят к эпохе зари человечества. Напротив, сегодня известно, что большинство обществ скотоводов-кочевников в своей современной или, по крайней мере, почти современной форме существуют не больше нескольких столетий.

Такая относительная молодость — благоприятный фактор при изучении проблем изменения и социальной динамики кочевников. Тем не менее складывается впечатление, что в большинстве трудов на эту тему авторы стоят на позициях защиты интересов оседлых групп. Мы имеем в виду, что они искали или способствовали, с одной стороны, выявлению доказательств наличия последствий мутаций кочевников в оседлых коллективах (см. исследования о великих завоеваниях), с другой — интерпретации этих мутаций как исключительного результата давления или влияния на кочевников соседствующих с ними оседлых жителей или всего общества, частью которого они являются. Короче говоря, похоже, что работы о кочевниках в ученой форме воспроизводят распространенные, но бессильные речи оседлых жителей о маргинализации кочевников; отсюда плохая постановка проблем (в недопустимых терминах), неизбежно ведущая к искривленным выводам (в которых внешние факторы скрывают внутренние).

Не оспаривая необходимость соединения изучения обществ кочевников-скотоводов с теорией развития всего общества, не отрицая влияния эволюции последнего на первое, считаем, что вопрос должен быть в том, можно ли рассматривать только в этой перспективе и на такой основе изучение отношений между кочевниками и оседлыми группами, и не придем ли мы в таком случае к упрощению проблемы, к потере значительной части данных. Мы надеемся, защищая для исследования, дорогого для этнологии, внутреннее строение различных групп, не попасть в противоположную ловушку — номадоманию, которая, несомненно, могла бы иметь все шансы оказаться такой же частной и пристрастной, как и ее конкурентка.

ТИПОЛОГИЯ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ

Н. Э. Масанов *(Алма-Ата)*

Проблема типологии кочевого хозяйства — одна из наиболее актуальных в кочевниковедческой историографии. Необходимость создания и научной разработки подобной типологии определяется не только прикладными функциями науки, задачей которых является всесторонняя классификация, систематизация и типологизация различных культурных систем и их структурных элементов, но и теоретическими аспектами проблемы, т. е. прежде всего исключительной важностью познания адаптивно-адаптационных механизмов в процессе взаимодействия природы и общества. Кочевничество, рассматриваемое в этой связи как специфическая форма адаптации человека посредством естественно-биологических по своей природе средств производства в особых экологических нишах, с одной стороны, а с другой — как специфическая форма динамического равновесия и сбалансированного гомеостаза в естественно-природных и социально-экономических процессах[1], представляет исключительную сложность в плане сравнительно-типологических исследований, порождающих целый ряд некорректных построений и недостаточно аргументированных положений. Научная значимость рассматриваемой проблемы объясняется и необходимостью всестороннего познания фундаментальных закономерностей развития общества, которые в определяющей степени влияли на многообразие форм проявления во времени и пространстве динамических систем, подобных кочевничеству. При этом проблема типологии считается узловой гносеологической категорией при разработке теоретических и ме-

---

[1] Данное понимание кочевничества было предложено нами в работах: *Масанов Н. Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX веков. Алма-Ата, 1984; *Он же.* Дисперсное состояние — всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества // Вестник АН КазССР. 1987. № 3. С. 29—39; и др.

тодических вопросов историко-этнографической науки [2].

Существующие в настоящее время типологии кочевого скотоводческого хозяйства, на наш взгляд, не отвечают тем главным требованиям, которые предъявляют современные научные исследования в области теории к типологическим схемам. «Типологический метод, — пишет А. Д. Люблинская, — предполагает доведение в историческом познании сравнительного метода до его полного и наиболее результативного выражения. Сравнению — а вслед за ним и новому исследованию — должны подвергаться не отдельные, хотя бы и важные явления и процессы, но целостные комплексы важнейших структурных компонентов. Тогда сравнение типологических объектов даст возможность вскрыть глубокие сходства и отличия и установить их постоянную или временную роль в развитии стран и континентов» [3]. Сложность типологических исследований, как это справедливо отмечалось рядом ученых, заключается в различиях между эмпирически наблюдаемыми «свойствами» (этный аспект) и культурно-значимыми «признаками» (эмный аспект), что приводит, по мнению М. В. Крюкова, к невозможности перехода от этного к эмному аспекту в рамках одной и той же типологической схемы [4].

Рассматривая типологические построения в сфере кочевого хозяйства, следует указать на то, что они носят субъективный характер и не могут выйти за пределы этного аспекта проблемы. При этом в основу типологических схем кладутся по большей части таксономически второстепенные признаки, являющиеся, как правило, внешним проявлением каких-то более глубинных комбинаций признаков, а отсюда — не все типы этнографически релевантны. В этом плане нам остается лишь констатировать исключительную множественность и противоречивость типологических построений, базирующихся

---

[2] О принципах типологизации, существующих в современной историографии, см.: *Чеснов Я. В.* О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 189—202; *Крюков М. В.* Об общих принципах типологического исследования явлений культуры: (На примере типологии жилища) // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 7—17; и др.

[3] *Люблинская А. Д.* Типология раннего феодализма и проблемы романо-германского синтеза // Средние века. М., 1968. Вып. 31. С. 9.

[4] *Крюков М. В.* Об общих принципах... С. 15—17; и др.

на весьма разнообразных сочетаниях признаков [5]. В этой связи можно указать на типологические схемы, основывающиеся на дифференциации по типам жилища (переносные, стационарные и т. д), по продолжительности и характеру кочевания, направленности и форме движения (меридиональное, вертикальное и т. п. кочевание), по видовому составу стада (наличие или отсутствие крупного рогатого скота и т. д.), по характеру хозяйственных занятий (наличие или отсутствие нескотоводческих занятий, в первую очередь — земледелия) и т. д. Следует также указать и на попытки диахронной типологии по видам кочевания: таборное, яйлажное и т. д. [6] При этом, на наш взгляд, употребляются не совсем кор-

---

[5] О существующих типологических схемах см.: *Трубецкой В. В.* Трансформация традиционной социально-экономической структуры кочевых и полукочевых племен Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки // Аграрные структуры стран Востока: генезис, эволюция, социальные преобразования. М., 1977; *Капо-Рей Р.* Французская Сахара. М., 1958; *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии ГО СССР. Л., 1961. Вып. 1. С. 2—15; *Першиц А. И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М., 1961; *Акишев К. А.* К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972; *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алма-Ата, 1971; *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972; *Никифоров А. В.* Проблемы кочевого населения Сомали // Ученые записки Советско-Сомалийской экспедиции. М., 1974; *Оразов А.* Некоторые формы скотоводства в дореволюционной Туркмении // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973; *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976; *Пуляркин В. А.* Хозяйство кочевников Южной Азии: географический очерк // Страны и народы Востока. М., 1976. Вып. 18; *Андрианов Б. В.* Неоседлое население мира и опыт его картографирования // Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978; *Курылев В. П.* Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов. (Вторая половина XIX — начало XX в.) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979; *Грайворонский В. В.* От кочевого образа жизни к оседлости: (На опыте МНР). М., 1979; *Поляков С. П.* Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С. 44—46; Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Алма-Ата, 1980; *Симаков Г. Н.* О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX — начале XX века // Советская этнография. 1982. № 4; *Андрианов Б. В.* Неоседлое население мира. М., 1985; и др.

[6] См.: *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967; *Она же.* Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей. М., 1982.

ректные понятия, как «чисто кочевой», «полукочевой», «полуоседлый», «стационарный» типы и т. д. Все эти типологии не отвечают главному требованию типологических исследований: они лишены качеств системности и всеобщности; в их основу положен лишь какой-то один, по мнению данного автора — главный, но в действительности вторичный и в известной степени формальный признак, либо комбинация произвольно подобранных признаков. Именно несовершенством методики и эмпирическим характером обусловливается множественность типологий, их противоречивость и несовместимость комбинируемых признаков.

На наш взгляд, в основу типологии кочевого скотоводческого хозяйства должен быть положен комплекс таксономически наиболее значимых и однопорядковых категорий систематики, отвечающих целому ряду критериальных условий, изофункциональных и изоморфных по своей природе [7]. При этом комбинирование типологических признаков вполне допустимо осуществлять сквозь призму какого-то одного, бесспорно, культурнозначимого, признака, отвечающего требованиям всеобщности, универсальности и вместе с тем простоты, который определяет самую возможность жизнедеятельности кочевого общества. Поскольку признание примата системы материального производства в значительной степени конкретизирует и облегчает выбор такого признака, то очевидно, что в основу типологической дифференциации должен быть положен признак-условие, в наиболее последовательной форме отражающий процесс труда и в наибольшей степени влияющий на характер системы материального производства, а следовательно, и на все стороны жизнедеятельности кочевого общества [8]. Вследствие этого встает проблема вычленения всеобще-

[7] См.: *Чеснов Я. В.* О принципах типологии... С. 189—202; *Вийрес А. О.* Принципы типологии европейских крестьянских телег: (На основе материала Советской Прибалтики) // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984; *Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И.* Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Там же. С. 19—33; *Следзевский И. В.* Земледельческая община в Западной Африке: (Хозяйственная и социальная структура) // Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978; и др.

[8] См. в этой связи: *Масанов Н. Э.* Экологические аспекты этногенеза кочевников Казахстана // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: (Тезисы докладов научной конференции по этнографии). Омск, 1984. С. 43—47; и др.

го признака-условия, качественное многообразие которого определяет дифференцирующие и вместе с тем всеобщие и универсально-системные свойства типологизируемого объекта [9].

Изучение историографии кочевого общества показывает, что имеют место излишняя «социализация» проблемы кочевничества, предание забвению экологических, биологических и экономических ее аспектов, т. е. по своей природе субстанционно-субстратных явлений базисного характера. Вследствие этого преобладают работы, в которых анализ социальной истории номадов не связан сколько-нибудь обоснованно с капитальным изучением экономической структуры общества, не основан на системном исследовании всего комплекса вопросов и носит вследствие этого преимущественно односторонний характер. В результате этого стало модным и прочно вошло в науку моделирование (по большей части надуманное) социальных процессов в кочевой среде [10]. Следствием явилось появление множества априорных суждений, постулирующих умозрительные схемы исторического развития кочевников [11]. И не случайно, что западные кочевниковеды критически оценивают достижения советских ученых в изучении номадного социума. Так, например, Андре Бурже подразделяет кочевниковедение на три основных направления: англо-саксонский функционализм, диффузионизм и марксизм. Последнему он ставит в упрек тезис об отсутствии специфического развития кочевого общества [12]. Действительно, советской историографии следует вменить в вину искусственное сближение кочевой и оседло-земледельческой моделей общественного развития.

Недостаточность исследований в сфере базисных отношений привела к тому, что взамен искусственно сконструированной концепции «кочевого феодализма»

---

[9] См. в этой связи: *Вийрес А. О.* Принципы типологии... С. 91; и др.

[10] См.: Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

[11] Историографию проблемы подробнее см.: *Першиц А. И.* Некоторые особенности классообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. М., 1976 и др.

[12] *Bourgeot A.* Le Developpement des unegalites // Production Pastorale et Societe. Paris, 1978. N 2. P. 16—17.

(академик Б. Я. Владимирцов) [13] в 50-е гг. была конституирована концепция «патриархально-феодальных отношений», предложенная, по сути дела, еще в дореволюционный период П. Румянцевым [14] и базирующаяся на противопоставлении так называемых пережиточных, иногда понимаемых как трайбалистские, патриархальных отношений (представляющих собой фактически слабодифференцированную структурную единицу социума) реально имеющему место неравенству в сфере распределения и потребления совокупного общественного продукта [15]. Иначе говоря, речь идет о таксономически неоднозначных элементах — социальной организации, главным образом ее морфологической структуре, и социально-экономических, производственных отношениях, особенно юридических отношениях собственности. Механизм их взаимодействия так и не был раскрыт и понят авторами указанной концепции, Вследствие этого она так и не вышла за рамки умозрительно постулируемой схемы. Как видно из сказанного, было предано забвению главное в марксистско-ленинской методологии — основополагающая роль общественных отношений базисного порядка, прежде всего в сфере материального производства.

В 60-е гг. исследователи под влиянием широко развернувшейся как у нас в стране, так и за рубежом дискуссии о природе докапиталистических способов производства [16] были вынуждены повернуться лицом к вопросу о правомерности сближения кочевой и оседлоземледельческой моделей общественного развития, наложения теоретической абстракции — феодализма — на социальный строй номадов [17]. Положительный поворот, наметившийся в 60-е и особенно последовательно в

[13] *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Л., 1934; и др.

[14] *Румянцев П. П.* Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 79—137.

[15] История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. Т. 1., и др.

[16] См.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966; *Качановский Ю. В.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971; *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1977; *Текеи Ф.* К теории общественных формаций. М., 1975; и др.

[17] Одним из первых указал на это Г. Е. Марков. См.: *Марков Г. Е.* Кочевники Азии: Автореф. дис. ... докт. истор. наук. М., 1967; и др.

70-е гг. прежде всего в работах Г. Е. Маркова, А. М. Хазанова и других исследователей, однако, не привел к полному отказу от классических рецептов пятичленной схемы, догматизма «Краткого курса»[18]. Во многих работах по-прежнему продолжалось абстрактное «социологизирование», основанное лишь на априорных постулатах и умозрительных заключениях[19].

В начале 80-х гг. с постепенным отходом от конъюнктурно-политиканской критики, зачастую некорректной и научно необоснованной, так называемой теории «географического детерминизма», повлекшей за собой почти полный отказ от исследований в сфере взаимодействия естественно-природных и социально-экономических процессов, стало ясно, что без исследований в сфере глобальной экологии и экологического подхода невозможно правильно понять и полноценно изучить систему материального производства[20].

Процесс труда основывается прежде всего на использовании и преобразовании человеком естественно существующих предметов и средств труда, образующих условия процесса производства, а в аграрных сферах — и средств производства, составляющих основу производительных сил и определяющих характер и направленность развития производственных отношений. Вследствие этого закономерно, что особенности и специфика процесса труда порождаются в доиндустриальную эпоху прежде всего самими предметами и средствами труда, т. е. в значительной степени окружающей средой и ее предметами. «Способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни, зависит прежде всего от свойств самих этих средств, находимых ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению»[21]. «Труд, — указывает К. Маркс, — есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором

[18] *Крадин Н. Н.* Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе: Рук. деп. ВИНИОН. 1987. № 29892.

[19] История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: Алма-Ата, 1977—1979. Т. 1—3; и др.

[20] *Анучин В. А.* Географический фактор в развитии общества. М., 1982; Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981; *Герасимов И. П.* Экологические проблемы в прошлой, настоящей и будущей географии мира. М., 1985; *Григорьев Ал. А.* Антропогенные воздействия на природную среду по наблюдениям из космоса. Л., 1985; и др.

[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 19.

человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» [22].

Очевидно и то, что в основе хозяйственно-культурной типологии (ХКТ), выдвинутой С. П. Толстовым и капитально разработанной М. Г. Левиным, Н. Н. Чебоксаровым, Б. В. Андриановым и Я. В. Чесновым [23], имеющей огромное эвристическое значение, лежит прежде всего принцип дифференциации в формах и способах трудовой деятельности в различных экологических нишах, которые объективно детерминировали специфику производственной деятельности. В этой связи значительный интерес представляет понятие «антропогеоценоз», выдвинутое академиком В. П. Алексеевым [24], под которым понимается симбиоз между хозяйственным коллективом и освоенной им территорией, а также сам коллектив в сочетании с эксплуатируемой территорией, характеризующийся рядом функциональных связей, обеспечивающих жизнедеятельность данной системы [25].

На наш взгляд, понятие «антропогеоценоз», сопоставляемое его автором с локальными вариантами того или иного хозяйственно-культурного типа, должно быть несколько уточнено, поскольку недостаточно дифференцированное применение термина «хозяйственный коллектив» приводит к смешению таких таксономически разнопорядковых категорий, как община либо индивидуальное хозяйство (в формулировке В. П. Алексеева — элементарная единица хозяйства) и социум (в формулировке В. П. Алексеева — общественные объединения, интегрирующиеся на базе хозяйственной специфики и дифференциации). В этом смысле, по-видимому, речь должна вестись не об элементарных единицах хозяйства, а о социумах, возникающих на основе хозяйственной специализации [26]. Вследствие этого антропогеоценозы

---

[22] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 188.

[23] См.: *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография. 1955. № 4. (Историографию проблемы подробнее см.: *Алексеев В. П.* Становление человечества. М., 1984. С. 348—353; и др.).

[24] *Алексеев В. П.* Антропогеоценозы: сущность, типология, динамика // Природа. 1975. № 7.

[25] *Алексеев В. П.* Становление человечества. С. 348—383.

[26] См. в этой связи: *Чеснов Я. В.* Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 109—124.

должны рассматриваться в качестве симбиоза социума и освоенной ими территории, не являющихся при этом локальными подтипами хозяйственно-культурных типов. В таком понимании антропогеоценоз может рассматриваться в качестве культурно-природного комплекса с тенденцией формирования на его базе этнической общности. Такого рода антропогеоценозами представляются, например, казахский социум, производственная деятельность которого базировалась на ведении кочевого скотоводческого хозяйства, и ареальная зона Казахстана [27], монгольский социум и территория Монголии, киргизский социум и территория Киргизии и т. п.

Отметим, что в своем современном звучании понятие антропогеоценоза таксономически не может быть сопоставлено с понятием ХКТ, поскольку в основу их выделения положены разнопорядковые критерии и признаки, структурные компоненты и системы инфосвязей. Сближение указанных понятий не представляется научно оправданным. На наш взгляд, внутри ХКТ необходимо создание своей субординированной и иерархической понятийной структуры, согласно которой, например, внутри кочевого ХКТ может быть выделен локальный вариант кочевников ареальной зоны Казахстана, Монголии, Киргизии и т. п. На базе критериев, положенных в основу выделения антропогеоценозов, должна быть создана своя иерархическая структура понятий, согласно которой, например, внутри кочевого ареала умеренного пояса Евразии и аридной зоны, обусловившей доминанту кочевого скотоводства, можно было бы выделить кочевое хозяйство казахов в ареальной зоне Казахстана и т. д.

Иначе говоря, теория ХКТ и теория антропогеоценозов несопоставимы в научном исследовании с точки зрения компаративистики, поскольку не отвечают требованиям изофункциональности. Скорее всего, их надо рассматривать как взаимодополняющие элементы экологической методики пространственно-временного познания всемирно-исторического процесса.

В аридной зоне главным условием жизни растений, животных, человека, всего органического мира является вода [28]. Течение и ход всех физиологических процессов

---

[27] О термине «ареальная зона» см.: *Масанов Н. Э.* Экологические аспекты этногенеза кочевников Казахстана. С. 43—47.

[28] *Кирста Б. Т., Кузнецов Н. Т.* Вода в пустыне. Ашхабад, 1985; и др.

определяются водой[29]. Вода — источник химических элементов, среда, обусловливающая биохимические процессы, она определяет деление и рост клеток, фотосинтез, дыхание, теплорежим, в конечном счете составляет подавляющую часть веса животных и растительных организмов[30]. «Картина видимой природы, — указывал В. И. Вернадский, — определяется водой»[31].

Исключительная и определяющая роль воды как всеобщего и универсального условия жизнедеятельности живой материи в аридной зоне в условиях засушливости и ее нехватки обусловливается тем, что ни одно биологическое существо не может сколько-нибудь продолжительное время существовать без воды. Поскольку кочевое скотоводческое хозяйство как форма специфической адаптации человека имеет место лишь в аридных зонах, то наличие или отсутствие водных источников определяет самую возможность существования кочевничества, ареал его пространственного расположения и т. д.

Иначе говоря, мы вправе констатировать первостепенную значимость водных ресурсов в жизнедеятельности кочевого ХКТ, их определяющую роль в территориально-пространственном распространении и посезонно-временном функционировании кочевого скотоводческого хозяйства. И поскольку вода — первосреда, материальная субстанция номадного хозяйства, наиглавнейший фактор его исторического существования, то мы можем положить в основу типологической характеристики кочевого скотоводства всеобщий признак-условие — воду. Динамика системы водопользования определяла внутреннюю природу номадного мира, структуру хозяйственных занятий, ритмо-режимные характеристики системы материального производства и т. д. Р. Капо-Рей едва ли не единственный из исследователей затронул проблему типологии кочевников в зависимости от характера использования водных источников[32], однако он не положил данный признак в основу типологии, ограничившись его перечислением в ряду других элементов типологической схемы.

---

[29] *Гендерсон Л. Д.* Среда жизни. М.; Л., 1924. С. 45.

[30] *Федосеев И. А., Плахотник А. Ф.* Человек и гидросфера. М., 1985. С. 4—6; *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974. С. 155—156; и др.

[31] *Вернадский В. И.* Избранные сочинения. М., 1960. Т. 4. Ч. 2. С. 614.

[32] См.: *Капо-Рей Р.* Французская Сахара. М., 1958.

Рассмотрим данную проблему более основательно. В безводных пространствах возможно лишь ограниченное по времени — продолжительности, частоте, сезону года, времени суток — пребывание людей, но постоянная и стабильная деятельность человека практически невозможна, ибо потери в водном балансе любого живого существа приводят к необратимым последствиям. В этой связи важно отметить, что в кочевой среде наличие или отсутствие воды, гидрохимический состав и запасы водных источников определяют время и место локализации номадов, видовой состав стада, ареал и скорость передвижения, систему водопользования и землепользования, образ жизни и прочие социокультурные параметры [33]. Как известно, абсолютно наибольшая часть трудовых затрат расходуется на обеспечение скота водой [34]. «Хозяйство номада, — свидетельствует Р. Карутц, — регулируется безводностью степи и зависимостью от колодцев» [35].

Говоря о всеобщности признака-условия, единого критерия — воды — для жизни в аридной зоне, следует учитывать, что водные ресурсы вместе с тем отличаются исключительным разнообразием, а отсюда качественное разнообразие систем водопользования. Это, в свою очередь, определяет многообразие типов и форм организации системы водопользования и опосредствованно этому всего процесса производства.

Таким образом, имеет место сопряженность данной всеобщности с ее дифференцирующими свойствами, которые порождают его специфические черты, а это главный признак типологических характеристик. «Изофункциональная соотнесенность типов, — пишет Я. В. Чеснов, — подчиняет все формально-морфологические признаки, приводит к одному таксономическому уровню комплексы, различающиеся формально-морфологически, субстанционально, конструктивно» [36].

Важная роль в системе жизнеобеспечения кочевников аридной зоны Евразии принадлежит источникам атмосферного происхождения — снегу, дождю и т. д., а

[33] См.: *Масанов Н. Э.* Проблемы социально-экономической истории...

[34] См.: *Чогдон Ж.* Обводнение пастбищ: (На примере МНР). М., 1980. С. 105.

[35] *Карутц Р.* Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. Спб., 1910. С. 46.

[36] *Чеснов Я. В.* О принципах типологии... С. 199.

также их скоплениям на поверхности земли (снежный покров, талые воды, паводки, дождевые водотоки и т. п). Нередко кочевники обваловывали западины и низменные участки, наполняя их снегом и во время редких дождей запасами воды. Известно, что номады широко использовали такого рода водные ресурсы, особенно велика их роль была в зимнее время, когда кочевники изредка передвигались по заснеженным, совершенно безводным, лишенным поверхностного стока, пастбищным пространствам [37]. Их использование значительно расширяло жизненное пространство номадов, продлевало время их пребывания в безводных районах, позволяло утилизировать недоступные в теплое время года пастбищные угодья. Но поскольку снег не являлся эффективным заменителем воды из-за отсутствия в нем минеральных солей, то его потребление приводило к потере живого веса и недостаточному восстановлению энергетических затрат в процессе кочевания и тебеневки [38]. Вследствие этого снег, лишь *временный* заменитель воды, не мог быть устойчивой материальной субстанцией хозяйственной деятельности человека. Поэтому водные ресурсы атмосферного происхождения использовались лишь в зимнее время года по принципу дополнительности.

Гораздо чаще номады прибегали к использованию другого типа водных ресурсов — поверхностного стока, т. е. речных вод, озер, болот, карасу и прочих. Эти источники, впрочем, как и атмосферные ресурсы, следует обозначить как «водоисточник естественного происхождения». Однако необходимо учитывать ограниченность запасов поверхностных вод в аридной зоне Евразии. Большинство рек равнинного Казахстана, например, пересыхает в летний период года, теряется в песках. Это обусловлено высокой нормой испаряемости с водной поверхности в регионе. Вместе с тем густота речной сети уменьшается по направлению с севера на юг — в степной зоне она составляет на каждые 100 кв. км 4—6 км, в полупустынной — 2—4 км, в пустынной — 0,5 км. Реки Казахстана варьируют также по сезонам года: весенний

[37] См., например: *Карпини П., Рубрук В.* Путешествия в восточные страны. М., 1957. С. 91; Материалы по киргизскому землепользованию: (Сырдарьинская область. Чимкентский уезд). Ташкент, 1908. С. 126; *Вяткина К. В.* Монголы Монгольской Народной Республики // Восточно-Азиатский сборник. М.; Л., 1960. С. 164; и др.

[38] См.: *Чогдон Ж.* Обводнение пастбищ. С. 172.

сток составляет у всех равнинных рек 86—90%, летний — 5—7%, осенний — 1—3%, зимний — 2—4%. Отличительная особенность равнинной части Казахстана — редкая сеть рек с постоянным круглогодичным стоком и большая густота временных потоков [39].

Другим источником воды являлись подпочвенные, грунтовые горизонты, которые использовались с целью каптажа водных ресурсов посредством искусственных сооружений, прежде всего колодцев самой разнообразной глубины: от 1—2 до 5—10 м, а в редких случаях до 50—100 м и более [40]. Вследствие того, что поверхностный сток в аридной зоне Евразии и Северной Африки был крайне недостаточен для обеспечения скота водой, полностью преобладающим был способ искусственного водопользования. Поэтому кочевое скотоводческое хозяйство, несмотря на стремление использовать все возможные водоисточники, в основном базировалось на утилизации подпочвенных водных горизонтов. Освоение аридных пространств стало возможным именно благодаря накоплению навыков и приемов по созданию искусственных водоемов [41]. Практически во всех регионах, где культивируется кочевое хозяйство, за исключением предгорных, горных и речных долин, основным водоисточником, позволявшим освоить крайне скудные пастбищные ресурсы, были грунтовые воды. «В аридных районах, — пишет Ю. Л. Объедков, — подземные воды являются практически основным источником хозяйственно-питьевого ... водоснабжения, а также обводнения пастбищ ...»[42]

---

[39] См.: Казахстан. Общая физико-географическая характеристика. М.; Л., 1950. С. 177—206; *Чупахин В. М.* Физическая география Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 51—55; Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР. М., 1969. С. 133—154; и др.

[40] См.: *Пуляркин В. А.* Экологические аспекты хозяйственного развития в засушливых областях Южной Азии // Развивающиеся страны: природа и человек. М., 1982. С. 148; Хозяйство казахов ... С. 68—70; *Оразов А.* О типологии источников водопоя в Центральных и Юго-Восточных Каракумах // Очерк этнографии населения Южного Туркменистана. Ашхабад, 1979. С. 30 и др.

[41] Народный опыт в создании колодцев хорошо описан писателем Дулатом Исабековым в его этнографически насыщенном произведении «Молчун».

[42] *Объедков Ю. Л.* Формирование естественных ресурсов подземных вод аридных районов на примере Долиноозерского артезианского бассейна МНР. М., 1986. С. 92. См. также: *Пуляркин В. А.* Экологические аспекты ... С. 148; *Радченко Г. Ф.* Страны Сахеля: состояние природной среды и проблемы развития сельского хозяйства. М., 1983. С. 34; и др.

«В пустынях Аравии, — отмечает В. Т. Зайчиков, — использование водоносных горизонтов с помощью колодцев издавна служит основным источником водоснабжения, и колодцы здесь представляются обычным элементом ландшафта...»[43]. Вследствие этого достаточно определенно прослеживается доминирующая роль искусственных водоисточников в жизнедеятельности кочевого общества и их решающее воздействие на социально-экономические процессы в среде номадов.

Очевидно, что ни один из указанных типов водоисточников не стал единственно возможным. Номады стремились использовать все типы водных ресурсов, максимально возможный потенциал среды обитания, но в различные периоды года существовали значительные специфические отличия в характере системы водоснабжения и водопользования. В наибольшей степени на организацию производственного цикла, а следовательно, на тип хозяйства и образ жизни, влиял характер использования водных источников в период кочевания *в теплое время года.* Для номадов умеренного пояса Евразии, в частности казахов, период кочевания не совпадал с календарным годом, он охватывал в основном теплое время года (6—9 месяцев), поскольку зимой они находились в стационарном состоянии[44]. В свою очередь, для кочевников Центральной Азии (монголов) из-за отсутствия стабильного снежного покрова цикл кочевания приходился на весь календарный год[45]. Поэтому, абстрагируясь от времени и продолжительности процесса кочевания, следует просто учитывать период движения как независимую и унифицированную величину.

В Казахстане, например, прослеживается по меньшей мере два подтипа кочевого ХКТ: кочевников преимущественно естественного водопользования и кочевников преимущественно искусственного водоснабжения. Попытаемся скомбинировать культурно значимые признаки в рамках данной типологии. При этом учтем, что признаки типа слагаются в иерархически организованные структуры. Вследствие этого важнейшей чертой типологии

---

[43] *Зайчиков В. Т.* Юго-Западная Азия: природные ресурсы и развитие сельского хозяйства. М., 1974. С. 70.

[44] См.: *Масанов Н. Э.* Проблемы социально-экономической истории ... С. 44—74; и др.

[45] См.: *Певцов М. В.* Путешествия по Китаю и Монголии. М., 1951. С. 110; и др.

является комплексность признаков[46] (правда, как нам представляется, при одном весьма существенном уточнении: признании таксономической неравнозначности указанных признаков).

Тип искусственного водопользования отличается исключительным своеобразием: имеет место в экстрааридных районах, в частности в пустынных, полупустынных и частично степных ландшафтных зонах, характеризующихся почти полным отсутствием поверхностного стока; позволяет людям осваивать районы, которые не могут быть использованы человеком с помощью нескотоводческих занятий. Иначе говоря, представители данного ХКТ осваивают сверхзасушливые, экстрааридные экологические зоны. Вследствие этого кочевание номадов базируется на равномерной сети водных источников искусственного происхождения, требующих постоянных и больших затрат коллективного труда. Отсюда особая форма организации процесса производства[47].

Исключительный интерес представляет анализ этого типа кочевого хозяйства с точки зрения взаимодействия закономерностей: дисперсного состояния и относительно концентрированного состояния. Казалось бы, в засушливых и сверхзасушливых районах природные условия в наибольшей степени препятствуют концентрации скота, его сосредоточению. Поэтому на первый взгляд закономерность дисперсного состояния в экстрааридных районах должна была господствовать в наибольшей степени из-за скудости водных и растительных ресурсов. Однако в действительности имеет место диалектически противоположная картина. Фактически в процессе взаимодействия общества и природы доминирует один из уровней закономерности относительно концентрированного состояния — уровень кооперации, что было обусловлено при отсутствии поверхностного стока и крайней скудости водных ресурсов большим объемом затрат коллективного труда на создание искусственных водоемов.

Для освоения подземных водоносных горизонтов, имеющих разную степень доступности, необходимы прежде всего значительные затраты совокупного общественного труда, а следовательно, необходима кооперация трудовых усилий сравнительно большого коллектива трудящихся индивидов. Основным средством каптажа

[46] См.: *Чеснов Я. В.* О принципах типологии ... С. 191.
[47] См.: *Масанов Н. Э.* Проблемы ... С. 95—113.

подземных вод в кочевой среде являлись колодцы, глубина которых, как уже сказано, могла колебаться от 1—2 до 5—10, а в редких случаях до 50—100 и более метров [48]. Естественно, что объем трудовых затрат зависел от расположения водоносного горизонта и качества поверхностного слоя почвы и возрастал прямо пропорционально глубине нахождения подземных вод. При этом целесообразность и возможность создания того или иного водоисточника обусловливалась не только природными факторами, но и возможностью сосредоточения в том или ином месте значительного числа индивидов, способных обеспечить помимо строительства колодца еще и воспроизводство других средств производства, тем более, что закономерность дисперсного состояния в опосредствованной форме регулировала численность индивидов и возможность их концентрации. Следовательно, концентрация трудовых ресурсов находилась в прямой зависимости от расположения водоносного горизонта и целесообразности и возможности создания в той или иной местности искусственного источника воды, что, в свою очередь, зависело от качества и количества продуктивной биомассы и поверхностного слоя почвы, направленности маршрутов кочевания, видового состава стада, социальных факторов и т. д.

При этом необходимо учитывать, что поддержание колодцев в нормальном состоянии также являлось весьма трудоемким процессом, требующим совместной трудовой деятельности и кооперации значительной массы непосредственных производителей, ибо незакрепленные стенки колодцев постоянно обваливались, обсыпались, особенно в пустынной зоне [49], а сами колодцы нередко усыхали и загрязнялись, а их гидрохимический состав был подвержен зачастую весьма значительным колебаниям. Вследствие этого продолжительность использования колодцев была по большей части недолгой и в основном посезонной [50]. Поэтому кочевники каждый год, приходя на сезонные пастбища, первым делом восста-

[48] См.: *Пуляркин В. А.* Экологические аспекты... С. 148; Хозяйство казахов... С. 68—70; *Оразов А.* О типологии источников водопоя в Центральных и Юго-Восточных Каракумах // Очерк этнографии населения Южного Туркменистана. Ашхабад, 1979. С. 30; и др.

[49] См.: *Полетаев И. С.* Записка // Записки Оренбургского отдела РГО, 1875. Вып. 3. С. 2—3; и др.

[50] См.: *Пуляркин В. А.* Экологические аспекты... С. 148; и др.

навливали старые либо рыли новые колодцы [51]. Ежегодно на Мангышлаке, например, копали от 200 до 600 новых колодцев [52]. Вследствие этого очевидна перманентная тенденция к кооперации трудовых усилий, совместной деятельности группы индивидов, объединение их в общины — низшие производственные ячейки общества, одной из основных функций которых было обеспечение скота водой посредством создания и поддержания в нормальном состоянии искусственных водоисточников.

Но не только создание и поддержание в нормальном состоянии колодцев детерминировало стремление номадов к трудовой кооперации. Чрезвычайно трудоемким, как уже подчеркивалось, являлся процесс извлечения запасов воды из искусственных водоисточников, который также требовал совместной трудовой деятельности. В этом случае объем трудовых затрат зависел от степени расположения водоносных горизонтов. Р. Капо-Рей пишет, что номады считают нецелесообразным использовать колодцы глубже 30 м и вследствие этого предпочитают обходить стороной столь глубокие колодцы [53]. Следует заметить, что целесообразность использования того или иного колодца зависела от многих факторов и, в частности, от наличия или отсутствия соответствующих трудовых и материальных ресурсов, видового состава стада, ибо для каждого вида животных присущ свой особый режим водопользования, гидрохимический состав воды [54] и т. д. Но в любом случае возможность использования того или иного водоисточника определялась прежде всего объемом трудовых затрат, способ-

---

[51] См.: например, *Бларамберг И. Ф.* Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды, Оренбургского ведомства. Спб., 1848. Отд. 2. С. 24; и др.

[52] См.: *Турсунова М. С.* Казахи Мангышлака во второй половине XIX в. Алма-Ата, 1977. С. 15; и др.

[53] См.: *Капо-Рей Р.* Французская Сахара. М., 1958. С. 196. Заметим, что на подъем воды из неглубокого колодца вручную для одной отары овец численностью в 600—800 голов требуется 2—3 часа в день. См.: *Чогдон Ж.* Обводнение пастбищ. С. 105.

[54] Воды с содержанием солей от 2 до 3 г/л пригодны для всех видов животных и лишь временно для людей, воды же с содержанием солей до 5 и даже 10 г/л пригодны для овец и верблюдов, временно для крупного рогатого скота (См.: *Федорович Б. А., Есауленко П. И.* Пути развития животноводства в полупустынях и пустынях. Казахстан. М., 1969. С. 453).

ностью данного коллектива трудящихся индивидов обеспечить утилизацию тех или иных запасов воды. Широко известно, что для сокращения трудовых затрат номады применяли разнообразные механические средства, но функционирование которых в конечном счете определялось запасами мускульной силы и энергии либо самого человека, либо того или иного биологического вида (животных) [55]. Отсюда вполне очевидное соответствие объема трудовых затрат запасам жизненной силы и степени концентрации трудящихся индивидов, которая, в свою очередь, определялась возможностью сосредоточения соответствующего числа животных и обеспечения их нормальной жизнедеятельности.

Вместе с тем следует указать на то, что колодцы не были единственно возможным средством извлечения подземных вод. Номады в зависимости от наличных ресурсов среды своего обитания использовали и другие способы доставки воды из подпочвенных резервуаров естественного происхождения. Например, в Казахстане в случае близкого расположения водоносных горизонтов рыли копани — небольшие углубления, естественно наполнявшиеся водой [56].

Таким образом, при данном типе хозяйства в наибольшей степени преобладает один из уровней закономерности относительно концентрированного состояния: уровень кооперации, ибо отсутствие поверхностного стока и крайняя скудость природных условий обусловливают необходимость кооперации трудящихся индивидов с целью создания искусственных водоемов, требующих приложения больших затрат труда сравнительно большого коллектива непосредственных производителей. Отсюда преобладающая роль кооперации, уравновешиваемой, безусловно, на своем высшем пределе закономерностью дисперсного состояния.

Важно отметить, что при данном типе водопользования продолжительность пребывания у того или иного

---

[55] См.: *Першиц А. И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии XIX — первой трети XX в. М., 1961. С. 30; *Оразов А.* О типологии источников водопоя... С. 30; *Зайчиков В. Т.* Юго-Западная Азия. С. 92; и др.

[56] См.: *Батюшков В. Д.* Водоснабжение Кокчетавского уезда // Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей (МКЗ). Т. 1. Кокчетавский уезд, Акмолинская область. Воронеж, 1889. С. 47; и др.

водоисточника искусственного происхождения ограничивается как качественными и количественными ресурсами самого источника воды, его гидрохимическим составом и фактором посезонной минерализации, так и ресурсами растительного покрова на близлежащем пастбище, охват которого в пространственном отношении зависит от морфологических свойств того или иного биологического вида, особого режима потребления растительного покрова, выпаса и скорости передвижения. Вследствие этого номады при значительной концентрации скота вокруг водоемов вынуждены двигаться с максимально возможной скоростью, продолжительность стоянок незначительна. Решающая роль принадлежит *процессу кочевания*, который носит дискретный характер и, хотя формально охватывает время движения между двумя крайними точками, тем не менее достигает определенной интенсивности в момент движения между двумя смежными водоисточниками в зависимости от расстояния между ними. Очевидно и то, что расстояние между двумя крайними точками при данном типе кочевого скотоводческого хозяйства наибольшее. Достаточно вспомнить широкоамплитудные кочевки адаевцев, табынцев, баганалинцев, покрывавших колоссальное в пространственном отношении расстояние в более чем 1000 км в один конец.

Естественно, что данный тип кочевого хозяйства оказывал огромное влияние на социально-экономические процессы в среде номадов. При интенсивной частоте передвижений и напряженном ритме кочевания, когда рабочее время практически полностью обусловливалось режимом кочевого хозяйства, не оставалось времени на культивацию нескотоводческих форм хозяйства. В данных условиях, например, земледельческое хозяйство практически невозможно. Все хозяйственное время полностью покрывается нуждами и интересами кочевого скотоводства. При этом вполне понятно, что в структуре стада преобладали более подвижные виды животных (лошади, верблюды и мелкий рогатый скот). Очевидно и то, что материальная культура полностью адаптирована к интенсивному ритму кочевания (жилища — преимущественно юрта и ее разновидности, поселения — на кратковременных остановках — аулы, пища — продукты скотоводства и т. д.). Вся система материального производства сопряжена с данным режимом хозяйственных

занятий. Мало того, даже духовная культура «больших кочевников», «классических номадов» полностью приспособлена к условиям и ритмо-режимным характеристикам интенсивно кочевого хозяйства.

Не меньшее воздействие данный тип хозяйства оказывал на социальную организацию общества и социальные процессы в среде номадов. Доминирующее значение кооперации в процессе организации системы материального производства обусловливало преобладающую роль, по-видимому, расширенной общины в социальной организации кочевого общества. В безводных пространствах при отсутствии снега имели место быстрые кочевки и кратковременные остановки. В этом случае, очевидно, роль минимальной общины была невелика. Что же касается системы социально-экономических отношений, то господствовали отношения собственности на средства производства, опосредованные трудом, затраченным на создание искусственных водных источников: общинное водовладение и водопользование, общинно-опосредствованное землепользование и землевладение. Вследствие этого отношения собственности на воду, а следовательно, и на землю, строго регламентированы. Вся система производственных отношений жестко зарегулирована [57].

Таким образом, тип искусственного водоснабжения, обусловленный специфическими условиями среды обитания и прежде всего засушливостью климата, когда преобладала система общинного водо- и землепользования, водо- и землевладения, характеризуется значительными особенностями как в плане организации процесса производства в сфере скотоводческого хозяйства, так и в аспекте культивации нескотоводческих занятий. В этом случае очевидно, что природные условия, аридность и засушливость в сочетании с континентальностью среды обитания детерминировали специфическую комбинацию комплекса культурно-значимых признаков, внешней фор-

[57] См.: *Масанов Н. Э.* Социальная организация кочевого общества казахов // Вестник АН КазССР. 1984. № 4. С. 25—33; *Он же.* Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 20—26; *Марков Г. Е., Масанов Н. Э.* Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевых народов // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1985. № 4. С. 86—96; *Масанов Н. Э.* Социально-экономические отношения в кочевом обществе казахов // Вестник АН КазССР. 1988. № 8. С. 45—55; и др.

мой выражения которой явился кочевой тип искусственного водоснабжения. Исследование специфики общественного производства при данной комбинации признаков должно выявить дополнительные важные особенности рассматриваемой типологии при условии их этнографической релевантности.

Второй тип предложенной схемы локализуется в предгорных, высокогорных районах, речных и околоозерных долинах и базируется на использовании водоисточников естественного происхождения (реках, озерах, карасу, ключах, болотах и т. п.). Интересно, что по нашим полевым материалам кочевники-казахи предгорной полосы Джунгарского Алатау не имели о колодцах никакого представления. Удельный вес данного типа хозяйства, видимо, невозможно определить, поскольку при вертикальном кочевании какая-то их часть все же в той или иной мере сталкивалась с необходимостью каптажа воды из подземных горизонтов с помощью колодцев. Можно предположить, что доля такого рода хозяйств все же была достаточно значительной в Восточном и Северо-Восточном Казахстане.

Очевидно, что при кочевании вдоль водных артерий либо от одного естественного водоема до другого интенсивность движения была гораздо меньшей, нежели при кочевании хозяйств первого типа. Это было обусловлено большими запасами водных ресурсов в естественных водоисточниках по сравнению с искусственными. Вот почему имели место более продолжительные стоянки, а ритм кочевания носил более медленный характер. Иначе говоря, если в первом случае время стационарного пребывания у водоисточника определяется преимущественно водными ресурсами, их запасами, гидрохимическим составом и т. п., то во втором — решающую роль играют кормовые ресурсы, качество и количество растительности вокруг естественного водоема, поскольку запасы воды в данном случае неограниченны.

Фактор площади охвата системой выпаса пастбищных угодий становится ведущим в организации системы общественного производства. И если режим кочевания, интенсивность и ареал движения у кочевников преимущественно искусственного водоснабжения определяются расположением колодцев, запасами водных ресурсов и носят частотный характер, то при естественном водообеспечении ритм перекочевок диктуется запасами и

возможностью утилизации естественного травостоя, целесообразностью системы выпаса. Сравнение ритмо-режимных характеристик показывает, что в первом случае возрастает время движения и уменьшается время пребывания в стационарном состоянии на стоянках, тогда как во втором, наоборот, удельный вес состояния покоя выше, а время кочевания меньше. Правда, в первом случае — более высокая скорость кочевания, когда кочевка проходит в течение суток 10—15 км и более, может указанные величины уравнивать.

Интересно в этой связи привести некоторые данные по кочевникам казахам Атбасарского уезда Акмолинской области, относившимся преимущественно к первому типу хозяйств. Для номадов, кочевой путь которых превышал 1000 верст в оба конца, количество промежуточных остановок, т. е. фактически перекочевок между ними, колебалось в диапазоне от 40 до 91 в течение года, для кочевников с протяженностью маршрута более 1500 верст — от 59 до 98, а для номадов с протяженностью пути более 2000 верст — от 69 до 107 [58]. Известно, что адаевцы от 60 до 120 дней в году находились в пути [59]. При этом, проходя в среднем по 25—30 верст, кочевники могли делать до сорока переходов, с передышкой в один-два дня [60]. Видимо, это был максимальный режим перекочевок [61]. Что касается направленности кочевания, движение по искусственным водопоям могло носить в основном меридиональный характер, тогда как кочевание по естественным водоисточникам — как меридиональный, так и вертикальный, широтный и эллипсоидный характер. Очевидно и то, что во втором случае видовой состав стада заметно отличался. Так, например, в более плодородных районах, таких, как Актюбинский, Кустанайский и Павлодарский уезды, доля крупного рогатого

[58] Материалы по киргизскому землепользованию. Атбасарский уезд. Акмолинская область. Воронеж, 1902. Спец. часть. Т. 2. С. 365, 369, 373, 377, 391. См. также: *Ашмарин А.* Кочевые пути, зимовые стойбища и летовки // Советская Киргизия. 1925. № 5—6. С. 118—123; *Мацкевич Н.* Сравнительная длина кочевок казахского населения б. Семипалатинской губернии // Записки Семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана. 1929. Т. 18. С. 1—33; и др.

[59] См.: Казаки. Антропологические очерки. Л., 1927. Вып. 3. С. 66.

[60] *Фиельструп Ф.* Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана // Казаки. Антропологические очерки. Л., 1927. Вып. 11. С. 104.

[61] См.: *Масанов Н. Э.* Дисперсное состояние ... С. 37.

скота в структуре стада составляла соответственно 33, 23 и 30,1%, а овец — 46,2, 44,6 и 38,3%, тогда как в Каркаралинском и Атбасарском уездах со значительно более засушливым климатом удельный вес крупного рогатого скота составлял соответственно 10 и 8,7%, а овец — 68,8 и 64% [62]. Доля овец еще более возрастает в аридных районах края: в Гурьевском уезде — до 69,2%, Мангышлакском — до 84,6, Зайсанском — до 75,0%, Капальском — до 70,3, Джаркентском — до 73,2, Верненском — до 72,7% [63].

Данная типология кочевого скотоводческого хозяйства, обусловленная естественно-природными условиями среды обитания и характером системы водообеспечения, оказывала прямое воздействие на практику культивирования нескотоводческих занятий, прежде всего на земледелие и рыболовство. Последним занимались лишь те кочевники-казахи, которые двигались по естественным водоемам. Так, например, «Дело о рыболовстве в Киргизской степи» за 1852—1856 гг. сообщает о сотнях пудов рыбы, вылавливаемой казахами практически во всех реках и озерах края [64]. Лишь на озере Алакуль кочевниками-казахами добывалось ежегодно до 150 пудов рыбы, на оз. Аксуат — до 500, оз. Сары-Муин — до 300, р. Хобде — около 300, р. Эмбе — около 3000 пудов и т. д. [65] Такого рода сведений можно привести немало [66]. «Впрочем рыболовство, — свидетельствуют такие знатоки кочевого образа жизни, как К. Струве и Г. Потанин, — не есть здесь главный промысел; оно, как и земледелие, подчинено скотоводству. Побуждаемые нуждами последнего к кочевой жизни, киргизы производят лов в тех рыбных местах, куда бывают завлечены потребностями скотоводства» [67].

Что же касается земледелия, то оно, как известно, носило у казахов поливной характер и культивировалось

---

[62] МКЗ. Т. II. С. XX.

[63] См.: Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. С. 94—97.

[64] ЦГА КазССР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3629. Л. 1—83 обр.

[65] Там же. Л. 39, 42, 83 обр.

[66] См.: ЦГА КазССР. Ф. 4, Оп. 1. Д. 4107, 4133; Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках. Алма-Ата, 1964. С. 330, 525; *Гейнс А. К.* Собрание литературных трудов. Т. 1. Спб., 1896. С. 250, 253; и др.

[67] *Струве К. В., Потанин Г. Н.* О рыбном промысле на Цзайсане и на Черном Иртыше // Записки Русского географического общества. Книга четвертая за 1864 г. Спб., 1865. С. 38.

только по принципу дополнительности [68]. Вследствие этого земледелие имело место лишь вблизи естественных источников воды по речным и околоозерным долинам [69]. «Каналы для поливки пашен, устроенные около реки Сыра, — пишет А. И. Левшин, — замечательны как пространством своим, так и глубиною» [70].

Однако важно подчеркнуть, что занятие земледелием в аридной зоне Евразии не могло быть устойчивой экономической основой для жизнедеятельности людей, потенциал его развития в доиндустриальную эпоху был крайне ограниченным. Поэтому закономерно, что оно не обеспечивало необходимого продукта для воспроизводства населения, проживавшего в природных условиях с количеством атмосферных осадков менее 400 мм и слабо развитым поверхностным стоком. При этом занятие земледелием не приводило, как это априорно полагают некоторые исследователи, к оседанию кочевников-казахов. «Впрочем, земледелие, — указывает А. И. Левшин, — не делает их оседлыми. Они кочуют около пашен своих...» [71].

Более подробное описание данного хозяйственно-культурного симбиоза мы находим у Я. Гавердовского. По окончании сева, говорит он, «все земледельцы идут со своими аулами в дальнейшие кочевья и не прежде возвращаются к полям, чем через 60 дней. Тогда хлеб поспевает к жатве. Но между тем в продолжении сего срока караульщики или сами хозяева изредка посещают поля для наблюдения за целостью оных, а иногда и для наводнения». И далее: «По окончании молотьбы опять

---

[68] См.: *Байпаков К. М., Масанов Н. Э.* Земледелие: (Историко-археологический очерк) // Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. С. 137—166; и др.

[69] См.: *Макаров И. Ф.* Казахское земледелие в конце XIX — начале XX века // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР: Сб. 3. М., 1959; *Аполлова Н. Г.* Опыт поливного земледелия казахов и каракалпаков в районах Сырдарьи и Амударьи в XVII — первой половине XIX в. // Из исторического опыта сельского хозяйства СССР: Сб. 7. М., 1969; *Семенюк Г. И.* Земледелие казахов-кочевников в XVIII — начале XIX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР: (Сб. 8). М., 1974; и др.

[70] *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 3. Спб., 1832. С. 202.

[71] Там же. С. 199.

пускаются в кочевание»[72]. Таким образом, имел место весьма своеобразный тип хозяйства, характеризовавшийся симбиозом кочевнического образа жизни и земледелия. Совершенно очевидно, что он существовал лишь тогда, когда система кочевания основывалась на использовании естественных водоисточников. При кочевании по колодцам не приходится говорить о каком-либо занятии земледелием.

Рассматриваемый тип хозяйства, связанный с утилизацией поверхностного стока, характеризовался меньшими затратами коллективного труда, меньшим объемом кооперированных форм труда, поскольку наибольшая часть рабочего времени в аридной зоне расходовалась, как мы уже указывали, на обеспечение скота водой. Вследствие этого имели место специфические формы социальной организации общества, прежде всего общины. Размер и форма общины в данном случае обусловливались необходимостью обеспечения других элементов процесса производства, в частности трудоемких работ по выпасу скота и организации регулярных перекочевок. Концентрация большой массы трудовых и производственных ресурсов была невозможной из-за действия закона дисперсного состояния[73], когда ограниченные запасы кормов, усыхание естественных водоисточников в летний период года, повышенная норма солнечной радиации препятствовали сосредоточению скота и продолжительным стоянкам. Вследствие этого имели место иные формы общинной организации[74]. В целом кочевали большими группами. Например, С. Броневский свидетельствует, что все лето кочуют «целой волостью»[75].

Что же касается системы социально-экономических отношений и прежде всего отношений собственности, то в данном случае также налицо значительная специфика. В отношении естественных водоемов действовало так называемое «право первозахвата»[76], которое гласило, что

---

[72] *Гавердовский Я.* Обозрение киргиз-кайсакской степи, или Описание страны и народа киргиз-кайсакского. Ч. 2 // Рукописный отдел ЛО ИИСССР АН СССР. Кол. 115. № 495. Л. 105 обр.

[73] *Масанов Н. Э.* Дисперсное состояние... С. 29—39.

[74] *Он же.* Социальная организация... С. 25—33.

[75] *Броневский С.* Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. 1830. Ч. 43. Кн. 123. С. 74.

[76] *Баллюзек Л.* Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой Киргизской орде силу закона // Записки Оренбургского отдела РГО: Вып. 2. 1871. С. 150—151; и др.

тот, кто пришел на то или иное пастбище первым, тот и занимает его и выпасает здесь свой скот. Заметим в этой связи, что фактически «право первозахвата» в процессе производства превращалось в юридическую фикцию. Это было обусловлено тем, что качественно-видовой состав стада, порождаемый процессами социальной дифференциации и поляризации, определял монополию господствующего класса богатых скотовладельцев на землю как одно из важнейших средств производства. Отсюда (имея в виду зональность и посезонную продуктивность растительного покрова) происходило вовлечение земли в собственность скотовладельцев, а также существовала всеобщая урегулированность системы кочевания и распределения пастбищных угодий [77].

Таким образом, отчетливо фиксируются два типа кочевого скотоводческого хозяйства, природа которых определялась прежде всего характером системы водопользования. С одной стороны, в особо засушливых экстрааридных зонах имеет место тип искусственного водопользования с помощью каптажа водных источников из подземных горизонтов. С другой, в районах с развитым поверхностным стоком, прежде всего речным, культивируется тип естественного водопользования. Вследствие этого формируется специфическая комбинация социокультурных признаков. В зависимости от этих типов хозяйства происходит дифференциация в формах и видах скотоводства, характере и направленности, ритморежимных характеристиках процесса кочевания, структуре стада, культивации нескотоводческих занятий и прежде всего земледелия. Отсюда и особенности в формах социальной организации общества, системе социально-экономических отношений и формах собственности, как, впрочем, и в материальной, и, видимо, духовной культуре.

Соответствует ли предложенная нами типология принципам выделения локальных подтипов хозяйственно-культурной типологии? На наш взгляд, несомненно. Вместе с тем может ли быть она аналогичной локальному подтипу антропогеоценоза? С некоторыми оговорками и на этот вопрос ответ будет положительным. Очевидно, если воспринимать данную типологию только

---

[77] См.: *Масанов Н. Э.* Проблемы социально-экономической истории ...

лишь с точки зрения социокультурных характеристик, то она вполне соответствует теории и практике выделения хозяйственно-культурных типов, поскольку речь идет о специфической комбинации признаков прежде всего в типе хозяйства и материальной культуры. Однако, если мы введем еще одну ось координат — среду обитания и этнос, связующим звеном между которыми является хозяйственно-культурная типология, то мы получим локальный вариант антропогеоценоза. Иначе говоря, предложенная нами типология кочевого скотоводческого хозяйства выходит далеко за рамки своей первоначальной задачи, предметноцелевой установки. Вследствие этого, очевидно, есть смысл рассматривать хозяйственно-культурную типологию как горизонтально-функциональный элемент антропогеоценоза. В этом случае наша типологическая схема становится важным составным элементом хозяйственно-культурной типологии — в синхронном плане — и антропогеоценоза. В данном случае понятно, что предложенная нами типология соответствует основным принципам типологических построений. Очевидно и то, что необходима интенсификация исследований в данном направлении научного поиска.

НОМАДЫ И ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ДИНАМИКА И ТИПОЛОГИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В. М. Массон *(Ленинград)*

Противопоставление кочевых племен и оседлых цивилизаций, которое еще сейчас проглядывается в психологии многих исследователей, по существу, является наследием античной эпохи. В этом отношении достаточно показательна аргументация, к которой прибег греко-бактрийский царь Евтидем в переговорах с Антиохом III. Убеждая своего противника, осаждающего столицу Греко-Бактрии, Евтидем предупреждал о внешней опасности: «На границах стоят огромные полчища кочевников, угрожающие им обоим, и если только варвары перейдут границу, то страна, наверное, будет завоевана ими».

Внимательный анализ обширных материалов застав-

ляет все больше склоняться к тезису не о противопоставлении, а о взаимодействии мира оседлых оазисов и кочевой и полукочевой степи. Это взаимодействие было различным: то конструктивным, то несущим неисчислимые беды и разрушения. Оно проявлялось в самых различных формах — от торговли до распространения мод и обычаев, играло огромную роль в процессах этногенеза и глоттогенеза и, что особенно важно подчеркнуть, затрагивало обе стороны. Эти взаимодействия менялись во времени, различные исторические эпохи накладывали на них свой неповторимый отпечаток. Эквилибрирующая макросистема то пребывала в гомеостазисе, то прерывалась катастрофами. Однако именно рассмотрение двух культурных миров как взаимодействующих величин, а не феноменов полной изоляции открывает новые возможности более углубленного анализа.

Источников для соответствующих разработок у нас и много, и мало. Мало, потому что мы имеем только отрывочные фразы греческих и римских авторов, относящиеся к номадам Азии, при этом на них нередко лежит отсвет антитезы эллинов и варваров. Много (а для территории СССР, можно даже сказать, исключительно много) археологических материалов, но их адекватное прочтение порой более трудное дело, чем дешифровка хараппских надписей или письма ронго-ронго. Сторонники французской школы теоретической археологии придают особое значение логистическому анализу, понимаемому как многоэтапное рассмотрение информации в форме последовательности четко определенных операций. Полностью можно согласиться с Ж.-К. Гарденом — что без этого применение ЭВМ в значительной мере может явиться своего рода данью моде и позерством, что имеет место, в частности, в США. Перспективность таких разработок несомненна, но получение с их помощью нетривиальных заключений часто ограничено объемом и организацией информации на чисто источниковедческом уровне.

Как известно, Гарден и его сторонники говорят — и вполне справедливо — о происхождении по меньшей мере четырех стадий от живой культуры или исходной популяции ($П_0$) до изученной популяции ($П_1$). При этом — и это также справедливо — при каждом переходе происходит потеря информации. При скудости такой информации и примитивности ее чисто археологической типо-

логической организации вполне можно получить на последней стадии практически новую информацию. Поэтому наряду с поисковыми работами над блоком логики исторических реконструкций не менее важно систематизировать и типологизировать массовый археологический материал, выделять устойчивые археологические реалии, силу их связей и взаимодействий. Это создаст более надежный информационный банк для последующего объяснения. Одновременная работа на всех уровнях только облегчит прогресс в археологии, которого мы все так желаем, особенно после того, как сциентисты обрушились на историю с упреком (в который раз), что это — не наука, а литература.

При интерпретации археологических материалов как тяготеющих к одному из двух миров, рассматриваемых нами, немаловажное значение будет иметь реконструкция образа жизни. Кочевая и полукочевая экономика породила принципиально новый образ жизни. Это тип жилища, разборного и легко переносимого; специфические виды посуды, специфические как по материалу (предпочтение кожаных и деревянных изделий), так и по формам (корытца и подносы часто на ножках, изделия шаровидной формы и другой удобной для транспортировки); типы одежды — от мягкой бескаблучной обуви и шаровар до поясного ремня, характер которого часто носит престижно-знаковую функцию. Наконец, налицо и особые эстетические модели и каноны. Все это нашло выражение в новых наборах типов артефактов, четко фиксируемых археологией, разрабатывающей на своих специфических материалах признаки пастушества и номадизма.

В таком аспекте рассматриваемой проблемы, как эпохальная изменчивость взаимодействий, решающее значение играет социально-экономическое развитие обеих зон, стирание между ними различий высокого ранга, называемых советскими исследователями «формационными». Можно выделить два важнейших события в древней истории степной зоны Евразии, имевшие глобальное значение для общего прогресса: сложение культур степной бронзы как предтечи собственно номадов и появление кочевого и полукочевого социокультурного комплекса, для которого в советской литературе утвердилось понятие «эпоха ранних кочевников».

Эпохе активного взаимодействия и взаимовлияния

кочевников и древних цивилизаций предшествовал в зоне степей длительный период развития пастушеских и скотоводческо-земледельческих обществ. Они не только были непосредственной предтечей номадов, но сами находились в теснейших взаимодействиях с соседями иного культурно-хозяйственного типа — раннеземледельческими обществами и древними цивилизациями. В тот период в степной зоне Центральной Азии стали формироваться комплексы типа культур степной бронзы, в основном связанные с андроновской культурной общностью. Их сложение шло преимущественно путем спонтанной трансформации, на местном неолитическом субстрате. Сейчас появляются интересные материалы, рисующие этапы такой культурно-хозяйственной трансформации. Так, на севере Казахстана раскопано поселение Ботай конца IV — первой половины III тыс. до н. э. Его кремневые орудия, так же как и жилища земляночного типа, в принципе наследуют неолитические традиции. Вместе с тем подавляющее большинство костных останков принадлежит лошади. Выделен и тип архаических костяных псалий. Скорее всего это — оседлые коневоды, но такая избирательная хозяйственная ориентация как бы предвосхищает позднейшую специализацию.

Для начальной поры палеометалла взаимодействия с древними цивилизациями юга (а в Южном Туркменистане это цивилизация Алтын-депе) в основном связаны с культурно-технологическими заимствованиями, правда, они скорее постулируются исходя из общей ситуации, чем аргументированно подтверждаются анализом конкретного материала. Речь идет о заимствовании доместицированных сортов злаков и пород скота, кроме, видимо, лошади, местный генезис которой наиболее вероятен. Южное происхождение имеют скорее всего и первые навыки металлургии, но трудно судить, восходят ли они к среднеазиатскому очагу или к традиционному центру взаимодействия на степные племена Восточной Европы — культурам Кавказа. Такая направленность взаимодействий во многом определялась формационно разноуровневым положением контактирующих обществ. Не исключено и проникновение с юга на север отдельных объектов, возможно, обусловленное их высокими потребительскими качествами или престижно-знаковой нагрузкой.

Весьма примечательно формирование в среде племен

андроновского круга устойчивого образа жизни, связанного с оседлым придомным скотоводством, сочетающимся, возможно, локально дифференцированно, с архаическими формами земледелия. Налицо та же стабильность, которую можно было видеть на Ботае, но уже на новом витке развития. Об этом свидетельствуют типы жилищ — большие, фундаментальные землянки, а затем и наземные жилища. Кожаная бескаблучная обувь, некоторые виды одежд и сложение традиции женских украшений составляют исходный пласт раннекочевнического культурного комплекса. Показательна и определенная культурно-хозяйственная эволюция, наблюдаемая в ряде локальных подразделений этой культурной общности. Если первоначально явное предпочтение в стаде отдавалось крупному рогатому скоту, то постепенно роль овцы и лошади возрастала. Нередки находки костяных псалий для мягких удил. О переменах в образе жизни, становившемся более подвижным, косвенно может свидетельствовать и глиняная посуда — появились круглодонные и шаровидные формы, более удобные для транспортировки. Водопой мог производиться из колодцев, которые обнаружены на ряде андроновских поселений. Они тщательно сделаны — со стенами, выложенными плетенкой из саксаула.

Развитие скотоводства как экономическая стратегия при данном уровне динамики производительных сил было оптимальной формой эксплуатации зоны степей и полупустынь с их высокопродуктивными кормовыми угодьями. Есть основания полагать, что развивалась и форма полукочевого скотоводства. Во всяком случае, обнаружение могильника высоко в горах Киргизского Тянь-Шаня указывает на вертикальные передвижения. Прогресс различных форм скотоводства способствовал развитию относительно динамичных внутризональных контактов, сам скот как легко отчуждаемое имущество открывал огромные возможности для насильственного перераспределения прибавочного продукта. Все это, как и социально-политический прогресс, вело к развитию в обществе военной функции. Недаром многие поселения укреплены валами и рвами, а в металлообработке налицо специализация оружейного дела. Археологи Челябинска продолжают изучение района Синташта, где ранее был открыт некрополь скотоводческой знати с колесницами и культовыми конскими захоронениями.

Рядом с могильником обнаружены постройки, явно указывающие на функцию идеологического и, видимо, военно-политического лидерства. Колесничие, вооруженные копьями с бронзовыми втульчатыми наконечниками, составляли скорее всего элиту и основную ударную силу общества. Высказывалось даже мнение, что обширные пространства, занятые памятниками андроновского типа, — это территория огромной военной конфедерации, обеспечивавшей политической ситуацией распространение культурных моделей и эталонов. Последние, как свидетельствуют раскопки гробниц иньских ванов с типичными конскими колесницами, распространены в сфере цивилизаций восточного типа.

Повышение мобильности и динамизм, с которыми было связано формирование и функционирование пастушеских обществ, создало условия для интенсификации миграционных процессов, в том числе идущих в направлении с севера на юг. Это были не мгновенные акции, а медленное просачивание: известно, что стада овец, не говоря уже о крупном рогатом скоте, делают в день около 30 км. Но археологические следы таких масштабных передвижений налицо. По крайне мере, в зоне урбанизированных культур Маргианы и Бактрии встречаются незначительные, но достаточно отчетливые свидетельства такого проникновения с середины II тыс. до н. э. Появились и общности с культурой, несущей следы отчетливого симбиоза, что дает основания говорить об определенных воздействиях степных традиций на оседлые культуры юга. Разноуровневый характер контактирующих обществ привел к тому, что культурные заимствования были весьма ограниченны и шли на селективной основе. Вероятно, по масштабам они уступали процессам этнической и лингвистической ассимиляции, происходившим в этот период, который ретроспективно можно объяснить как пору активного распространения индоиранского компонента.

Второй переломный момент в истории обществ, освоивших зоны степей, полупустынь и горных пастбищ, наступил с формированием собственно номадов или кочевнических обществ. Кочевое и полукочевое скотоводство стало наиболее эффективным способом хозяйственной деятельности. Однако в целом в региональном масштабе экономика осталась комплексной, кочевое и полукочевое скотоводство сочеталось с оседлым ското-

водством, разными формами земледелия. Последние исследования киргизских археологов показывают, что водами Иссык-Куля затоплен крупный сакский центр, возможно, сакская столица. В ней, судя по обнаруженным орудиям труда, были широко распространены обработка руды, металлургия и обработка зерна. В составе стада (во всяком случае, во многих районах) главное место занимали овцы (недаром греческий автор Хэрил характеризует саков как овечьих пастухов). Не исключена и коневодческая специализация, так как известны два типа лощадиных пород — табунные малорослые, быстро накапливающие вес, и высокорослые строевые скакуны.

Раннекочевнические культуры в целом формировались на местной основе, хотя археологи далеко не везде убедительно установили цепочки генетической типологии. Налицо явно спонтанная трансформация. В результате появился новый эпохальный тип культуры, образовавший целый ряд региональных и локальных формопроявлений. Для Восточной Европы показателен региональный скифский тип раннекочевнических культур. Для Азии, видимо, можно говорить о региональном сакском типе как понятии более широком, чем собственно сакская культура, объединяющая скорее всего ряд конкретных археологических комплексов, в первую очередь — Семиречья. Утверждался новый образ жизни с соответствующим набором типов артефактов — конской упряжи, оружия, посуды, приспособленной для постоянных пространственных перемещений. Деревянные чаши, блюда, ступки, столики неоднократно встречаются при раскопках в тех случаях, где почвенные условия позволяют сохраниться этим объектам. Среди глиняных сосудов преобладают приземистые, шаровидные, удобные для перевозки. В элитарной субкультуре, как показали раскопки Иссыка, налицо и ремесленная гончарная посуда, полученная из областей древних цивилизаций.

Новый образ жизни дал толчок к развитию инициативных обществ большого творческого потенциала, к созданию материальных и духовных ценностей, вошедших в сокровищницу мировой культуры. В этом легко убедиться, посетив соответствующие музейные экспозиции, в том числе и в Алма-Ате. Кочевой мир на первых порах, благодаря физической и психологической мобильности номадов, стал важным фактором динамичного

и импульсивного развития. Недаром в дошедших до нас руинах его символом стали стремительные фигуры животных, сцены их борьбы и противостояния. Новый уровень технического обеспечения позволил совершить подлинный скачок в сфере коммуникабельности. Границы мира как бы расширились, новые моды и эталоны почти мгновенно распространились на огромных территориях. Развитие военной функции, столь выразительно проявившей себя у племен степной бронзы, теперь сыграло огромную роль в социальной эволюции, политической истории и повседневной жизни, по существу, органически вошло в образ жизни. Кардинальные изменения произошли в социально-политической сфере. Здесь шло формирование общества сложной социальной стратификации, очевидна институализация власти, образование военных объединений государственного или протогосударственного типа.

Все это в корне изменило межзональные взаимодействия. Формационное положение номадов и древних цивилизаций как обществ раннеклассовых или обществ, идущих по этому пути, существенно сблизилось. Механизм взаимодействия теперь не ограничивался эпизодическими хозяйственными и культурными контактами и просачивающейся миграцией (сохранились доказательства регулярного обмена, массового и практически единовременного перемещения масс населения в условиях нового уровня военно-политической организации). В результате компоненты взаимодействующих культур выступали как составные элементы стимулированной трансформации. Воздействие традиций оседлых оазисов Средней Азии подтверждается существованием на северных окраинах одной из раннекочевнических культур Южной Сибири — тагарской. Типичным примером взаимодействия в оседлой среде стимулированной и спонтанной трансформации служит кушанский культурогенез: воздействие или прямой перенос кочевнических эталонов здесь проявился в целом ряде сфер — от бытовой посуды до одежды, погребальных обрядов и эстетических нормативов.

Стандартные наборы оружия, конно-стрелковая тактика, новые художественные концепции — все это оказывало глубокое влияние на древние цивилизации. Видимо, не меньшим было обратное воздействие в сфере духовного производства, насколько можно судить по

данным о сакской идеологии. Воздействия со стороны древних цивилизаций на древнекочевническую среду охватили и социально-политическую сферу, где утверждалась письменность и некоторые формы социальных институтов, соответствовавших достигнутому в этой среде уровню социально-экономической эволюции. В этнической истории Средней Азии с наступлением эпохи ранних и древних кочевников стало играть большую роль не только само возрастание масштабов передвижения масс населения, но и воздействие (во всяком случае, в сфере глоттогенеза, а возможно, и в образе жизни) такого фактора, как политический суверенитет. Археологические комплексы древней Средней Азии дают ряд примеров такого культурного синтеза, который на уровне артефактов вполне ощутимо может быть установлен типологическим анализом. Хорезм и его широкое окружение дает ему немало выразительных примеров. Сложнее обстоит дело с изучением процесса культурного синтеза в Фергане, где атрибуция оседлых и кочевнических компонентов на уровне археологических типов остается крайне трудным делом, что, возможно, отражает уровень культурной интеграции. Вступив в тесное и постоянное взаимодействие, два мира теперь уже не могут быть восприняты в мировой истории как независимые феномены.

ФОРМАЦИОННАЯ ПРИРОДА КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМА И МЕТОД

Р. Б. Сулейменов *(Алма-Ата)*

Еще до эпохи Великих географических открытий судьбы исторического развития стран и народов, цивилизаций и государств в определенной степени зависели от правильных взаимоотношений с номадами. Большим влиянием в мире пользовались тогда такие супердержавы, как сюнну, древних тюрков, кыпчаков, монголов. Они активно участвовали в процессе формирования социально-экономических систем, социальных структур, политических организаций, духовных ценностей, нравст-

венно-моральных идеалов и представлений. Вследствие этого, говоря о степени и характере воздействия номадов на мировую периферию, необходимо учитывать природу общественных отношений в кочевых обществах. Можно, конечно, как Гегель, придерживаться традиционного взгляда на номадов, что «... часто они собираются большими массами и благодаря какому-нибудь импульсу приходят в движение. Прежде мирно настроенные, они внезапно, как опустошительный поток, нападают на культурные страны, и вызываемый ими переворот не приводит ни к каким результатам, кроме разорения и опустошения. Такие движения народов происходили под предводительством Чингисхана и Тамерлана: они все растаптывали, а затем опять исчезали, как сбегает опустошительный лесной поток, так как в нем нет подлинного жизненного начала»[1]. Однако это, скорее, эмоциональное положение, вполне допустимое на начальных этапах истории науки, вряд ли оправдано сейчас и не только потому, как образно выразился еще И. Г. Гердер, что «историк человечества должен на все смотреть непредвзято и обо всем судить бесстрастно, как сам творец нашего рода или как гений земли»[2], но и в силу необходимости реконструкции в наиболее адекватной форме самого реального исторического процесса, т. е. восстановления истины. И здесь важно предельно объективно исследовать всю совокупность и целостность природы кочевого мира, феномен номадизма во всей его многогранности и противоречивой сложности. Вследствие этого мы вправе констатировать актуальность рассматриваемой проблемы.

В кочевниковедческой историографии прослеживается чрезвычайно много концепций исторического развития кочевых обществ, характеризующихся нередко диаметрально противоположным подходом к оценке и характеристике общественного строя номадов[3]. В результате неоднозначного подхода к изучению рассматриваемой проблемы уже в раннее время проявились существенные

---

[1] *Гегель Г. В.* Философия истории // Соч. Т. 8. С. 85.

[2] *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 345.

[3] Историографию проблемы подробнее см.: *Першиц А. И.* Некоторые особенности классообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. М., 1976; и др.

разногласия в понимании природы производственных отношений в среде номадов. В противовес широко бытовавшему мнению о том, что кочевники — это дикость, варварство, войны, беспрестанная агрессия и экспансия, отсталость, грязь и нищета, — представителем классической политэкономии А. Смитом была высказана весьма плодотворная мысль: поскольку скот рано перешел в частную собственность у кочевников, то соответственно должна была бы ускориться имущественная и социальная дифференциация, создавались предпосылки для образования политических институтов [4]. Однако эта рациональная идея потонула в море бытописаний, проецирующих современный уровень общественных отношений на кочевников, и однозначных оценок, жестко постулирующих господство патриархального строя и родового уклада в среде номадов. Вследствие этого проблема характеристики социально-экономических отношений, по существу, никогда не стояла в полный рост перед русской дореволюционной историографией, как, впрочем, и перед зарубежной. И если отдельные аспекты данной проблемы и затрагивались кем-нибудь из кочевниковедов, то это в основном были эпизодические ремарки по ходу описания хозяйственных занятий, родоплеменного состава и расселения номадов, сословной структуры общества. Так, например, выдающийся русский этнолог Н. А. Аристов, анализируя этническую историю тюркских народов, писал: «история государств тюркских кочевников... показывает, что возникали они вследствие усиления одного из племен, во главе которого стояли храбрые, умные и счастливые в своих предприятиях родоначальники, успевшие подчинить своему влиянию роды своего племени и покорить остальные племена» [5].

Лишь в начале XX в. наметился интерес к изучению рассматриваемой проблемы. Исследователи, в целом признавая сословную дифференциацию кочевого общества, полагали, что номады не могли выйти за пределы родового уклада и системы патриархальных отношений. Пожалуй, только П. П. Румянцевым была высказана мысль о том, что «... в социальном строе киргиз (каза-

[4] *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 235—237.

[5] *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. 3—4. С. 284.

хов. — *Авт.*), как он сложился в XV—XVIII столетиях, наблюдается два противоположных начала: патриархально-родовое и феодальное. Последнее, однако, проявлялось только в первичных формах»[6]. Аналогично может быть оценена и, синхронная русской, дореволюционная зарубежная историография. Например, Г. Щурц в своих этюдах по Средней Азии, опубликованных в «Истории человечества» под редакцией Г. Гельмгольца, писал о номадах: «Сам он (кочевник. — *Авт.*) не создает культуры, но косвенным образом способствует ее прогрессу, уничтожая границы между различными странами и создавая мировые государства, бесконечный горизонт которых воскрешает идею о единстве человеческого рода даже там, где эта идея, казалось, совсем заглохла вследствие политической раздробленности и самодовольства. В конечном результате, разумеется, всегда оказывается, что накопленный труд бесчисленных поколений, поскольку он воплотился в культуре, сильнее необузданной энергии кочевников; и даже самый дикий степной народ в конце-концов вынужден склониться перед властью мысли и незаметным давлением высшей культуры»[7]. Иначе говоря, изучением природы общественного строя кочевых народов наука вплоть до начала XX в. фактически не занималась, поскольку данная проблема не была включена в круг научных интересов исследователей XVIII—XIX вв.[8] В основном обсуждался вопрос о культурном значении номадизма и его роли в истории всемирной цивилизации. В целом мы вправе констатировать высокомерно-пренебрежительное дискриминационное отношение к кочевникам, результирующим которого являлись сентенции, наподобие утверждения В. Васильева, который писал: «Поймем ли мы, что номад есть враг и природы и цивилизации, что он разрушитель богатств, созидаемых только трудами оседлости и земледелия?»[9].

В 20—30-е гг. нашего столетия внимание ученых на-

[6] *Румянцев П. П.* Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 92.

[7] *Шурц Г.* Средняя Азия и Сибирь // История человечества. Всемирная история: (Восточная Азия и Океания. Индийский океан). Спб., 1909. Т. 2. С. 119.

[8] *Масанов Э. А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966.

[9] Цит. по: *Масанов Э. А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966. С. 281.

чинает концентрироваться на проблеме формационной характеристики кочевых обществ. Это было обусловлено динамикой социального развития нашей страны и особенностями становления материалистического понимания предмета истории. В начале 30-х гг. в противовес точке зрения о бесклассовости номадных обществ формируется гипотеза о феодальном характере общественных отношений у кочевников. В этот период фиксировались две основные модификации этой гипотезы. По мнению известного монголоведа академика Б. Я. Владимирцова, автора концепции «кочевого феодализма», в основе социальной дифференциации номадов находились отношения собственности на землю [10]. В основе его исследования лежит весьма спорная методологическая посылка о том, что закономерности социального развития оседло-земледельческих обществ могут быть наложены на кочевые социумы.

Несколько иначе к решению данной проблемы подошел С. П. Толстов. Он провел сравнительно-сопоставительный анализ, проецируя отдельные характеристики на кочевников, и пришел к выводу, что в основе феодальных отношений у номадов находились отношения собственности на скот, обусловившие специфику системы производственных отношений в кочевых обществах [11]. Вместе с тем С. П. Толстов изложил концепцию обязательного прохождения кочевниками стадии рабовладельческого общества, которая в дальнейшем не получила сколько-нибудь веских аргументов [12].

В последующее время указанные гипотезы Б. Я. Владимирцова и С. П. Толстова о природе феодальных отношений в кочевой среде получили свое дальнейшее развитие и приобрели полемическую направленность. Размежевание этих двух концепций, обострившееся на рубеже 40—50-х гг., привело к Ташкентской дискуссии 1954 г. В ходе обсуждения доклада Л. П. Потапова на одном полюсе остались В. Ф. Шахматов и С. Е. Толыбеков, наиболее последовательно отстаивавшие тезис о преобладающей роли отношений собственности на скот,

---

[10] См.: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

[11] См.: *Толстов С. П.* Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Известия ГАИМК: Вып. 103. 1934.

[12] См.: *Семенюк Г. И.* Рабство в Казахстане в XV—XIX вв. // ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1959. Т. 6.

а на другом — сконцентрировались сторонники концепции о преобладающей роли отношений собственности на землю (*Л. П. Потапов*, Н. Г. Аполлова, М. Б. Ахинжанов, С. З. Зиманов, А. Е. Еренов, А. И. Першиц и др.).

Критикуя своих оппонентов, С. Е. Толыбеков некоторое время спустя писал: «Догматический подход к определению сущности социально-экономических отношений патриархально-феодального кочевого общества, который в своей основе не содержит ни грана историзма, ни грана исторической реальности, мешает изучать многообразную жизнь, он заводит научную мысль в тупик, стремясь все втиснуть в одну известную схему. Основа для догматического подхода была заложена акад. Владимирцовым в его ошибочной теории «кочевого феодализма», существо которой состоит в игнорировании значения преобладания в обществе того или иного вида материального производства»[13].

В 50—60-е гг. появляется серия монографических исследований[14], в которых исследователи были единодушны в том, что наиболее приемлемым термином для характеристики общественных отношений у номадов является термин «патриархально-феодальные отношения», который прочно и надолго вошел в понятийный аппарат кочевниковедения. Большая часть исследователей поддерживала точку зрения о доминирующей роли отношений собственности на землю в системе общественных отношений в кочевой среде, и казалось, что еще немного, еще один-два аргумента — и бастион их оппонентов рухнет[15].

Но история мировой науки полна парадоксов: когда та или иная, казалось бы, полностью доминирующая научная концепция достигает «вершины», своего взле-

---

[13] *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX в. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971. С. 324—325.

[14] См.: *Зиманов С. З.* Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958; *Он же.* Политический строй Казахстана в конце XVIII — первой половине XIX в. Алма-Ата, 1960; *Еренов А. Е.* Очерки по истории феодальных земельных отношений казахов. Алма-Ата, 1961; *Першиц А. И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М., 1961; *Златкин И. А.* История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964; и др.

[15] См.: *Толыбеков С. Е.* Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959; *Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964; и др.

та, то именно в заоблачных высях начинают шаг за шагом обнаруживаться ее слабости и упущения. Процесс отступления бывает чрезвычайно болезненным и сопровождается всплесками реанимации и оживления. Но упадок обычно бывает полным и необратимым. Интересно и то, что концепция, явившаяся средством дезавуирования или причиной упадка прежде доминировавшей точки зрения, сведения ее с пьедестала, также постепенно отмирает. В результате рождается либо что-то качественно новое, либо ясно: обе гипотезы являлись составными взаимодополняющими частями одной идеи.

В 60-е гг. в связи с углубившейся дискуссией о формационной природе азиатских обществ и о правомерности пятичленной схемы общественного развития (первобытность — рабовладение — феодализм — капитализм — коммунизм) [16] вновь на повестку дня был поставлен вопрос о характере производственных отношений у номадов. Вновь реанимируется точка зрения о бесклассовости кочевых обществ. Особенно последовательно этот тезис отстаивается за рубежом. У нас в стране также постулировалась гипотеза об отсутствии у номадов классовых форм дифференциации [17].

Некоторые исследователи, в частности Г. Е. Марков, полагали, что социальные отношения в среде кочевников, скорее всего, можно охарактеризовать как «дофеодальные» (понятие, предложенное А. И. Неусыхиным [18]), поскольку имущественная и сословная дифференциация не выкристаллизовывалась в систему феодальных отношений, тем более, что у номадов преобладали отношения собственности на скот, а не на землю [19]. Одновременно постулировались концепции азиатского, кабального, даже рабовладельческого способов производства.

На следующем этапе развития кочевниковедения формируется несколько концепций, неоднозначно трак-

---

[16] См.: *Данилова Л. В.* Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968; и др.

[17] *Алитовский С. Н.* Аграрный вопрос в современном Иране. М., 1966; *Васильев А. М.* Пуритане ислама? М., 1967; и др.

[18] *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.

[19] *Марков Г. Е.* Кочевники Азии: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1967; и др.

тующих формационную природу номадных обществ. Значительная часть исследователей продолжает поддерживать и разрабатывать концепцию феодальных отношений. Однако сторонники этой точки зрения как у нас в стране, так и за рубежом расходятся и порой существенно по целому ряду вопросов. Наиболее ортодоксально настроенная часть исследователей продолжала попрежнему дебатировать вопрос о том, что же является основным общественным отношением в среде номадов: отношения собственности на землю или на скот. Одновременно обсуждался вопрос о стадиальной характеристике кочевого общества: начальная стадия феодализма — развитие — зрелая стадия и т. д. Так, С. Е. Толыбеков продолжал отстаивать патриархально-феодальные отношения с доминантой отношений собственности на скот, И. Я. Златкин — преобладающую роль отношений собственности на землю и возможность достижения номадами развитых феодальных отношений и т. д.[20] Близкую позицию занимают авторы «Истории Казахской ССР в пяти томах», постулирующие эволюцию и развитие феодальных отношений на основе земельной собственности»[21].

Вместе с тем наметились и другие пути решения проблемы. Наряду с гипотезой о патриархальной природе, бесклассовости кочевых обществ сформировались концепции, постулирующие принадлежность номадных социумов к азиатскому способу производства, раннеклассовым отношениям[22], предклассового характера кочевых обществ[23], особого кочевого варианта[24] и т. д. Главным аргументом сторонников этих суждений являлось отсутствие, по их мысли, отношений собственности на землю, господство отношений собственности на скот, экспансионистская сущность их социальной природы, возможность господства лишь на базе оседло-земледельческих об-

---

[20] *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов...; *Златкин И. Я.* Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

[21] См. также: *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков. Алма-Ата, 1977.

[22] *Першиц А. И.* Оседлое и кочевое общество Северной Аравии в новое время: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1971; *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975; и др.

[23] Советская этнография. 1977. № 5.

[24] *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976.

ществ. При этом жестко проводился тезис о неправомерности перенесения модели общественного развития, выработанной на основе изучения оседло-земледельческих народов, на кочевое общество. С последним тезисом, видимо, следует согласиться, поскольку особый способ труда рождает особый способ производства. Это положение получило в настоящее время новые доводы, придающие ему научно аргументированный характер.

Таким образом, в кочевниковедческой историографии прослеживается наличие множества концепций об историческом развитии кочевых обществ. Дореволюционная русская историография (впрочем, как и зарубежная литература) характеризует общественные отношения в среде номадов как недостаточно дифференцированные, патриархальные по своей сущности. При этом основным аргументом зачастую является тезис об отсутствии частной собственности на землю, государственности и преобладании обычноправовых норм. В советской историографии, пожалуй, наиболее неоднозначной, имеют место порою диаметрально противоположные концепции стадиальной характеристики общественного строя номадов — от бесклассовых до развитых феодальных отношений. Особняком стоят построения о номадном способе производства и рентном обществе. Имевшие место как у нас в стране, так и за рубежом дискуссии о специфике общественного строя кочевников не способствовали формированию и сложению какой-либо целостной концепции, а лишь усугубили поляризацию научных суждений и гипотез. Думается, что это объясняется не только несовершенством методики исследования или наметившимся в последнее время пересмотром ряда общетеоретических положений, но прежде всего незначительной степенью изученности очень многих сторон жизни кочевого общества. Попытки искусственного моделирования общественного строя номадов себя не оправдали. Неоднозначная оценка социального строя в кочевых обществах в значительной степени связана и с отсутствием четких дефиниций таких понятий, как «феодализм», «раннеклассовые отношения», «азиатский» способ производства, «номадное» общество и т. д. Все это существенно затрудняет адекватную интерпретацию социально-экономических процессов в среде номадов. При этом углубляются расхождения во взглядах ученых на природу и характер

развития в целом докапиталистических обществ.

Однако следует подчеркнуть, что остается все еще неясным целый комплекс вопросов, имеющих первостепенное значение при решении проблемы формационной природы кочевых обществ. В существующей историографии достаточно четко прослеживается тенденция — видеть основное противоречие функционирования номадных социумов в противоречии между общинной собственностью на землю и частной собственностью на скот [25]. Именно при обсуждении этого вопроса было много спорного. Одни авторы начисто опровергали наличие какой-либо, даже общинной, собственности на землю [26], что представляется по меньшей мере ошибочным и априорным постулатом. Другие полагали, что факт регулирования системы кочевания и распределения пастбищных угодий свидетельствует о частном землепользовании и землевладении [27]. Еще дальше в своих рассуждениях пошел И. Я. Златкин, постулируя феодально-крепостнические порядки в кочевой среде [28]. «Если следовать за рассуждениями И. Я. Златкина, — пишет Г. Е. Марков, — то придется признать, что как на старых местах расселения, так и на новых рядовые скотоводы сами закрепощали себя и обращали свои кочевья в феодальные владения. История монголов этого времени не знает выступления рядовых скотоводов против существующих правил землепользования... Но правила землепользования оставались неизменными, так как основывались не на феодальном праве, а определялись спецификой кочевничества, выражавшейся в общинно-кочевом пользовании пастбищами» [29].

Следует в этой связи заметить, что как те, так и другие участники дискуссии неправы. Сейчас уже представляется очевидным, что противоречие между общинным землепользованием и частной собственностью на скот скорее формальное, ибо в самом производственном

---

[25] См.: Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955; и др.

[26] См.: *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество...; и др.

[27] *Владимирцов Б. Я.* Общественный... С. 112; и др. *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй кочевников в средневековую эпоху // Вопросы истории. 1976. № 8. С. 41; и др.

[28] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964. С. 231.

[29] *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976. С. 87.

процессе оно преодолевалось и происходило перетекание одного свойства в другое. «Неравенство в отношении к земле и пастбищам у кочевников выражалось в иных экономических категориях — в пользовании и владении. Во-первых, богатый скотовладелец кочевал больше и дальше и, следовательно, использовал большее количество пастбищной территории, чем его бедный сородич и соплеменник. Во-вторых, кочевая аристократия осуществляла контроль над использованием и распределением пастбищ, водных ресурсов и земли, определяла маршруты и сроки перекочевок и т. д. и при этом, с одной стороны, оставляла за собой лучшие участки, а с другой — получала нефиксированную ренту, рассматривавшуюся обычным правом как компенсация за организационно-управленческую деятельность»[30]. В последнее время было показано, что система частной собственности на скот посредством объективной трансформации качественно-видового состава стада совершенно объективно обусловливала фактическое вовлечение земли в сферу частнособственнических отношений[31]. Вследствие этого можно считать очевидным, что опосредствованно частной собственности на скот земля также становилась объектом частной собственности. Поэтому противоречие между общинным землепользованием и частным скотовладением снимается как кажущееся и несущественное.

Однако несмотря на это остается неясным вопрос о сущности отношений собственности, основном и исходном производственном отношении, основном противоречии — движущей силе общественного развития кочевых народов. Рядом исследователей в этом плане делается упор на военную природу номадизма, беспрестанно повторяется тезис об экспансионизме, грабежах и нашествиях. Это, по мысли сторонников данного подхода, обусловливается экстенсивной сущностью кочевого хозяйства, диктующей развитие вширь, за счет увеличения пастбищных территорий, а отсюда вытекает извечная агрессивность и политика конфронтаций. История кочевничества — это история постоянных войн с оседлыми земледельческими странами, полагают эти авторы. Некоторые исследователи идут еще дальше, полагая, что поскольку у кочевников нет письменности, то их историю

[30] *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975. С. 254.

[31] См.: *Масанов Н. Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX веков. Алма-Ата, 1984.

надо изучать через историю их взаимоотношений с соседними народами оседло-земледельческих регионов [32], т. е. через историю воинских столкновений и стычек. Думается, что со сторонниками этой точки зрения нельзя согласиться. Конфронтация двух миров объясняется социально-классовыми противоречиями, а не какой-то изначально присущей номадам агрессивностью. Не войны, а мирные и добрососедские отношения преобладали в их взаимоотношениях; возникавшие время от времени столкновения обусловливались экспансионистскими устремлениями господствующих классов как оседло-земледельческих, так и кочевых обществ. Думается, что подмена предмета кочевничества как интегральной целостности одним из многих аспектов этой сложной проблемы, таким, как войны, является попыткой ее упрощения, стремлением поиска хотя бы какого-нибудь ответа на существующий во всем мире интерес к феномену номадизма.

Нельзя понять природу номадизма лишь через формы взаимоотношений кочевников с соседними народами, тем более если видеть в них лишь средоточие сил зла. Достаточно вспомнить походы древнерусских правителей против половцев, китайских императоров против сюнну, среднеазиатских ханов против казахов и т. д. Агрессивная, экспансионистская сущность оседлых государств налицо.

Основным препятствием на пути решения вопроса о собственности на основные средства производства является то, что кочевниковеды, сосредоточив все силы на таких вопросах, как войны, государство, род, племя, генеалогическая структура, упустили экономические и социокультурные аспекты проблемы, определяющие ее сущностное содержание. Ученые еще очень слабо представляют себе основные механизмы функционирования системы материального производства, ее взаимодействия со средой обитания и воздействия природных ресурсов на социально-экономические процессы. Фактически процесс производства являлся предметом специального исследования в работах в основном русских дореволюционных авторов (см., например, сериал «Материалов по киргизскому землепользованию»), в последующее время —

[32] См.: *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975; и др.

исследователей 20-х гг., а в последние годы представлен лишь в монографиях отдельных кочевниковедов [33]. Этого явно недостаточно, нужны широкомасштабные поиски в данной сфере научного познания, значительное расширение исследования системы материального производства.

Другой сложный вопрос — социальная организация кочевого общества, которую часто упрощенно представляют в виде семейно-родственной либо генеалогической организации [34]. В действительности социальная организация охватывала сложную совокупность различных элементов и систем общественных связей [35].

Неясна и типология кочевого хозяйства. Подразделение на кочевников, полукочевников представляется искусственным, поскольку плохо согласуется с требованием комбинируемости признаков и прежде всего в аспекте экологических факторов. В настоящее время в основу классификации кладутся такие признаки, как наличие или отсутствие земледельческого хозяйства, ремесла, торговли, стационарного жилища, видовой состав стада (удельный вес крупного рогатого скота и др.). Но все эти признаки находятся на поверхности, они носят формальный характер и не характеризуют внутренней сущности номадизма. Основная задача типологических исследований — вскрыть содержательную сторону явления. Здесь также важны активные исследовательские усилия по изучению природы номадизма.

Наиболее слабым звеном в исследованиях кочевниковедов является то, что в основу социально-экономической, классовой дифференциации общества кладутся сословные признаки, являющиеся по своей сути вторичными, производными. Например, в состав господствующего класса казахского общества априорно по сословному признаку включаются сословия султанов (торе), кожа́, биев, батыров, аксакалов (старшин) и др. Иначе говоря, социальный анализ подменяется сословным.

---

[33] См.: *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество ...; *Масанов Н. Э.* Проблемы...; и др.

[34] См.: *Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964; и др.

[35] См.: *Масанов Н. Э.* Социальная организация кочевого общества казахов // Вестник АН КазССР. 1984. № 4. С. 25—33; *Он же.* Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии // Этнические культуры Сибири: Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 20—26; и др.

Главным, на наш взгляд, является вопрос о методе исследования формационной природы кочевого общества. В этой связи следует прежде всего твердо осознать, что до тех пор пока в основу изучения проблемы, исследовательского поиска не будет положен логико-диалектический метод — метод восхождения от абстрактного к конкретному — все наши постулаты останутся простым комментированием данных исторических, археологических источников. Речь идет о совершенствовании методологической базы научного поиска.

Изучение проблемы кочевничества невозможно при опоре только на письменные источники. Практика научных исследований свидетельствует, что наилучших результатов добиваются те ученые, которые работают на междисциплинарном уровне. Примером тому могут служить работы академика В. П. Алексеева, отличающиеся фундаментальным подходом к решению глобальных проблем всемирно-исторического процесса, высокой культурой научного мышления [36].

Следует также уточнить соотношение синхронных и диахронных методов исследования. Решение этого вопроса имеет принципиальное значение, поскольку непонимание различий в этих методах научного поиска приводит к путанице понятий и категорий, смещению акцентов в научных исследованиях. Можно считать очевидным, что синхронное исследование сущности той или иной проблемы, т. е. логико-диалектический метод, должно предварять исследования диахронного характера. Слабым местом большинства исторических работ является их ориентация на диахронный подход, который бывает продуктивным лишь после широкомасштабных синхронных исследований. Преимущества такого подхода были убедительно доказаны в фундаментальных трудах К. Маркса, в которых диахронный метод — лишь иллюстрация и средство движения мысли к логико-диалектическим суждениям и выводам.

Другим ключом к изучению рассматриваемой проблемы является последовательное применение системного метода, раскрывающего не просто структурную организацию системы, но и свойства и функциональные связи составляющих ее элементов. Это позволяет значительно интенсифицировать кочевниковедческие исследования.

---

[36] См.: *Алексеев В. П.* Становление человечества. М., 1984; и др.

II. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДРЕВНИХ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ

КОЧЕВНИКИ И ДОБЫЧА ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ В ПУСТЫНЯХ И ПОЛУПУСТЫНЯХ: ДАННЫЕ ЭТНОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Р. Безенваль (*Париж*)

Для проверки гипотезы об участии кочевых[1] обществ в эксплуатации минеральных ресурсов в засушливых и полузасушливых зонах Среднего Востока и африканского Сахеля проводились исследования посредством этнографических и археологических данных.

Первая попытка — исследование этнографических свидетельств о фактической деятельности кочевого населения в разработке минеральных ресурсов в экологических условиях засушливых и полузасушливых зон, за исключением степной зоны Центральной Азии. Участвующих в этом процессе кочевников следует рассматривать не столько как «транспортеров», сколько активных деятелей в добыче (сборщик, рудокоп) и первичной обработке (т. е. металлургии, обеспечивающей, если необходимо, превращение руды в металл).

Вторая попытка состоит в оценке некоторых гипотез, предложенных еще недавно, начиная с археологических данных, касающихся возможной роли кочевого населения в эксплуатации минеральных ресурсов Иранского нагорья в IV и III тыс.

Аргументация, позволяющая рассматривать участие странствующих групп в этого типа экономической деятельности, могла бы быть резюмирована следующим образом.

Засушливые и полузасушливые зоны представляют собой важные минеральные источники — металлоносные и др. Металлоносные находятся обычно в зонах пустын-

[1] Понятие «кочевой» распространено в этой статье на подвижные группы и нескотоводческие.

ного плоскогорья или гор, даже высокогорий. В обоих случаях почвенные условия и скудость растительного покрова делают нахождение этих месторождений сравнительно легким (цвет, блеск, обнажение залежей) так же, как и их разработку традиционной техникой.

Наиболее важные древние горно-промышленные центры Иранского нагорья находятся преимущественно посередине, на окраине пустынь Деште-Кевир (массив Анрак: Талмези, Мескани, Наклак) и Деште-Лут, а также в более высоких горных зонах иранского Востока (провинция Керман). Древние горнопромышленные районы Афганистана находятся в таких же условиях (месторождения плоскогорные и горные: рудники Айнака, Заркашана, Сери Санг и пр.). Та же модель остается неизменной и для других важных рудничных центров этого региона, как например Оманского султаната.

В большинстве случаев условия окружающей среды таких минеральных месторождений крайне неблагоприятны для всякого ускорения оседлости. Таким образом, обычно мало соответствия между экологическими потребностями земледельческого оседлого мира и характеристиками окружающей среды зон, имеющих минеральные ресурсы, отсюда мысль, что открытие и разработка этих горных месторождений были делом кочевых групп, привлеченных в данные зоны потребностями скотоводства, например, для использования высокогорных пастбищ.

Итак, металлоносные месторождения Иранского нагорья, как было доказано недавними археологическими работами, разрабатывались с IV—III тыс. и снабжали сырьем районы, лишенные руд, но богатые земледельческим потенциалом, такие, как Месопотамия. Тот же процесс может быть воссоздан и для Оманского полуострова и его известных месторождений, содержащих медь.

Предлагаемая гипотеза состоит в том, что собирание руд могло быть делом странствующих специализированных групп, выступавших в роли технического объединения, обеспечивающего непрерывность традиционного знания минерального мира, знания, необходимого прежде всего для деятельности изыскателя-рудокопа и металлурга. Потребность в определенной подвижности этого объединения вызывалась нуждами изыскания и более или менее быстрым истощением удобной для разработ-

ки части залежей — рудных жил или содержимого наносов.

Здесь можно было бы сделать сравнение с группой людей, имеющих техническую специальность, но связанных с оседлым населением земледельческих оазисов — с теми практиками-специалистами по рытью и содержанию подземных оросительных каналов, которых знали в Иране (муганни или могани). Некоторые определения этой группы могут быть рассмотрены согласно их практическому месту в цепи сырье — предмет (добыча, переработка, транспортировка) или согласно экономическим и политическим связям (зависимость, второстепенность), которые можно было поддерживать с другими социально-экономическими группами, существовавшими в засушливых зонах (кочевники-скотоводы, оседлые земледельцы, ремесленники).

1. Группа странствующая, неспециализированная, обеспечивавшая снабжение местного рынка: кочевники-скотоводы, для которых собирание минералов — дополнительная деятельность; просто случайные собиратели минералов.

2. Группа странствующая, специализированная, обеспечивавшая снабжение местного рынка и оседлых ремесленников: изыскатель-рудокоп (нахождение залегания, сбор или добыча ископаемых), производивший снабжение ископаемыми оседлых металлургов или шлифовальщиков (никакой химической обработки ископаемых); изыскатель-рудокоп-металлург, обеспечивавший также первую фазу металлургической обработки при нахождении металлической руды, т. е. получение металла в форме слитка химической обработкой (главным образом восстановлением); изыскатель-рудокоп-металлург и ремесленник, производивший сам конечный предмет, начиная с добычи руды.

3. Группа странствующая, контролировавшая приобретения, но обеспечивавшая торговлей движение и распространение сырых продуктов на большие расстояния, чтобы удовлетворить значительные потребности оседлых земледельческих зон с большой концентрацией населения (Месопотамия).

Этнография зон засушливых и полузасушливых дает очень мало информации о рудничной деятельности или сборе ископаемых, особенно в рамках местной экономики, затронутой ввозом сырья. Действительно, эти при-

возные товары разрывали традиционную цепь производства руда — предмет, предлагая металл, например, в сыром виде или в виде полуфабриката. Но особенно добыча и выпуск в продажу неметаллического минерала, каменной соли дают самый показательный пример разработки минеральных ресурсов кочевыми обществами. Можно найти многочисленные примеры в Сахельской Африке, Аравии, Иране и т. д., но этот пример остается исключительным и, насколько нам известно, единственным случаем по своей полноте.

Многочисленные исследования об исконных металлургах в зоне сахельского кочевничества дают мало сведений от обстоятельствах приобретения сырья и очень часто уточняют, что эти кочевники-ремесленники не были объединены. Так, Берню указывала: «Кузнецы туареги, кажется, никогда не производили металлы, которые они обрабатывают. Среди них не существует никакой традиции, касающейся знаний техники добычи и меди, и железа: это ремесленники, довольствующиеся обработкой и преобразованием материалов, предоставленных в их распоряжение» [2].

О существовании в прошлом на Ближнем и Среднем Востоке тюркских кочевых племен с ремесленными признаками (кузнецы, медники, золотых и серебряных дел мастера) сообщил Планоль, но опять никаких сведений относительно приобретения сырья не привел [3].

Дигар подчеркнул презрение кочевников-скотоводов Иранского Бахтияра, высказываемое ими по отношению к группам ремесленной специализации, из которой металлурги также кочевали, но жили за пределами мест кочевников-скотоводов. Использованное сырье происходило из восстановления [4].

Единственный пример, могущий быть истолкован как подвижная группа, но сезонного характера, специализировавшаяся на добыче металлов, — это группа старателей Центральной Азии, перемещавшаяся вдоль рек, перерабатывая золотоносный песок в период отливов.

---

[2] *Bernus Susanne.* Découvertes, hypothéses, reconstitution et preuves: le cuivre médiéval d'Azelik-Takedda (Niger) // Métallurgies Africaines: nouvelles contributions. Echard ed., 1983. P. 153—171.

[3] *Planhol Xavier de.* De la Plaine pamphylienne aux lacs pisidiens: Nomadisme et vie paysanne. Paris, 1958.

[4] *Digard J.-P.* Techniques des nomades baxtyàri d'Iran. Paris: Cambridge, 1981.

Археологические данные об Иранском нагорье IV и III тыс. не позволяют выделить изыскателей-собирателей-рудокопов, никакое горное заведение реально в истории происхождения человечества пока не было открыто и изучено. Напротив, следующая фаза технической цепочки — операция обработки металла ремесленниками-металлистами — широко засвидетельствована в археологических поселениях нагорья (наличие шлака от переплавки и очистки металлов, обломки форм). Но в некоторых случаях эти места обнаруживают также следы металлургической обработки руды (присутствие руды, восстановительного шлака), которая по разным причинам не могла быть произведена на местах добычи.

Что касается гипотезы, предложенной недавно П. Амье [5] относительно культуры надгробных памятников Луристана (об обществе кочевников-металлургов), то прежде всего ничто не позволяет определить характер кочевников этих групп и еще меньше возможностей связать их с разработкой металлоносных залежей нагорья. Но это ничуть не исключает наличия внутри этого сообщества ремесленников-литейщиков, талантливо владевших литьем и создавших высокого качества оригинальные по форме и иконографии произведения, не делая при этом общества в целом специализированным ремесленным объединением. Более того, богатство открытых металлических предметов должно быть уравновешено тем фактом, что они были найдены только в погребениях. Ни одного жилища не было раскопано. Но эта значительность металлического цеха может действительно соответствовать привилегированной позиции, существовавшей в обращении металлов между Центральным Ираном и Месопотамией, и в известных случаях — транзитной роли. Зато никакое доказательство не дает возможности выдвигать гипотезу о какой бы то ни было деятельности, касающейся прямой разработки металлоносных залежей.

Итак, при современном состоянии данных никак нельзя приобщить странствующие группы рудокопов-металлургов к эксплуатации ископаемых месторождений на Иранском нагорье.

В географически определенной области экономиче-

---

[5] *Amiet Pierre.* L'âge des échanges inter-iraniens 3500—1700 avant J.-C. // Notes et documents des musées de France 11. Paris, 1986.

ские связи кочевников, которые могли заниматься использованием ископаемых (которые можно предположить априори), далеко не очевидны.

Но было бы опасным слишком быстро делать заключения, не вызвав в памяти некоторые соображения, могущие замаскировать феномен. Для этнографических данных экономические условия, позволявшие ввоз промышленного сырья, главным образом металлического, могут быть причиной исчезновения традиционной деятельности приобретения сырья. Этот феномен был широко прослежен на Среднем Востоке, и его отражения на традиционной материальной культуре неисчислимы (область распространения).

Что касается археологических данных, то кроме проблемы, связанной с определением места и установлением даты работ по добыче, существует трудность археологического истолкования «кочевой» природы группы людей.

Пример степной зоны Центральной Азии, где, напротив, этнографические и археологические данные, кажется, показывают многочисленные случаи совпадения разработки ископаемых богатств с присутствием кочевого населения, возможно, позволит установить подходящие критерии идентификации.

АРИДНАЯ ЗОНА СТАРОГО СВЕТА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И НАПРАВЛЕННОСТЬ КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

П. М. Долуханов *(Ленинград)*

Становится все более очевидным, что долгопериодические колебания увлажненности аридной зоны Старого Света оказывали значительное влияние на процессы расселения, на развитие хозяйственных структур и через посредство этих процессов — на этногенез. Изучение всех этих процессов значительно облегчается тем обстоятельством, что за последние годы были достигнуты значительные успехи в области палеогеографии, что позволяет достаточно точно реконструировать основные направления природных процессов.

Как следует из современных палеоклиматических данных, приблизительно между 30 и 16 тыс. до н. э. на большей части внетропической области Старого Света установились исключительно холодные и засушливые условия. В это время происходила активизация материковых и горно-долинных оледенений. В перигляциальной зоне распространялась растительность типа перигляциальной тундро-степи. В то же время в субтропической зоне устанавливались гипераридные условия. Такие условия сложились, в частности, на большей части территории Сахары около 20 тыс. лет назад и сохранялись там вплоть до начала голоцена [1]. Согласно мнению ряда палинологов, основывающихся на изучении разрезов аллювиальных отложений на территории Ливана и Сирии [2], примерно тогда же гипераридные условия возникли на территории Ближнего Востока. Приблизительно в то же время отмечено понижение уровня Мертвого моря [3], а также ряда озерных бассейнов на территории пустыни Руб эль-Хали [4]. Как показал палеотемпературный анализ планктонных фораминифер Эгейского моря, около 18 тыс. лет назад среднегодовые температуры поверхности вод были на 6°С ниже современных при одновременном уменьшении солености [5].

Максимальное похолодание и иссушение климата в ходе последнего оледенения соответствовали по времени развитию культур «зрелого» верхнего палеолита. Судя по существующим археологическим данным, верхнепалеолитическое население было крайне неравномерно распределено на территории обитаемой суши Старого Света. Наибольшее увеличение населения сравнительно с предшествующей эпохой мустье соответствовало перигляциальной зоне Центральной и Восточной Европы. Сеть долговременных поселений открытого типа прослеживается в широком поясе от верховьев Дуная и Вислы,

---

[1] *Alimen M. H.* Le Sahara: grande zone désertique nord-africaine. Striae, 1982. V. 17. P. 35—51.

[2] *Leroi-Gourhan Arl.* Diagrammes polliniques des sites archéologiques au Moyen-Orient // Beiträge zur Urgeschichte des Vorderen Orients. Wiesbaden, 1981. P. 121—133.

[3] *Farrand W. R.* Late Quaternary palaeoclimates of the Eastern Mediterranean area // Late Cenozoic Glacial Ages. Yale, 1971. P. 42.

[4] *Meclure H. A.* Ar Rub'Al Khali // Quaternary of Saudi Arabia. Wien: Springler, 1978. P. 252—263.

[5] *Thunell R. C.* Eastern Mediterranean Sea during the Last Glacial Maximum // Quaternary Research, 1979. V. 2 (3). P. 353—372.

вплоть до бассейна Печоры, включая области классических верхнепалеолитических стоянок в бассейнах Днестра, Днепра, среднего Дона и верхней Волги.

Вторая область высокой концентрации верхнепалеолитических поселений располагалась на западе континента, в приатлантической зоне, так называемой Франко-Кантабрии, а также на побережье Лигурии. На территории Леванта число известных верхнепалеолитических памятников значительно меньше, чем памятников эпохи мустье [6]. На территории Кавказа, где мустерские памятники известны практически повсеместно, область верхнепалеолитического расселения была ограничена предгорьями Западного Кавказа. Знаменательно, что в пределах этой зоны плотность верхнепалеолитических поселений была довольно высокой [7]. На территории Северной Африки, так же как и на большей части равнин и предгорий Средней Азии, верхнепалеолитические памятники не известны.

Как представляется, можно говорить о двух основных зонах концентрации верхнепалеолитического населения в пределах рассматриваемой территории. Первая зона соответствует перигляциальной области Центральной и Восточной Европы, вторая — Средиземноморью в широком смысле.

Известно, сколь опасно строить гипотезы относительно соответствий археологических и лингвистических общностей. В частности, представляется совершенно недопустимым прямое отождествление археологических культур языковым или диалектным категориям. В то же время попытки найти соответствия археологических категорий *надкультурного уровня* каким-либо лингвистическим общностям кажутся более перспективными. В соответствии со сказанным предлагается гипотеза, согласно которой первая из выделенных верхнепалеолитических зон (перигляциальная) соответствует прауральской языковой семье, а вторая (средиземноморская) — баскско-кавказской.

Как известно, вопрос о баскско-кавказском языковом родстве длительное время обсуждается в литературе.

---

[6] *Ronen A.* The Palaeolithic archaeology and chronology of Israel // Problems in Prehistory: North Africa and Levant. Dallas, 1975. P. 249—272.

[7] *Мешвелиани Т.* О раннем этапе верхнего палеолита Западной Грузии // Археологические изыскания. Тбилиси, 1986.. С. 109—124.

К. Боуда [8] считает, что родство между баскским и некоторыми кавказскими языками сравнимо с близостью индоевропейских языков. В то же время Ю. В. Зыцарь [9] придерживается более осторожного взгляда, считая такое родство не более чем гипотезой.

Весьма перспективно мнение швейцарского лингвиста Губшмида[10] относительно так называемого «средиземноморского субстрата». Основываясь на ряде лексических и структурных соответствий, Губшмид преполагает существование в Средиземноморье ряда родственных языков, к которым принадлежали баскский, кавказские, древневосточные языки (эламский, хаттский, хурритоурартский), а также большое число ныне не сохранившихся языков.

Знаменательно, что Губшмид [11] усматривает структурные соответствия между баскским и уральскими языками. Если это действительно так, то здесь можно видеть лингвистическое доказательство близости двух больших верхнепалеолитических зон, прослеживаемой на археологических материалах.

Распространение производящего хозяйства означало наиболее радикальную за всю первобытную историю перестройку всех сторон жизни древнего общества. Изменения касались в первую очередь хозяйственного уклада, но отразились самым непосредственным образом на социальной и культурной сферах, на демографической структуре и образе жизни.

Ныне считается твердо установленным, что наиболее ранние проявления производящего хозяйства (соответствующие Докерамическому неолиту «А» и датированные по C^{14}: 8400—7500 лет до н. э.[12]) проявились в области «Благодатного полумесяца» — на высоких плоскогорьях и холмистых предгорьях Загроса и Леванта — от Синая до Персидского залива.

Появлению элементов земледелия и скотоводства

---

[8] *Bouda K.* Baskisch-Kaukasische Etymologien. Heidelsberg, 1949.

[9] *Зыцарь Ю. В.* О родстве баскского языка с кавказским // Вопросы языкознания. 1955. № 5. С. 52—64.

[10] *Hubschmid J.* Mediterrane Substrate mit besonderer Berücksichtigung des Baskischen und der west-östlichen Sprachbeziehungen. Bern, 1966.

[11] Hubschmid. Op. cit. S. 40.

[12] *Henry D. O., Sevello A. F.* Compendium of C^{14} determinations derived from Near Eastern Prehistoric sites. Paléorient. 1974. V. 2. P. 19—44.

предшествовала стадия сложного собирательства, археологическим выражением которой явились памятники натуфа. Весьма знаменательно то обстоятельство, что развитие натуфа в большой мере пришлось на холодную и влажную фазу, установленную для интервала 8—9 тыс. лет до н. э. (10—11 тыс. лет назад) [13]. Вполне вероятно, что именно на протяжении этой фазы эпипалеолитическое население, сосредоточенное в немногочисленных пригодных для жизни оазисах, стало проводить эксперименты по доместикации растений и животных (частный случай «теории оазисов» В. Гордона Чайлда).

Одним из важнейших аспектов начавшейся «неолитической революции» была значительная интенсификация межобщинных контактов. При этом контакты охватывали как материальную, так и духовную сферы. Первые доказываются, в частности распространением обсидианов: как показывают специальные анализы [14], обсидиановое сырье и орудия перевозились на расстояния, превышающие 800 км. Логично предположить, что осуществление столь сложных и многосторонних контактов требовало какого-то универсального средства межплеменного общения. Таким мог быть индоевропейский праязык.

Проблема возникновения и распространения индоевропейского праязыка остается сложнейшей как в археологии, так и в сравнительном языкознании. Трудности, отмеченные выше, возникшие при попытках отождествления археологических и лигвистических категорий, привели Н. С. Трубецкого [15] к отрицанию возможности применения археологических материалов для решения этой проблемы.

Как среди археологов, так и среди лингвистов пользуется успехом гипотеза (наиболее последовательно защищаемая М. Гимбутас) относительно того, что древнейшие носители индоевропейского языка соответствовали ямной культуре Северного Причерноморья. Согласно мнению американского исследователя [16], в конце III —

[13] *Leroi-Gourhan.* Op. cit. P. 125—126.

[14] *Renfrew C., Dixon J. E., Cann J. R.* Obsidian and early cultural contacts in the Near East // Proc-Prehist. Soc., 1966. V. 22. P. 37—38.

[15] *Трубецкой Н. С.* Мысли об индоевропейской проблеме // Избранные труды по филологии. М.: Прогресс. 1987. С. 44—59.

[16] *Gimbutas M.* The Indo-Europeans: Archaeological problems // American Antropologist. 1963. V. 65. P. 815—836.

начале II тыс. до н. э. праиндоевропейцы распространились оттуда в Европу, на Кавказ и в переднюю Азию.

Советские лингвисты Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов[17] выступили недавно с новой теорией относительно происхождения индоевропейского языка и индоевропейцев. Основываясь на новой концепции индоевропейского консонантизма, на лексике, семантике, а также на соответствиях с протосемитскими, южнокавказскими и древневосточными языками, исследователи пришли к выводу о том, что гипотетическая прародина находилась в V тыс. до н. э. в области восточной Анатолии, южного Кавказа, северной Месопотамии. Нетрудно видеть, что реконструируемая «прародина» находится в пределах «Благодатного полумесяца». Принимая всю основную аргументацию Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, можно распространить гипотетическую «прародину» на всю территорию «полумесяца», а ее нижнюю хронологическую границу опустить до IX—VIII тыс. до н. э., т. е. до времени появления наиболее ранних поселений с хозяйством производящего типа.

По всей вероятности, первоначально индоевропейский праязык был языком какой-то небольшой племенной группы, раньше других перешедшей к земледелию и скотоводству. По каким-то причинам этот язык вскоре превратился в инструмент межплеменного общения, своего рода lingua franca древних земледельцев.

Сформулированная гипотеза обнаруживает известную близость к воззрениям Н. С. Трубецкого, который считал, что «индоевропейское семейство получилось благодаря конвергентному развитию первоначально неродственных языков», за счет взаимных контактов и заимствований. В отличие от Н. С. Трубецкого, данная теория предполагает существование реального индоевропейского языка, исполнявшего служебные функции. В процессе исторического развития этот язык интерферировал с субстратными языками, подвергался процессам дивергенции и ковергенции, что привело в конечном итоге к современному разнообразию индоевропейских языков.

В начале VI тыс. до н. э. на большей части внетропической области северного полушария установились

---

[17] *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд. Тбил. гос. ун-та, 1984.

условия климатического оптимума: благоприятное сочетание повышенных температур и увлажненности. На Ближнем Востоке это подтверждается как палинологическими данными[18], так и сведениями относительно подъема уровней озерных бассейнов. Исследованиями в области междуречья Средней Азии[19] выявлена гумидная фаза (Лявляканский плювиал), сопровождавшаяся возникновением сложной гидрографической сети в ныне пустынных и безводных районах.

В условиях климатического оптимума произошло широкое распространение производящего хозяйства на территории Старого Света. В это время появились энеолитические поселения в Закавказье, на периферии Иранского плато, на северной и южной делювиальной предгорной равнине Копетдага (джейтунская культура), а также в бассейне Инда (Мергар). Одновременно получило распространение производящее хозяйство на юго-востоке Европы.

В основе этого процесса было вовлечение в земледельческо-скотоводческое производство местного (донеолитического) населения. Миграционные процессы при этом имели место, но носили весьма ограниченный характер. Именно это обстоятельство определяет глубоко оригинальный характер местных раннеземледельческих культур, равно как и раннеземледельческих цивилизаций, возникших на их основе.

При всей их самобытности раннеземледельческие социальные образования поддерживали между собой разносторонние контакты, что достаточно определенно фиксируют археологические материалы. Следует отметить, что ряд относимых к этому времени археологических культур явился результатом таких контактов и культурной интеграции и не имеет однозначных этнических соответствий. Пример такого рода — «халафский горизонт», отражающий широкое распространение определенных стилей расписной керамики и архитектурных моделей в полиэтнической среде. Сходным по своей природе был процесс сложения Куро-Аракской культуры, протекавший, однако, в иной культурной и экологической среде.

Развитие и последующее угасание Куро-Аракской

[18] *Leroi-Gourhan.* Op. cit. P. 130—131.

[19] *Виноградова А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан // Материалы Хорезмской экспедиции. М.: Наука, 1975. Вып. 10.

культуры протекало на протяжении III тыс. до н. э., совпадавшего с началом «постоптимума»: понижением температур и влажности, вызвавшим уменьшение агроклиматического потенциала в областях раннего земледелия. Конкретные процессы адаптации к условиям «постоптимума» определялись особенностями экологической и культурной обстановки. В ряде районов, расположенных преимущественно в степной и полупустынной зонах, происходил процесс распада раннеземледельческих цивилизаций. Примерами такого рода являются угасание Трипольской цивилизации в лесостепной зоне Восточной Европы, а также исчезновение цивилизации Алтын-Намазга на юге Средней Азии.

В обоих случаях крушение раннеземледельческих цивилизаций, расположенных в крайне неблагоприятных экологических условиях, завершалось распространением в тех же местах культур, основанных преимущественно на кочевом скотоводстве. Радикальная смена хозяйственного уклада сопровождалась столь же глубокими изменениями в области идеологии, культуры и соответствующей материальной символики. Полностью менялись образ жизни, а также направление хозяйственных и культурных связей. В ряде случаев изменения, фиксируемые в археологическом материале, могут создать иллюзию завоевания земледельческих оазисов ордами завоевателей-кочевников. Такие завоевания неоднократно имели место, в особенности в позднейшие исторические периоды. Но в ряде случаев в действительности происходила смена хозяйственного уклада, сопровождавшаяся глубокой культурной мутацией.

Вторая адаптационная модель наиболее отчетливо прослеживается на территории Кавказа и Малой Азии. Ее отличительной особенностью был распад межэтнических культурных образований и возникновение моноэтнических социальных образований типа вождеств. Для этих образований было свойственно социальное, имущественное и ремесленное расслоение; обособление военно-элитарной и ремесленных прослоек, а также общий значительный подъем производительных сил (особенно впечатляющим было развитие металлургического производства). Напомним, что, согласно Депре [20], установле-

[20] *Despres L. A.* Ethnicity and Resource Competition in Plural Societies // Hagues: Mouton, 1975.

ние и упрочение межэтнических границ — непременное следствие ужесточения конкурентной борьбы за обладание естественными ресурсами при их хронической нехватке. В этих условиях значительно возрастает вероятность межэтнических конфликтов и военных столкновений, результат их археологически фиксируется в слоях разрушений: например, алтарь в слое Бейджесултан XVIIa (ок. 2800 г. до н. э.) и, особенно, Троя II (2300 г. до н. э.). Напомним, что Дж. Мелларт [21] сопоставляет последнее с реконструируемым им «лувийским вторжением», т. е. первым появлением индоевропейцев в Малой Азии. Представляется гораздо более обоснованным связать эти явления с локальными межэтническими конфликтами, тем более что археологические материалы, имеющиеся по Эгейскому региону, выявляют большую степень культурной преемственности, не оставляющей места для крупномасштабной миграции [22].

Наконец, третья модель, реализованная в условиях Месопотамии, свелась к возникновению протогосударственных структур, сконцентрированных в храмовых комплексах. Наиболее ярко выраженной особенностью этих структур было институирование управляющего механизма, регулирующего распределение трудовых и природных (в первую очередь, водных) ресурсов. Возникновение протогосударственных структур было мощным стимулом дальнейшего социального, экономического и культурного развития, приведшего к возникновению высоких древневосточных цивилизаций.

Характерной особенностью Востока было то, что ни одна из названных моделей не реализовалась в чистом виде. С другой стороны, можно видеть постоянное взаимодействие и взаимное проникновение укладов. Одним из наиболее типичных аспектов этого процесса было взаимодействие оседло-земледельческих и кочевнических цивилизаций и соответствующих символических систем. Как уже отмечалось, земледельческие и кочевнические уклады различались не только хозяйственным укладом и образом жизни, но и идеологическими системами и, что еще более важно, направлением хозяйственных и

---

[21] *Mellaart J.* The Chalcolithic and Early Bronze Age in the Near East and Anatolia. Beirut: Khayats, 1960.

[22] *Renfrew C.* Problems in the general correlation of archaeological and linguistic strata in prehistoric Greece // Bronze Age migrations in the Aegean. London: Duckworth, 1973. P. 263—275.

культурных контактов. Уместно предположить, что в большинстве случаев (хотя и не всегда) земледельцы и скотоводы-кочевники разговаривали на разных языках.

По-видимому, Сирийская и Аравийская пустыни были тем ареалом, где первоначально возникли протосемитические языки. Как следует из открытий палеолита советскими экспедициями в Южном Йемене (Х. А. Амирханов), по крайней мере, эта часть Аравийского полуострова была заселена уже в доашельское время. В течение климатического оптимума как в Аравии, так и в Леванте появились поселки преимущественно скотоводческого типа, названные Този «пасторальным технокомплексом» [23].

Позднее «технокомплекс» и вместе с ним семитохамитские языки распространились на всем пространстве пояса пустынь Ближнего Востока и Северной Африки. Много тысячелетий спустя аналогичный по своей природе процесс привел к распространению тюркских языков в поясе степной Евразии.

Что касается государственных образований Древнего Востока, то они были полиэтничны и многоязычны. При этом различные этнические группы (обслуживавшиеся соответствующим языком и письменностью), не соответствующие в этническом и языковом отношении основной массе земледельческого населения, могли занимать верховное положение в социальной иерархии. Эти группы могли быть инкорпорированы как из зоны кочевых культур (аккадская), так и из «субстратных» этнических групп (хаттская, хуррито-урартская, эламская). Лишь в XVII в. до н. э. в Малой Азии сложилось Хеттское государство, соответствовавшее в языковом отношении массе земледельческого населения, появившегося здесь не менее чем пять тысячелетий назад.

---

[23] *Tosi M.* The emerging picture of Prehistoric Arabia-Ann // Review of Anthropology. 1986. V. 15. P. 1—20.

ПРОИЗВОДСТВО ЦВЕТНЫХ И БЛАГОРОДНЫХ МЕТАЛЛОВ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННИХ КОЧЕВНИКОВ

Э. Ф. Кузнецова *(Алма-Ата)*

Накопление большого археологического материала, связанного с остатками производства, относящимися к периоду становления и развития производящей экономики в Центральном Казахстане, позволило провести исследование по проблемам технологии производственных процессов, которые касаются сырьевой базы, выплавки цветных металлов, изготовления изделий из бронзы и благородных металлов в древнейших мастерских. В ряде районов этого региона археологическими экспедициями обнаружены остатки поселений горняков и металлургов. Следы деятельности их отмечены на разработках рудных залежей в виде ям, шахт, штолен, а иногда и очень больших карьеров.

Об огромных масштабах выработки руд из древних карьеров свидетельствуют геологические материалы, согласно которым начиная с эпохи бронзы разрабатывались медные рудники Центрального Казахстана: Успенский (200 тыс. т), Кенказган (800 тыс. т), Джезказган (более 1 млн. т) и т. д., причем произведенные анализы показали, что использовались богатые руды с содержанием меди от 10—12 до 40—50%. Не в меньших масштабах велись здесь и работы в сфере древней металлургии, которые позволили определить, что богатые рудные ресурсы края обеспечивали сырьем производство цветных металлов и дали стимул к зарождению здесь ювелирного искусства во второй половине II тыс. до н. э., т. е. в период андроновской культуры.

Мощный центр металлургии бронзового века установлен в верховьях р. Атасу. На поселениях Атасу, Мыржик, Ак-Мустафа и др. обнаружены мастерские плавки металла. На производственных участках размещались медеплавильные комплексы с печами разных размеров и конструкций — от небольших лунок-плавилен до крупных агрегатов. Выявлен и ряд других пунктов металлургических работ: в степях Каркаралинской и Баянаульской, урочищах Шортанды-Булак и Шакпак-Тас, горах

Куу и Кызыл-Арай, на поселениях древнего Джезказгана, Суук-Булака, Каркаралы, Бугулы, Тагибай-Булака и пр. На местах древнего производства оказались каменные и глиняные литейные формы, льячки и тигельки, корольки металла, руды и шлаки, готовые изделия. В большом количестве в различных памятниках найдены орудия труда из камня (массивные песты, терочники, шары, ступки, лощила, мотыги, кайлы, молоты и пр.), которые служили для проведения горных работ и металлургических операций.

Богатый археологический и геологический материал требует комплексного подхода к его анализу. В современных условиях нельзя обойтись, в частности, без квалифицированной диагностики рудного сырья, которая включает: определение его химического и минерального состава; выяснение поведения продуктов плавки в ходе термического процесса; решение проблем топлива, температурного режима в медеплавильных печах; установление технологических параметров готовой металлической продукции и приемов ее обработки. При решении историко-технических проблем нужны методы технологического анализа археологических материалов — те методы, которые становятся новыми источниками информации при исследовании, такие, как световая и электронная микроскопия, термогравиметрический, рентгенометрический, эмиссионный спектральный и локальный лазерный анализы.

Один из современных методов изучения геологических и археологических материалов применен в наших исследованиях. Выбран термографический анализ как наиболее эффективный для изучения металлургического производства. Он является фазовым качественным и количественным методом, позволяет изучить физические и химические процессы в веществах по экспериментам, проводимым для установления минерального состава при их нагревании.

Все изучаемые образцы руд (включая полупродукты и шлаки), взятые непосредственно из печей древних производственных комплексов Атасу, Джезказгана и др., а также древних карьеров и выработок, подвергались термическому анализу, который был выполнен на дериватографе (Венгрия). Полученная картина фазовых превращений образцов позволила дать интерпретацию аналогичных термических реакций в древних печах, ко-

торые проявились в виде тепловых экзо- и эндотермических эффектов, специфичных для каждого образца.

С целью более глубокого исследования вещественного состава сырья, точной диагностики всех форм вхождения составляющих компонентов выполнен дифрактометрический анализ руд и шлаков. Кроме этого, изучены исходные образцы, полупродукты и конечные продукты металлургического производства методом световой и электронной микроскопии (Япония), которая заключалась в наблюдении полированных шлифов в отраженном свете под микроскопом. Определялся вид минерального вхождения, количество, размер зерен и кристаллов, характер примесей вмещающей породы. В большинстве образцов спектральным анализом установлены повышенные концентрации Pb, Zn, Mn, Ba (5—10—20%), которые характерны для широкого диапазона месторождений Центрального Казахстана.

Суммированные данные экспериментальных результатов позволили установить, что древняя металлургия Центрального Казахстана базировалась на распространенных там рудах разного минерального состава: окисленных (малахит, азурит, хризоколла), сульфидных (халькозин, халькопирит) и с включениями самородной меди. Разнообразие рудного сырья свидетельствует о том, что доступность освоения рудных залежей медных и полиметаллических месторождений послужила предпосылкой для развития здесь еще с древности цветной металлургии.

Проведенные эксперименты дали возможность для новой трактовки тех производственных процессов, которые существовали в древности и о которых свидетельствуют конкретные археологические материалы. Так, можно отметить, что процесс плавки осуществлялся в несколько этапов. Обязательной была фаза обогащения руд, связанная с термической обработкой исходного сырья. Установлено, что обогащенный полупродукт является генерацией куприта и тенорита. В результате дальнейшего нагревания полупродукта с добавками (флюсами и катализаторами) получалась черновая медь. Завершающий процесс состоял в отливке (с добавками легирующих компонентов) металлических изделий в литейных формах.

Совершенно очевидно, что сложностью технологии производства и многоступенчастостью металлургическо-

го процесса была обусловлена специфика конструкции плавильных печей. Особенности же устройства металлургических тепловых агрегатов позволяют судить о полифункциональном их назначении.

Спектральному анализу на химический состав подвергались предметы из разных памятников Казахстана, относящиеся к эпохе бронзы. Это наконечники стрел, орудия труда, украшения — изделия из оловянистых бронз и меди, простые по технике исполнения и незначительные по типовому диапазону.

Для металлургии и металлообработки периода ранних кочевников характерен довольно высокий уровень производства. Отмечается углубление специализации труда, прогресс в технике и технологии изготовления бронзовой продукции. Художественные бронзы, выполненные мастерами тасмолинской культуры, в том числе изделия из благородных металлов, демонстрируют совершенное искусство литья и металлообработки. Анализами выявлено многообразие употребленных рецептов сплавов, большой диапазон легирующих добавок. Составлены гистограммы элементного состава бронз и диаграммы химико-металлургических характеристик металла, на основании чего сделан сравнительный анализ технологических параметров цветных металлов в региональном плане.

В эпоху ранних кочевников заметно увеличилась дифференциация литейного ремесла. Металлообработка бронз достигла своего совершенства. Проявился прогресс в ювелирной технике. Украшения из благородных металлов, найденные в скифо-сакских памятниках Центрального Казахстана, выполнены в сложной технике, отмеченной многообразием приемов обработки драгоценных металлов: ковка, чеканка, тиснение, гравировка, штамповка, плакирование. Изучение изделий из золота и серебра по составу и на пробность проводилось методом лазерного локального микроспектрального анализа на микроспектроанализаторе LMA=10 (ГДР). Лазерное испарение осуществлялось в разных режимах с отбором минимального количества анализируемого вещества порядка ($1 \cdot 10^{-6}$ г). Выявлено, что в ювелирное производство в основном шло золото самородного состояния, которое добывалось из многочисленных россыпей и кварцево-жильных месторождений и рудопроявлений, богато представленных в недрах Центрального Ка-

захстана. Золотые изделия отнесены к категории высокопробных (пробность распределена в интервале 760—910).

Исследование определенных вопросов технологии металлургического производства, характерного для крупного очага андроновской культуры Центрального Казахстана, является одним из факторов изучения конкретного исторического процесса в локальном его проявлении и помогает понять особенности экономики древних обществ.

К ПРОБЛЕМЕ КОНЕВОДСТВА В НЕОЛИТ — ЭНЕОЛИТЕ КАЗАХСТАНА

Л. А. Макарова, Т. Н. Нурумов *(Алма-Ата)*

Казахстан является одной из тех древнейших географических областей, для которой характерен был процесс становления и развития скотоводческого хозяйства, в том числе и такого существенного его элемента, как коневодство. Поэтому в истории эволюции производящего хозяйства неолит — энеолита евразийских степей важное значение имели и степи Казахстана.

Ранее здесь из неолит — энеолитических стоянок в различных видовых соотношениях были известны находки костей домашних животных и диких: из Восточно-Казахстанской области[1] (Усть-Нарым, III тыс. до н. э.), Кзыл-Ординской[2] (Агыспе, Саксаульская, III тыс. до н. э.), Карагандинской[3] (Караганда XV, Зеленая Балка IV, III тыс. до н. э.), Кустанайской[4] (Терсек-Карагай, Светлый Джаркуль, Затобольская, конец III — начало

[1] *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: Автореф. докт. дис. М., 1970.

[2] *Формозов А. А.* К вопросу о происхождении андроновской культуры // Краткие сообщения института материальной культуры. 1951. Вып. 39. С. 3.

[3] *Клапчук М. Н.* Неолитические стоянки Караганда 15 и Зеленая Балка IV // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.; Л., 1969. № 36. С. 111.

[4] *Формозов А. А.* Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом // Бюллетень..., 1950. № 15. С. 64—65.

II тыс. до н. э.), Павлодарской [5] (Пеньки 2, конец III — первая четверть II тыс. до н. э.; Телектес, конец III тыс. до н. э.), Кокчетавской [6] (Иман-Бурлук 1, середина III тыс. до н. э., Иман-Бурлук 2, вторая половина III тыс. до н. э. — начало II тыс. до н. э.). На некоторых из памятников найдены кости крупного и мелкого рогатого скота и лошади, на других — только кости лошади. Хотя остеологический материал из этих памятников был малочисленным и фрагментарным, он засвидетельствовал, что в эти ранние эпохи в хозяйстве племен имелись домашние животные.

Если не считать некоторых археологических статей по древнему хозяйству Казахстана, в которых приведены краткие сведения о видовом и количественном составе домашних животных по их костным остаткам из раскопок отдельных неолитических стоянок и поселений эпохи бронзы, то можно считать, что специальная литература по описанию остеологического материала из археологических памятников Казахстана практически отсутствует.

Изученный нами костный материал из ряда стоянок и поселений эпохи неолита и бронзы Северного и Центрального Казахстана за последние 10—15 лет расширил наше представление о занятиях древнего населения скотоводством и, в частности, коневодством. Ранее сведения об остатках лошадей ранних эпох в Казахстане были скудны и совершенно отсутствовала какая-либо их остеометрическая характеристика. Поэтому костный материал [7] из таких памятников, как Шалкия I в Джезказганской области (неолит — энеолит), стоянки Тельмана в Целиноградской области (III тыс. до н. э.), Соленое

---

[5] *Чалая Л. А.* Озерные стоянки Пеньки 1,2 Павлодарской области // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 161—181; *Гайдученко Л. Л.* Неолитическая стоянка Телектес в Павлодарской области // Советская археология, 1979. № 5. С. 7.

[6] *Чалая Л. А.* Позднеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 188.

[7] *Алпысбаев Х. А.* О находках индустрии каменного века в Каржантау и Караоба / Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 126; *Зайберт В. Ф.* Раскопки у с. Тельмана Целиноградской области // Археологические открытия 1976 года. М., 1977; *Логвин В. Н.* Работы в Наурзумском заповеднике в 1977 г. // Археологические открытия 1978 года. М., 1979; *Зайберт В. Ф., Татаринцева Н. С., Заитов В. И.* Исследования в Кокчетавской области // Археологические открытия 1978 года. М., 1979.

озеро I, Ливановка в Кустанайской области (конец III — начало II тыс. до н. э.), Виноградовка (неолит), Ботай в Кокчетавской области (конец IV—III тыс. до н. э.) и из двух поселений ранней бронзы в этом же регионе (Рощинское и Баландино, содержащие, по определению Л. А. Макаровой в 1980 г., остатки лошадей), пожалуй, явились первыми источниками, позволившими дать остеометрическую характеристику отдельным костям лошади эпохи энеолита и ранней бронзы северной части республики.

Одной из стоянок, на которой в значительном количестве были обнаружены кости лошади, немного остатков короткорогого бизона (зубра) и кабана, оказалось Соленое озеро I. Сохранность костей плохая. Целых из них, пригодных для остеометрической обработки, отобрано было немного. Кости из этой стоянки изучались в сравнении с аналогичными костями лошадей из поселений бронзы Казахстана [8] (Чаглинка, Саргары, Новоникольское I и Петровка II, Конезавод 3, Атасу и Мыржик) и из хронологически близких памятников Восточной Европы [9] (Дереивка, Флорешты, Озерное I), а также с полуфоссильными остатками лошади Пржевальского и тарпана (по данным В. И. Громовой).

По индексу ширины диафиза пястная кость из стоян-

[8] *Оразбаев А. М.* Поселение и могильник Чаглинка // Археологические открытия 1966 года. М., 1967. С. 291—292; *Макарова Л. А.* Предварительное сообщение о животных эпохи бронзы поселения Чаглинка // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 269—276; *Она же.* Характеристика костного материала из поселения Саргары // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 211—226; *Она же.* Кости животных из двух поселений эпохи бронзы в Северном Казахстане // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 141—151; *Она же.* Животные Атасу и других поселений Центрального Казахстана // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977. С. 124—131; *Зданович Г. Б.* Стратиграфия поселения Новоникольское I. Археологические... С. 113—127; *Он же.* Поселение эпохи бронзы Новоникольское I. Из истории Сибири: Вып. 15. Томск, 1974; *Он же.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. канд. дис. М., 1979; *Евдокимов В.* Экспедиция Кустанайского пединститута // Археологические открытия 1973 года. М., 1974; *Кадырбаев М. К.* Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 134—142.

[9] *Цалкин В. И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970; *Бибикова В. И.* Фауна Дереивки и ее особенности // Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975. Ч. 1.

ки более всего сходна с пястной из энеолитического поселения Озерное I (Восточная Европа). Первые и вторые фаланги по своим размерам и пропорциям близки к одноименным костям лошадей поселений бронзы на территории республики. Результаты статистического анализа данных измерений указанных костей из Соленого озера I и поселения Атасу (Джезказганская область) показали, что достоверных различий в соответствующих признаках пястных костей нет. По полученным измерениям сходство устанавливалось с высокой достоверностью (M. diff=0,65). Отличие наблюдалось только в ширине диафиза передней и задней путовых костей. По отношению ширины диафиза к общей длине путовые кости из Соленого озера I более массивны, что также устанавливалось с высокой достоверностью (M. diff= =4,125).

О толстоногости лошадей прошлых эпох говорят костные остатки из отложений среднего и позднего антропогена. Так, в районе поселка Верхний Бурлук и Сагаревки в Кокчетавской области и с. Жанаул в Павлодарской найдены фоссильные метакарпальные кости, которые, как отмечает Б. С. Кожамкулова[10], имеют строение, типичное для домашних лошадей, По размерам и индексам пястные кости из указанных мест очень сходны с пястной костью из Соленого озера I. Особенно показателен индекс диафиза пястных костей, который составляет 16,3—16,8% у ископаемых лошадей и 16,7% — у лошади из энеолитической стоянки. Исключение составляет ширина верхних концов пястей, которая у ископаемых лошадей больше. По описанию В. И. Цалкина, домашние лошади эпохи неолита Восточной Европы тоже более толстоногие, чем лошади последующих эпох. По размерам и пропорциям первых фаланг конечностей признак толстоногости сохраняется и у лошадей из некоторых поселений поздней бронзы Северного Казахстана, таких, как, например, Конезавод 3 в Кустанайской области.

Таким образом, лошадь из стоянки Соленое озеро I по результатам статистического анализа основных промеров пясти, первых и вторых фаланг и сравнения их с такими же костями лошадей из хронологически и терри-

[10] *Кожамкулова Б. С.* Антропогеновая ископаемая териофауна Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 42—48.

ториально различных памятников отнесена нами к одомашненной.

Другим памятником раннего времени, давшим исключительно богатый и интересный материал, является энеолитическое поселение Ботай, открытое Северо-Казахстанской археологической экспедицией в Володарском районе Кокчетавской области в 1980 г.[11] Оно поражает огромным скоплением костей, принадлежавших главным образом лошади. До этого в Казахстане не были известны памятники энеолитической эпохи с массовым содержанием костных остатков различных животных. Здесь в 1980 г. Л. А. Макаровой, кроме костей лошади, которые составляли на поселении 99,9%, были установлены единичные остатки бизона, тура и туроподобного скота, зайца, сурка, бобра, волка, лисицы, медведя, кабана, косули, лося, джейрана, сайги, собаки[12]. Этот же фаунистический состав, кроме кабана, в 1982 г. во время посещения Ботая определен и Н. М. Ермоловой. Из 133 тыс. наиболее ценных костей, из которых, по нашим подсчетам, 29,1% составляли молодые особи (до 5 лет), для биометрической обработки нами было отобрано 10 тыс., наиболее характерных в диагностическом отношении. Предварительный контрольный анализ биометрических данных, полученных на диалоговом вычислительном комплексе ДВК-2 на языке Qvasic-2 для пястных и плюсневых костей и первых фаланг, показал, что лошади Ботая по степени тонконогости и по росту в холке различны, а именно: средненогие составляют 42,3%, полутонконогие — 40,8%, полутолстоногие — 10% и толстоногие — 6,8%. По индексу ширины диафиза (16,4%) пястные кости из Ботая близки к одноименной кости лошади из Соленого озера I (16,27%), а также к пястной кости лошади из памятника неолита Восточной Европы — поселения Озерное (16,8%). Домашние лошади эпохи бронзы Казахстана, лошадь Пржевальского и тарпан не имеют такого высокого индекса ширины

[11] *Зайберт В. Ф.* Исследования в Северном Казахстане // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 435: *Он же.* Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: (Межвузовский сб.). Челябинск, 1985. С. 3—17.

[12] *Макарова Л. А.* Предварительное определение костного материала из пос. Ботай // Отчет Северо-Казахстанской археологической экспедиции. Петропавловск, 1980; *Ермолова Н. М.* Остатки млекопитающих из поселения Ботай: (По раскопкам 1982 г.) // Там же.

диафиза пястных костей: у них он в среднем равен 14,4%—15,9%.

О некоторой массивности костей конечностей ботайской лошади говорят и пропорции первой фаланги (индекс ширины диафиза — 42,96%); этот же показатель первой фаланги у лошади Дереивки — 43,2%, из Соленого озера I — 43,9%, у домашних лошадей поселения бронзового века Казахстана — Чаглинки — 42,16%, Конезавода 3 — 43,9%. У лошадей из других памятников бронзы этот показатель не превышает 42,4%.

Полученные измерения длин пястных и плюсневых костей позволили установить рост в холке ботайской лошади: 69,23% составляют лошади 136—144 см. т. е. средние по росту; 20,5% — выше средних (от 144 см до 152 см), 10% — малорослые лошади (от 128 до 136 см). Например, лошади из Пазырыка также делились по высоте холки на три категории, из которых верховые лошади, т. е. наиболее крупные особи, имели высоту в холке, достигавшую 148—150 см.

Разнообразие в строении костей конечностей и росте в холке ботайской лошади также может свидетельствовать о ее одомашненности. На большую индивидуальную изменчивость в размерах посткраниального скелета и роста в холке, свойственную домашним формам, указывают: Н. М. Ермолова [13] — для древних лошадей Алтая и В. О. Витт [14] — для лошадей из курганов Пазырыка. Известные дикие виды конституционно более однообразны в строении костей конечностей. Так, среди остатков лошади Пржевальского не встречены кости с высоким индексом ширины диафиза, и все известные находки костей этой лошади принадлежали только полутонконогим и тонконогим особям. Пястная кость тарпана по ширине диафиза свидетельствует, что она принадлежала средненогой лошади, каких много среди лошадей эпохи бронзы и лошадей из Ботая, но у тарпана очень высокие показатели всех параметров первой и второй фаланг конечностей.

---

[13] *Гальченко А. В., Ермолова Н. М.* К изучению древних домашних лошадей Алтая // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири: Тезисы докладов и сообщений к научной конференции (6—8 апреля 1983 г.). Барнаул, 1983. С. 125—127.

[14] *Витт В. О.* Лошади Пазырыкских курганов // Советская археология. 1952. № 16. С. 205.

Пока главным морфологическим критерием принадлежности лошадей неолит-энеолитической эпохи Казахстана к домашней форме являются результаты статистического сравнительного анализа данных измерений первых фаланг лошади Соленого озера I с такими же данными измерения одноименных костей из поселения бронзы Атасу, которые показали, что достоверных различий в соответствующих признаках первых фаланг не имеется, за исключением различия в ширине диафиза этих костей, из которого можно заключить, что лошадь из Соленого озера I была более толстоногой. Первые фаланги из Ботая близки по абсолютным размерам к фалангам костей из Атасу.

По имеющимся фрагментам верхних и нижних челюстей и по отдельным зубам, найденным в остатках Ботая, видно, что наличие зубов широких и узких, крупных и более мелких, возможно, связано с различным строением черепов. Последние различаются по строению, например, затылочных костей, хорошо сохранившихся по сравнению с другими элементами черепа.

Различия отмечаются и при сравнении характера эмалевого рисунка на зубах ботайских лошадей и рисунка на зубах позднеплейстоценовых лошадей, для которых, например, свойственно разделение мезостиля только на предкоренных зубах или премолярах; у лошадей из Ботая есть зубы, рисунок эмали которых имеет сходство с рисунком зубов позднеплейстоценовых лошадей, и в то же время есть зубы, отличающиеся от последних тем, что у них имеется расширенный и даже раздвоенный мезостиль и на коренных зубах, т. е. молярах, что является признаком прогрессивным, как и удлиненный протокон у настоящих лошадей. О данных признаках В. И. Громова пишет: «Лошади позднеплейстоценового времени из Восточной Европы имеют раздвоенный мезостиль на премолярах, на молярах он притуплен. Может быть, несколько примитивнее других зубы из пещеры Усть-Катавской, где премоляры имеют не раздвоенный, а иногда даже не расширенный мезостиль. Для зубов лошадей с крайнего севера Сибири характерен очень длинный протокон, что является признаком прогрессивным. Почти во всех случаях мезостиль на премолярах по меньшей мере расширен и притуплен, а нередко и раздвоен на вершине выемкой. Расширение и раздвое-

ние мезостиля встречается даже на молярах»[15]. У голоценовых лошадей (тарпан, лошадь Пржевальского) также отмечаются все эти прогрессивные признаки, что характерно и для ботайской лошади.

По измерениям, полученным нами на довольно большом количестве костей, видно, что цифры промеров ботайских лошадей лежат в пределах колебаний параметров домашних лошадей эпохи бронзы Казахстана, Восточной Европы, а также наблюдается сходство с параметрами отдельных костей лошади из неолитического поселения Дереивка, приводимыми В. И. Бибиковой. Поэтому, полагаем, несмотря на недостаточную изученность доместикационных признаков данных лошадей раннего времени, по полученным промерам и с учетом археологии о хозяйственном укладе поселенцев ботайскую лошадь можно отнести к одомашненной форме.

Еще одним доказательством одомашненности ботайской лошади является и массовое нахождение костей одного вида на поселении. О подобном факте[16] упоминают Ш. Бекени, В. И. Цалкин, В. И. Бибикова на примере энеолитического поселения Дереивка (IV тыс. до н. э.) на Днепре, где количество костных остатков лошади составляет 60%, а на древнеямном поселении Репин-Хутор на Дону — до 80% всех костей. В. И. Бибикова, изучившая череп дереивской лошади, пришла к выводу, что он принадлежал уже одомашненной лошади.

В. И. Цалкин писал по поводу большого количества костей, обнаруженных на поселениях культуры Средний Стог II, куда относятся Дереивка и Репин-Хутор, что такое необычное для неолитических и энеолитических памятников обилие костей лошади свидетельствует о том, что именно коневодство было основой хозяйства этих племен. Далее В. И. Цалкин писал: «Мы не видим оснований считать костные остатки лошадей, встречающихся в неолитических и энеолитических поселениях Юго-Восточной Европы, принадлежащими именно диким

[15] *Громова В. И.* История лошадей (рода Equus)в Старом Свете: Ч. 1, 2 // Труды палеонт. ин-та. М., 1949. Вып. 1, 2. Т. 17, С. 147—151.

[16] *Бекени Ш.* Роль степей Евразии в распространении коневодства // Проблемы археологии степной Евразии: (Советско-венгерский сборник). Кемерово, 1984; *Бибикова В. И.* К изучению древнейших домашних животных Восточной Европы // Бюллетень МОИП. Отд. биол. 1967. Вып. 3. Т. 72. С. 106. *Она же.* Фауна Дереивки...

животным ... более правильно рассматривать их как происходящими уже от домашних особей». Он считал, что «аридные степи крайнего юго-востока Европы и Заволжья были той естественной средой, в которой могла успешно протекать доместикация лошади». Этого же мнения придерживается и В. И. Бибикова, которая пишет, что на территории Юго-Восточной Европы намечается два ареала археологических памятников — западный и восточный, хорошо различающиеся количеством остатков лошади в них. Для неолитических и энеолитических памятников (поселений) на западе характерно малое количество остатков лошади (менее 10%), для восточного характерна многочисленность костных остатков лошади (в отдельных памятниках до 88%). Как полагает В. И. Бибикова, «из восточного ареала, где лошадь как домашнее животное была освоена рано, она могла эпизодически проникать на смежные территории, занятые племенами с иным хозяйственным укладом ...».

Примеры по Юго-Восточной Европе и Заволжью показывают, что поселение Ботай по количеству костей лошади также является удачным доказательством коневодческого поселения, факт существования которого еще более подтверждает наше представление о расширении границ восточного ареала доместицированных лошадей и перемещает эти границы в Казахстан.

Приведенные нами сведения о костных остатках лошадей из ранних памятников, расположенных в различных регионах республики, позволяют говорить о более широких областях распространения древних домашних лошадей, включая в эти области не только Восточную Европу, как это считалось многими исследователями, но и Казахстан, тем более, что физико-географические условия последнего благоприятствовали формообразованию различных кабаллоидных лошадей, о чем свидетельствуют находки остатков их здесь в антропогеновую эпоху.

Возможно, Ботай, как и Дереивка, является неолит-энеолитическим поселением, где жили первые коневоды, а наличие костей лошади на ранних памятниках Казахстана, где еще не встречены кости других домашних животных, может свидетельствовать о ранних формах коневодства, а также о более раннем времени доместикации лошади на территории республики. В пользу последнего довода говорит и немаловажный факт нахождения на

Ботае архаических типов псалий[17]. Существование домашней лошади в позднем неолите и энеолите Северного Казахстана согласуется с общим процессом одомашнивания животных.

Таким образом, возникает вопрос, не являются ли все эти данные подтверждением предположения о первоначальных формах коневодства на территории Северного Казахстана. Кроме того, все эти факты позволяют предполагать об общности и, может быть, одновременности доместикации лошади в степных районах Юго-Восточной Европы, Заволжья и Казахстана.

Вся дальнейшая работа по восстановлению морфологического облика ботайской лошади как раз и будет заключать в себе задачу выявления доместикационных признаков, если они появились в строении отдельных костей к данному моменту ее существования. Решение этой задачи очень сложное и требует не только времени, но и новых находок костей лошади из Ботая и других памятников раннего времени, сравнения их с известными формами плейстоценовых лошадей, а также с костными остатками лошадей из памятников более поздних эпох. Но пока немаловажен тот факт, что по костям посткраниального скелета ботайской лошади и других лошадей из памятников неолит-энеолитического времени впервые для Казахстана получена возможность установить абсолютные размеры по отдельным параметрам, вычислить их пропорции, провести статистический анализ измерений и получить некоторые сравнительные данные, характеризующие лошадь из Ботая как уже одомашненную.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕГО СКОТОВОДСТВА В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

В. А. Шнирельман *(Москва)*

В настоящее время Восточное Средиземноморье является, пожалуй, единственным районом мира, где имею-

[17] *Коробкова Г. Ф.* Технико-технологический потенциал древних обществ и направленность культурно-хозяйственного развития // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тезисы докл. Советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 1987. С. 41.

щиеся археологические материалы позволяют детально проследить особенности эволюции древнего скотоводства, начиная с момента доместикации животных до формирования кочевничества. Особенно важен тот факт, что здесь этот процесс удается увязать с меняющейся природной обстановкой и с определенными достижениями общекультурного значения.

Восточное Средиземноморье включает три фитогеографические области: 1) средиземноморскую лесную, 2) иранско-туранскую степную, 3) сахаро-синдскую пустынную. В течение голоцена границы этих областей не оставались неизменными. В частности, в начале голоцена средиземноморская область простиралась далеко на юг, охватывая Центральный Негев, достигала Акабского залива, а островки средиземноморской флоры встречались даже на юге Синая. Затем в VI—V тыс. до н. э. здесь наблюдался засушливый климат, сменившийся в эпоху энеолита в IV тыс. до н. э. новым влажным интервалом. Современные климатические условия окончательно сложились в течение III тыс. до н. э.[1] Все это необходимо учитывать при установлении границ тех древних областей, где происходила первичная доместикация.

Действительно, если в настоящее время дикие безоаровые козы и азиатские муфлоны обитают в основном в северных и восточных горных районах Передней Азии, то в начале голоцена ситуация была иной. Тогда ареал безоаровых коз охватывал Левант вплоть до Мертвого моря и восточных окраин Вади Араба[2]. Судя по находкам в Северной Сирии[3] и Палестине[4], дикие овцы в XI—VII тыс. до н. э. обитали в степях и, возможно, ле-

---

[1] *Horowitz A.* The Quaternary of Israel. N. Y., 1979; *Goldberg P., Bar-Yosef O.* Environmental and archaeological evidence of climatic change in the Southern Levant // Palaeoclimates, palaeoenvironments and human communities in the Eastern Mediterranean region in later prehistory. Oxford. 1982. Pt. 2.

[2] *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. М., 1980. С. 54.

[3] Там же. С. 54, 287. Табл. 3.

[4] *Clutton-Brock J., Uerpmann H.-P.* The sheep of early Jericho // Journal of Archaeological Science. 1974. V. 1; *Davis S., Goring-Morris N., Gopher A.* Sheep bones from the Negev Epipalaeolithic // Paléorient, 1982. V. 8, N 1; *Henry D. O., Turnbull P. F.* Archaeological and faunal evidence from Natufian and Timnian sites in Southern Jordan, with notes on pollen evidence // Bulletin of the American Schools of Oriental Research (далее — BASOR). 1985. N 257. P. 55.

остепях на окраинах средиземноморской области. В этот период во многих районах Леванта встречались и туры, ареал которых простирался от Среднего Евфрата до Акабского залива и даже Южного Синая. В пределах этого региона водились и кабаны, но они расселялись более локально, чем туры.

Иначе говоря, в раннем голоцене безоаровые козы, туры и кабаны обитали в основном в средиземноморской области, а азиатские муфлоны — на ее границе с иранско-туранской областью.

Какую роль все эти животные играли в хозяйстве местного населения на рубеже плейстоцена и голоцена? В этот период здесь обитали создатели натуфийской культуры, которые охотились главным образом на газелей (50—95% костей животных на разных археологических памятниках) [5]. Лишь некоторые периферийные общины уделяли относительно большое внимание охоте и на других животных: коз и овец в Южной Иордании (Бейда, Вади Джудаид), кабанов в Галилее (Эйнан), туров в Западной Сирии (Тайбе).

В принципе охота сохраняла этот характер и в начальной фазе раннего неолита (8500—7500 гг. до н. э.), когда в Восточном Средиземноморье уже возникло древнейшее земледелие. Качественный скачок в соотношении разных видов животных произошел на более поздних этапах раннего неолита (7500—6000 гг. до н. э.) [6]. Ранее всего он фиксировался в Иерихоне, где в VIII — первой половине VII тыс. до н. э. роль коз и овец значительно возросла (с 4,3 до 43% всех костных остатков), а роль газелей упала (с 53 до 12%). Одновременно усилился интерес к кабанам и турам, хотя и ненамного. В этот период в Иерихоне появились одомашненные козы. Вопрос о доместикации овец, туров и кабанов остается открытым, хотя, по предположению некоторых авторов, их уже могли приручать [7]. Зато в Бейде, несмотря на специализированную охоту на диких коз, скотоводство так

---

[5] *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. С. 287. Табл. 3. С. 292, 293. Табл. 7.

[6] *Davis S.* Climatic change and the advent of domestication; the succession of ruminant Artiodactyls in the Late Pleistocene-Holocene period in the Israel region // Paléorient. 1982. V. 8. N 2.

[7] *Clutton-Brock J.* The mammalian remains from the Jericho Tell // Proceedings of the Prehistoric Society. 1979. V. 45.

и не возникло [8]. Следовательно, сама по себе специализированная охота не всегда вела к доместикации.

Более многочисленные данные о становлении скотоводства в Восточном Средиземноморье дают памятники второй половины VII тыс. до н. э. В Абу Хурейре на Среднем Евфрате в середине VII тыс. до н. э. наблюдался резкий сдвиг в использовании разных животных: роль газелей упала (с 82 до 19%), а роль коз/овец и туров возросла (соответственно с 6 до 70,5% и с 3,5 до 8%) [9]. Во впадине эль-Коум разведение мелкого рогатого скота началось в течение второй половины VII — начала VI тыс. до н. э. [10] А к востоку отсюда в поселке Букра в этот же период появились вначале одомашненные козы и овцы, а чуть позднее — крупный рогатый скот и свиньи [11]. В Абу Хурейре вслед за мелким рогатым скотом к началу VI тыс. до н. э. тоже появились крупный рогатый скот и одомашненные свиньи.

На побережье Северной Сирии в древнейшем слое Рас Шамры, датированном второй половиной VII тыс. до н. э., тоже встречались кости одомашненных коз, свиней и крупного рогатого скота [12]. В горных долинах Ливана (Лабве) и в Западной Сирии (Рамад) разведение коз, овец, свиней и крупного рогатого скота возникло к началу VI тыс. до н. э. [13]

Во второй половине VII тыс. до н. э. сходная картина наблюдалась и в различных районах Палестины. В Бейсамуне кости коз составляли более половины всех фаунистических остатков, а четвертая часть всей коллекции была представлена кабанами. Возможно, здесь встреча-

---

[8] *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. С. 65.

[9] *Legge A. J.* The fauna of Tell Abu Hureira: preliminary analyses // Proceedings of the Prehistoric Society. 1975. V. 41.

[10] *Van Loon M. N., Dornemann R. H.* New sites in the Euphrates valley // Archaeology. 1969. V. 22. N 1.

[11] *Hoojer D. A.* Preliminary report on the animal remains found at Bouqras and Ramad in 1965 // Les Annales Archéologiques Arabes Syriennes. 1966. V. 16. T. 2; *Akkerman P. A.* et al. Bouqras revisited: preliminary report on a project in Eastern Syria // Proceedings of the Prehistoric Society. 1983. V. 49.

[12] *Contenson H. de.* New correlations between Ras Shamra and Al-'Amuq // BASOR, 1963. V. 172. P. 35.

[13] *Bökönyi S.* Environmental and cultural differences as reflected in the animal bone samples from five Early Neolithic sites in Southwest Asia // Approaches to faunal analysis in the Middle East. Cambridge, 1978; *Hoojer D. A.* Op. cit.; Contenson H. de. La region de Damas au Néolithique // Les Annales Archéologiques Arabes Syriennes. 1985. V. 35.

лись овцы и туры, но морфологически процесс доместикации животных здесь еще не фиксировался [14]. В Вади Фалла в течение раннего неолита роль газелей понизилась (с 88 до 76%), а роль коз возросла (с 3 до 14%) [15]. В нижних слоях Мунхатты кости коз и овец составляли 33% фауны, а кости туров и кабанов — соответственно 13 и 23% [16]. А в Абу Гоше останки коз, туров и кабанов составляли 56, 17,5 и 13% [17]. Аналогичным образом в Айн Гхазале более половины останков животных было представлено костями коз, причем и здесь, и в Абу Гоше среди последних преобладал молодняк. По ряду признаков можно говорить о разведении коз в Айн Гхазале. Менее ясна ситуация в отношении свиней и крупного рогатого скота [18]. Наконец, в Месад Маззале были обнаружены останки, безусловно, одомашненных коз и, возможно, крупного рогатого скота [19].

Следовательно, в рассматриваемом регионе доместикация животных происходила в пределах средиземноморской области в течение VII тыс. до н. э., когда климат был мягче и размеры средиземноморской области были крупнее, чем ныне. Доместикации предшествовал переход к специализированной охоте на коз и овец. Первыми одомашненными животными, не считая собаки, были козы и овцы, а доместикация туров и кабанов завершилась лишь к концу VII тыс. до н. э. Древнейшие одомашненные козы были известны в низовьях р. Иордан в начале VII тыс. до н. э. Позднее их стали разводить и в других местах в пределах естественного ареала их диких предков.

Иначе обстояло дело с овцами, дикие сородичи которых обитали на окраинах левантийской зоны и не имели большого хозяйственного значения для местных

[14] *Lechevallier M.* Abou Gosh et Beisamoun. Deux gisements du VIIe Millénaire avant l'ère chrétienne en Israel. Paris, 1978.

[15] *Noy T. et al.* Recent excavations at Nahal Oren, Israel // Proceedings of the Prehistoric Society. 1973. V. 39.

[16] *Ducos P.* Communautés villageoises et origine de la domestication en Syro-Palestine // UISPP. IX Congress. Colloque XX. Origine de l'élevage et de la domestication. Nice, 1976.

[17] *Lechevallier M.* Op. cit.

[18] *Rollefson G. O. et al.* Excavations at the Pre-Pottery Neolithic village at Ain Ghazal (Jordan), 1983 // Mitteilungen der Deutschen Orient Gesellschaft zu Berlin. 1985. Bd. 117.

[19] *Taute W.* Mesad Mazzal, ein Siedlungs platz der präkeramischen Neolithikums südlich des Toten Meeres // Beiträge zur Urweltgeschichte des Vordern Orients. Wiesbaden, 1981.

обитателей. Поэтому некоторые исследователи предполагают, что одомашненные овцы были приведены в Восточное Средиземноморье извне — с севера или с востока. Проведенный выше обзор показывает, что, если овцы и могли быть одомашнены в пределах Восточного Средиземноморья, то только в степных районах Сирии, где во второй половине VII тыс. до н. э. они были объектами специализированной охоты. Об экологической обусловленности процесса доместикации свидетельствует, в частности, состав стада у самых ранних скотоводов: ведь у населения степных сирийских поселков (Абу Хурейра, Букра, Рамад, эль-Коум) овец было вдвое, а то и вчетверо больше, чем коз, тогда как обитатели сирийского побережья и Палестины либо выпасали только коз (Рас Шамра, Вади Фалла, Абу Гош, Месад Маззал, Айн Гхазаль), либо — преимущественно коз (Иерихон, Мунхатта, Бейсамун). В Лабве козы и овцы встречались поровну. Существенно, что в поселках Галилеи и верховий р. Иордан овцы встречались в необычном для себя биотипе, что уже само по себе говорит об их доместикации.

Следовательно, становление раннего скотоводства в Восточном Средиземноморье происходило в его северо-восточных районах на основе преимущественно овцеводства, а западнее и южнее — на основе козоводства. Первоначально процесс доместикации коз и овец фиксировался только профилями смертности. Так, в Абу Гоше, Мунхатте и Бейсамуне, подобно более поздним скотоводческим поселкам, 85—90% коз и овец были убиты в возрасте до трех лет [20]. Четкие морфологические признаки доместикации появились на сравнительно более поздних памятниках, например, в Букре.

Доместикация тура и кабана не только произошла позднее, чем коз и овец, но она имела и более локальный характер. Домашние свиньи появились к рубежу VII—VI тыс. до н. э. лишь в некоторых хорошо обводненных северных районах, а крупный рогатый скот получил определенное распространение лишь на равнинах. Для ранних скотоводов разведение этих животных имело лишь подчиненное значение.

Древнейшее скотоводство возникло в северных и

[20] *Ducos P.* «Domestication» defined and methodological approaches to its recognition in faunal assemblages // Approaches to faunal analysis in the Middle East. Cambridge, 1978. P. 55. Table 1.

центральных районах средиземноморской зоны. А в ее южных районах, охватывавших в VII тыс. до н. э. Центральный Негев и простиравшихся вплоть до Акабского залива, домашних животных в раннем неолите не было. Видимо, это объясняется тем, что здесь обитали подвижные группы охотников и собирателей, а раннее скотоводство распространилось прежде всего именно в земледельческой среде. Это позволяет отвергнуть идею о какой-либо связи раннего скотоводства с кочевничеством. Могли ли кочевники или полукочевники появиться здесь в VI тыс. до н. э., как это иногда предполагают? [21]

Развитие скотоводства в земледельческой среде рано или поздно ставило перед людьми проблему, как уберечь созревающий урожай от домашних животных. С появлением достаточно крупных стад возникла необходимость угонять их подальше от полей в период созревания растений [22]. Археологически это может фиксироваться временными скотоводческими стоянками, сходными по культуре с земледельческими поселками и расположенными на некотором удалении от них. Именно такие стоянки были обнаружены недавно во впадине эль-Коум. Их интерпретация в качестве стоянок специализированных скотоводческих групп [23] представляется менее правдоподобной. Скорее всего их обитатели занимались отгонным, или пастушеским, скотоводством, чтобы уберечь поля от потравы. Амплитуда перегонов стад была небольшой и ограничивалась пределами достаточно увлажненной зоны.

Интересно, что это зарождение отгонных методов скотоводства наблюдалось именно в степных районах Сирии у преимущественно овцеводческих групп. А в Палестине, где преобладало козоводство, ничего подобного не встречалось. Это и понятно, так как в отличие от овец

---

[21] *Perrot J.* Palestine—Syria—Cicilia // Courses toward Urban Life. Chicago, 1962. P. 157; *Mellaart J.* The Neolithic of the Near East. London, 1975. P. 68; Contenson H. de. Tell Ramad. Syria, 1966. T. 43, N 1—2. P. 153, 154.

[22] *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. С. 233 и сл.

[23] *Ковэн Ж.* Доисторические истоки общества пастухов-кочевников в странах Леванта // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1987. С. 70, 71; *Moore A. M. T.* North Syria in Neolithic 2 // Prehistoire du Levant. Paris, 1981. P. 448; *Cauvin J.* L'oasis d'El Kowm au Néolithique. Bilan après trois campagnes: méthodes, problèmes et premiers résultats // Cahiers de l'Euphrates. Paris, 1982. T. 3. P. 96.

ранние одомашненные козы неуютно чувствовали себя на открытых плоских равнинах.

Следующий этап развития раннего скотоводства в Восточном Средиземноморье датируется второй половиной VI — первой половиной IV тыс. до н. э., когда одомашненные животные морфологически уже четко отличались от своих диких сородичей. В этот период, судя по халафскому поселку Шамс эд-дин Таннира, в степной Сирии по-прежнему разводили главным образом мелкий рогатый скот (преимущественно овец), а также держали крупный рогатый скот и немногочисленных свиней. Скотоводство имело мясной характер. Большое значение сохраняла охота на онагров [24].

Во влажных районах Палестины в позднем неолите разводили прежде всего крупный рогатый скот и меньше коз. Отклонения от этого встречались лишь на окраинах средиземноморской области: в Мунхатте наряду с крупным рогатым скотом большую роль играли свиньи, а в Иерихоне, лежащем в более жаркой зоне, разводили преимущественно мелкий рогатый скот. Овцы в этот период имелись только у обитателей долины Иордана, и их было мало: так, в Иерихоне коз было в 8 раз больше, чем овец. Свиней держали лишь немногие общины [25]. Состав стада, в котором преобладал крупный рогатый скот, свидетельствует о достаточно оседлой жизни. Действительно, все изученные поселки, включая Иерихон, были созданы земледельцами, жившими в прочных жилищах. По-видимому, в этот период скотоводство в Палестине имело придомный или (в окраинных районах) отгонный характер.

Важные технологические и структурные изменения в скотоводческом хозяйстве Палестины произошли в энеолите (вторая половина IV — начало III тыс. до н. э.), когда, как отмечалось, здесь наблюдалась повышенная влажность. Овцы теперь встречались практически повсюду в Северной, Центральной, а местами даже в Южной Палестине, причем они были представлены уже двумя породами. Здесь в это время сложились три основные скотоводческие системы: одна на средиземномор-

[24] *Uerpmann H.-P.* Faunal remains from Shams ed-Din Tannira, a Halafian site in Northern Syria // Berytus: Archaeological Studies, 1982. V. 30.

[25] *Ducos P.* L'origine des animaux domestiques en Palestine. Bordeaux, 1968. P. 86—93; *Clutton-Brock J.* The mammalian remains...

ском побережье и в некоторых других влажных районах, где в стаде доминировали крупный рогатый скот и свиньи, а две другие — в окраинных полуаридных районах, где преобладало разведение мелкого рогатого скота [26]. При этом в Северном Негеве и в низовьях долины Иордана состав стада мелкого рогатого скота резко изменился по сравнению с поздним неолитом: теперь в нем преобладали овцы (в Северном Негеве) [27] или же овец и коз было поровну (в низовьях р. Иордан) [28]. Иначе говоря, только в энеолите на полуаридных окраинах Палестины стада мелкого рогатого скота приобрели тот состав, который отмечался в степных районах Сирии со второй половины VII тыс. до н. э. и который до сих пор встречается у полукочевников Негева.

Третья, скотоводческая система, характерная именно для южных районов Леванта, была представлена именно козоводством. Она фиксируется по остеологическим остаткам из Иудеи [29] и графически представлена на петроглифах Негева и некоторых сопредельных территорий [30]. Возможно, она встречалась и в Южной Иордании [31]. Районом раннего развития козоводства являлся Синай, где скотоводческое хозяйство сформировалось в течение V—IV тыс. до н. э. и где к началу III тыс. до н. э. была выведена порода карликовых коз, хорошо переносившая большие перепады температур и способная долго обходиться без воды. Разведение именно этих коз и в настоящее время лежит в основе хозяйства бедуинов Синая [32].

Энеолитические обитатели Палестины получали от скота уже не только мясо, но молоко и шерсть. На это прямо указывают находки керамических маслобоек, по

---

[26] *Ducos P.* L'origine des animaux domestiques... P. 94—110.

[27] *Josien T.* La faune Chalcolithique de gisements Palestiniens de Bir es-Safadi et Bir Abou Matar // Israel Exploration Journal. 1955. V. 5, N 4. P. 246—256.

[28] *Davis S.* Climatic change... Table 2.

[29] *Bar-Adon P.* The cave of the treasure. Jerusalem, 1980. P. 228.

[30] *Anati E.* Palestine before the Hebrews // N. Y., 1963. P. 204—213.

[31] *Henry D. O., Turnbull P. F.* Op. cit.

[32] *Bar-Yosef O.* Seasonality among Neolithic hunter-gatherers in Southern Sinai // Animals and archaeology: 3. Early herders and their flocks. Oxford, 1984. P. 146, 157; *Beit-Arieh I.* Two cultures in Southern Sinai in the Third Millennium B. C. // BASOR, 1986. N 263. P. 43—45.

форме копировавших сосуды из козьих шкур [33], а также шерстяных тканей и одежды из овечьих шкур [34]. Возможно, об этих новых функциях овец говорит постарение стада, фиксируемое профилями смертности из поселков Метцер, Тель-Авив, Бир эс-Сафади, Абу Матар [35].

В энеолите в Палестине впервые появились домашние ослы [36], и их, наряду с баранами, стали использовать для перевозки разнообразных грузов, причем ослов могли даже запрягать в телеги [37]. Возможно, в это время началось и вьючное использование быков. Во всяком случае в некоторых поселках крупный рогатый скот держали до относительно зрелого возраста (4—9 лет) [38]. Зато свиней выращивали на мясо и убивали в возрасте 0,5—1,0 года [39].

Следовательно, именно в энеолите в Палестине сложились структурные и технологические предпосылки для становления кочевничества. Что можно сказать о фактической их реализации? Становление отгонных методов скотоводства было недавно прослежено в Северном Негеве, где в энеолите началось заселение внутренних засушливых районов, чему способствовало появление самых ранних методов искусственного орошения, позволивших земледельческое освоение сухих степей, лежавших к востоку от побережья. Во избежание потравы в летний вегетационный период стада мелкого рогатого скота угоняли подальше от полей к средиземноморскому побережью, где располагались временные скотоводческие стоянки. После сбора урожая животных возвращали назад, и они могли пастись на жнивье [40].

Таковы самые надежные из имеющихся сейчас данных о появлении отгонного или полукочевого хозяйства в Палестине в энеолите. Они свидетельствуют о том, что

---

[33] *Kaplan J.* Skin-bottles and pottery imitations // Palestine Exration Quarterly, 1965. July-dec. P. 144—147.

[34] *Bar-Adon P.* Op. cit. P. 188.

[35] *Ducos P.* L'origine des animaux domestiques... P. 98—103, 131; *Josien T.* Op. cit. P. 250—255.

[36] *Ducos P.* L'origine des animaux domestiques... P. 105—109.

[37] *Epstein C.* Laden animal figurines from the Chalcolithic period in Palestine // BASOR, 1985, N 258. P. 54—59.

[38] *Ducos P.* L'origine des animaux domestiques... P. 131.

[39] Ibid. P. 132.

[40] *Levy T. E.* The emergence of specialized pastoralism in the Southern Levant // World Archaeology. 1983. V. 15, N 1; *Levy T. E., Alon D.* Chalcolithic settlement patterns in the Northern Negev Desert // Current Anthropology. 1983. V. 24, N 1. P. 105—107.

в Северном Негеве этот процесс начался в земледельческо-скотоводческой среде, где постепенно формировались группы, специализировавшиеся в скотоводстве.

Вместе с тем уже давно высказывалась идея и об ином пути становления кочевничества в Южном Леванте, который был связан с бродячими охотниками и собирателями засушливых окраин. Как считают некоторые авторы, такие группы могли переходить к кочевой экономике, заимствуя домашних животных у более развитых соседей [41]. В этой связи интересны результаты недавних исследований на Синае, где даже в эпоху энеолита наблюдались засушливые условия, препятствовавшие развитию богарного земледелия. Между тем, как отмечалось, там распространилось козоводство, при этом древнейшие скотоводы продолжали придерживаться сезонных маршрутов, свойственных более ранним местным охотникам и собирателям. Традиции последних сохранились там и в архитектуре эпох неолита и раннего бронзового века. Местное население поддерживало определенные контакты с обитателями Южной Палестины, причем в раннем бронзовом веке некоторые палестинские группы даже проникали в Южный Синай. Может быть, эти тесные контакты и были причиной относительной гомогенности физического типа у этих групп населения [42]. Как бы то ни было, в энеолите и в раннем бронзовом веке на Синае и, возможно, в некоторых районах Негева уже появились группы полукочевников-скотоводов, и определенную роль в их формировании, безусловно, сыграли местные охотники и собиратели. Возможно, аналогичный процесс наблюдался и восточнее в некоторых глубинных районах Иордании [43].

Ранние формы кочевничества окончательно сформировались и получили определенное распространение в степях и полупустынях от Среднего Евфрата до Негева и Синая, очевидно, в эпоху раннего бронзового века в

[41] *Anati E.* Palestine before the Hebrews. P. 203; *Bar-Yosef O.* Seasonality... P. 145.

[42] *Bar-Yosef O. et al.* The nawamis near 'Ein Huderah (Eastern Sinai) // Israel Exploration Journal. 1977. V. 27, N 2—3. P. 65—88; *Bar-Yosef O. et al.* Nawamis and habitation sites near Gebel Gunna, Southern Sinai // Israel Exploration Journal. 1986. V. 36, N 34. P. 121—167; *Bar-Yosef O.* Seasonality...; *Beit-Arieh I.* Two cultures...

[43] *Helms S. W. Jawa.* Lost city of the Black Desert. London, 1981. P. 46—50.

III тыс. до н. э. На рубеже IV—III тыс. до н. э. здесь все еще наблюдался более влажный климат, чем ныне, но в течение III тыс. до н. э. климат становился все суше. Вместе с тем зона земледельческого освоения не только не сузилась, как это происходило в предшествующую эпоху, но, напротив, постепенно охватила ряд засушливых районов[44], чему способствовало появление усовершенствованных методов контроля за водными ресурсами (колодцев, цистерн для сбора дождевой воды, ирригационных каналов и пр.)[45]. Особенно впечатляющими являются результаты исследований в Черной пустыне в Северной Иордании, где был обнаружен один из крупнейших городов конца IV — начала III тыс. до н. э. Этот город, названный Джава, лежал в районе, где ныне выпадает не более 150 мм осадков в год, и своим существованием был обязан сложной системе водосборников, дамб и ирригационных каналов[46]. Города, расположенные в аналогичной природной обстановке, известны и в некоторых других районах Сирии и Палестины (Арад, Хабуба Кабира и др.). Эту появившуюся в раннем бронзовом веке тенденцию важно отметить в связи с тем, что в литературе уже высказывалась гипотеза об определенной связи процесса формирования кочевой экономики с развитием ирригационного земледелия[47]. Ведь зона раннего кочевничества пространственно совпадала с зоной ирригационного земледелия: обе они располагались там, где число годовых осадков не превышало 250—100 мм[48]. Иначе говоря, если в энеолите сложились технологические и структурные предпосылки для становления кочевничества, то в эпоху раннего бронзового века были освоены территории, оптимальные с точки зрения широкой реализации этих предпосылок[49].

---

[44] *Rosen S. A.* Demographic trends in the Negev Highlands: preliminary results from the emergency survey // BASOR, 1987. N 266. P. 53, 54.

[45] *Miller R.* Water use in Syria and Palestine from the Neolithic to the Bronze Age // World Archaeology. 1980. V. 11, N 3. P. 335.

[46] *Helms S. W.* Op. cit.

[47] *Lees S. H., Bates D. G.* The origins of specialized nomadic pastoralism: a systemic model // American Antiquity. 1974. V. 39, N 2. P. 187—191.

[48] *Кленгель Х.* Экономические основы кочевничества в древней Месопотамии // Вестник древней истории. 1967, № 4. С. 62.

[49] Выше отмечалось, что полукочевые группы появились кое-где еще в энеолите; но тогда этот процесс имел сугубо локальный характер.

Развитие скотоводства в бронзовом веке относительно хорошо документировано палеозоологическими находками только в Палестине и некоторых сопредельных районах[50] и почти совершенно не изучено в этом отношении в Сирии[51]. К сожалению, ряд коллекций опубликованы суммарно, охватывая все фазы бронзового века, что не позволяет выявить тенденции эволюции внутри этой эпохи. Тем больший интерес вызывают находки с девяти памятников, бытовавших только в пределах раннего бронзового века, т. е. в течение III тыс. до н. э. (Джава, эн-Шадуд, слои раннего бронзового века в Иерихоне, Беер Ресисим, Арад, Баб эдх-Дхра, Нумерия, Эйн Хабсор, Шейх Мухсен). Все эти памятники, кроме одного (эн-Шадуд), расположены в полуаридной зоне и почти все представлены древними городами, население которых занималось ирригационным земледелием и скотоводством. Почти повсюду скотоводство основывалось на разведении коз и овец (от 23,4 в Баб эдх-Дхра до 92% в Араде). При этом местами преобладали овцы (Баб эдх-Дхра, Джава), местами — козы (Иерихон), а кое-где их было примерно поровну (Арад). Впрочем, в Иерихоне овцы тем не менее имели, видимо, большое социально-престижное значение, и в погребениях их останки встречались много чаще, чем останки коз. На Синае и в сопредельных районах продолжали обитать полукочевники-козоводы, причем эта картина наблюдалась в течение всех фаз бронзового века.

Вторым по значению домашним животным после коз и овец в городах раннего бронзового века являлся крупный рогатый скот. Правда, его там было немного (не более 7—12%), а кое-где (в Нумерии) вовсе не было.

---

[50] *Ducos P.* L'origine des animaux domestiques... P. 111—121; *Clutton-Brock J.* The mammalian remains...; *Davis S.* Mammal bones from the Early Bronze Age city of Arad, Northern Negev, Israel: some implications concerning human exploitation // Journal of Archaeological Science. 1976. V. 3. N 2; *Davis S.* Climatic change... P. 8, 9. Table 2; The Southeastern Dead Sea Plain expedition: an interim report of the 1977 season. Cambridge, 1981. P. 177—180; *Helms S. W.* Op. cit. P. 249—252; *Hakker-Orion D.* Hunting and stock-breeding in Israel // Archaeozoological studies, Amsterdam, 1975. P. 295—301; *Clason A. T.* Late Bronze Age-Iron Age zebu cattle in Jordan? // Journal of Archaeological Science. 1978. V. 5, N 1. P. 91—93.

[51] Но см.: *Clason A. T., Buitenhuis H.* A preliminary report on the faunal remains of Nahr el Homr, Hadidi and Ta'as in the Tabqa Dam region in Syria // Journal of Archaeological Science. 1978. V. 5, N 1.

Разведение свиней встречалось лишь в Иерихоне, Араде и Баб эдх-Дхра, но и там их было не более 2%. Тем не менее само наличие крупного рогатого скота и свиней в ныне засушливых районах свидетельствует, во-первых, о несколько более влажных климатических условиях (и этому есть другие подтверждения), во-вторых, о развитии искусственного контроля за водой, в-третьих, о гетерогенном характере скотоводческой системы: ведь крупный рогатый скот, не приспособленный для кочевания в безводной степи, требовал иной системы выпаса, чем козы и овцы.

Почти повсюду имелись ослы, которых использовали под вьюк. Зато вопрос о времени появления в Леванте одомашненных лошадей остается открытым. Кости лошадей достоверно выявлены только в Араде, но там не удалось установить, идет ли речь о диком или одомашненном животном [52]. До сих пор остается дискуссионным и вопрос о том, обитала ли дикая лошадь в Леванте в раннем и среднем голоцене. Впрочем, даже если она тогда встречалась, вышеприведенные данные недвусмысленно говорят о том, что в неолите и энеолите она не привлекала внимания людей, и нет оснований для утверждений о ее самостоятельной доместикации в Леванте.

В раннем бронзовом веке здесь не было и одомашненных верблюдов, хотя местные обитатели могли иметь представление об их диких сородичах, обитавших в пустынях и засушливых степях. Основной очаг доместикации верблюда располагался к югу отсюда.

Итак, в засушливых окраинных областях Леванта на протяжении раннего бронзового века разводили преимущественно коз и овец, в меньшей мере — крупный рогатый скот и почти не держали свиней. Для перевозок служили ослы. В целом эта картина с завидным постоянством сохранялась здесь на протяжении всего бронзового века. Интересно, что она встречалась и во влажных средиземноморских районах Палестины (Нахарийя, Таанах, Тель Гат), но местами там разводили преимущественно свиней (Маабарот). В среднем бронзовом веке (1950—1550 гг. до н. э.) в Палестине появились, безусловно, одомашненные лошади, но и в этот период, и в позднем бронзовом веке (1550—1250 гг. до н. э.) их здесь было

[52] *Davis S.* Mammal bones. .. P. 162.

еще очень немного. Одновременно с лошадьми в Леванте начали встречаться и одомашненные верблюды, но, подобно им, вплоть до самого конца бронзового века они представляли здесь большую редкость [53]. К концу бронзового века в долине Иордана появились зебу, приведенные сюда с далекого востока [54].

В целом характер использования скота оставался в бронзовом веке тем же, что и в энеолите.

Следовательно, к III тыс. до н. э. в Восточном Средиземноморье сложились материальные предпосылки для появления кочевничества. Сложнее обстоит дело с определением того момента, когда полукочевничество реально возникло и широко распространилось. Решение этого вопроса затруднено из-за слабости имеющейся фактологической базы. Сейчас сложилась парадоксальная ситуация, когда о хозяйственных системах в древних обществах долины Среднего Евфрата известно по письменным источникам (главным образом из архива Мари), но они практически не документированы археологическими материалами, тогда как в Палестине наблюдается прямо противоположная картина. При этом интерпретация как письменных, так и археологических источников неоднозначна, что ведет к существенным разногласиям при обсуждении характера и роли скотоводческого хозяйства, а также степени развития кочевничества и его облика в соответствующих регионах [55]. Поэтому одной

[53] *Bulliet R. W.* The camel and the wheel. Cambridge, 1975. P. 60—64; *Hakker-Orion D.* The role of the camel in Israel's early history // Animals and archaeology... P. 207—212; *Wapnish P.* The dromedary and Bactrian camel in Levantine historical settings: the evidence from Tell Jemmeh // Ibid. P. 171—174.

[54] *Clason A. T.* Late Bronze Age...

[55] *Posener G., Bottero J., Kenyon K.* Syria and Palestine c. 2160—1780. B. C. // Cambridge Ancient History, 1965. V. 1. Chap. 21. P. 59—61; *Vaux R. de* Palestine in the Early Bronze Age // Ibid., 1966. V. 1. Chap. 15. P. 30, 31; *Anati E.* Op. cit. P. 212, 362; *Kupper J.-R.* Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari. Paris, 1957; *Buccellati. G.* The Amorites of the Ur III period. Naples, 1966; *Klengel H.* Zwischen Zelt und Palast. Die Begegnung von Nomaden und Sesshaften in Alten Vorderasien. Leipzig, 1972; *Henninger J.* Zum frühsemitischen Nomadentum // Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Budapest, 1969; *Halder A.* Who were the Amorites? Leiden. 1971 *Thompson T. L.* The history of the patriarchal narratives // Beihefte zur Leitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. 1974, Bd. 133; *Thompson T. L.* The settlement of Palestine in the Bronze Age. Wiesbaden, 1979; *Dever W. G.* New vistas on the EB IV (MB I) horizon in Syria-Palestine // BASOR, 1980. V. 237; *Richard S.* Toward a

из актуальных источниковедческих задач является выработка методики обнаружения и изучения археологических памятников, связанных с ранними кочевниками. Исследования находятся пока в зачаточном состоянии [56].

И все же в настоящее время имеются определенные основания судить об образе жизни ранних кочевников в Передней Азии. Этому способствует учет данных об экологических пределах бытования различных типов кочевого и полукочевого хозяйства. Известно, что разные виды домашнего скота требуют разных видов пастбищ и систем выпаса. С этой точки зрения очень важен надежно документированный вывод о том, что стада ранних скотоводов степной зоны Передней Азии состояли главным образом из мелкого рогатого скота (преимущественно овец). Овцы и многие виды коз не могут долго обходиться без питья. Поэтому современная система их выпаса у полукочевников Передней Азии и Аравии строго соотносится с сезонностью: зимой мелкий рогатый скот угоняют в степь (до 200—300 км), где животные получают достаточно влаги, питаясь сочными травами, и не нуждаются в длительном водопое, но на лето, когда изнуряющий зной заставляет их пить едва ли не каждый день, животных возвращают к постоянным источникам воды. Иначе говоря, более полугода полукочевники вынуждены проводить в земледельческих районах, расположенных у рек [57]. При этом такие полукочевники тесно общаются с оседлыми земледельцами, ведут с ними интенсивный обмен скотоводческой продукции на продукты земледелия, иногда берут на выпас стада земледельцев, по согласованию с последними пасут свой скот на жнивье, а иногда и сами имеют небольшие земледель-

---

consensus of opinion on the end of The Early Bronze Age in Palestine-Transjordan // BASOR, 1980, N 237; *Kamp K. A., Yoffee N.* Ethnicity in Ancient Western Asia during the Early Second Millennium B. C.: archaeological assessments and ethnoarchaeological perspectives // BASOR. 1980, N 237.

[56] *Hole F.* The prehistory of herding: some suggestions from ethnography // L'Archéologie de l'Iraq du début de l'époque Néolithique a 333 avant notre ère. Paris, 1980; *Rosen S. A.* Byzantine nomadism in the Negev: results from the emergency survey // Journal of field archaeology. 1987. V. 14, N 1. P. 29—42.

[57] *Першиц А. И.* Хозяйство и общественно-политический строй кочевников Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М., 1961. С. 36, 37; *Dickson H. R. P.* The Arab of the desert. A glimps into Badawin life in Kuwait and Sau'di Arabia. London, 1951.

ческие участки в речных районах. Порой часть полукочевой общности постоянно живет около таких участков, не принимая участия в ежегодных перекочевках, а иногда все племя часть года кочует, а другую часть проводит в базовых поселках, расположенных в земледельческой зоне. Все это не позволяет полукочевникам (в отличие от настоящих кочевников) составлять особое обособленное общество. По сути дела речь здесь идет о более крупных социально-потестарных общностях, включавших как полукочевую, так и оседло-земледельческую части. Именно на этом основании М. Роутон выдвинул концепцию «диморфного общества», отражающую именно такую ситуацию [58].

С этой точки зрения становится понятным, почему аморитy фигурируют в источниках и как скотоводы, и как земледельцы, и как воины на службе у государства, и как горожане, и даже как цари [59]. Одновременно теряет всякую почву бытовавшая в одно время гипотеза, разделявшаяся такими авторитетами, как Р. де Во. К. Кеньон и др., о том, что аморитy являлись некими новыми этническими элементами, пришедшими откуда-то из глубинной степи и разгромившими раннегородские цивилизации Передней Азии в конце III тыс. до н. э. Этого не могло быть уже потому, что в условиях полукочевничества невозможно круглогодичное обитание в глубинных районах степи и тем более пустыни. Полукочевники не могли представляться каким-то новым чужеродным элементом для земледельцев уже потому, что они по несколько месяцев в году жили бок о бок с ними и активно общались. И есть все основания предполагать, что в этих условиях полукочевники и земледельцы обладали во многом сходной материальной культурой, и это чрезвычайно затрудняет задачу выявления полукочевников по археологическим остаткам. Во всяком случае весьма показательно, что упадок раннегородских обществ в Палестине в конце III тыс. до н. э. не привел к какой-либо кардинальной смене материальной культуры, она сохраняла четкие черты преемственности с предшествующей эпохой.

---

[58] *Rowton M. B.* The physical environment and the problem of the nomades // La civilisation de Mari. Paris, 1967; *Rowton M. B.* Autonomy and nomadism in Western Asia // Orientalia. 1973. V. 42. Fasc. 1—2.

[59] *Kemp K. A., Yoffee N.* Op. cit. P. 94.

Экологический и этнографический подходы позволяют наметить зону, в которой могли обитать ранние полукочевники в Передней Азии. Она располагалась у южных окраин Плодородного полумесяца между изогиетами 250—150 мм осадков, т. е. от Южного Междуречья до Среднего Евфрата и низовий Хабура на севере, изгибаясь к западу и пересекая район Пальмиры, затем поворачивая на юг вдоль левого берега р. Иордан и побережья Мертвого моря вплоть до Негева и Синая. Именно в этих районах и происходили интенсивные контакты полукочевников с оседлыми ирригационными земледельцами. Зато основная часть Палестины лежала вне этой зоны, и наличие там каких-либо полукочевых групп в течение бронзового века маловероятно вопреки мнению ряда археологов, основанному на том, что материалы конца III тыс. до н. э. известны там пока только по данным могильников [60]. В последние годы установлено, что в Западной Иордании, где, казалось бы, нашествия кочевников наиболее вероятны, в конце раннего бронзового века не только не наблюдалось никаких миграций извне, но даже не было поголовного упадка раннегородской цивилизации [61]. С этой точки зрения закат городской культуры в западных районах Палестины представляется иллюзорным, и требуются новые исследования, чтобы прояснить ситуацию, сложившуюся там в конце III тыс. до н. э. [62]

Интересные работы по выявлению полукочевых обществ были проведены недавно в Южной Палестине в ныне пустынных районах Центрального Негева, не подходящих для ведения неполивного земледелия. Там было найдено много поселков с остатками круглых жилищ и загонов, относившихся к концу раннего бронзового века. При раскопках поселка Беер Ресисим археологам удалось обнаружить кости коз и овец. Комплексы со сходной культурой были зафиксированы в пещерах и могильниках на южных склонах горы Хеврон, расположенной в более влажной зоне в 130 км к северу отсюда.

[60] *Dever W. G.* New vistas... P. 45—49; *Richard S., Boraas R. S.* Preliminary report of the 1981—1982 seasons of the expedition of Khirbet Iskander and its vicinity // BASOR, 1984, N 254. P. 85.

[61] *Richard S.* Excavations at Khirbet Iskander, Jordan // Expedition, 1986. V. 28, N 1.

[62] *Kempinski A.* Early Bronze Age urbanization of Palestine: some topics in a debate // Israel Exploration Journal. 1983. V. 33. N 3—4.

У. Девер резонно предполагает, что эти памятники были оставлены полукочевниками, проводившими зиму на юге, а на лето откочевывавшими на север, где имелись постоянные источники воды и хорошие пастбища [63].

Итак, подводя итоги, следует прежде всего отметить, что процесс формирования кочевничества в Восточном Средиземноморье имел длительный характер. Поэтому представление о том, что единственной и достаточной предпосылкой для возникновения кочевой экономики является доместикация животных, не выдерживает никакой критики. Доместикация животных лишь положила начало сложению условий и предпосылок для перехода к кочевому скотоводству. Среди этих условий и предпосылок необходимо выделять такие, как выведение специализированных пород коз и овец, появление новых способов использования домашних животных (молочное хозяйство, шерстоткачество, использование животных в упряжи и под вьюк), одомашнивание животных, подходящих для транспортного и военного использования (ослы, лошади, верблюды), выработка различных способов выпаса разных видов домашних животных и формирование разных скотоводческих систем, заселение степных и пустынных районов, подходящих для кочевого хозяйства, сложение разделения труда между земледельцами и скотоводами, в частности, развитие межобщинного обмена продукцией земледелия и скотоводства, эволюция социальной организации и превращение кочевников в особый общественный тип. Все это требовало времени, и не случайно в Восточном Средиземноморье момент появления кочевничества отделен от первичной доместикации животных несколькими тысячелетиями. Благодаря своей относительно полной изученности, рассмотренная картина, выявленная в Восточном Средиземноморье, может служить моделью для изучения формирования кочевой экономики в первичном центре. Что же касается вторичных центров, т. е. тех, куда скотоводство проникало в уже относительно развитом виде (например, евразийские степи), то там процесс эволюции мог иметь иной характер, что заслуживает специального исследования.

---

[63] *Cohen R., Dever W. G.* Preliminary report on the pilot season of the «Central Negev Highlands Project» // BASOR, 1978. V. 232; *Cohen R., Dever W. G.* Preliminary report of the second season of the «Central Negev Highland Project» // BASOR, 1979, N 236; *Dever W. G.* New vistas... P. 57.

III. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И ПАЛЕОМЕТАЛЛА

КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН СРЕДНЕЙ АЗИИ (НЕОЛИТ — ЭПОХА БРОНЗЫ)

В. А. Алёкшин *(Ленинград)*

В VI тыс. до н. э. в пределах подгорной полосы Копетдага, на юге Туркменской ССР, располагались поселки древнейших среднеазиатских земледельцев (джейтунская культура). На юго-востоке республики джейтунские земледельцы проникали до района Меана-Чаача[1], на юго-западе памятники этой или близкой культуры, возможно, были в долине Сумбара (район Кара-Кала). При раскопках могильника Пархай II обнаружены фрагменты неолитической керамики, напоминающей джейтунскую посуду[2].

Северные районы Средней Азии были заняты неолитическими племенами рыболовов, памятники которых открыты в Прикаспии, Хорезме, юго-восточной Туркмении (долина Мургаба), долине Зеравшана, Центральной Фергане[3]. Большая часть стоянок оставлена носителями кельтеминарской культуры[4].

В горных районах Таджикистана в эпоху неолита была распространена культура гиссарских племен. Существуют различные точки зрения на формы их хозяйства:

---

[1] *Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л., 1987, С. 67; *Ранов В. А.* Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии: (происхождение, распространение, особенности) // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск, 1985. С. 15.

[2] *Хлопин И. Н., Хлопина Л. И.* Раскопки могильника Пархай II. // Археологические открытия 1981 года. М., 1983. С. 481.

[3] *Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы... С. 52—67, 82—97.

[4] *Виноградов А. В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1981. Т. 13. С. 64—118.

одни исследователи считают их земледельцами и скотоводами, другие — охотниками и собирателями, третьи — преимущественно скотоводами [5]. Какова бы ни была основа экономики населения, гиссарская культура оставлена жителями горных районов, не оказавшими существенного воздействия на обитателей равнинных областей Средней Азии.

Иной была судьба потомков носителей джейтунской культуры юга Туркмении. В V—IV тыс. до н. э. (комплексы Намазга I—II) земледельческое население юга Туркмении, двигаясь на восток, проникло в долину Теджена и освоило ее [6]. Овладев в позднем энеолите (комплекс Намазга III) навыками создания ирригационных систем (конец IV — начало III тыс. до н. э.), земледельцы проникали еще далее на восток, где они попали в долину Мургаба [7] и далее на правобережье Амударьи (Саразм) [8]. Таким образом, земледельцы освоили не только весь юг Туркмении, но и проникли в западный Таджикистан. Разумеется, нельзя исключить земледельческой колонизации юга Узбекистана в данный период, хотя синхронные памятники здесь еще не обнаружены.

Обращает внимание то, что земледельческие оазисы были расположены узкой полосой, вытянутой с запада на восток вдоль южной оконечности Средней Азии. Земледельческие памятники обнаруживают существенные локальные различия в период энеолита. Так, при всей схожести керамики геоксюрских поселений (юго-восток Туркмении) и раннего Саразма (западный Таджикистан), туркменские археологические комплексы существенно отличаются от таджикских [9].

Вплоть до III тыс. до н. э. земледельческие оазисы не могли оказывать прямого культурного воздействия на своих северных соседей — кельтеминарцев, которые,

---

[5] *Ранов В. А.* Гиссарская культура... С. 10—35; *Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы... С. 117.

[6] *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии // Археология СССР: (Энеолит СССР). М., 1982. С. 10.

[7] *Максимов И. С.* Новый оазис эпохи бронзы в низовьях р. Мургаб // Археологические открытия 1975 года. М., 1976. С. 551.

[8] *Исаков А. И.* Саразм — поселение эпохи палеометалла в долине Зеравшана // Археология Средней Азии и Ближнего Востока: (II советско-американский симпозиум): Тезисы докладов. Ташкент, 1983. С. 54—57; *Он же.* Саразм — новый раннеземледельческий памятник Средней Азии // Советская археология. 1986. № 1. С. 152—167.

[9] Там же.

занимаясь в основном рыболовством, имели сравнительно высокий уровень оседлости. Отсутствие прямых культурных контактов между югом и севером Средней Азии в VI—III тыс. до н. э. проявляется достаточно отчетливо: мы не знаем кельтеминарского импорта в земледельческих памятниках и земледельческого экспорта в кельтеминарских памятниках. Еще более выразительным является отсутствие бесспорных свидетельств об элементах производящей экономики в неолите — энеолите северных районов Средней Азии[10].

На грани III—II тыс. до н. э. зона распространения производящего хозяйства в Средней Азии сместилась к северу. Об этом свидетельствуют памятники культуры Заманбаба, обнаруженные в низовьях Зеравшана, в Бухарском оазисе[11]. Поскольку отсутствуют археологические доказательства самостоятельного перехода кельтеминарцев к производящему хозяйству[12], равно как и следы культурных импульсов с юга (до III тыс. до н. э.), приходится считаться с возможностью проникновения производящего хозяйства (скотоводство) в Среднеазиатское междуречье из более северной степной зоны[13]. Север Средней Азии был открыт для культурного влияния со стороны населения южных и юго-западных районов Казахстана, Южного Урала, Нижнего Поволжья и, возможно, даже более западных районов. Погребальный обряд единственного, до сих пор раскопанного, кельтеминарского могильника Тумек-Кичиджик (северная Туркмения)[14] свидетельствует о культурном влиянии именно населения более северных степных районов. Оно прояви-

---

[10] *Итина М. А.* Взаимодействие земледельческих цивилизаций Средней Азии с их «варварской» периферией в эпоху бронзы // Археология Средней Азии... С. 50—51; *Виноградов А. В.* Древние охотники и рыболовы... С. 146—147, 168.

[11] *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А. А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966. С. 118—170.

[12] *Виноградов А. В.* Древние охотники и рыболовы... С. 146—147.

[13] *Итина М. А.* Взаимодействие... С. 50—51; *Алёкшин В. А.* Проблема происхождения археологических культур неолита — бронзы Средней Азии: (По данным погребальных обрядов) // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М., 1986. Выпуск 2. С. 96—99.

[14] *Виноградов А. В., Алёкшин В. А., Яблонский А. Г.* Древнейшее население низовий Амударьи. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1986. Т. 14. С. 7—122.

лось в вытянутой позе умерших, лежащих в могилах на подсыпке красной краски, с украшениями из раковин, костей птиц и подвесок из клыков хищников. Ничего подобного не известно для погребальных обрядов земледельческого юга Средней Азии[15], тогда как кельтеминарский обряд погребения во многом аналогичен обряду могильников днепро-донецкой культуры Украины[16] и обряду могильника Съезжее в Поволжье[17].

Ряд черт погребального обряда культуры Заманбаба также характерен только для степного круга культур. Упомянем в этой связи захоронения в катакомбах, наличие двойных, изредка тройных захоронений. В могилах обнаружены красная краска, меловые подсыпки, древесные угли. В состав погребального инвентаря включены курильницы, кремневые наконечники стрел, бусы, астрагалы. Погребальный обряд культуры Заманбаба находит близкие параллели в культурах катакомбного времени степной зоны. Культура Заманбаба была датирована рубежом III—II тыс. до н. э., затем ее пытались переместить во вторую четверть II тыс. до н. э. и даже отнести к рубежу II—I тыс. до н. э.[18] Большинство же исследователей совершенно справедливо относят памятники этой культуры к доандроновскому времени[19], учитывая находки вещей в могильнике Заманбаба, имеющие аналоги в комплексах времени Намазга IV—V, Гиссар III.

Катакомбный обряд погребения мог проникнуть в Среднюю Азию из степной зоны либо сложиться здесь под ее влиянием. Долгое время памятники культуры Заманбаба были представлены в районе Бухары. Сейчас вещи из заманбабинских комплексов известны на территории Афганистана[20]. Следовательно, ареал этой культуры был значительно шире и достигал земледельческих

[15] *Алёкшин В. А.* Проблема происхождения... С. 96—97.

[16] *Телегин Д. Я.* Могильники днепро-донецкой неолитической культуры и их историческое место // Советская археология. 1966. № 1. С. 3—13.

[17] *Васильев И. Б., Матвеева Г. И.* Могильник Съезжее на р. Самаре // Советская археология. 1979. № 4. С. 147—166.

[18] *Алёкшин В. А.* Проблема происхождения... С. 98; Там же. см. литературу по проблеме.

[19] *Виноградов А. В.* и др. Древнейшее население... С. 72.

[20] *Сариниди В. И.* К вопросу о культуре Заманбаба // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 24—27; *Аскаров А. А.* К передатировке культуры Заманбаба // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 105—106.

оазисов юга Средней Азии (комплексы типа Намазга V).

Проникновение культур с катакомбным обрядом погребения в глубинные районы Средней Азии имело далеко идущие последствия. С появлением носителей этих культур следует связывать распространение скотоводческой формы хозяйства в северных районах Средней Азии. Часть степного населения, попав в долины Таджикистана, позднее участвовала в формировании скотоводческой культуры, известной по бешкентско-вахшским комплексам [21]. Другие племена вошли в прямое соприкосновение с населением земледельческих оазисов (Саразм), что способствовало сложению на юге Узбекистана культуры Сапалли с катакомбным обрядом погребения. Аналогичные процессы происходили, видимо, и на юго-западе Туркмении, где сумбарская культура с катакомбным обрядом погребения сменила культуру могильника Пархай II эпохи ранней бронзы [22]. Третьи осели на периферии земледельческих оазисов (комплексы типа Заманбаба), где испытали сильные культурные воздействия со стороны южных соседей-земледельцев.

Заманбабинцы знакомы с гончарным кругом, обжигом посуды, возделыванием пшеницы и ячменя. Формирование заманбабинской культуры происходило, видимо, на основе кельтеминарской культуры [23]. Таким образом, уже первая волна степняков, проникшая в Среднюю Азию, существенно изменила здесь этно-культурную ситуацию, способствовала распространению скотоводческих форм хозяйства и проникновению земледелия в центральные районы Средней Азии. С этими событиями совпадает кризис культуры протогородских центров в подгорной полосе Туркмении (Намазга-депе, Алтын-депе). Но уже к середине периода Намазга VI есть несомненные свидетельства расцвета протогородов Северной Бактрии (Джаркутан) [24]. Маргиана, испокон веков входящая в сферу культурного влияния подгорной полосы южной Туркмении, теперь ощущала и воспринимала культурные импульсы из Бактрии, куда пере-

[21] *Алёкшин В. В.* Проблема происхождения... С. 100. Там же см. литературу по проблеме.

[22] Там же. С. 99—100.

[23] *Алёкшин В. А.* Проблема происхождения... С. 99.

[24] *Аскаров А. А.* Древняя земледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.

местился центр городской и культурной жизни древней Средней Азии.

Следующая волна вторжения пастушеских племен в Среднюю Азию относится ко второй половине II тыс. до н. э. и связана с андроновско-срубными племенами.

Памятники этого культурного круга широко распространены в самых различных зонах Средней Азии. Особенно много поселений эпохи поздней бронзы открыто в Хорезме (Акчадарьинская дельта). Исследователи называют эти памятники тазабагъябскими. Они оставлены смешанными срубно-алакульскими племенами, ассимилировавшими местное население низовьев Амударьи [25]. Довольно быстро пришельцы создали здесь очаг орошаемого земледелия, очевидно, не без влияния своих южных земледельческих соседей [26]. Тазабагъябская культура датируется XI—XV вв. до н. э. Прослежены две волны вторжения носителей срубной культуры. Одна группа двигалась из Поволжья на юго-восток и достигла Ташкентского оазиса, другая — от побережья Каспийского моря и достигла поселений древних земледельцев юга Туркмении в подгорной полосе Копетдага. Волны андроновского поселения из Приуралья и Казахстана проникали на Мангышлак, в Хорезм, на юг Узбекистана, в Западный и Южный Таджикистан, Фергану, горы Тянь-Шаня и Памира [27]. Интенсивные племенные передвижения степного населения вновь преобразовали этнокультурную картину Средней Азии. Эти передвижения совпали со вторым кризисом культуры оседло-земледельческих оазисов в конце периода Намазга VI.

Археологические комплексы Туркмении, Узбекистана и Таджикистана совершенно недвусмысленно свидетельствуют об интенсивных контактах степняков и земле-

---

[25] *Итина М. А.* История степных племен южного Приаралья // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1977. Т. 10. С. 140.

[26] *Она же.* Взаимодействие земледельческих цивилизаций... С. 51.

[27] *Виноградова Н. М., Кузьмина Е. Е.* Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культуры древнего и средневекового Востока. М., 1986. С. 126—151; *Мандельштам А. М.* История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии: Автореф. на соискание ученой степени докт. ист. наук. М.; Л., 1972. С. 5—9.

дельцев в конце II тыс. до н. э.[28]. В результате этих событий появились земледельческие комплексы типа Яз-1 на юге Туркмении, Узбекистана и Таджикистана[29]. Комплексы типа Яз-1 характеризуются расписной керамикой и явным разрывом с частью культурных традиций предшествующего периода Намазга VI. Формирование язовских комплексов происходило, очевидно, не без участия степного населения. Отчетливые следы степного воздействия на земледельцев прослеживаются в погребальных обрядах позднего этапа культуры Сапалли на юге Узбекистана[30]. Примерно в это же время происходила смена культуры и в юго-западной Туркмении, где появились комплексы архаического Дахистана[31].

В то же время андроновцы, проникшие в горные и пустынные районы Средней Азии, видимо, сохраняли скотоводческую доминанту хозяйства[32]. Другие племена, попавшие в долины крупных рек, оседали (тазабагъябская культура, позднее бургулюкская культура)[33], способствуя проникновению земледелия в более

---

[28] *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964. С. 141—158. *Аскаров А. А.* К вопросу о происхождении культуры племен с расписной керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 34—37; *Виноградова Н. М.* Новые памятники эпохи бронзы на территории южного Таджикистана // Центральная Азия: (Новые памятники письменности и искусства). М., 1987. С. 76—91.

[29] *Массон В. М.* Средняя Азия в эпоху раннего железа: культурная и социально-экономическая динамика // Ранний железный век Средней Азии и Индии: Тезисы докладов членов советской делегации на первом советско-индийском симпозиуме. Ашхабад, 1984. С. 3—10; *Виноградова Н. М.* Новые памятники... С. 87—88.

[30] *Аванесова Н. А.* Степи Севера и оазисы Юга: (Проблема культурных взаимодействий в эпоху бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 1987. С. 53—55. *Аскаров А. А.* Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации // Взаимодействие кочевых культур... С. 57—58.

[31] *Массон В. М.* Средняя Азия в эпоху раннего железа... С. 3—4, 6.

[32] *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1986, № 145. С. 46—52, 94—95; *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А.* Первобытная культура... С. 188—189.

[33] *Буряков Ю. Ф., Кошеленко Г. А.* Ташкентский оазис: (Бургулюкская культура) // Археология СССР: (Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии). М., 1985. С. 198—199.

северные районы Средней Азии. Вторая волна степняков (срубно-андроновский пласт) была мобильнее и мощнее. Она оказала большое воздействие на трансформацию культуры земледельческих оазисов.

Природные условия Средней Азии позволяли, чтобы в эпохи неолита и энеолита земледелие было возможно лишь на ее южных окраинах. Оно базировалось на разливах ручьев и небольших рек, берущих начало в горах. Земледельческое население не могло распространить производящую экономику в северные районы Средней Азии. Проникновение в эпоху бронзы пастушеского населения из зоны степей в Среднюю Азию не только способствовало распространению здесь скотоводческих форм хозяйства в северных и горных районах, но и привело к возникновению новых земледельческих оазисов с земледелием в среднеазиатском междуречье. Контакты степного и оседлого населения, вероятно, вызывали трансформацию культуры земледельческих оазисов, являлись катализатором культурного и экономического развития всего среднеазиатского региона.

Природные условия Средней Азии так же, как и других регионов [34], способствовали в некоторые периоды времени чересполосному расположению земледельческого и скотоводческого населения. Именно поэтому кочевники, заняв удобные пастбища вблизи земледельческих оазисов, получили возможность не только развивать торговлю с оседлым населением, но и постоянно оказывать на него военное давление для достижения своих экономических целей, что способствовало политической консолидации степного населения. В тех условиях перед жителями оседлых оазисов встала нелегкая задача сдерживания военного давления степняков. Она могла быть решена как расширением торговых контактов (т. е. увеличением объема производства), так и усовершенствованием военного дела, что вело к политической консолидации земледельческих оазисов. Таким образом, контакты земледельцев и степняков ускоряли социально-политическое развитие обоих миров, что наглядно подтверждается археологическими комплексами культур раннего железного века I тыс. до н. э.

[34] *Членова Н. Л.* Распространение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана, Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. С. 26.

СТЕПНОЙ КОМПОНЕНТ В ОСЕДЛЫХ КОМПЛЕКСАХ БАКТРИИ И ВОПРОСЫ ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ

А. А. Аскаров *(Ташкент)*

Древняя Бактрия как одна из ведущих историко-культурных областей Средней Азии привлекает к себе внимание исследователей уже более двух веков. До недавнего времени интерес был связан главным образом с той ролью, которую она играла в истории ахеменидского Ирана, империи Александра Македонского и его преемников в Азии, особенно Греко-Бактрийского царства[1]. Однако ее значение в истории народов Средней Азии этим не ограничивается. Диапазон исследований древней истории Бактрии стал гораздо шире в связи с открытиями археологов в последние десятилетия на ее территории не только античных, но и первобытных предметов, которые весьма значительны. Привлекают внимание те из них, которые проливают свет на культуру оседлой Бактрии.

Поисковые работы на севере Бактрии, проведенные археологами Узбекистана и Таджикистана в последние 20 лет, позволили найти целый ряд памятников древнеземледельческих племен эпохи бронзы (юг Узбекистана), выявить новый центр древнебактрийской цивилизации на основе изучения таких памятников, как Сапаллитепа, Джаркутан, Бустан и др. Здесь открыта серия памятников оседло-земледельческой культуры типа Яз-1 эпохи финальной бронзы и раннего железа (Миршади, Нижние слои Кучуктепа, Бандыхан 1, Кызылтепа и многие другие). В северной Бактрии, находящейся на территории Таджикистана, открыт и изучен таджикскими учеными целый ряд могильников, таких, как Ранний Тулхар, Тигровая балка, Нурек, Тандырюль, Аруктау, Айкуль, Джаркуль, Маконимор и кратковременных стоянок (Тегузак, Кангуртут), все это комплексы эпохи поздней бронзы как скотоводческого, так и оседло-земледельческого населения. Подвергались широкому исследованию памятники эпохи бронзы Южной Бактрии. Московскими археологами с участием афганских ста-

[1] *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977. С. 3.

жеров выявлен дашлинский центр древнебактрийской цивилизации и комплексы типа Яз-1. И наконец, важным событием в археологии Бактрии 1970 г. было открытие и исследование французскими коллегами культуры Шортугай в восточной части Южной Бактрии.

Таким образом, в настоящее время наука располагает достаточно солидным и разнообразным фактическим материалом, позволяющим проследить процесс формирования и развития разных культур, с одной стороны, и их взаимовлияние — с другой. Тщательный анализ археологических комплексов показал, что бронзовая эпоха в истории древней Бактрии была периодом крупных социально-экономических изменений, периодом сложения и развития культур с устойчивой экономикой, периодом активных этнокультурных межплеменных контактов и этнических процессов. Для основной массы оседлого населения был характерен развитый земледельческий уклад хозяйства и высокоразвитое ремесло. По данным археологических исследований, здесь во II тыс. до н. э. один за другим существовали и в известной степени сосуществовали племена таких культур, как Шортугай, Сапалли-Дашли, комплексы типа Яз-1, вахшская и бишкентская и другие культуры.

Закономерен интерес понять, откуда взялись столь многочисленные археологические культуры на территории древней Бактрии, причем материальная культура одних (Шортугай и Сапалли-Дашли, культура племен типа Яз-1) распространялась в подгорной и равнинной части региона, а других (бишкентская, вахшская) — в горных долинах Бактрии, определяя характер быта и хозяйства, тесно связанный с экологическими условиями местности.

Когда речь идет о сложении названных культур, то нет единого мнения среди исследователей об автохтонной основе их происхождения. Внесение ясности в этот вопрос связано с тем, что пока нет достаточно выразительного фактического материала в пределах Бактрии, который указывал бы на местные истоки этих культур. Анализ же археологических комплексов показывает, что большинство из них по своему происхождению для территории Бактрии являются пришлыми. Этот процесс происходил то путем проникновения отдельных групп населения в новые районы с целью освоения плодородных почв, то в поисках новых пастбищных угодий.

Проникновение этих «колонизаторов» в древнюю Бактрию, как показывают археологические материалы, происходило с трех сторон: с юго-востока (исходный очаг — долина Инда, в результате на востоке южной Бактрии сформировалась культура Шортугай); с запада (исходный пункт — Мургабский оазис, что привело к сложению здесь культуры типа Сапалли и Дашлы); с севера (исходный район — широкие северные просторы Средней Азии и Казахстана). Исследованиями французских коллег (А. Франкфор) в долине Шортугай доказано, что освоение восточной Бактрии частью носителей хараппской цивилизации происходило несколько раньше, чем их западных и северных соседей.

Второй этап «завоевания» территории Бактрии приходится примерно на вторую четверть II тыс. до н. э. Сначала оседло-земледельческие «колонизаторы» осваивали Дашлинский (южная Бактрия) и Шерабадский (северная Бактрия) оазисы, а затем проникали на всю территорию Бактрии. На ранних этапах развития свойственный этому населению хозяйственный и культурно-бытовой облик четко сохранял свои былые традиции, характерные для носителей протогородской цивилизации древневосточного типа.

Третий этап заселения территории Бактрии, в первую очередь ее северной части, связан с проникновением сюда северных племен со скотоводческим укладом хозяйства. О северном происхождении скотоводческого населения северной Бактрии первым высказался А. М. Мандельштам, когда в 1960 г. он изучал курганные могильники в долине Кафирнигана и находил целый ряд параллелей в археологических комплексах бишкентской культуры с материалами памятников андроновского круга [2]. Близкая ей культура была изучена Б. А. Литвинским в Вахшской долине, который в отличие от А. М. Мандельштама происхождение вахшской культуры связывает с переселением в иную среду оседлых земледельцев типа Намазга VI [3]. Такая точка зрения была поддержана Л. Т. Пьянковой, которая при анализе ряда

---

[2] *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // Материалы и исследования по археологии СССР. 1968. № 145. С. 135.

[3] *Литвинский Б. А.* Таджикистан и Индия // Индия в древности. М., 1964. С. 158.

предметов вахшской культуры наметила исходным пунктом ее расселения южную Бактрию [4].

Если древнеземледельческие обитатели Бактрии истоками происхождения пока не имеют автохтонной основы в пределах региона, то происхождение носителей скотоводческих культур, на наш взгляд, в значительной части местное. Это касается, в первую очередь, могильника раннего Тулхара, где необычность палеоантропологического материала, разнообразие погребального сооружения и характерность обряда захоронения наводят на мысль о том, что в сложении населения раннего Тулхара, видимо, участвовали носители местной гиссарской культуры.

В эпоху бронзы носители культур — земледельцы и скотоводы — не жили изолированно. Согласно археологическим материалам, они всегда находились в постоянном контакте, обмениваясь друг с другом культурно-хозяйственными достижениями, что происходило, несомненно, путем взаимокультурного и этнического общения. Этот процесс довольно четко прослеживается на археологических материалах древней Бактрии.

В настоящее время на основе изучения богатых, устойчивых комплексов культуры Сапалли, находящейся на территории древней Бактрии, уже разработана археологическая периодизация с детальным хронологическим расчленением на несколько этапов развития культуры, базировавшейся в основном на археологической стратиграфии оседлых комплексов Южного Туркменистана [5].

В ранних комплексах культуры Сапалли прослеживается явное продолжение традиции, характерной для культуры раннего Намазга VI. Общения сапаллитепинцев в этот период с северными соседями, по археологическим и антропологическим материалам, не чувствуется, ибо пришлые обитатели древней Бактрии из Южного Туркменистана не застали здесь никаких иноплеменных общин. Отмечаемый период, согласно нашей периодизации, хронологически соответствует второй и третьей четверти II тыс. до н. э. и характеризует сапаллинский и

---

[4] *Пьянкова Л. Т.* Древние скотоводы южного Таджикистана: Автор. канд. дис. М., 1982. С. 9.

[5] *Аскаров А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана Ташкент, 1977. С. 89—105; *Аскаров А. А., Абдуллаев Б. Н.* Джаркутан: (К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент, 1983. С. 32—44.

джаркутанский этапы культуры Сапалли. Однако, так как вскоре территория древней Бактрии, как выше отмечалось, стала ареной распространения разных этнических групп, то в сложении следующего этапа — комплекса Кузали — участвовала какая-то новая этническая группа, что подтверждается и палеоантропологическими материалами. Согласно широким археологическим наблюдениям, прослеживаемые инновации в комплексах кузалинского этапа происходили за счет юго-восточной инфильтрации, исходным пунктом которой являлась долина Инда, через хараппские фактории в Шортугае.

В последней четверти II тыс. до н. э. территория древней Бактрии стала районом активного расселения и освоения разных этнических групп, что довольно хорошо прослеживается на материалах северной Бактрии. Так, если на ранних этапах культуры Сапалли ареал оседлых комплексов Бактрии в северной ее части территориально ограничивался в основном Шерабадским оазисом, то, начиная с кузалинского, особенно с молалинского этапа, отмечается повсеместное распространение этого населения, а отдельные родоплеменные группы проникли в глубь скотоводческой зоны гиссарской долины (Нурек, Тандырюль и др.). Именно в этот период черты культуры степняков более активно проникают в материальную и духовную культуру оседлых племен, отличающихся по этническому составу.

Степной компонент в оседлых комплексах древней Бактрии нами зафиксирован в разных проявлениях. Они сводятся к следующему:

1. Известно, что обряд трупоположения на всех этапах культуры Сапалли является единственным ритуалом погребальных комплексов. Однако, основываясь на данных раскопок, мы можем утверждать, что начиная с молалинского этапа этот традиционный ритуал частично стал нарушаться: среди многочисленных могил с ритуалом трупоположения встречаются и захоронения с трупосожжением. В настоящее время мы располагаем материалом со следами трупосожжения в могильнике Джаркутан IV: в могильнике Бустан 3 — в одном случае, а в Бустан 6 — в двух. Факты трупосожжения известны и из раскопок ранних комплексов могильника раннего Тулхара Бишкентской долины [6].

[6] *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы... С. 96—108.

Трупосожжение в могильниках культуры Сапалли, видимо, не производилось непосредственно в пределах могил, так как следы трупосожжения встречаются здесь в виде скопления темно-красного тлена на «кирпичной подушке», вблизи которой стояли погребальные сосуды без каких-либо следов закопченности. Видимо, трупосожжение производилось где-то на специальном участке, а в могилу клали только пепел покойного.

Следует отметить, что ритуал трупосожжения погребальных комплексов оседлого и скотоводческого населения эпохи бронзы древней Бактрии встречается впервые, причем датируется только последней четвертью II тыс. до н. э., т. е. в погребальных комплексах молалинского этапа культуры Сапалли и в могильнике раннего Тулхара, хронологические рамки которых действительно соответствуют последней четверти II тыс. до н. э. Есть основание считать, что такой ритуал захоронения в большей части характерен для культуры степных племен. Так, в разных районах северной Киргизии — в долинах Таласа, Чу, на Центральном Тянь-Шане и в Кетмень-тюбе — исследованы могильники с каменными оградами, в которых захоронения совершались путем трупосожжения. Особого внимания заслуживает могильник Бурмачап в горной долине Арпа Центрального Тянь-Шаня, где в одной могиле обнаружены остатки сожженного скелета, богато украшенный горшок, бронзовый браслет и бусы [7].

Выборочные перечни памятников показывают, что обряд трупосожжения встречается только в погребальных комплексах скотоводческого населения, и единичное присутствие его в оседлых комплексах является фактом активизации этнокультурных и родственных контактов между племенами северных степных скотоводов и оседлых земледельцев юга.

2. В 1979—1981 гг. нами был исследован один из холмов городища Джаркутан, в котором вскрыта большая площадь жилого массива. В южной, не менее застроенной части жилого массива найдены два каменных ящика из вертикально поставленных плит; длина каждого ящика более 4 м; перекрыты они каменными плитами; ширина каменных ящиков — 70 см при глубине 50 см.

[7] *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. № 26. С. 20.

Расчистка ящиков показала, что они заполнены рыхлым слоем, в котором встречается значительное количество мелких обломков кальцинированных человеческих костей, золы, угольков и мелких фрагментов керамики. Каких-либо признаков трупоположения на дне ящиков обнаружено не было. Если принять во внимание мелкие обломки кальцинированных костей с угольками и золой в рыхлом заполнении ящиков, то это факты трупосожжения. Кроме того, заслуживает внимание сам факт наличия каменных ящиков, не характерных для культуры Сапалли, они явно погребальные. Захоронения в каменных ящиках широко распространены в памятниках андроновской и карасукской культур Южной Сибири[8]. Однако в каменных ящиках южносибирских памятников захоронения производились трупоположением, а в северо-киргизских каменных ящиках из булыжников — трупосожжением[9]. Погребальный инвентарь отмеченных могил с трупосожжением исключительно молалинский, без каких-либо признаков степного компонента. Видимо, погребенные в этих могилах являлись наложниками или наложницами, при захоронении которых, видимо, отчасти учитывалось соблюдение ритуальной традиции по их происхождению.

3. В оседлых комплексах древней Бактрии имеются импортные изделия, принадлежавшие комплексам культур степной бронзы севера Средней Азии. Так, в одной из могил кузалинского этапа могильника Джаркутан найден бронзовый браслет явно тазабагъябского типа. Или в могильнике Тандырюль (кенотафная могила, относящаяся к молалинскому этапу культуры Сапалли) найден целый горшок явно андроновского типа, в другой — бронзовая серьга с раструбом также андроновского типа. В обеих могилах основную часть погребального комплекса составляют горшки, вазы, миски, изготовленные на гончарном круге, которые характеризуют оседлый комплекс молалинского этапа культуры Сапалли.

В последние годы нами полностью раскопан на городище Джаркутан монументальный храмовый комплекс огнепоклонников, состоящий из культовой и хозяйственно-производственной части. Культовая часть храма занимает значительно большую восточную половину комп-

[8] *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 9. С. 59—68.

[9] *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки... С. 19—22.

лекса размерами 35×35 м. В архитектурно-планировочную структуру включены входной коридор длиной 25 м, двор святилища с жертвенной комнатой и священным колодцем, хранилище священной золы с двумя боковыми комнатами, аташга, сокровищница для хранения храмовых реликвий и богатства и сакральная платформа, где находился главный алтарь огня. В центре хранилища священной золы располагался прямоугольный резервуар, который со стороны входа с восточной части был огорожен невысокой тамбурной стеной. Заполнение резервуара хранилища своеобразно: на полу толстым слоем (10 см) лежит относительно стерильная зола, над ней прожженный слой, где есть пятнами прокаленная красновато-коричневая комковатая глина, обгоревшие древесные угли, кости, битая керамика. Над этим слоем находится завал и сильно гумусированный слой с остатками костей животных. Интересно, что среди бытовой керамики в верхних горизонтах заполнения резервуара встречались несколько фрагментов керамики степной культуры и довольно значительно фрагменты переносных керамических алтарей. Эти алтари на поверхности имеют орнаментацию, нанесенную гладким штампом (видимо, костяными керамическими ножами), характерную для керамики культуры степной бронзы.

Известно, что керамика культур Сапалли на всех этапах развития не имеет никакой орнаментации, но вдруг определенная категория культовых сосудов на завершающем молалинском этапе культуры становится украшенной композицией орнаментального мотива степной бронзы: треугольники, ломаные линии, «елки», ромбы, нанесенные гладким штампом. Получается, что керамика в основе молалинская, а орнаментальная традиция — степная. Однако остается загадкой, почему орнаментальная традиция степной бронзы распространяется именно на культовые сосуды оседлых комплексов. Нам кажется, этот вопрос требует специального исследования.

4. В последние годы в Гиссарской долине открыты и исследованы два горных поселения: Тегузак и Кангуртут. По данным Л. Пьянковой и Н. Виноградовой, которые исследуют эти поселения, здесь прослеживается сосуществование традиций двух основных культурно-хозяйственных типов бронзового века древней Бактрии. На обоих памятниках толщина культурного слоя незначи-

тельна, жилые и хозяйственные постройки имеют временный характер, связаны с летним выпасом скота. В постройках применялись каменные кладки, в бытовом инвентаре высокий процент составляет лепная посуда степной бронзы. По сообщению Л. Т. Пьянковой, найденные при раскопках поселения Кангуртут металлические предметы (кинжал, кельт, ножи и др.) относятся явно к степной культуре [10]. На поселении Тегузак на большой площади выявлено ритуальное кострище, где лежали закопченные сосуды как оседло-земледельческого, так и степного типа. В обоих поселениях в археологических комплексах явно преобладают металлические изделия, что является существенным признаком активизации лидирующей роли степняков в социальной и бытовой жизни общества Бактрии в последней четверти II тыс. до н. э.

В последние годы археологами Таджикистана близ Регара открыт новый Кумсайский могильник, по которому можно судить о смешанном археологическом комплексе андроновской культуры с керамикой молалинского типа культуры Сапалли.

Приведенные выше данные указывают на синкретизацию оседлых и степных компонентов и на их слияние в ряде памятников древнейшей Бактрии.

Таким образом, примеры о наличии степных компонентов, проявившихся как в материальной, так и в духовной культуре оседлых племен древней Бактрии эпохи бронзы, говорят, что отмечаемые процессы в оседлых комплексах северобактрийских памятников происходят на завершающем этапе культуры Сапалли, т. е. в последней четверти II тыс. до н. э. Но проникновение предметов быта и культуры «степняков» севера Средней Азии в среду оседлого населения Бактрии, возможно, началось намного раньше, а этап яркой культурной инфильтрации приходится именно на молалинский этап. С этим периодом связано и проникновение в Бактрию отдельных этнических групп, о чем свидетельствуют кратковременные поселения Тегузак и Кангуртут, могильники Тандырюль и Кумсай в таджикистанской части северной Бактрии.

[10] Материалы еще не опубликованы.

ДРЕВНЯЯ ОСЕДЛОСТЬ И ПОЛУНОМАДИЗМ В ДОЛИНЕ КАЧИ, БЕЛУДЖИСТАН

Ж. Ф. Жарриж *(Париж)*

Одна из проблем исследований по данной теме — определить, существуют ли признаки, по которым можно понять характер освоения территории в долине Качи по сравнению с соседними горными районами в доисторический период.

Во всех исследованиях, посвященных Белуджистану в доисторические времена, всякий раз подчеркивается большое разнообразие стилей в керамических изделиях в зависимости от различных районов этой обширной провинции. Наличие многочисленных халколитических поселений, имеющих вполне внушительный вид тепе, в районах, где в настоящее время живет население, частично ведущее полукочевой образ жизни, наводит на мысль о существовании здесь в прошлом при более благоприятных, чем ныне, климатических условиях поселений оседлых земледельцев. Разнообразие же керамических стилей объясняется, по мнению специалистов, благоприятными климатическими условиями, которые могли бы способствовать изолированности и автаркии оседлых жителей древнего Белуджистана. В таком случае в прошлом существовала бы ситуация, значительно отличающаяся от той, которая имеет место сегодня на территории Белуджистана.

До наших дней рядом с деревнями оседлых жителей, расположенными в низинах, например, в долине Качи, в благоприятных местах, где возможен сбор двух урожаев в год (хариф и раби), большая часть населения ведет полукочевой образ жизни. Эти группы полукочевников проводят зиму со своими стадами в долине Качи или ближе к югу в долине Лас Бела. Весной, проведя несколько месяцев в палатках (временный тип жилища) или в других временных укрытиях, они поднимаются в поселки с жилищами из грубого кирпича, разбросанными по всей гористой зоне, где возможен сбор летнего урожая. Многие торговцы и ремесленники придерживаются этого передвижения и его сезонного ритма.

В долине Качи, расположенной у ущелья Болан, про-

ходят многочисленные пути сезонных мигрирующих групп, там соседствуют в зимнее время в огромном количестве полукочевые сообщества и оседлые жители деревень, добывающие себе пропитание за счет весенних (зерновые — пшеница, рожь) и летних урожаев (рис, сорго, просо). Работы французской археологической миссии показали, что летние злаковые культуры появились только во II тыс. При этом вполне очевидно, что система двойного урожая в год — важный фактор, благоприятствующий оседлости одной части населения, несмотря на жаркое летнее время в долине Качи, а бедность фуражных культур — явление относительно недавнего прошлого. Полукочевой образ жизни многочисленных групп Белуджистана является наилучшей системой использования дополнительных ресурсов в низменных горных районах, расположенных близко друг к другу, но принадлежащих абсолютно различным зонам в климатическом и растительном отношениях. В связи с этим, по нашему мнению, существует проблема: не объясняет ли система использования горной местности, а также предгорий в рамках сезонного передвижения некоторые особые черты Белуджистана в эпоху неолита и энеолита.

В ряде статей мы подчеркиваем, что развитие неолита Мергара около 7000 до н. э., отмеченное переходной фазой между деятельностью охотников и собирателей и настоящим земледелием, объяснялось частично предгорным расположением на плато Кветт, где последовательно представлены различные экологические зоны, по климату и растительности имеющие характерные переходные черты от региона Индо-Ганга к региону Иранского плато и Западной Азии. Стратиграфические срезы, а также участки, обнаженные рекой Болан в Мергаре, выявили обилие наносов из ила, что свидетельствует о систематическом затоплении этой области. Наличие различных сортов диких злаковых наводит на мысль о большой степени плодородности участков земли, покрытых илом и оставленных в период летней межени. Присутствие злаковых, богатых питательными веществами и в какой-то степени случайно вырастающих к концу зимы на затопляемых участках в предшествующее лето, без сомнения, притягивало в эти места людей и животных. Поскольку использование изобильных, но сезонных продуктов предполагает совершенствование методов хранения, то Мергар становится крупным центром

«складов». Эти помещения, сложенные из грубого кирпича, противоречат относительно временному типу жилищ. На многих гектарах вокруг «складов» обнаружены остатки жилищ, покрытые паводковыми наносами, которые могут свидетельствовать о большой концентрации населения, имеющей сезонный характер. В отличие от участков с амбарами, где возводились насыпи для защиты сооружений от наводнений, эти периферически расположенные сооружения не строились из грубого кирпича и, очевидно, пустовали во время летних паводков, которые их затопляли и разрушали. Поэтому нам кажется, что здесь представлен образ жизни, основанный на использовании и хранении естественных продуктов, обильных, но имеющих сезонный характер, а также на большой подвижности населения, использующего также фауну и флору в летний период в соседних горных районах.

В пору энеолита в период Мергара III происходило увеличение числа мелких селений. Размеры самого поселения Мергар весьма значительны: зона находок керамики простирается более чем на 100 га, где еще преобладает система хранения по типу амбаров неолита. Керамика и статуэтки из Мергара III идентичны изделиям из поселений района Кветта или Калата и сделаны ремесленниками, принадлежащими к одному культурному комплексу. Так как места горных поселений должны быть также необитаемы в зимнее время в отличие от современных деревень, вероятно, долина Качи была зимним центром концентрации части населения районов Кветта и Калата. Этим объясняется исключительное число стоянок в Мергаре, обширные хранилища и удивительная культурная однородность всех памятников вплоть до редких поселений в районе Зхоб и Лоралай.

IV тыс. и первая половина III тыс. (Мергар IV, V, VI и VII) характеризуются увеличением числа археологических памятников по всей долине Качи. Их размеры кажутся более скромными по сравнению с предыдущими периодами (только несколько гектаров). Строения в Мергаре образуют более компактные кварталы, а большие кувшины во дворах, предназначенные для хранения, соответствуют обширным складам периода неолита и раннего энеолита. Возможно, это говорит о более выразительных элементах оседлости по сравнению с более

ранними эпохами. Стратиграфический срез указывает на замедление процесса заселения бассейна Болан и, вероятно, на углубление русла реки. Это позволяет считать, что система орошения на основе затопления все еще возможна и в наше время в низовьях долины Качи, но одновременно стала затруднительной для бассейна Болан. Расположение поселений вне затопляемых территорий, без сомнения, объясняется развитием системы орошения при помощи каналов. Раскопки указывают на присутствие каналов, заполненных в Мергаре IV. В то же время в составе злаков (Константини) пшеница начала доминировать над ячменем, преобладавшим здесь с самых древних времен. Увеличилось число коз и овец относительно зебу. Такое разнообразие в ведении сельского хозяйства, несомненно, способствовало еще большему использованию ресурсов долины Качи, как и горных районов. Можно считать, что около 3000 лет до н. э. район Кветта был максимально населен земледельцами, для которых было характерно использование керамики стиля Кветта. Аналогичный процесс имеет место во всех областях внутри Белуджистана.

Следует ли из приведенных данных, что в 3500—3000 гг. до н. э. дополнительная система использования природных ресурсов во время сезонных перемещений радикально изменилась или исчезла? Это кажется менее вероятным. Увеличение пропорции коз и овец в Мергаре также, по-видимому, свидетельствует об обратном, так как эти животные традиционно связаны с выпасом их на летних пастбищах в горах. Остается поразительно однородной материальная культура поселений в долине Качи и в горных районах. Не только стили в керамике, кроме некоторых вариаций внутри мастерских, но и объекты, отражающие идеологию, или другие структуры (статуэтки с четко обозначенными чертами или печати) часто идентичны.

Изучение археологического материала 3000—2500 гг. до н. э. позволяет составить карту расселения, которая охватывает зоны от предгорий до высокогорных зон. Такое распределение не всегда точно соответствует современному расселению мигрирующих племен, однако оно остается близким и связано с теми же путями следования. Изучение такой картографии с точки зрения экономики и культуры должно стать главным элементом археологических исследований данного региона. При

этом можно заметить, что явление культурного разнообразия в Белуджистане в меньшей степени зависит от условий землепользования, чем от дополнительных факторов, характерных для районов, расположенных в разных экологических зонах. Дифференциация же стилей керамики, объясняемая изолированным существованием сообществ, имеет многочисленные свидетельства в различных археологических работах.

ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИРОДНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА В СТЕПЯХ КАЗАХСТАНА

В. Ф. Зайберт *(Петропавловск)*

Сферу взаимодействия природы и общества философы называют ноосферой. Она выступает как особый элемент космоса, выделяемый по социальному охвату природы. Ноосфера зарождается в географических рамках, но в принципе не имеет планетарной границы, выходит за ее пределы.

С зарождением и развитием человеческого общества его связи с природой стали носить целенаправленный, сознательный характер сообразно собственным потребностям и познанным законам природы. Взаимодействие природы и общества происходит по двум глобальным законам: первый — неуклонное возрастание мощности, охвата, глубины и многообразия воздействия общества на природую среду в ходе развития общества; второй — закон расширения ноосферы.

Ноосфера как особый структурный элемент космоса взаимодействует с другими структурными элементами природы — биосферой, атмосферой, гидросферой и литосферой. Общество, организованное по социальному принципу, рассматривается как социосфера (связи между людьми: через предметный мир как результат очеловечивания природы; через трудовую деятельность или производственные отношения). Развитие социосферы

происходило неравномерно в силу неодинакового состояния биосферы во времени и пространстве.

В голоцене отмечается несколько различных по качеству и продолжительности состояний биосферы. Это, несомненно, отразилось на характере и направлениях взаимодействия социосферы и биосферы. Основные линии связей были направлены на верхнюю оболочку литосферы — животный и растительный мир, ландшафт, минеральные источники — на ту часть природы, которая непосредственно в процессе взаимодействия превращалась в средства труда, предметы труда, средства производства. Воздействие на литосферу в силу ее разнообразия происходило неодинаково, что и обусловило неравномерность развития древних обществ в различных регионах земного шара.

Особенно активизировался процесс взаимодействия человека и природы в конце каменного века, когда производительные силы древних обществ достигли уровня, позволившего перейти на новую историческую ступень через освоение и развитие производящих форм хозяйства, совершенствование социальных структур.

Природно-экологические и экономические предпосылки сложения в Урало-Иртышском регионе в IV—III тыс. до н. э. производящего типа хозяйства сводятся к следующему.

Динамика палеоклиматической обстановки и ландшафта голоцена по археологическим и палеографическим данным показывает, что:

в начале голоцена климат региона был сухим, континентальным, в ландшафте господствовали полынно-злаковые степи;

в начале VI тыс. до н. э. (неолит) происходило повышение атмосферного увлажнения, водный режим становился неустойчивым, в почве активно образовывался гумус;

в IV—III тыс. (поздний неолит — энеолит) прогрессировало увлажнение и чередование (повышение и понижение) температурного режима;

во II тыс. до н. э. установился сухой и жаркий климат (ксеротерм), перепад в зональности ландшафта составлял 150—200 км;

в начале I тыс. до н. э. происходило резкое увлажнение и похолодание, что обеспечило буйное развитие степного фитоценоза.

На фоне отмеченной ландшафтно-климатической динамики происходили определенные изменения в культурно-хозяйственных типах древнего населения региона.

В мезолите в условиях аридного, континентального климата человек осваивал долины рек, селился на первых надпойменных террасах или высокой пойме. Охота и рыболовство требовали регулярной подвижности населения. Миграции происходили в основном в меридиональном направлении по долинам рек Ишима, Тобола, Иртыша и их притокам.

В неолите усиливалась оседлость населения, чему способствовала в определенной степени экологическая обстановка: увлажнение в атлантическом периоде сопровождалось и потеплением, что вызвало увеличение лесного фитоценоза, благоприятствовало разнообразию животного мира. Появились многочисленные поселения, причем долговременные и на значительной площади. В это время в Приишимье обитало население *атбасарской культуры*. Долины рек, где оно обосновалось, представляли собой настоящие оазисы по сравнению с окружающей степью. Стационарные поселения занимали площади до 2—3 тыс. кв. м. У этих жителей действовали специализированные мастерские по производству каменных орудий и нуклеусов. Каменный инвентарь широко шел в меновую торговлю между казахстанскими и западносибирскими группами населения. Первые опыты приручения лошади и собаки также связаны с неолитом. Экономической основой общества атбасарцев было рыболовство, надо полагать, они достигли определенного совершенства в данном производстве: к этому периоду относится создание, например, специальных запруд на старицах.

В конце IV — начале III тыс. до н. э. общество перешло на качественно новую ступень — энеолит. Судя по обзору более чем 200 стоянок каменного века и десятка объектов энеолита, переход происходил на местной культурной основе — в ходе совершенствования производительных сил. Поскольку в определенной степени развитие производительных сил связано с адаптацией к постоянно изменяющимся условиям окружающей среды, то в ходе нарастающего увлажнения и похолодания прогрессировали степные фитоценозы, степь «оживала», обводнялась, долина же заболачивалась, водный режим становился неустойчивым. Население было готово пе-

рейти в этих условиях к скотоводству, тем более что наступили благоприятные условия для экологии лошади. Освоение степи требовало новых орудий труда, совершенных жилищ, разнообразных этнокультурных связей.

На базе неолитической атбасарской культуры складывалась ботайская. В настоящее время памятники этого типа известны на Ишиме, Чаглинке, Иман-Бурлуке, Убагане, Тоболе, Тургае, озерах Прииртышья. Поселения располагались на высоких коренных берегах или водораздельных террасах. Площадь памятников достигала 5—20 га, на ней фиксировалось от нескольких десятков до двух сотен жилищ. Основная информация получена из поселения Ботай. Контрольные раскопки таких объектов, как Красный Яр, Рощинское, Баландино, Сергеевка, подчеркивают сущность материалов Ботая, усиливают верификацию источников. На поселении Ботай исследовано 7000 кв. м культурного слоя, изучено 70 жилищ, найдено более 200 тыс. предметов из камня, кости, глины. Остеологическая коллекция составляет много сотен тысяч единиц.

На поселении обитало, по нашему мнению, около 1000 чел., которые семьями жили в полуземляночных многоугольных глиняных с каркасным перекрытием жилищах площадью 25—70 кв. м. Иногда в них проживали две семьи. В береговой части поселения локализовались вместе с жилыми и производственные помещения (мастерские). В северной (напольной) стороне находились, как правило, помещения для скота (конюшни), жилые помещения располагались на всей площади. Хозяйство ботайцев было комплексным, многоотраслевым, но основу составляло коневодство (99% найденных на поселении костей лошадиные). Ученые-палеозоологи доказали, что лошади были уже одомашнены, что не исключает, конечно, присутствия в данной местности многочисленных стад диких лошадей.

Кроме непосредственных занятий, связанных с коневодством, ботайцы большое внимание уделяли домашним промыслам. Как показали исследования Г. Ф. Коробковой и ее учеников, на поселении было развито ткачество с использованием простых станков. Исходным сырьем служили лен и конопля. Получило развитие и изготовление посуды из глины, которую жители брали буквально под ногами. Керамические изделия были полуяйцевидной формы, украшались геометризованным

орнаментом — треугольниками, ромбами, зигзагами, сочетающимися с защипами, вдавлениями палочки. Много хлопот ботайцам доставляла обработка шкур и изготовление из кож обуви, одежды, сбруи и т. д. Об этом говорит большая коллекция каменных орудий: скребки, ножи, скребла, проколки.

Особое место в ремеслах ботайцев занимала деревообработка. Трассологические исследования показали, что бревна рубили, строгали, тесали, сверлили. Инструменты соответственно имели специфические формы — это были топоры, тесла, долота, струги, сверла. Для сверления применялись уже специальные станки с использованием инерционной силы специально изготовленных каменных дисков с отверстием в центре. Одновременно диск служил патроном для закрепления сверла.

Хорошо было развито у ботайцев и косторезное дело. Кость была одним из главных сырьевых источников для производства орудий труда. Из нее делали ножи, долота, наконечники для палок-копалок, проколки, тупики, шилья, кочедыки, наконечники стрел, гарпуны, псалии, застежки пут.

Из традиционных форм хозяйствования ботайцы предпочтение отдавали рыболовству, охоте и собирательству, о чем свидетельствует масса наконечников стрел, копий, гарпунов и других типов изделий в коллекции.

Активная хозяйственная и производственная деятельность стимулировала региональный и местный обмен. Тесные связи прослеживаются у ботайцев с Сибирью, Уралом, Средней Азией. Главным объектом экспорта, видимо, была лошадь.

Развитие культуры по восходящей происходило до конца III тыс. до н. э. Этому способствовали относительно устойчивые связи между человеком и окружающей средой в рамках экологической ниши[1]. Устойчивость связей определялась возможностью удовлетворения человеческих потребностей в пределах экологической ниши при постоянном развитии средств производства. Но так как процесс взаимодействия постоянно углублялся или, другими словами, расширялась ноо-

[1] Определенная территория, на которой происходит взаимодействие внутри природы, с одной стороны, и между окружающей средой и социальной структурой — с другой.

сфера, на определенном этапе наступал кризис экологических ниш.

Пришел такой кризис и в ботайскую культуру в начале II тыс. до н. э. Кризисное состояние было вызвано взаимодействием социального и природного факторов: благоприятные условия для развития многоотраслевого хозяйства в рамках экологических ниш вызывали демографический рост. Это происходило примерно по такой схеме. Зона обитания одной социальной структуры определялась радиусом 150—200 км, в рамках такого пространства должны находиться водные источники, мелкосопочник, открытые степные участки, лесные колки, минеральные источники сырья. Подобное сочетание природных факторов было необходимо для занятия придомным скотоводством (коневодством). Экстенсивные формы деятельности могли удовлетворить лишь определенное число людей. При росте численности населения увеличивался объем добываемой пищи (мяса), следовательно, уменьшалось поголовье лошадей в зоне обитания. Резко сокращалось воспроизводство стада. Наступал кризис. В этом случае коллективы мигрировали в новые аналогичные зоны обитания, закладывали новые поселки[2]. Защиты от климатического фактора (т. е. способа сохранить традиционный культурно-хозяйственный тип) у первобытных людей не было. Некоторое время благодаря условиям экологических ниш ботайцы сохраняли свою систему хозяйства, но до тех пор, пока взаимодействие атмосферного и гидрологического факторов не вызвало изменений в ландшафте, почве: падения уровня грунтовых вод, сокращения травостоя, возрастания солонцеватости почвы.

Ботайское население двояко отреагировало на кризис в экологических нишах. Часть населения, сохранившая табуны, начала миграцию в поисках сходных с ботайскими зон обитания, но за пределами региона (Южный Урал, Восточно-Казахстанское Прииртышье, Алтай и, возможно, далее на восток Евразии). В последние годы на этих территориях обнаружены материалы, близкие ботайским, из поселений, стоянок, а также наскальные рисунки. Гипотетически можно считать, что волна передвижения связана с общим процессом расселения

[2] Именно так происходило, по нашему мнению, в лесостепной полосе Евразии на протяжении конца IV—III тыс. до н. э. В конце III тыс. началось иссушение климата в Евразии.

индоевропейских племен — так позволяют думать пока немногочисленные, но выразительные антропологические материалы из поселений Ботай, Баландино, Красный Яр. Например, погребальный обряд сочетает в себе культ огня, культ коня. В это время (XIX—XVIII вв. до н. э.) появились, видимо, и повозки, которые облегчили передвижение скотоводов. Их путь пролегал, наверное, по кромке лесостепи и степи, там, где лошадям не грозила бескормица. В процессе передвижения ботайцы испытали определенное воздействие местного населения, постепенно трансформировалась их культура.

Другая часть населения не смогла сохранить традиционный культурно-хозяйственный тип, социальная структура деградировала. Небольшими семейными коллективами оно рассредоточилось по долинам рек. Вновь на первое место в хозяйстве временно вышли рыболовство и охота. Это, конечно, не исключало использования в домашнем хозяйстве лошади. Поселения в это время по размерам не превышали 1—2 тыс. кв. м. Этнические контакты расширялись в направлении к западно-сибирским рыболовам и охотникам (материалы вишневского типа).

К XVI в. оставшееся в регионе ботайское население вошло в состав нового этнокультурного образования петровского алакульского культурно-исторического пласта. Археологически это подтверждается сохранением на петровской и алакульской керамике техники веревочки, а также традиции использовать глину при сооружении петровских жилищ. Кроме того, прослежен практически полный аналог петровских погребальных конструкций с ботайскими жилищами.

Культуры эпохи бронзы складывались в новых природно-экологических условиях. Центром жизни вновь, как когда-то в мезолите и неолите, но на новой исторической ступени, стала долина рек, а хозяйственным стержнем — пойменное земледелие и пастушеское придомное скотоводство. Но теперь в стаде уже преобладал крупный и мелкий рогатый скот. Лошадь в количественном отношении занимала подчиненное место, но ее социальная значимость стала выше — использовалась как транспортное и верховое животное и редко — в пищу.

Развитие пойменного земледелия в эпоху бронзы связано с благоприятными климатическими и почвенными

условиями во II тыс. до н. э. Производительные силы были готовы к этой форме деятельности (металлические инструменты, рало, возможно, тягловая сила). Земледелие удовлетворяло не только нужды людей, но и скота. С этого периода истории человечества производящее хозяйство развивалось как комплексное, в тесной взаимосвязи земледелия и скотоводства. Однако земледелие в долинах рек испытывало большие трудности. Ежегодные разливы приносили неплодородный ил, глинистые частицы, вода размывала гумус. Участки забрасывались и разрабатывались новые. Континентальность климата и в целом природные условия ограничивали развитие земледелия, а к концу II тыс. до н. э. свело его на нет.

В эпоху раннего железного века в условиях субатлантического (влажного и холодного континентального) климата наиболее рентабельным для человека стало пастбищное и полукочевое скотоводство. Состав стада изменился. Теперь в нем преобладали лошадь и мелкий рогатый скот, т. е. животные, наиболее приспособленные к подвижному образу жизни. Земледелие сохранялось в определенных оазисах, но не играло определяющей экономической и исторической роли в сложении нового исторического культурно-хозяйственного типа — полукочевников и кочевников. Появление этих двух укладов зависело также от характера окружающей среды: в лесостепной и степной зонах формировалась полукочевая система скотоводства, а в степной и полустепной — кочевое. С этого времени (начало I тыс. до н. э.) отмечается наиболее динамичное взаимодействие между природно-экологическими и социальными факторами, позволившее сохранить полукочевой и кочевой культурно-хозяйственный типы в Казахстане вплоть до начала XX в. Развитие производительных сил в I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. позволяло даже в условиях экстенсивных форм укреплять экономическую, социальную структуру кочевников. В свою очередь, опыт взаимодействия природы и общества показал историческую перспективность скотоводства в Казахстане. Экстенсивность хозяйства в тех условиях — это своеобразная система адаптации и воздействия на природу со стороны человека в ходе циклов перекочевок.

Общие закономерности взаимодействия природы и общества в голоцене таковы:

1 — общество и окружающая среда представляли собой сложную динамическую систему с сетью прямых и обратных связей;

2 — отчетливо прослеживается обусловленность материального производства и формирования культурно-хозяйственных типов от основных элементов верхней оболочки литосферы (природные ресурсы);

3 — скачкообразные изменения экосистем (палеогеографические рубежи) вызывали перераспределение природных ресурсов, влияя на развитие хозяйственных типов. Наибольшие изменения происходили в процессе скачков 10—8 тыс. и 6—2 тыс. лет назад. Ландшафтные изменения создавали предпосылки для хозяйственных изменений, которые при определенных климатических параметрах могли быть реализованы лишь при условии достаточного развития производительных сил и накопления определенного объема информации в сфере культуры;

4 — начало заметного обратного воздействия общества на развитие природы следует отнести к 12—10 тыс. лет назад, а усиление его воздействия — к началу широкого освоения человеком производящих видов деятельности. Начиная с этого времени можно говорить об образовании особой оболочки земли — техносферы как результата расширения ноосферы.

ФЕНОМЕН ПРОТОЦИВИЛИЗАЦИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ. КУЛЬТУРНАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

Г. Б. Зданович *(Челябинск)*

В последние годы в исторической науке проявился интерес к переходной эпохе от первобытности к цивилизации, к парадигмам соотношения культуры и цивилизации. Выявлена многоплановость и сложность становления и развития государственности, которая в ряде случаев имела дискретный характер. Со всей остротой встал вопрос о многомерности проявления и глубокой значи-

мости урбанизации в общей системе исторического развития. В отечественной и зарубежной литературе наметились новые линии в исследовании проблемы древнейших городов (Р. Адамс, И. Дьяконов, В. Массон, К. Ламберг-Карловский, В. Гуляев и др.). Все это неизбежно усилило внимание к более глубинным пластам истории, в недрах которых зрели предпосылки перехода к цивилизации. Ведь подобно другим универсальным историческим категориям город прошел длительный и сложный путь развития, прежде чем стал самим собой не только номинально, но и субстанциально [1].

В соответствии с принципами историзма сейчас выявляются новые аспекты в таком важном вопросе, как выработка критериев выделения города: каковы признаки, отличавшие город от предшествовавшего ему или параллельно существовавшего не-города, можно ли разделить эти признаки на сущностные и второстепенные, какова «точка отсчета», от которой можно начинать историю раннего города. Очевидно, ответы на поставленные вопросы следует искать и в создании общей теории становления города, и в осмыслении археологических открытий, отражающих феномен протогородских культур, и в изучении той материальной базы, на основе которой происходило или должно было происходить преобразование первобытного общества [2].

В 1970—1980 гг. в урало-казахстанском регионе степной Евразии на ряде многослойных поселений бронзового века открыты и исследованы слои, относящиеся к первой половине II тыс. до н. э., а также своеобразные погребальные комплексы, в значительной степени отличающиеся от алакульских и федоровских, которые хорошо известны. Для выявленной группы памятников, которую целесообразно называть петровско-синташтинской, характерно наличие в поселениях оборонительных сооружений — рвов и валов с деревянными частоколами или стен, сложенных из глинобитных блоков. Они относятся к укреплениям замкнутого типа, в основе плана которых лежат прямоугольник, круг либо круг и прямоугольник в сочетании. Укрепленные площадки поселений

[1] *Андреев Ю. В.* Ранние формы урбанизации // Вестник древней истории. 1987. № 1.

[2] *Павленко Ю. В.* Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев: Наукова думка, 1984.

составляют от 6 тыс. до 30 тыс. кв. м. Наличие контрфорсов, «выступов-башен» и других сложных сооружений, защищающих въезд в поселок и подступы к воде, свидетельствует об оригинальной и достаточно развитой системе фортификации.

Жилища представлены конструкциями наземного типа площадью от 25 до 130 кв. м. В плане это — прямоугольники или высокие трапеции. В качестве строительного материала применялись дерево и глина, дерн. Очаги — напольные открытые, с каменными выкладками; встречаются и сложные очажные сооружения, иногда пристенные, напоминающие камины. В жилищах зафиксированы ямы-погреба для хранения продуктов, колодцы. На поселении Синташта исследованные жилые помещения были заключены в круговое кольцо шириной 16—18 м, образованное двумя стенами, сложенными из глины с использованием дерева и обожженных глиняных блоков. Аналогичные, но идущие в радиальном направлении стены разбивали кольцо на стандартные отсеки-жилища. Не исключено, что значительная часть жилищ имела два этажа или легкие постройки на кровле. В некоторых поселениях зафиксированы системы водоотстойников и водосбросов.

Хорошо сохранившееся поселение Аркаим, недавно открытое на юге Челябинской области, позволяет более детально проследить планировку и объемно-пространственную структуру хозяйственного и религиозно-административного центра петровско-синташтинской эпохи. Стационарные работы на этом памятнике еще впереди. Однако топографическая съемка и рекогносцировочные раскопы (вскрыто 1500 кв. м культурного слоя) уже дали в руки исследователей достаточно информативный материал. В частности, определено, что общая площадь поселка — 20 тыс. кв. м[3].

Основу плана составили два кольца оборонительных сооружений, вписанных друг в друга, два круга жилищ — внешний и внутренний — и центральная площадь. Обводная стена имела диаметр 160 м, ширину по основанию — около 4 м. Стена сложена из плотного, специально приготовленного грунта с примесью извести. С наружной стороны она была облицована сырцовыми блоками, которые укладывались начиная со дна рва на

[3] В процессе полевого изучения памятника неизбежны уточнения цифровых данных.

всю высоту стены (глубина рва — 1,5—2 м, высота земляной стены по предварительным расчетам — 2,5—3 м). Верх стены был усилен двумя (?) параллельными частоколами бревен, промежуток между которыми был заполнен дерновыми пластами. С внутренней стороны к оборонительной стене вплотную примыкали торцы жилищ, фактически и то и другое вместе составляли одно целое. Длинные стороны жилых сооружений расположены строго радиально по отношению к дуге оборонительных укреплений. Выходы жилищ обращены к единственной круговой улице, которая проходила через все поселение параллельно внутреннему рву и стене цитадели. Ров облицован деревом. Стена цитадели имеет такую же конструкцию, как и стена, окружающая поселок, но менее массивна по основанию. Со стеной цитадели сливаются торцы жилищ внутреннего жилого кольца. Жилища расположены радиально с выходом на центральную площадь.

Насколько можно судить по современному рельефу памятника, зафиксированному топографической съемкой, поселок имел три-четыре входа, обращенных на запад — северо-запад, восток — юго-восток (?), север — северо-запад, юг — юго-восток. Главный, западный вход отмечен разрывом (в 40 м) кольца внешней стены. Стена и ров резко поворачивают в глубину поселка, смыкаясь с конструкциями цитадели. Внутреннее кольцо жилищ в этом районе размыкается, и образуется улица, ведущая на площадь. Таким образом, главный вход в поселок имеет в плане форму сектора с центральным углом около 30°. Прогибами в оборонительных стенах и прерывами рвов отмечены северный и южный входы. Слабо выражен только вход, обращенный на восток — юго-восток. Каждому входу соответствуют радиальные улицы, пересекающие весь поселок. Центральная площадь, вероятно, имела форму, близкую к квадрату со сторонами 25×25 м. Площадь была ориентирована таким образом, что каждый из ее углов совпадал с направлением одной из радиальных улиц.

В полевом сезоне 1987 г. на поселении Аркаим было вскрыто два жилища: одно во внутреннем кольце, другое — во внешнем. В плане — это крупные трапециевидные здания площадью 190 и 300 кв. м. Стены жилищ представляют собой два параллельных ряда столбов, обшитых плахами, находящихся на расстоянии около 1 м

один от другого. Промежуток между столбами заполнен грунтом (сырцовым кирпичом?). Четыре или шесть рядов столбовых конструкций разделяют здание по длине, несколько поперечных перегородок образуют отдельные комнаты. Хозяйственные отсеки с погребами и колодцами расположены в глубине помещений. Жилища построены плотно друг к другу, имея общие длинные стены.

В изучении петровско-синташтинского культурно-исторического пласта еще много нерешенных, чисто археологических задач, среди которых: детальная систематизация керамики и другого вещевого инвентаря, сравнительный анализ поселенческих и погребальных комплексов. Остается невыясненным соотношение в плане прямоугольных и круглых оборонительных систем и в целом поселков, а также вопрос: считать ли особенности планировки проявлением различных культурных традиций или они отражают какие-то функциональные характеристики памятников. Несмотря на многие неясности, уже сегодня, работая с материалами таких поселений, как Петровка, Новоникольское, Синташта, Аркаим, нетрудно отметить в них довольно полный набор признаков, характеризующих ранний город [4].

Для памятников этого круга характерна довольно развитая система фортификации. Она построена на принципе замкнутой круговой обороны без какого-либо существенного учета особенностей местности для стратегических целей. Создается впечатление, что подобная оборонительная система могла сложиться только в степной — лесостепной зоне со слабо расчлененным рельефом земной поверхности. Об этом же свидетельствует и выбор строительного материала — предпочтение отдается мягким, связанным грунтам и дереву при полном игнорировании камня.

Поселения, подобные Аркаиму, создавались по заранее продуманному плану, при четкой разметке местности и наличии какого-то макета. В этом убеждает пространственное решение всего комплекса сооружений и погребенный рельеф, оставленный древними строителями. Заранее предусматривались сочетания мелких и более углубленных частей жилых котлованов, по линии

[4] *Массон В. М.* Раннеземледельческие общества и формирование поселений городского типа // Ранние земледельцы. Л.: Наука, 1980; *Он же.* Типология древних городов и исторический процесс // Древние города. Л.: Наука, 1977.

фундаментов стен срезался гумус, но оставлялись возвышения материковой глины. В ряде случаев материковые возвышения («столы»?) сохранились у очагов или по углам жилищ. Тщательно, в соответствии с конструкцией будущего сооружения, снят верхний слой древней почвы под основанием оборонительных стен, вероятно, с расчетом на глубину промерзания грунта.

Традиционные поселения эпохи бронзы урало-казахстанских степей имеют, как правило, открытую линейную планировку. Каждый жилой комплекс существует как бы самостоятельно, и эта независимость подчеркивается наличием вокруг жилищ свободного пространства, так называемой межжилищной территории. Поселения петровско-синташтинского типа демонстрируют качественно иную структуру. Создатели «города», планируя его элементы, руководствовались единой идеей, которую можно назвать идеей центризма. Точка схода в Аркаиме для всех сооружений расположена на площади в цитадели. К этой точке обращены осевые линии зданий, улицы, выходы из жилищ. Конструкция главных ворот этого поселения, решенная с учетом всех законов планиметрии, обращена центральным углом к той же точке.

Важным признаком урбанизации является активное и рациональное использование городского пространства с достаточно выраженными функциональными характеристиками. На исследуемых поселениях хорошо выделяются жилые и хозяйственно-бытовые комплексы. Свое место за пределами цитадели вдоль внутреннего рва занимают производственные сооружения — металлургические и гончарные (?) печи. Особое место отведено площади — месту общих сборов и ритуальных действий. Ярко выражена система коммуникаций — путей сообщения между отдельными секторами поселения, ограниченными оборонительными стенами и рвами. Улицы и переходы обеспечивали связь между отдельными жилыми и производственными сооружениями, между центральной площадью и периферией поселения. Существовали и другие городские коммуникации — организованная система водостоков и водоотстойников, главной составной частью которой был внутренний ров. Таким образом, каждый элемент поселения находился в тесной связи с целым, а четко обозначенное архитектурное единство говорит о целенаправленном воплощении в объемно-пространст-

венных формах определенных идеологических и культурно-хозяйственных целей.

Петровско-синташтинские поселения представляют собой сконцентрированные на малой площади места обитания земледельческо-скотоводческих общин. Состав стада представлен костями лошади, мелкого и крупного рогатого скота. Особое внимание отводилось лошади, которая широко использовалась в военном деле. О тесной связи с земледелием говорит прежде всего топография поселений, которые расположены на низких террасах в районах широких пойм, где было удобно применять орошение лиманного типа. В районе поселения Аркаим сохранились поля, которые, вероятно, возделывались в эпоху бронзы. Установлено, что и сегодня, используя старые русла, воду из реки можно подвести к поселению и древним полям при самом минимальном объеме земляных работ. Необходимо отметить, что в радиусе 5—6 км от «города» располагалось не менее двух — трех современных ему небольших поселений — сельскохозяйственная округа.

Урбанизированный характер и значимость культовых центров петровско-синташтинские поселения приобрели как очаги производства и распространения металлических изделий. В культурных слоях поселений среди обычного массового инвентаря большой процент занимают орудия металлообработки и остатки металлургического производства. Почти на всех памятниках, несмотря на относительно небольшие вскрытые площади, зафиксированы металлургические печи. Вещевые комплексы петровско-синташтинских могильников отличаются изобилием предметов из бронзы. Погребения взрослых мужчин, как правило, содержат орудия кузнечного дела (молотки, наковальни), а в отдельных случаях — и куски руды. О престижной роли людей, владевших навыками кузнеца и металлурга, говорят факты одновременного нахождения в погребальных камерах остатков боевых колесниц, каменных булав — символов особого положения в обществе — и орудий кузнечного дела.

На поселенческих и на погребальных памятниках ярко выражены следы действий культового характера. Значительная роль культовой практики проявилась в планировке поселений и в создании особых храмово-погребальных комплексов (Большой Синташтинский

курган) [5]. Для могильников характерно изобилие костей домашних животных, которое не отмечается археологами ни в предыдущие, ни в последующие эпохи. К петровско-синташтинскому времени оформились основные требования к заупокойному культу и погребальной архитектуре. Сложившиеся традиции определили почти на целое тысячелетие всю систему андроновского погребального обряда и нашли яркое отражение в архитектуре скифо-сарматской эпохи восточного региона евразийских степей. Только глубинными корнями происхождения можно объяснить многие общие элементы в конструктивных особенностях петровско-синташтинских могильников и поселений и деревянных и земляных погребальных сооружений раннего железного века на Урале, в Казахстане, на Алтае [6].

О «централизации» и унификации культовой обрядности, о сложившемся пантеоне божеств свидетельствует каменная антропоморфная скульптура, известная по находкам между реками Уралом и Иртышом. Высокие художественные достоинства и канонизация образов предполагают длительный путь развития антропоморфной пластики, истоки которой связаны, вероятно, еще с эпохой энеолита — ранней бронзы. Похоже, что эти предметы хранились в уединенных тайниках [7] и извлекались из них только к моменту религиозных празднеств, подобно тому, как житель древней Месопотамии в период, предшествующий государству Саргонидов, приносил с собой в храм на время молений небольшое скульптурное изображение божества [8].

---

[5] *Алексашенко Н. А., Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М.* и др. Работы в зоне Бреденского водохранилища // Археологические открытия 1972 года. М.: Наука, 1973.

[6] *Зданович Г. Б., Хабдулина М. К.* Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987; *Кадырбаев М. К.* Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984; *Грязнов Т. М.* Аржан: (Царский курган раннескифского времени). М.: Наука, 1980; *Gettmar K.* Fortified «ceremonial centres» of the indo-iranians // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука, 1981.

[7] Все известные нам скульптурные изображения относятся к категории случайных находок и обнаружены вдали от мест возможного расположения поселений или могильников.

[8] *Афанасьева В. К., Дьяконов И. М.* Об основных этапах развития изобразительного искусства древнего Шумера // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Т. 5; *Луконин В. Г.* Древний и раннесредневековый Иран. М.: Наука, 1987. С. 29.

Характеризуя петровско-синташтинские поселения как религиозно-административные и хозяйственные центры, необходимо отметить находки глиняных кружков с оттиснутыми на них знаками. Появление устойчивых символов, а также пиктографический характер орнамента на рисунках многочисленных сосудов свидетельствуют о настоятельной потребности в передаче надежно зафиксированной информации. Такая информация должна быть понятна не только самому автору, но и членам соседних общин. Петровские рисунки и символы, вероятно, относятся к самому начальному этапу превращения их в письменность. Важно, что это достаточно высокий уровень развития общества. Появление пиктографического и иероглифического письма на Переднем Востоке и в Египте совпадает со вторым общественным разделением труда, т. е. с появлением прибавочного сельскохозяйственного продукта и быстрым ростом специализированных видов ремесла.

Время существования петровско-синташтинских комплексов определяется по характерному набору металлических изделий и костяным псалиям XVII—XVI вв. до н. э. Оно соответствует Трое VI северо-запада Малой Азии и концу среднеэлладского — раннемикенскому периодам материковой Греции [9], последним этапам средней бронзы Фракии [10], ранним горизонтам культур типа Дашли и Сапалли Северного Афганистана и Южного Туркменистана [11].

Большинство современных специалистов считают, что создателями поселений андроновской культурно-исторической общности (во всяком случае, в варианте алакульской культуры) являются индоиранские племена. Лингвисты традиционно помещают прародину индоиранцев в Юго-Восточной Европе.

По данным языкознания, разделение арийцев на две ветви, индоарийскую и иранскую, наметилось еще на общей прародине где-то в III — начале II тыс. до н. э. [12].

[9] *Hubns E.* Thrakien und Homer // Thoroja und Thrakien. Berlin, 1981.

[10] *Катинчаров Р.* Эпоха бронзы в Болгарии // Троя и Фракия. М., 1983. С. 51.

[11] *Аскаров А.* Южный Узбекистан во II тыс. до н. э. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука, 1986. С. 176.

[12] *Абаев В. И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М.: Изд-во МГУ, 1972.

К середине II тыс. до н. э. индоарии покинули свою прародину и ушли в Индию. След индоариев сохранился на их пути в виде языковых остатков в Передней Азии, зафиксирован в аккадских и хеттских текстах XIV в. до н. э. Увлекательно следовать за гипотезами языковедов и историков, более узко локализующих прародину индоиранцев, оставивших свой след в письменной истории, — «к востоку от Волги» и даже в степях и лесостепях, примыкающих к северным границам Средней Азии [13]. Именно эта территория во II тыс. до н. э. была занята населением андроновской культуры.

С точки зрения современных археологических данных культурно-историческая и этническая близость степного массива от Дуная до Иртыша, которая в особенно яркой форме проявилась к началу развитой бронзы, зафиксирована в памятниках культуры многоваликовой керамики, раннесрубных, абашевских, синташтинских и петровских комплексах. Однако петровско-синташтинский культурный пласт представляется наиболее развитой, наиболее центростремительной силой в евразийских степях в первой половине II тыс. до н. э.

Население Урало-Иртышского междуречья явилось прямым наследником величайшего открытия человечества — одомашнивания лошади и превращения коня из объекта охоты в объект сельскохозяйственного производства, военного дела и религиозных культов. Процесс одомашнивания лошади проходил, несомненно, в более широком степном ареале. Однако памятники ботайско-суртандинского типа (III тыс. до н. э.) ярко раскрывают этот процесс на конкретном материале. Навыки коневодства подготовили степное население к восприятию всего комплекса хозяйства производящего типа (земледелие, разведение крупного и мелкого рогатого скота), давно сложившегося в странах Востока. Однако самой важной составной частью культурно-хозяйственного типа андроновцев было освоение ими мощной местной рудной базы. Расцвет культуры и появление урбанизированных поселений петровско-синташтинского типа стали возможными в результате вовлечения урало-казахстанского региона в гигантский круг культур от Эгеи до Сары-

[13] *Бойс М.* Зороастрийцы: (Верования и обычаи). М.: Наука, 1987; *Гафуров Б. Г.* Таджики: (Древнейшая, древняя и средневековая история). М.: Наука, 1972.

арки и Малой Азии, взаимообусловленность которых диктовалась металлургическими связями [14].

Становление культуры средней бронзы между реками Уралом и Ишимом происходило на единой постботайско-постсуртандинской основе и первоначально должно было отличаться единством материальных признаков. Однако уже на раннем этапе средней бронзы на южноуральском массиве заселения проявляется заметное влияние западных культур, прежде всего — абашевской. Это влияние в конечном итоге привело к разделению урало-казахстанской степной культуры на два варианта — петровский и синташтинский. В качестве рабочей гипотезы вполне правомерно отождествлять «петровчан» с древними иранцами, а «синташтинцев» — с протоиндийцами, которые к XVI в. до н. э. покинули свою родину и ушли в Переднюю Азию, а затем — в Индию. Подобное предположение вполне правомерно, если учесть, что «петровка» постепенно перерастает в «алакуль», а поздних синташтинцев вообще не существует — они выпадают из поля зрения исследователей. Интересно отметить, что в последние годы синташтинские погребения обнаружены куйбышевскими археологами в Нижнем Поволжье, что ставит вопрос: не отмечают ли эти находки направление движения древних индоариев к побережью Каспия и Кавказу.

ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ОБЩЕСТВА ПАСТУХОВ-КОЧЕВНИКОВ В ЛЕВАНТЕ

Ж. Ковэн *(Лион)*

Скотоводческое кочевничество — это тип ведения хозяйства, особенно распространенный в странах современного и исторического Ближнего Востока, в основном в засушливых, бесплодных зонах. Но истинное его происхождение проясняется очень медленно. Многие исследователи считают, что оно восходит к эпохе неолита. Одна-

[14] *Черных Е. А.* Протоиндоевропейцы в системе Циркумпонтийской провинции // Античная балканистика. М.: Наука, 1987.

ко известно, что в отличие от оседлых деревень доисторический лагерь скотоводов- кочевников особенно трудно обнаружить археологам.

По существу, кочевник, поскольку он почти не строит, оставляет очень мало следов на своем пути. Он не оставил, в частности на Ближнем Востоке, таких искусственных сооружений, которые в зависимости от места расположения называют телями, тепе или хоюками (hoyuk) и которые являются результатом последовательного разрушения жилищ, построенных оседлыми племенами. Именно эти «руины» с эоловой помощью поднимают почву и представляют драгоценные документы (угли, остатки животных и растений), которые позволяют одновременно точно датировать стоянку и определить образ жизни ее хозяев.

Этноархеология приходит иногда на помощь в изучении доисторических периодов, не только сближая «поведение» оседлых жителей и кочевников [1], но, кроме того, описывая разрозненные «конструкции» (небольшие низкие стенки, прямые и изогнутые), используемые и некоторыми современными кочевыми племенами для укрепления и защиты своих шатров, организации загонов для своих животных (см. о бахтиарах в Иране [2], о бедуинах Жебелия на юге Синая [3]). Но такие конструкции не являются правилом, их наличие нельзя считать достаточно веским вкладом в расширение возможностей прямого археологического анализа независимо от камней, найденных на поверхности. Тем не менее на примере оазиса Эль Коум покажем, что особенные экологические условия могут способствовать сохранению определенных, ясных документов.

В первую очередь следует уточнить смысл, который мы вкладываем в термин «скотоводческое кочевничество». Это выражение подчеркивает одновременно непостоянство места жительства и приоритет животноводства

---

[1] *Hole F.* The prehistory of herding: Some suggestions from ethnography // L'Archéologie de l'Iraq du début de l'époque néolithique á 333 avant notre ère, Colloque International C. N. R. S. Paris. 13—15 juin. 1978. (Prépublication).

[2] *Digard J.-P.* Techniques des nomades baxtyari d'Iran. Cambridge et Paris: Cambridge Univ. et Maison des Sciences de l'Homme. 1981. P. 273.

[3] *Bar Yosef O.* Seasonality among neolithic hunter-gatherers in Southern Sinai // *Clutton-Brock J.. Grigson C.* (*eds.*). Animals and Archaeology. London: BAR Intern. 1984. Series N 202. P. 145—159.

в производстве продуктов питания. Следуя в этом вопросе за Хазановым [4], мы отделяем от настоящего кочевничества сельскохозяйственную деятельность, которая может быть связана с оседлыми поселениями, на какое бы расстояние ни уводила скотоводов необходимость поиска пастбищ от места их жительства. Лагерь пастухов не то же самое, что лагерь «кочевников»; необходимо, чтобы мобильной была вся социальная группа, тогда можно без всяких скидок говорить о «скотоводческом кочевничестве».

Это уточнение важно, поскольку, по крайней мере в сирийско-палестинском секторе, корни скотоводческого кочевничества и животноводства не совпадают. Известно, что неолитизация Ближнего Востока [5] прошла через несколько стадий: 10 000—8200 [6] лет назад — период первой доземледельческой оседлости, появление первых деревень охотников-собирателей «натуфийцев»; в VIII тыс. в деревнях «горизонта PPNA» было изобретено земледелие, а в начале VII тыс., 7000—6500 лет назад, в некоторых оседлых деревнях типа Жерико или Абу Хирейра [7] эпохи PPNB (предгончарный период неолита B) возникли первые намеки на одомашнивание коз. Раньше чем 6500 лет назад скотоводство еще не было распространено, и никакое убедительное доказательство существования кочевников-скотоводов до сих пор не найдено. В то же время человеческая деятельность в основном сосредоточивалась в этот период в полузасушливой зоне («ядерная зона»), с дикорастущими злаковыми культурами, где налаживалось земледелие и где был возможен сухой корм.

Можно предположить, что только в период, датированный после 6500 г., неолитизация вышла за пределы этой «ядерной зоны» и недавний окончательный PPNB широко распространился на внутренние пустынные районы: Сирийско-Иорданскую пустыню до границ Аравии и Синайского полуострова. С этого момента можно ставить вопрос о существовании скотоводческого кочевничества.

---

[4] *Khazanov A. M.* Nomads and the outside world. Cambridge Univ. press (traduction anglais), 1984.

[5] *Cauvin J.* Les premiers villages de Syrie Palestine. Lyon: Maison de L'Orient. 1978.

[6] Радиоуглеродная датировка не выверена.

[7] В Иране, например, Ганж Дарех.

Говоря о периоде, датированном по C^{14} между 6500 и 5000 гг., мы хотим в первую очередь напомнить в коротком общем обзоре об исследованиях, проведенных до настоящего времени в засушливых зонах Ближнего Востока (Сирия, Иордания, Израиль, Синай), а затем представить последние результаты, полученные в Сирийской пустыне, на оазисе Эль Коум и, наконец, предложить несколько общих предположений о происхождении скотоводческого кочевничества на Ближнем Востоке.

Оседлые народы и кочевники в засушливых зонах. Легко заметить, что у мигрантов эпохи PPNB, нашедших в засушливых зонах новые экологические условия, было три пути: продлить, несмотря на трудности, существование системы традиционных оседлых деревень; вернуться к охоте-собирательству; перейти к скотоводческому кочевничеству.

Первый подход был попыткой простого возобновления смешанной земледельческо-скотоводческой системы хозяйствования в обстановке оседлости: так произошло в восточной Сирии, в Букрасе, деревне позднего PPNB, основанной на Евфрате около 6300 лет назад [8] и существовавшей примерно до периода, датированного по C^{14} 5800 г. Однако возделывание зерновых культур, ставшее ненадежным в этом климате, играло здесь лишь второстепенную роль [9], в то время как животноводство, напротив, стало быстро развиваться: кроме овец и особенно многочисленных баранов, скотоводы в Букрасе, похоже, впервые одомашнили быков и, может быть, свиней [10]. Но эти скотоводы остаются оседлыми деревенскими жителями. В дальнейшем мы увидим, что в неолитической деревне Эль Коум отказались от такого решения вопроса питания.

Вторая альтернатива могла бы проявиться в виде полного экономического регресса и отказа от производства продуктов питания. По такому пути в эпоху PPNB пошли жители селения типа Вади Тбейк на юге Синай-

---

[8] *Akkermans J.* Bouqras revisited: Preliminary report on a Project in Eastern Syria // Proceedings on the Prehistoric Society. 1983. № 49. P. 335—372.

[9] *Van Zeist W., Waterbolk-Van Rooyen W.* A preliminary note on the paleobotany // *Akkermans J.* Bouqras... 1983. P. 357—359.

[10] *Clason A. T.* The Faunal remains // *Akkermans J.* Bouqras... 1983. P. 359—362.

ского полуострова[11]. Эти селения с маленькими круглыми конструкциями в виде пчелиных сот интерпретированы Бар Иозефом на базе в основном данных этноархеологии как сезонные лагеря в системе прибрежных и окологорных перемещений, но после изучения фауны в двух из них — Вади Тбейк и Южра эль Мехед — выяснилось, что они принадлежали исключительно охотникам-собирателям, преследовавшим диких коз, зайцев, газелей с несколькими лошадьми и дикими быками.

Похоже, что их орудия аналогичны найденным в палестинских отложениях эпохи PPNB: довольно многочисленны «наконечники Жерико» среди оружия. Каким периодом датируются? Датирования по C^{14} нет, но кажется очевидным о моменте их открытия, что эти «докерамические» группы должны восходить, так же как и сам PPNB, к VII тыс. На основании точных данных теперь известно, что в Иордании и Сирии эпоха PPNB могла длиться и после 6000 по C^{14} (см. ниже). Однако вопрос остается открытым.

С другой стороны, кочевники Жебелиа, этноархеологическое изучение которых позволило Бар Иозефу составить модель интерпретации круглых структур PPNB и сформулировать идею о прибрежно-предгорных чередованиях, в настоящее время пасут коз: аналогия не распространяется, таким образом, на образ жизни. Однако два полностью диких вида доисторической фауны обитали в горах. Это дает некоторую возможность предположить наличие экономического регресса, но не утверждать о нем с уверенностью: нельзя полностью исключить в данный момент, что речь идет о временных и специализированных «охотничьих лагерях», существовавших в рамках более разнообразной экономики, другие аспекты которой еще будут открыты.

Тем не менее то же указание в пользу кочевничества охотников-собирателей имеется в других секторах Ближнего Востока: речь идет о некоторых участках оазиса Азрак и Черной пустыни на востоке Иордании. На оазисе Азрак раньше всех селений такого типа стало известно о селении Вади Добай[12]. Среди круглых каменных

[11] *Bar Yosef O.* Seasonality...; *Tchernov E., Bar Yosef O.* Animal exploitation in the Prepottery Neolithic B period at Wadi Tobeik, Southern Sinai // Paléorient. N 8/2. P. 17—27.

[12] *Waechter J. d'A., Seton-Williams V.* The Excavations at Wadi Dhobai 1937—1938 and the Dhobaian industry // J. P. O. S. 1938. N 18. P. 1—23.

строений этого селения, похожих на синайские конструкции, найдены остатки только дикой фауны [13].

Другое подобное селение, Джувейла, было раскопано в Черной пустыне Беттсом [14], в нем также найдена дикая фауна (только газели), датирование радиоуглеродным методом указывает возраст 6240 лет, то есть поздний PPNB. Как в Вади Добай, так и в Дювейла инструментарий сочетает распиловки камня на «ладьеобразный» нуклеус и вооружение стрелами, и то и другое типично для PPNB. В Вади Добай найдено сверх того большое количество «зубил на вогнутых ручках», орудий малопонятного назначения, крайним обилием которых отмечены некоторые участки поверхности, называемые «зубило-участок», расположенные в Сирийско-Персидской пустыне. Очень многочисленные в Черной пустыне [15], эти «зубило-участки» обнаруживаются на территории, простирающейся до севера Аравии, где их называют Люальеннским производством [16]. В Сирии они встречаются в районе Пальмиры [17], а также в районе Эль Коум. Очень редко удается найти там фауну и, следовательно, суметь распределить эти «зубило-участки» между кочующими охотниками типа Вади Добай и животноводами-кочевниками [18].

Существует, наконец, третий подход к завоеванию засушливых зон: скотоводческое кочевничество. В оазисе Азрак есть в настоящее время единственный документ, говорящий в пользу такого предположения: участок эпохи PPNB, названный «Азрак 31», который предоставил обильные остатки домашних овец, козлов и баранов, да-

---

[13] *Bates D. M. A.* Vertebrate remains from Wadi Dhobai // *Waechter J. d'A., Seton-Williams V.* The Excavations... 1938.

[14] *Betts A.* Black Desert survey, Jordan: Third preliminary report // Levant, 1985. N 17. P. 29—52; *Idem.* The Prehistory of the Basalt Desert, Transjordan: an Analysis. Thése, London: University, Institute of Archaeology. 1986.

[15] *Betts A.* The Prehistory of the Basalt Desert...

[16] *Eild H.* North Arabian Desert archaeological survey 1925—1950 // Papers of the Peabody Museum. Harvard, 1960. N 45/2.

[17] *Hanihara K., Sakaquchi Y.* (*eds.*). Palaeolithic Site of Douar Cave and Palaeogeography of Palmira basin in Syria. Tokio: The Univ. Museum — The Univ. of Tokio. 1978. N 14. Part 1. P. 121.

[18] Тем более рано спрашивать нас о том, существует ли в восточной Иордании, как в описанном ниже селении Эль Коум, некоторая разница между участками одного культурного слоя, зависящая от пространственной специализации деятельности.

тированные по C^{14} 6300 г.[19], но мы располагаем еще небольшим объемом данных по этим раскопкам. В Черной пустыне Беттс[20] тоже подобрал несколько остатков овец, козлов и баранов (домашних?) в «зубило-участке» (Жебел Нажа 2321) в сопровождении нескольких стрел в возрасте 5500 лет, т. е. принадлежащих уже VI тыс.[21]

Палеологические данные в Иордании остаются все еще редкими, противоречивыми и трудно объяснимыми. Сирийский оазис Эль Коум предоставил недавно несколько дополнительных документов.

Кочевники и оседлые племена в оазисе Эль Коум. В ходе работ, предпринятых начиная с 1979 г. французской группой в оазисе Эль Коум, в 100 км севернее Пальмиры, были получены точные данные об истоках кочевничества животноводов в пустынях Сирии. В оазисе Эль Коум на территории радиусом в 15 км сконцентрировалось большое количество артезианских источников, которые в этом засушливом климате (сейчас — около 130 мм осадков в год) очень рано привлекали человека. Кроме того, сильные ветры благоприятствовали образованию таких природных телей или «холмов у источников»[22], вокруг точек с водой, рядом с которыми песок был связан растительностью: воздушные потоки закрепили следы присутствия людей (очаги, фауну) даже при отсутствии архитектуры.

Богатый палеолитическими городищами оазис Эль Коум лишился присутствия человека около 9000 лет назад и был занят вновь переселенцами в эпоху PPNB только около 6000 лет назад. Захоронения этих эпох

[19] *Garrard A. N.* The Origins of Near Eastern arid zone Pastoralism: the evidence from Eastern Jordan // Newsletter of the Institute of Archeology and Anthropology, Yarmuk University. 1987. P. 1—4.

[20] *Betts A.* The Prehistory of the Basalt Desert...

[21] Это датирование относительно позднее согласуется с датированием Эль Коум, о котором речь пойдет позже, а также с полученной Роллефсоном датой финальной фазы деревни Аин Гхазал около Амана (*Rollefson G. O., Simmons A. H.* Excavations at Ain Ghazae 1984: Preliminary report // Annuals of the Department of Antiquities of Jordan. 1985. N 29): теперь известно, что существует «PPNB финальный», или «PPNC», по Роллефсону, начинающийся после 6000 г., сменивший «поздний PPNB» VII тыс. и не знавший, как и он, керамики, в то время как она была распространена уже в прибрежных ближневосточных районах (см.: *Амук А.*) и на Евфрате (*Абу Хурейра, Букрас*).

[22] *Besancon J., Copeland L., Hours F., Muhesen S., Sanlavitlle P.* Prospections géographiques et préhistoriques dans le Bassin d'ElKown (Syrie). Rapport préliminaire // Cahiers de l'Euphrate. N 3. P. 9—26.

сильно отличаются друг от друга. Пространственный анализ должен был помочь выявить отличия, присущие различным культурным слоям, и отличия, зависящие от специфики различных участков территории.

Два оригинальных культурных отложения эпохи PPNB представлены сейчас в оазисе. Они более или менее современны друг другу. Одно — оседлое поселение, второе — без сомнения, кочевье. Это отложение Эль Коум и отложение Кдеир.

Отложение Эль Коум. Поселение Эль Коум, снабжающееся водой из двух источников, представляет собой открытое место площадью в 18 га, возвышающееся на 3 м над уровнем равнины. Над этой эспланадой возвышаются две искусственные горы: Эль Коум 1 высотой в 20 м, которая была в короткий срок исследована Дорманном [23] в 1967 г., и Эль Коум 2, более низкая (6 м), была вскрыта Д. Стордером [24] в 1979—1986 гг. Основной род деятельности жителей Эль Коум 2 перекликается со средним уровнем Эль Коум 1: речь идет о финальном PPNB периоде, когда два теля образовали единую, общую деревню в 3—4 га. Датирование по C^{14} показывает возраст телей: Эль Коум 1 — около 5450 лет; Эль Коум 2 — около 5730 и 5810 лет.

Деревня имеет четырехугольную архитектуру. Материал — смесь земли с гипсом; очень много гипсовой посуды, и то и другое имеет много общего с более высоким уровнем, следующим за VI тыс. (памятник в Букрасе). Камень обрабатывался для получения небольшого количества стрел (менее 1%) и многочисленных зубил, но не с вогнутой рукояткой. О занятии скотоводством говорят остатки коз и баранов, но значительное место занимала и охота (газели, лошади). Особенно было развито земледелие: выращивались четыре различных сорта зерновых и ячменя. Как и в Букрасе, здесь, очевидно, существовало земледельческо-животноводческое хозяйство в оседлой деревне, но земледелие было вовсе не второстепенным, и Ван Цейст мог поставить вопрос о наличии в данном случае зачатков ирригации.

Отложение Кдеир. В 8 км от Эль Коум, около друго-

---

[23] *Dornemann R. H.* An Early Village // Archaeology. 1969. N 22. P. 68—70; *Idem.* A Neolithic Village at tell El Kowm in the Syrian Desert. Chicago: Oriental Institute, 1987.

[24] Stordeur D. ed. en préparation. Un village néolithique du Désert de Syrie: El Kowm 2. 1972.

го источника, расположено возвышение Кдеир 1 площадью около 1 га, которое стало объектом многократного зондирования для исследователя О. Оранша[25]. За исключением ограниченного количества остатков конструкций на вершине холма, соответствующих самому последнему периоду существования селения[26], холм состоит из слоя наметенного песка вперемежку с пластами золы на глубине 1—2 м в зависимости от сектора, без следов архитектурных сооружений. Все слои содержали следы интенсивной распиловки камней (ладьеобразный нуклеус, обломки камней), а также памятники (очаги, орудия из камня и кости, обильная фауна) длительных домашних занятий. Достаточно многочисленное оружие (6%), разнообразное и очень высокого качества, типичное для PPNB, но более близкое к позднему PPNB прибрежных районов (см.: Рамад) и особенно к цивилизациям, знавшим керамику, что приближает его скорее к VI тыс. (см. Библос, Амук), чем к Евфрату эпохи PPNB или даже к Эль Коум. Здесь зубило тоже являлось основным инструментом (30—35%) в соединении со стрелами во всех слоях, но больше половины из них насажены на вогнутые рукоятки, уже отмеченные в Иордании и в Пальмире. Фауна на 70% состоит из домашних овец, коз и особенно баранов со значительной долей диких животных (30%: газели, быки, лошади). Следуя за Хельмером[27], который изучал здесь фауну, отметим, что бараны отличались от найденных в Эль Коум 2 большей численностью по отношению к овцам и значительным размером. Селение удалось датировать по шкале C^{14}: его возраст — 5600 лет, т. е. очень близко к датам Эль Коум 2. Селение Кдеир 1 представляется нам (кроме последнего периода своего существования) лагерем скотоводов, не строивших здесь жилищ, но имевших повторяющиеся занятия. Оно более или менее современно земледельческой деревне Эль Коум и так же, как и последнее, относится к филиалу PPNB.

---

[25] *Aurenche O., Cauvin M.-C.* Qdeir I, campagne 1980. Une installation néolithique du VII e millénaire // Cahiers de l'Euphrate. 1982. N 3. P. 51—77.

[26] В гипотезе подсобного земледелия, основанной на некоторых признаках, которые мы проанализируем ниже, существование конструкций, предназначенных для силоса, вполне совмещается с номадизмом (см. *Hole F.* The prehistory of herding...).

[27] *Helmer D.* à paraitre. La faune site néolithique pastoral de Qdeir I (Oasis d'El Kowm, Syrie) // Cahiers de l'Euphrate. N 5.

Очень важно подчеркнуть не только различие в образе жизни людей в этих двух поселениях, но также тот факт, что некоторые черты культуры вскрывают: для первого — традиции жителей берегов Евфрата, для второго — прибрежных районов Ближнего Востока. Тот факт, что использовались одни и те же бараны, показывает, что скотоводы Кдеира не были «пастушеской половиной» земледельцев из Эль Коума, но в этих случаях речь идет об автономных и различных социальных группах, каждая из которых, несмотря на то что их разделяло маленькое расстояние, имела свою техническую традицию и собственный скот. С другой стороны, только в отложении Кдеира встречаются зубила на вогнутой рукоятке, характерные для пустынных селений эпохи PPNB и, напротив, совершенно отсутствуют в прибрежных фациях. Это согласуется с гипотезой о мобильности, в соответствии с которой возможен синтез элементов культур, разделенных пространством.

Хотя исследования оазиса Эль Коум еще не закончены, можно попытаться сделать первый отчет о них.

1. Несмотря на изыскания и очень интенсивное зондирование, такие отложения, как в Эль Коум, встречаются только в Эль Коум, которое представляет собой земледельческую деревню. Зато никаких «деревень» нет на местах, занятых отложениями Кдеира, встречающихся во многих местах оазиса, а также в окрестных горах. Их можно отнести к самым разным формам, если исходить не из типа орудий, которые хорошо сохранили следы культуры, а из присущей им пропорции [28]. На северной границе рва вышли на поверхность каменные гряды, районы-мастерские, в которых делалось первое обтесывание этого материала, где встречаются многочисленные ладьеобразные нуклеусы и каменные заготовки с большим количеством обломков, но очень редко есть законченные орудия. Производство (и использование) орудий осуществлялось в многочисленных «базовых лагерях» типа Кдеир 1, Надауех 7 или Бир ель Аин Сбаи в Джебел Бикри. Зато простой «охотничий пункт», как Эль Кабра [29], характеризуется обилием стрел (до 50%) и отсутствием зубил с вогнутой рукояткой, очень часто встречающихся в других местах. Кроме того, среди наз-

[28] *Cauvin J.* Nouvelles stations néolithiques dans la cuvette d'El Kowm // Cahiers de l'Euphrate. 1982. N 3. P. 79—91.

[29] *Cauvin J.* (готовится к изданию).

ванных отложений «район с зубилами» в Джебел Бикри не содержит никаких следов стрел, хотя в нем обильно представлена вся гамма возможных орудий (скребки, обоюдоострые камни и т. д), характеризующие базовый лагерь в оазисе. Похоже, что эти вариации не отражают ни различий в культуре, ни даже существования количества доисторических общностей, равного количеству залежей, а просто есть обычные перемещения в пространстве со специализацией занятий в зависимости от места [30].

2. За исключением «охотничьих пунктов», обтесывание камней играет очень большую роль во всех отложениях фации Кдеир, даже когда оно свидетельствует о длительной домашней деятельности. Огромное количество осколков камней и нуклеусов наводит на мысль о том, что техническая деятельность могла выходить за границы собственных нужд общины, что часто встречается среди кочевников в историческую эпоху [31]. Вопрос остается открытым из-за отсутствия доказательств неизбежного распространения в другие районы камней из Эль Коум. В любом случае деревня Эль Коум, в которой применялись похожие орудия, непосредственно использовала источники камней и обрабатывала сама свои инструменты.

3. Основная проблема состоит в том, что удалось обнаружить мало доказательств связи между деревней Эль Коум и «кочевыми» поселениями типа Кдеира, хотя по шкале C^{14} определено, что они более или менее современны Эль Коум. За исключением общей культурной атмосферы эпохи PPNB, как мы видели, ничто в них не похоже: ни детали техники, ни скот. Известно, что кочевники и оседлые племена устанавливают часто добавочные экономические связи [32], в частности, для снабжения кочевников зерном. Здесь тоже вопрос еще остается открытым из-за отсутствия точных документов о растительной пище жителей Кдеира 1, пробел, который может быть заполнен в ходе будущих раскопок [33].

---

[30] «Функциональное» значение различных видов деятельности будет дополнительно уточнено, как только с помощью трассологического анализа будет выяснено назначение зубил на рукоятках, которые до сего времени были не известны.

[31] *Besenval R.* (см. данное издание).

[32] *Khazanov A. M.* Nomads and the outside world...

[33] Пунктуальные флотации порошкообразных слоев пепла до настоящего времени позволили получить только немного микроско-

Известно также, что в пустынных зонах кочевники, более воинственные, могут прогнать оседлые племена (оазис Эль Коум знал такие примеры уже недавно, вплоть до начала этого века), и датирование не настолько точно, чтобы быть уверенным в действительной одновременности (с точностью в 100 лет) двух образов жизни.

Выводы. Для решения проблемы кочевничества скотоводов на Ближнем Востоке нам, в принципе, следовало бы ответить на три вопроса: когда, где, почему? В данный момент мы располагаем только несколькими неокончательными элементами ответов на эти вопросы.

Когда? Предметы, найденные в Кдеире, указывают на существование кочевников-скотоводов в первой половине VI тыс., при этом мы основываемся на трех критериях: отсутствие архитектуры, большое значение скотоводства, присутствие в движимом имуществе элементов отдаленного происхождения. Можно ли считать, что истоки найдены? Нельзя исключить, что такой тип кочевничества мог существовать со времен эпохи позднего PPNB, после VII тыс. Похоже, что только иорданская стоянка Азрак 31, уже датированная, смогла бы подтвердить это предположение.

Где? Не случайно немногие точные данные, которыми мы располагаем, получены в пустыне. Специфические экологические условия могут, мы видели, способствовать их консервации. Считать ли возникновение скотоводческого кочевничества на Ближнем Востоке явлением, свойственным засушливым зонам? Различные возможные варианты, проанализированные нами выше на примере переселенцев эпохи PPNB, достигших пустыни (упадок, более или менее орошаемое оседлое земледелие, скотоводческое кочевничество), могли внушить мысль, что орошение и скотоводство были изобретены с целью приспособления: они в действительности имели общим результатом регулирование питания в трудных условиях [34].

пических остатков растений и между ними лишь одно зерно культурного ячменя (Воган). С другой стороны, наличие в верхнем слое нескольких серпов (Оранш и Ковэн, 1982, рис. 12) могло бы указать на наличие вспомогательного земледелия, хотя и не является окончательным доказательством.

[34] *Less S. H., Bates D. G.* The Origins of specialized nomadic pastoralism: a systemic model // American Antiquity. 1974. N 39, 2. P. 187—193.

Тем не менее мы уже раньше подчеркивали [35], что с начала VI тыс. существуют в самом ядре непрямые указания как в пользу существования орошения (например, в Катал Куиук в Анатолии), так и в пользу существования кочевников-скотоводов. Трудно непосредственно установить лагеря скотоводов, которые, если они существовали, проявляются сейчас только в виде поверхностных стоянок и, напротив, можно установить новую стоянку кочевников, поскольку они прерывают на некоторых участках, как в фазе III Рамада около Дамаска, архитектурную традицию, выработанную в эпоху позднего PPNB для того, чтобы строить свои круглые конструкции. Они также использовали элементы отдаленных культур: например, в Рамаде блестящая керамика, доставленная из Амук А, похожа на керамику прибрежных районов северной Сирии [36].

Почему? Если скотоводческое кочевничество, как и ирригация, могли с тех пор возникать в благоприятной среде с сухим кормом одновременно с возникновением в засушливых зонах, то экологического давления засушливости недостаточно для их объяснения. Отсюда необходимость в уточнении даты и точных мест их самого первого возникновения. Это именно те фактические данные, которых нам еще не хватает, когда возникает необходимость высказать суждение относительно существующих теоретических моделей.

Из «New Archaeology» мы узнаем о существовании этих моделей. Относительно возникновения скотоводческого кочевничества большинство специалистов [37] склоняются к теории начального изгнания, как это уже делал Латтимор [38], пытаясь объяснить происхождение азиатского кочевничества. По этой теории скотоводческое кочевничество возникло как результат изгнания некоторых групп людей к засушливым зонам, расположенным на периферии зон оседлости. Причины, особенно в истори-

---

[35] *Cauvin J.* Les premiers villages... *Idem.* Civilisations protonélithiques en Asia antérieure // Lichardus, Lichardus-Itten, Bailloud, Cauvin. La Protohistoire de l'Europe. Paris: P. U. F. (Nouvelle Clio), 1985. P. 141—206.

[36] *Contenson H. de.* Tell Romad, a Village of Syria of the 7th and 6th millenia B. C. // Archaeology. 1971. P. 278—285.

[37] *Service E. R.* Origins of the State and Civilization. New York. Orton. 1975; *Less S. H., Bates D. G.* The Origins of specialized...

[38] *Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. Boston: Beacon Press, 1967.

ческие периоды, могли быть политическими, однако чаще всего предполагают демографическое давление. Признают второй план в объяснениях, происходящих из существующих демографических теорий, который уже послужил обоснованию Бинфордом или Фланери происхождения самого земледелия и, позже, орошаемого земледелия [39]. Мы уже говорили о возможностях, которые эта модель дает при изучении доисторических эпох [40], учитывая очень слабую демографическую насыщенность пространства в столь раннюю эпоху.

Если придерживаться хронологии, последние раскопки на Ближнем Востоке и, в частности, в оазисе Эль Коум, в первом приближении могли бы свидетельствовать о некотором совпадении, подчеркнутом Лэсом и Бэтсом, между орошаемым земледелием и скотоводческим кочевничеством, а также между возникновением новой стратегии и интенсивным уходом населения за пределы ядра, в котором налаживались одно за другим земледелие и скотоводство. Лэс и Бэтс идут значительно дальше, объясняя социально-экономический раскол между кочевниками и оседлыми группами увеличением плодородия земли путем орошения, которое не допускало развития в одних общностях скотоводства, связанного непосредственно с деревнями. Земледельцы и скотоводы должны были разделиться.

Мы выдвигаем три основных возражения против изложенной выше модели.

Сейчас можно почти полностью исключить, что «протоорошение», которое, может быть, использовалось с VI тыс. в Эль Коум, было так развито, как уверяют Лэс и Бэтс; тот факт, что артезианские источники выходили здесь на поверхность не во впадинах, а на вершинах холмов, доминирующих над равниной, должен был способствовать орошению за счет силы тяжести, не требующему затрат энергии; кроме того, скотоводство, как и охота, продолжало играть важную роль в Эль Коум, а кочевничество все-таки уже существовало в оазисе;

---

[39] *Oates D. et Oates J.* Early irrigation in Mesopotamia // *Sieveking G., Longworth J. H., et Wilson K. E.* (*eds.*). Problems in economic and social archeology. London: Duckworth. 1976. P. 109—135.

[40] *Cauvin J.* Les premiers villages...; *Idem.* Le «probléme de l'eau» au Proche-orient, de l'homme prédateur aux premiéres sociétes hydrauliques // *Metral J., Sanlaville P.* (*eds.*). L'Homme et l'Eauen Méditerranée et au Proche-Orient. Lyon: Maison de l'Orient (T. M. O.). 1981. N 2. P. 20—30.

если ограничиться впадиной Эль Коум, можно заметить, что оседлые жители и кочевники не похожи на две взаимодополняющие культуры — земледельческую и скотоводческую, исходящие из единой земледельческо-скотоводческой культуры; скорее, можно констатировать соседство, более или менее «случайное», скотоводов-земледельцев из деревень типа Букраса эпохи PPNB и пастухов, живших на западе и относившихся к другому отрезку PPNB, эти впечатления, может быть, будут подкреплены сравнением останков овец, коз и баранов двух географических зон;

наконец, если относительно конца VI тыс. картина несколько прояснилась, то очевидна недостаточность данных о начале номадизма в других регионах пустыни и о периоде, предшествовавшем названному, т. е. о конце VII тыс., к которому может восходить действительное зарождение номадизма; исследование должно концентрироваться на сборе конкретных, действительно археологических документов там, где этноархеология, которая осуществляет прекрасную интеллектуальную работу при первоначальной разработке этих проблем, сможет стать опасной, если от нее требовать слишком многого; последние успехи на Ближнем Востоке свидетельствуют, что эти документы находятся в пределах нашей досягаемости.

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ ВО II—I ТЫС. ДО Н. Э.

А.-П. Франкфор *(Париж)*

В отношениях между кочевыми и оседлыми народностями можно выявить тенденции: существование определенных, устоявшихся форм жизни, характерных для той или иной группы, и промежуточных форм, которые были, по результатам многих археологических исследований, органичными и для чистых пастушеских кочевых племен, и для оседлых, занимавшихся земледелием. Такая изменчивость форм жизни уже попала в поле зрения ряда

исследователей [1]. Кроме того, были сделаны попытки проанализировать ряд проблем, вставших в связи с утилизацией последних археологических данных, например, в работе Жильберта [2].

Неустойчивость форм жизни племен в далеком прошлом могла иметь место, однако ее отмечали только в материалах, найденных при археологических раскопках, которые в основном представляли собой захоронения (их найдено немалое число!) или центры культовых обрядов [3]. Одни гончарные изделия не являются указателями определенного образа жизни (о чем можно сослаться на многих исследователей). С другой стороны, иносказание (наскальные рисунки, прикладное искусство степных народов), упоминания в античных текстах, архивы Мари, содержащие китайские хроники, толкования персидских текстов в трудах греческих историков — все эти материалы не позволяют нам просто решить проблему, касающуюся образа жизни кочевых и оседлых племен и выявить определенные взаимоотношения между ними, которые были возможны в те времена. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть эти вопросы на основе значительного фактического материала.

В настоящее время проявились некоторые новые аспекты исследования в этом направлении. Например, существует биокультурный подход (изучение элементов, обнаруженных в доисторических пищевых отходах [4], путем определенной дозировки изотопов углерода и азота в коллагеновой структуре костного вещества [5] либо с помощью анализа фотоснимков с борта искусственного спутника Земли, что позволяет в какой-то мере проник-

[1] *Dyson-Hudson R., Dyson-Hudson N.* Nomadic Pastoralism // Annual Review of Anthropology. 1980. N 9. P. 15—61; *Henrickson E. F.* The Early Development of Pastoralism in the Central Zagros Highlands (Luristan) // Iranica Antiqua. 1985. V. 20. P. 13.

[2] *Gilbert A. S.* On the origins of specialized nomadic pastoralism in Western Iran // World Archaeology. 1983. N 15. P. 105.

[3] *Jettmar K.* Die Bedeutung politisher Zentren für die Entstehung der Reiternomaden Zentralasiens // Krusche R. (ed.). Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart. Berlin: Akademie-Verlag, 1981. P. 49—70.

[4] *Van Wijngaarden-Bakker L. H.* Trace elements in prehistoric enviroment and food chains // Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie. Ethnologie und Urgeschichte. 1986. P. 7—25.

[5] *Ambrose S. H., Deniro M. F.* Reconstruction of African human diet using bone collagen carbon and nitrogen isotope rations // Nature, 1986. P. 319, 321—323; *Sealy J. C., Van der Merwe N. J.* Isotope Assessment and the Seasonal-Mobility Hypothesis in the Southwestern Cape of South Africa // Current Anthropology, 1986. N 27. P. 2, 135.

нуть в тайну эволюции окружающей среды) [6]. С учетом этих технических возможностей предлагается новая концепция о существовании перипатетических сообществ [7], которые мигрируют от одной оседлой группы к другой — кочевой, предлагая определенные услуги, не являясь при этом в полном смысле ни пастушескими племенами, ни охотниками и сборщиками плодов. Словом, это такие группы, которые можно приписать к номадам-ремесленникам или к номадам-коммерсантам с учетом также всего спектра переходных форм, осознать которые можно с трудом.

Возникает вопрос: существовали ли в Евразии во II—I тыс. до н. э. подобные сообщества номадов-пастухов в многообразной изменчивой форме на протяжении Великого Шелкового пути?

Прежде всего надо признать, что условия изрытости пути еще не раскрывают картины. В самом деле, следует ли считать, что существовавшие в то время экзогенные племена находились в зоне распространения оседлого образа жизни, владея или не владея материалами номадов (керамика, прикладное искусство степных народностей и т. д.), либо пребывали в археологической среде, характерной для кочевников: иначе говоря, что обнаруживается по результатам последнего анализа в захоронении, причем наиболее часто. В обоих случаях не представляется возможным *априорно* удостовериться, играют ли определенную роль номады в передаче или транспортировке товаров. Все же гипотеза Великого Шелкового пути, по которой кочевые племена (номады) принимали большое участие в торговле, порой была сформулирована, охватывая период времени между II и I тыс. до н. э., что представляется ошибочным, и мы намерены это доказать.

Доисторический период. Данная гипотеза опирается на известное положение о том, что прослеживается определенная связь между медными печатями, обнаруженными в Центральной Азии, особенно в Бактрии, и амулетами на застежках из Ордоса, которые раскопаны в Китае.

---

[6] *Casimir M. J., Winter R. P., Glatzer B.* Nomadism and remote sensing: animal husbandry and the sagebrush community in a nomad winter area in western Afghanistan // Journal of Arid Environments. 1980. N 3. P. 231—254.

[7] *Rao A. (ed.)*. The concept of peripatetics: an introduction. Köln Wien: Böhlau Verlag, 1987. P. 1—31.

1. Амулеты из Ордоса были опубликованы многими исследователями [8]. Так, Гамбис, сравнивая эти амулеты Ордоса с застежками варварских племен Европы, писал: «Мне представляется, что искусство степных племен дало два крупных потока, которые привели к раскрытию форм жизни и примерных технологий до самых крайних точек Евразии. По крайней мере, не надо искать в отношении бронзовых изделий гораздо более древнего происхождения, причем в цивилизациях, которые сформировались в регионе между Индией и Месопотамией несколько тысячелетий до христианской эры» [9]. Итак, параллель с предметами, относящимися к бронзовому веку, уже намечается.

2. Медные печати бронзового века в Центральной Азии, которые подчас сравниваются с крестообразными амулетами несторианского периода, обнаруженными на пряжках одеяний племен Ордоса, точно датируются благодаря различным предметам и глиняным черепкам, найденным в стратиграфических разрезах. Они стали объектами многочисленных публикаций советских ученых [10]. Сопоставление их с амулетами Ордоса было неоднократно представлено различными исследователями Запада [11].

---

[8] *Scott P. M.* Some Mongol Nestorian Crosses // The Chinese Recorder, Feb. 1930; *Moule A. C.* The use of Cross among Nestorians in China // T. P. 1931. P. 28, 77—86; *Pelliot P.* Sceaux-amulettes de bronze avec croix et colombes provenat de la boucle du fleuve jaune // Revue des Arts Asiatiques, 1931. N 7. P. 1—3; *Bernard H.* La découverte de Nestoriens Mongols aux Ordos et l'Histoire ancienne du Christianisme en Extreme-Orient. Tientsin: Mission de Sienshien, 1935. P. 48—53; *Hambis L.* Notes sur quelques sceaux-amulettes nestoriens en bronze // B. E. F. E.; XLIV (2). 1954. P. 483—516; *Idem.* A propos des sceaux-amulettes «nestoriens» // Arts Asiatiques, III (4). 1956. P. 279—286; *Drake F. S.* Nestorian Crosses and Nestorian Christians in China under the Mongols // J. R. A. S. Hong Kong Branch. 1962. N 1. P. 1—15; *Lo Hsiang-Lin.* Nestorianism in the T'ang and Yüan Dynasties. Hong Kong: Institute of Chinese Culture, 1988.

[9] *Hambis L.* A propos des sceaux-amulettes «nestoriens». P. 286.

[10] *Askarov A. A.* Drevnezemledel'cheskaja Kul'ture Epokhi Bronzy Juga Usbekistana. Tashkent. 1977; *Sarianidi V. I.* Drevnie Zemledel'cy Afghanistana. Moscou: Nauka. 1977; *Masson V. M.* Altyn Depe. Ashkhabad, 1981.

[11] *Ligabue G., Salvatori S.* La Battriana e l'Occidente dalla fine del 111° alla meta del 11° millenio A. Cr. // Rivista di Archeologia. 1979. N 3. P. 5—11; *Kohl P. L.* The Namazga Civilization: an Overview // *Kohl P. L.* (ed.) Bronze Age Civilization of Central Asia: Recent Soviet Discoveries. New-York: Sharp, 1981. N 7—39; *Idem.* Central Asia from Palaeolithic Beginnings to Iron Age. Paris: Editions Recherches sur les Civilizations, 1984; *Amiet P.* Antiquités du désert

Наиболее удачное объяснение этого сопоставления можно найти в работе П. Амье: «Необходимо отстранить возможность случайного сходства между двумя совершенно различными эпохами, когда рассматриваются печати, на которых представлены два противолежащих изображения птиц (рис. 187 и 188). Обнаруженные перегороженные печати отражают, по крайней мере, вехи протяженностей торгового пути, промежуточные этапы которого от нас ускользнули, но которые странным образом подходят к *шелковому пути* в большей мере, нежели сам шелк, относящийся к местности Сапалли-Тепе (см. с. 191). Остается только уточнить контекст не только печатей Ордоса, но и золотых изделий ее. Вот почему мы вправе признать тот факт, что находимся в присутствии свидетельств обменных операций на более длительное расстояние, чем мы это предполагали прежде» [12].

3. Однако есть обстоятельство, которое беспокоит всех археологов Китая, работающих с предметами, которые датируются эпохой Юань (XIII—XIV вв. н. э.), эпохой, когда (что совершенно очевидно) расцветало пышным цветом несторианство, особенно у кочевых племен Янги Орды.

4. Повторный анализ проблемы исходя из принципов типологии лучше всего проводить на основе рассмотрения амулетов Ордоса. Гамбис выделил здесь три самых главных, отчетливых признака: крест, голубки и многие другие мотивы.

Прежде всего отметим, что ни один китайский предмет не был *в точности* подобен какому-либо элементу из Бактрии. Это можно было объяснить разве что причинами местного характера или миграцией племен, если номадов касались такие смещения, как иногда, например, было описано в работе Амье [13] и Йеттмара [14].

---

de Lut // Revue Assyriologique, 1974. N LXVIII (2). P. 97—110; *Idem.* Bactriane proto-historique. Siria, 1977. N LIV. P. 89—121; *Idem.* L'age des échanges inter-iraniens, 3500—1700 avant J.-C. Paris: Réunion des Musée Nationaux, 1986. P. 197—199; *Biscione R.* The so-called «Nestorian seals»: connection between Ordos and Middle Asia in middle-late Bronze-Age // *Gnoli G.*, Ed. Orientalia Josephii Tucci Dicate, Rome: Js. M. E. O., 1985. P. 95—109.

[12] *Amiet P.* L'age des échanges... P. 199.

[13] *Idem.* Bactriane...

[14] *Jettmar K.* Bronzes from Northwest Afghanistan // *Hartel H. (ed.)*. South Asian Archaeology. 1979. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1981. P. 295—303.

Такое объяснение не охватывает, к сожалению, предметы обихода и элементы изображений, которые, впрочем, не отличаются слишком друг от друга:

изображения крестов Ордоса не вписаны в кружочки, тогда как кресты из Бактрии всегда так представлены; застежки различаются; печати из Бактрии ажурного характера, в то время как кресты Ордоса перегорожены, имея свастики или дополнительные украшения;

китайские голубки не вписаны в кружочки, тогда как изображения бактрийских орлов вписаны; крепления различаются так же; более того, застежки снабжены перегороженными украшениями;

другие мотивы представляют различия того же характера; так, Р. Бигоне [15] и Гамбис [16] пришли к тому же самому ошибочному выводу: на орнаментах, сравнительно банальных и потому сходных, игнорировали техническое различие в плане ажурности — переборок, а орнаменты животного происхождения, которые сильно варьируются в предметах из Бактрии, ограничили приближением к изображениям рыбы, характерным для изделий из Ордоса;

наконец, если дата печатей из Бактрии удостоверяется, то датирование китайских амулетов, по крайней мере, не является точным.

Указанные наблюдения можно резюмировать следующим образом:

Бактрия	Ордос
Ажурность	Переборки
Вписанные изображения	Автономные изображения
Простая застежка	Застежка усложненная / простая
Орнаменты животного типа (исключая рыбу)	Только рыба
Дата: III—II тыс. до н. э.	Дата: XIII—XIV вв. н. э.

Р. Бигоне защищает параллель Бактрия/Ордос, несмотря на указанные различия, вопреки определенным аномалиям, которые нам удалось уточнить в контексте находок, закрыв «дело» о мнимых зависимостях между этими признаками на довольно длинном расстоянии.

[15] *Biscione R.* The so-called... Ill. N XX (3,4).
[16] *Hambis L.* A propos des sceaux-amulettes... Ill. III, VIII.

В этом случае надо отдать должное мадам Пираццоли-Серстевенс, которая сделала ряд весьма полезных замечаний по данному вопросу и с которыми мы согласны — а именно:

1. Печати из Бактрии (на базарах) находят при раскопках наряду с другими изделиями, которые совершенно точно датируются бронзовым веком, различными методами. Амулеты из Ордоса были собраны в несторианских местоположениях, а их иконография относится к каменным могильникам, кладбищенским крестам, в то время как никакой подобный материал не был обнаружен в Бактрии. И в свою очередь никакой материал доисторического типа из Бактрии не встречается в регионе Ордоса.

2. В противовес утверждению скороспелого характера [17] отметим, что никакая древняя находка эпохи Шанг не относится к находкам типа Намазга VI и что не известны печати этого бактрийского типа в Китае эпохи Шанг.

3. Никакой доисторический шелковый путь такого вида не мог проходить через Саразм во II тыс. до н. э. (в противовес утверждению Р. Бигоне [18]), по крайней мере, по четырем причинам:

данный регион расположен в задней части горловины Зеравшанской долины;

все наблюдаемые связи были с Ираном и Белуджистаном;

много находок из металла, однако нет ни одной печати этого типа;

она определенно исчезла к 2500 г. до н. э.

4. Характеристики, которые касаются других китайских печатей [19], отсылают нас к предметам, которые по всей вероятности, не имеют ничего общего с проблемой печатей, к тому же они носят поверхностный обзор.

5. В противовес другому скороспелому утверждению Бигоне [20] можно отметить, что раскрашенные гончарные изделия эпохи Ксинджанг ничего не доказывают о зависимостях в отношении пряжки из Ордоса: нельзя реконструировать шелковый путь с помощью нескольких доис-

---

[17] *Biscione R.* The so-called...
[18] *Ibid.* P. 105—106.
[19] *Ibid.* 107.
[20] *Ibid.* 106.

торических черепков, которые с наращением их датируются более поздним временем.

6. Некоторые печати из Бактрии служат цели маркировки гончарных изделий, однако ничего подобного не известно в Китае.

7. Окончательный аргумент позволяет завершить эту дискуссию: культурный уровень племен, населявших Ордос в период II тыс. до н. э., отражением которого является данная застежка, хорошо известен — он соответствует общему культурному развитию степных народов и рассматривается для номадов в целом. Материал, который найден в изобилии в могильниках эпохи культурного расцвета Ксинджанга (2000—1500 гг. до н. э.), охватывает драгоценные поделки и медные изделия, однако сильно различающиеся от предметов такого рода из Бактрии [21]. И здесь встает трудный вопрос: каковы были взаимоотношения между культурами степного региона и империи Шанг, с которой степные народы были более или менее связаны. С другой стороны, между этими доисторическими культурами народов Ордоса и Монголии и цивилизацией Оксуса *никакой* определенной зависимости пока не установлено. Следует отметить, что советские ученые цивилизацию Оксуса обозначают как бактрийско-маргианский комплекс.

На наш взгляд, поверхностное и ошибочное сопоставление печатей времен сельскохозяйственной культуры оседлых племен бронзового века с амулетами гораздо более позднего периода не позволяет в любом случае делать утверждение о существовании кочевников-коммерсантов или даже просто ведущих транзитную торговлю на протяжении маршрутов будущего шелкового пути. Вот почему шелк Сапалли-Тепе требует объяснения [22], как и распределение каменных ножей китайского типа вплоть до восточной части Бактрии [23], не говоря уже о таком факте, как наличие секиры типа «Шанг» недалеко от озера Иссык-Куль [24]. В то же время и необъясни-

[21] *Yang Hu.* Neimenggu Ashanqi Zhoujiadi mudi fajue Jianbao // Kaoqu, 1984. N 5. P. 417—426.

[22] *Askarov A. A.* Drevnezemledel'cheskaja... P. 158.

[23] *Debaine-Francfort C.* Etude comparative de matériels lithiques protohistoriques chinois: (Chine métropolitaine et Asie centrale) // *Gardin J.-C.* (*ed.*). Actes du'Séme colloque franco-soviétique sur l'archéoloqie de l'Asie centrale. Paris: F. R. C., 1988.

[24] *Kuz'mina E. E.* K voprosu nekotorykh tipakh orudij Kirgizii epokhi pozdnej bronzy: (po materialam Izzyk-Kul'skogo klada). I. A. N. Kirg S. S. R. S. O. N., 1961. N III (3). P. 103—110.

мо пока распределение каменных гирь, которые характеризуют культуру Иранского плоскогорья и Центральной Азии в период начала III—II тыс. до н. э.[25]. Эти «гири» удивительным образом продвигались на восток через Фергану, где известны «гири» типа «Соч»[26], а также в сторону к Ошу[27]. К ним теперь можно добавить четыре «гири», которые выставлены в Историческом музее Алма-Аты, где зарубежная делегация могла их видеть во время визита в город в октябре 1987 г. Эти гири, как оказалось, были найдены в районе Семиречья. Итак, если и существовали контакты в период III—II тыс. до н. э., то, по всей вероятности, они носили случайный характер. Такие контакты не касались доисторического шелкового пути, который связывал Бактрию с Ордосом.

Для лучшего понимания этих контактов представляется регион Кэсинджанг, который фактически имеет очень важное значение для исследований, так как в плане археологии ждет освоения. Предстоит немало сделать. Меридианная граница, простираясь от Кэсинджанга до Маргиана через Памир и Бактрию, отлично трассирует этот шелковый путь[28]. Это, однако, не исключает реальной возможности торговых сделок больше в сторону севера, туда, где лежал мир номадов.

Одним из наиболее интересных примеров представляется, по-видимому, пример так называемой культуры Окунева, которая хорошо исследована советскими учеными (период II тыс. до н. э.), охватывая Минусинский бассейн, где сегодня обнаружены доказательства, материальные воплощения которых находили вплоть до верховьев реки Инд[29]. Петроглифы типа Окунева обнаружены также в районах Кэсинджанга, Нингксии и западной части Тибетского массива. Этот народ — номады-охотники и скотоводы, ухаживавшие за крупным рога-

[25] *Francfort H.-P.* Recherhes sur l'Asie centrale protohistorique // Thése d'Etat Zille. 1984. P. 682—684.

[26] *Kohl P. L.* The Nomazga...

[27] *Besenval R.* C. r. de Amiet 1986 // Arts Asiatiques. 1987. N XLII. P. 115—116.

[28] *Kuz'mina E. E., Vinogradova N. M.* Beziehungen zwischen bronzezeitlichen Steppen- und Oasenkulturen in Mittelasien // Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. 1983. N 5. P. 35—55; *Zizhigu Bowuguan.* Heshuo xian Hintala Quhui yuanshi wenhua yizhi diaocha // Xinjiang Wenwu, 1986. N 1. P. 1—13.

[29] *Jettmar K.* Petroglyphs and early history of the upper Indus valley: the 1981 expedition, — a preliminary report // Zentralasiatische Studien, 1982. N 16. P. 293—308.

тым скотом, — занимал огромный регион в период II тыс. до н. э. Возникновение у кочевников пастушеского образа жизни, что относится к более поздней дате, уже не удивляет никого сейчас [30]. Это было известно в Загросе в конце энеолита [31], а также на территории Индостана в доисторический период [32]. Этот народ, кстати, мог играть роль в процессе развития металлургии в степном регионе, а также воздействовать (?) на прогресс китайской металлургии [33]. Здесь приходит на ум сравнение с так называемой культурой Карасука и ее отношений с металлургией у китайских народностей шанг и зоу.

Однако следует отметить, что среди этих находок никакая не позволяет утверждать о какой-либо коммерческой роли номадов в поддержании шелкового пути в доисторический период, и растущая на скалах Памира, Алтая, Тянь-Шаня и других горных отрогов растительность не дает твердых доказательств о реальном существовании его в то время.

Исторический период. Мы остались на рубеже конца II — начала I тыс. до н. э., периодов, в отношении которых вопрос о контактах между кочевыми и оседлыми

---

[30] *Idem.* Geschichte der Archäologie in Sibirien und im Asiatischen Steppenraum // Beiträge zur allgemeinen und Vergleichenden Archäoloqie. 1983. N 5. P. 187—226; *Idem.* «Frühe Nomaden» und «nördliche Nomaden» Mitteilunqen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien (MAGW), 1983. N 113. P. 33—43.

[31] *Henrickson E. F.* The Early Development... V. 20. P. 1—42.

[32] *Allchin F. R.* Archaeological Indications of the Role of Nomadism in the Indus Civilization and their potential Significance for the Movement of the Indo-Aryans into the Subcontinent // *Asimov M., Ed.* Ethnic Problems of the History of Central Asia in the Early Period (second Millenium B. C.), Dushanbe, 1981; *Ratnagor S.* Pastoralists in the Prehistory of Baluchistan // Studies in History, 3, 2 n. s., Sage Publications. New Delhi, Londres. 1987. P. 137—154.

[33] *Jettmar K.* The Thraco-Cimmerian phase in Central Asia: evidence for the «Pontic migration» // *Barnard N., Ed.* Early Chinese Art and its Possible Influence in the Pacific Basin, II. New-York, 1972. P. 231—240; *Idem.* The diffusion of metallurgy in early Central Asia // The Diffusion of Material Culture: (28th International Congress of Orientalists. Proceedings of Seminar E. Canberra. January 1971). *Loofs-Wissowa H. H. E.* (*ed.*). Honolulu, Asian and Pacific Archaeology Series. N 9. University of Hawaii at Manoa. 1980. P. 273—274; *Idem.* Cultures and Ethnic Groups West of China in the Second and First Millenia B. C. // Asian Perspectives. V. 24(2). P. 147, 156. 182; *Lin Yun. A* Reexamination of the Relationship between Bronzes of the Shang Culture and of the Northern Zone // *Shang K. C.* (*ed.*). Studies of Shang Archaeology. New Haven, Londres, Yale U. P. 1986. P. 237—273.

народностями должен рассматриваться наряду с проблемой раскрашенных, узорных керамических изделий, которую, впрочем, нам предстоит решить.

В период VI—IV вв. до н. э. шелк появился на Западе, вплоть до Греции и Германии. Не касаясь проблемы знаменитых тканей с острова Кос, которые, по-видимому, были из шелка диких шелкопрядов, а также шелковых тканей из Аморгоса, который играл просто роль транзитного торгового пункта (кстати, одеяния Медеи, описанные Геродотом и Ксенофонтом, были, по всей вероятности, из шелка диких шелкопрядов, различные сорта которого известны в Индии [34], но лексикологические проблемы, касающиеся античного шелка, пока не решены), определим характер находок в археологическом аспекте:

ткань с могильника в Хохдорфе (Баден-Вюртемберг, ФРГ) [35], которая, по-видимому, была завезена из Китая в середине VI в.;

шелк из могилы № 6 в Хохмишель (поселок на окраине г. Хальстатта) датируется VI в., быть может, греческой выделки (?) [36];

шелка из могилы HTR-73 с керамического кладбища в Афинах относятся к концу V в., аттестуются в качестве тканей местной выделки (?) [37];

шелковая ткань желтого цвета с ромбовидными узорами из могилы в Керчи (Пантикапей) датируется III в. [38]

На основании подобных находок, изолированных далеко друг от друга, а также учитывая некоторые упоминания в рукописных материалах, можно ли с определенной уверенностью аттестовать древний шелковый путь в период между VI и IV вв. до н. э.? Исследователи, сторонники интерпретации проблемы в пользу древнего шелкового пути, смещают весь маршрут к северу от примерной трассы шелкового пути на основе исторических

---

[34] *Richter G. M. A.* Silk in Greece // American Journal of Archaeology. 1929. N 27—33.

[35] *Kimming W.* Die frühen Kelten und das Mittelmeer // *Bittel K., Ed.* Die Kelten in Baden-Württemberg. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag GmbH. 1981. P. 262.

[36] *Hundt H. J.* Über vorgeschichtliche Seidfenfunde // Jahrbuch der Röm-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1971. N 16. P. 59—71.

[37] *Ibid.* P. 65.

[38] *Stephani.* Comptes-rendus de la Commission impériale archéologique (1878—1879). 1881. P. 134—135.

данных. Сюда можно отнести известный труд немецкого ученого Хауссига [39], издание, в основу которого легли данные из работы Лубо-Лесниченко [40], а также фактический материал из статьи Судзуки [41], который предполагает, что завоевания Александра Македонского были мотивированы желанием контролировать торговлю шелком. Во всех указанных случаях прогнозируемые маршруты проходили по примерной трассе, которая захватывала территории, населенные сакскими и скифскими племенами, которые обычно считаются пастухами-номадами. П. Бриан [42] полагает, что могущественные вожди сакских племен контролировали торговые сделки вплоть до северо-востока Центральной Азии — владений Ахеменидов — до Памира и Ферганы по всему маршруту этого шелкового пути.

Следовательно, в свете подобной гипотезы сакские племена рассматриваются автоматически в качестве транзитных торговцев, посредников в отношении коммерческого плана на всей длительной дистанции, которая связывала враждующие империи Китая с персидским царством и Грецией.

Разумеется, не желая поднять вопрос о транскаспийском шелковом пути [43], мы совсем не хотим отрицать контакты, которые могли существовать на протяжении всей степной полосы, к северу от плодородных земель Средней Азии, между северной границей Китая и Европой — они достоверно известны. Можем ли мы в таком случае говорить серьезно о реальных торговых контактах на всей такой длительной дистанции?

Для уяснения этого положения следует обратиться к археологической документации.

По данной проблеме Пазырык представляет собой ключевой географический пункт. Раскопки кургана № 5 (IV в.) представляют элементы для сравнительного ана-

[39] *Haussing H. W.* Die ältesten Nachrichten der griechischen und lateinischen Quellen über dei Routen der Seidenstrasse nach Zentral- und Ostasien // *Harmatta J., Ed.* From Hecataeus to Al-Huwarizmi. Budapest: Akademiai Kiado, 1984. P. 9—24.

[40] *Lubo-Lesnichenko E. I.* Velikj shelkovyj put // Voprosy Istorii, 1985. N 9. P. 89.

[41] *Sudzuki O.* Orient. 1975. P. 81—82.

[42] *Briant P.* Etat et pasteurs au Moyen-Orient ancien. Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme. 1982. P. 236.

[43] *Francfort H.-P.* Fouilles d'Aï Khanoum III Le sanctuaire du temple á niches indentées 2. Les trouvailles (Mém. D. A. F. A.). XXVII. 1984 P. 121.

лиза, который дает возможность зацепиться за проблему торговли и взаимоотношений между древними империями.

Шелковая ткань[44] с орнаментом из феникса, голова которого откинута назад в растительном мотиве, дает возможность сопоставить ее с куском шелка, обнаруженным в районе Ксинджанга в могильнике Алагоу, шелка, который можно отнести к типу, имевшему широкое хождение среди кочевников[45], а также с шелковыми тканями и узорами на них, что характерно для империи Чу в центральной части юга Китая в эпоху Враждующих империй (V—III вв. до н. э.)[46]. С другой стороны, многоцветная шелковая ткань из того же самого кургана[47] имеет фриз из львов, которые располагаются между двумя лентами треугольников; ее, по всей вероятности, можно сопоставить в плане узоров с подобными орнаментами Персеполиса (V—IV вв. до н. э.) и с тканевыми украшениями шелков из Ай-Ханума (IV—III вв. до н. э.)[48].

Итак, находки из этого кургана, как и другие подобные, говорят о том, что вожди сакских племен, захороненные в Пазырыке, обладали такой же неограниченной властью, как правители империи Ахеменидов, не говоря уже о китайских императорах, однако ничего нельзя сказать по поводу того, были ли они вовлечены в торговые операции и настоящие коммерческие сделки на всей длинной дистанции шелкового пути[49]. То же самое в равной мере касается таких прекрасных находок, например, при раскопках в районе озера Иссык-Куль, которые нам ничего не говорят, кроме как о престижных покупках в рамках достоверных соглашений.

Если подойти в решению проблемы с другой стороны, то следует отметить, что изолированные находки различных предметов Запада (к примеру, куча в 16 монет из Босфора, найденная в бассейне реки Эбинор в Джунга-

---

[44] *Rudenko S. I.* Frozen tombs of Siberia. The Pazyryk Burials of Iron-Age Horsemen. Londres H. M. Dent. Sons Ltd. 1970. Ill. 78.

[45] *Wang Binghua.* Recherches historiques préliminaires sur les Sake du Xinjiang ancien // Arts Asiatiques. V. XLII. 1987. P. 35.

[46] *Lubo-Lesnichenko E. I.* Pazyryk i zapadnyj meridional'nyj put // Strany i narody Vostoka. 1987. V. 25. P. 233—248.

[47] *Rudenko S. I.* Frozen tombs... Ill. 177.

[48] *Francfort H.-P.* Fouilles d'Aï... P. 33. Pl. 15, 16.

[49] *Idem.* Compte-rendu de Briant, 1982. B. E. F. E. O. LXXIII. 1984. P. 369—384.

рии [50], или очень впечатляющая бронзовая статуэтка высотой 42 см, обнаруженная в районе реки Гонгнайси — в районе Ксинджанга, Китай) вместе с каской фригийского греческого типа — все говорит о том, что сама поза и модель явно греческого происхождения [51], что это не позволяет считать их только покупными и торговыми сделками престижного характера у сакских вождей и элиты этих племен. Попутно отметим, что сакские племена, размещавшиеся на маршрутах, по которым, возможно, проходил шелковый путь в Ферганскую долину, в район Памира и верхний регион Индии, показывают культуру не богатых кочевников, а скорее скромных пастухов [52].

Сравнение ситуаций в начале II тыс. до н. э. с ситуациями в VI—III вв. до н. э. носит инструктивный характер:

в периоды двух эпох развивались сети торговых обменов коммерческого типа на длинную дистанцию между Средним Востоком и Центральной Азией — в мире сельскохозяйственных оазисов;

в то же время существовал вдоль 40-й параллели другой путь контактов между Западом и Востоком, причем в степной полосе, охватываемой скотоводами; в настоящее время значение этого обстоятельства все более учитывается;

в перпендикулярной плоскости (в соответствии с осью север — юг) упрочивались контакты между этими двумя мирами оседлых и кочевых народностей, проявившись особенно интенсивно в те исторические периоды, о которых мы здесь не упоминали, а именно — в период примерно 1000 лет до н. э. — 100 лет н. э., как раз на протяжении так называемых вторжений;

ничто в собранной нами документации не позволяет приблизиться к решению проблемы о том, что пастухи-кочевники во II и I тыс. до н. э. играли роль в торговых операциях и сделках с шелком или каким-либо другим товаром на длинном расстоянии. В связи с этим можно уверенно сказать, что гипотеза о древнем шелковом пути чисто умозрительная, хотя и можно отметить, что кон-

---

[50] *Diehl E.* Blätter Münzfreurde. 1923. N 58. P. 441—449.

[51] *Wang Binghua.* Recherches historiques... P. 35. Ill. 8.

[52] *Litvinskij B. A.* Drevnie Kochevniki «Kryshi Mira». Moscou: Nauka, 1972; *Ranov V. A.* L'exploration archéologoque du Pamir. B. E. F. E. O. LXXIII. 1984. P. 67—97.

такты в то время имели место. Парадокс в том, что настоящий шелковый путь — международная трасса громадной торговли между Востоком и Западом — появился в I в., когда номады (парфяне и кушаны) осели в регионе между Китаем империи Хань и Римской империей.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЛОЖЕНИЯ СТЕПНЫХ КУЛЬТУР СРЕДНЕЙ АЗИИ

И. Н. Хлопин *(Ленинград)*

В то время, когда в Средней Азии были известны преимущественно мусульманские древности, а все памятники первобытности ограничивались холмами Анау под Ашхабадом, степные культуры Южной России уже были открыты и привлекали к себе пристальное внимание исследователей. Ямная, катакомбная и срубная культуры, как бы сменявшие одна другую на одной территории, стали той шкалой первобытной археологии, к которой были приложены все памятники степного пояса Евразии, раскопанные впоследствии.

С открытием в предвоенные и послевоенные годы разнообразных первобытных памятников в земледельческих и скотоводческих районах Средней Азии потребовалось провести их систематизацию, определить их хронологию, культурную принадлежность, происхождение. На эти вопросы можно было попытаться ответить, произведя определенную процедуру сравнения вновь открытых материалов с уже известными. В результате возник стереотип мышления, который существует до сих пор и присутствует в трудах многих ученых: вещи и комплексы, открытые раньше других, рассматриваются в качестве более древних как в хронологическом, так и в генетическом отношениях. Например, когда пишут о том, что в культурном слое какого-то поселения найден нож катакомбного типа, то под этим подразумевают связь происхождения этого предмета с названной культурой; могло же быть наоборот — в свое время в катакомбном погребальном комплексе был найден бронзовый нож, изготовленный на земледельческом поселении этого же

времени, которое тогда еще не было открыто. Таких примеров достаточно для того, чтобы многие исторические события первобытности предстали в «кривом зеркале»; это послужило причиной возникновения и широкого распространения теории о возможности проникновения степняков в земледельческие оазисы с оседлым населением, об их смешении с аборигенами и о возникновении на этой основе нового этнического феномена.

Теперь, когда за последние десятилетия археологические находки из памятников степного пояса и из оседлых оазисов Средней Азии приведены в определенное сбалансированное соответствие главным образом в результате длительных полевых работ в южных областях региона, стало возможным заново рассмотреть проблему возникновения степных культур. Этот вопрос представляется нам очень важным, поскольку, если не ясны предпосылки и механизм возникновения этих культур (следовательно — этого населения!), обсуждение их взаимоотношений с оседло-земледельческим населением не имеет ни основания, ни смысла. Попытки рассмотрения этих проблем делались нами и раньше[1], но остались не замеченными: тогда еще были очень сильны прежние теории, возникшие на недостаточном материале. Поскольку основные выдвинутые нами теоретические положения не устарели, мы считаем целесообразным в значительной степени их повторить, использовав достижения археологии Средней Азии последних лет.

Освоение степей человеком прошло два не связанных между собой этапа: первый — естественное расселение древних людей в эпоху палеолита, второй — освоение степей населением с производящим хозяйством в эпоху бронзы. Первый этап нас в данном случае не интересует, поскольку это явление было частью естественно-зоологического процесса распространения людей по земле. Предметом нашего рассмотрения является второй этап

---

[1] *Хлопин И. Н.* К возникновению скотоводческого базиса // Проблемы археологии Средней Азии: (Тезисы докладов). Л., 1968. С. 33—35; *Он же.* Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 94—112; *Он же.* Проблема происхождения культур степной бронзы // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1970. № 122. С. 54—58; *Он же.* Индоиранцы: земледельцы или скотоводы? // Вопросы истории, 1970. № 10. С. 88—99.

с целью выяснения причин и механизма освоения новых земель людьми с производящим хозяйством.

Сейчас уже доказано, начиная с работ Н. И. Вавилова о центрах происхождения культурных растений, что южные области Средней Азии, прежде всего Южный Туркменистан, входили в ареал становления производящего хозяйства, которое произошло в VII—VI тыс. до н. э. Благоприятный комплекс экологических условий этих мест привел к тому, что жившее там население стало заметно увеличиваться в числе, но продолжало жить на прежних, приспособленных для этого участках, отвоеванных у природы; в связи с этим возросла и его плотность. Поскольку остальные компоненты экологического комплекса этих мест, прежде всего запасы мясной пищи, стали в связи с этим ростом уменьшаться, создалось относительное перенаселение, которое привело к уменьшению количества продуктов питания на долю каждого человека. Люди оказались перед необходимостью интенсифицировать процесс добывания пищи и постепенно перешли к ее производству. С гор они спустились на равнины и в межгорные долины, стали искусственно высевать зерна принесенных с гор злаков, зная наперед, что по прошествии определенного времени соберут значительно большее количество таких же зерен; они содержали вблизи поселений какое-то количество животных, которые оказались пригодными к одомашниванию; они стали жить на одном и том же месте, поскольку отпала необходимость непрерывного передвижения в поисках пищи. Так возникли долговременные поселения первых земледельцев; все это, вместе взятое, сняло проблему относительного перенаселения на многие столетия.

Раньше, в условиях присваивающей экономики, число людей на определенной территории было сбалансировано с другими экологическими показателями. Точно так же и при переходе к производящему хозяйству сложился определенный баланс между числом населения и этими же показателями. Однако, поскольку люди сами производили продукты питания, уровень количества и плотности населения возрос во много раз. И так как до «критической массы» населения было еще далеко, ибо первоначальное число населения с производящим хозяйством не намного превышало число населения с присваивающим, в течение многих веков радость их бытия ничем не омрачалась. Но это не были века застоя: именно тогда

произошло становление и оформление племенной организации общества, основанной как на реальном родстве всех соплеменников, так и на общности территории проживания. Постепенное развитие производства (сельское хозяйство, домостроительство, гончарство, металлургия и др. отрасли) и социальных отношений (эволюция рода, смена матрилинейности патрилинейностью, становление патриархальных отношений в семье, сложение территориальной племенной организации) продолжалось поступательно весь период неолита, энеолита и часть эпохи бронзы (ее ранние этапы).

К периоду ранней бронзы, примерно в первой половине и середине III тыс. до н. э., в ряде окраинных областей древнеземледельческой ойкумены, граничивших с охотничье-собирательской периферией, в частности в Юго-Восточном Прикаспии, наблюдается резкое увеличение численности населения, количественные показатели которого превращаются в качественное явление — в относительное перенаселение второго порядка. До этого, в середине IV тыс. до н. э., аналогичное явление происходило в срединных областях Переднего Востока, в Месопотамии, откуда не существовало путей оттока избыточного населения; там оно привело к становлению государственной организации общества. К середине III тыс. до н. э. там уже давно существовали многие государства, основанные на принципе узаконенного неравенства в распределении общественного продукта.

Погребальные памятники первой половины III тыс. до н. э. в долине Сумбара — могильник Пархай II — показывают огромное количество погребенных (иногда более сотни скелетов) в одном склепе, а таких склепов у одного входного колодца было три. Это отражает реальную картину большой плотности населения, относительную перенаселенность этих мест. Спасти положение мог только уход значительной части населения из долины Сумбара, что и произошло. Количество погребенных в склепах следующего культурно-исторического периода (развитая бронза, ЮЗТ-III) резко сократилось: исчезли системы из трех склепов с общим входом, количество скелетов в одиночных склепах перестало превышать 20—25. Появилась отчетливая тенденция превращения склепа в катакомбу с одним погребенным. К тому же в погребальном обряде и в сопровождающем инвентаре начали развиваться новые черты, которые окончательно

сформировались к эпохе поздней бронзы (последние века II тыс. до н. э.) и превратились в сумбарскую культуру.

Земледельческие области юга Средней Азии в настоящее время изучены достаточно хорошо для того, чтобы определить, куда и по какому маршруту ушло избыточное население из Юго-Восточного Прикаспия. По Сайванской и Арвазской долинам часть его проникла на северную подгорную равнину Копетдага в район современного Бахардена. Серая керамика пришельцев влилась мощной культурной струей на древние поселения этих мест. Некоторые строительные горизонты этих поселений оказались просто наполненными ею. Именно массовое появление этой керамики Б. А. Куфтин уже много десятилетий тому назад сделал признаком, по которому он выделил период Намазга IV[2]. Уже тогда было ясно, что серая керамика с процарапанным орнаментом не связана с местной культурой, но в силу уровня знаний того времени ее связывали с культурами Северного Ирана. Сейчас же можно с уверенностью говорить о том, что ее появление на поселениях подгорной равнины Копетдага связано с приходом большого количества населения из Юго-Западного Туркменистана, точнее — из межгорных долин западного Копетдага, в середине III тыс. до н. э.

Появление на северной подгорной равнине Копетдага значительного числа пришельцев, что повысило и без того увеличившуюся плотность населения этих мест, привело подобно цепной реакции в движение большие людские массы. Вскоре активизировалась колонизация нижнего течения и слепой дельты Мургаба, где разрослись оазисы новой страны, открытой в последние годы археологическими раскопками под руководством В. И. Сарианиди[3]; появились первые оседло-земледельческие поселки на северной подгорной равнине Гиндукуша, найденные и исследованные Советско-Афганской археологической экспедицией[4]; далеко на восток, в Среднеазиатское междуречье, прошли и осели коллек-

---

[2] *Куфтин Б. А.* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ... в 1952 г. / Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, 1956. Т. 7. С. 260—290.

[3] *Sarianidi V. I.* Margiana in the Bronze Age // The Bronze Age Civilisation of Central Asia. N.-Y., 1981. P. 165—193.

[4] *Сарианиди В. И.* Древнеземледельческий Афганистан. М., 1977.

тивы людей с производящей экономикой, поселения которых стали достоянием науки благодаря раскопкам археологов Узбекистана [5].

Однако первое проникновение (которое еще не превратилось в систему) людей с производящим хозяйством в долину Зеравшана относится к более раннему времени. Пришельцы имели характерную расписную глиняную посуду, которая с большой точностью позволила установить место их исхода. Это были низовья древней слепой дельты реки Теджен, которые принято называть Геоксюрским оазисом. Первые поселения там, в свою очередь, были основаны на рубеже V и IV тыс. до н. э. выходцами с северной подгорной равнины Копетдага, из района современных Артыка — Каахка. Но через 8—10 веков стали остро ощущаться высыхание этой дельты и ее миграция. Люди делали героические усилия для того, чтобы продлить возможность жизни на умирающих поселках — ничто не помогло: ни вырытые каналы, ни молитвы к могущественным и справедливым богам. В конце III тыс. до н. э. люди были вынуждены покинуть эти проклятые богами места [6]. Основная масса людей ушла вверх по течению реки Теджен, которую древние географы называли Арием; впоследствии, после длительных странствий, их потомки стали называться ариями и вторглись в Северную Индию. Часть же населения ушла на восток и принесла в долину Зеравшана (поселение Саразм) навыки производящего хозяйства, новые социальные отношения и идеологические представления; они и их потомки остались там навсегда [7].

Вернемся в Юго-Восточный Прикаспий; другая часть ушедшего оттуда населения прошла прямо на север и вдоль Узбоя вышла в Приаралье, а затем — в степной пояс. Вехами на этом пути служат черепки черной и серой керамики, найденные при раскопках пещеры Джебел [8], а также явные подражания формам серой керамики из культурных слоев некоторых поселений Хорезма,

---

[5] *Аскаров А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.

[6] *Хлопин И. Н.* Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Л., 1964.

[7] *Исаков А. И.* Саразм — новый раннеземледельческий памятник Средней Азии // Советская археология. 1986. № 1.

[8] *Окладников А. П.* Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, 1956. Т. 7. С. 36.

Кават 7 и др.[9]. Этот путь вдоль восточного берега Каспийского моря с юга на север и прежде рассматривался как вполне возможный, когда речь шла о происхождении ямной культуры степей[10]. И действительно, люди со стадами в течение длительного времени могли передвигаться в северном направлении до тех пор, пока они не достигли зоны лесостепи и затем леса, которая оказалась неприспособленной для ведения скотоводческого хозяйства на открытых пространствах. Тогда произошло изменение направления движения, из меридионального оно стало широтным. Путь, в конце которого только угадывались степи Северного Причерноморья и Восточной Европы, благодаря этому был открыт, и по нему началось интенсивное движение народов; последние волны их прошли в историческое время — гунны, татаро-монголы.

К северу, востоку и западу от зоны, населенной выходцами из исконно земледельческих областей и их потомками, располагалось несметное население с присваивающим хозяйством. По общему уровню своего развития оно было готово воспринять все элементы экономики нового типа: злаки, культурные растения, домашних животных и, что самое существенное, навыки и правила обращения со всем этим. Передача всего комплекса производящей экономики могла быть осуществлена только при личном общении людей, только при длительном наблюдении местного населения за механикой и результатами ведения производящего, принципиально нового для них, хозяйства. Тут следует говорить и о том, что происходило смешение населения, а язык пришельцев обогатил язык аборигенов новыми терминами и понятиями; постепенно изменился и антропологический тип населения степей. В результате этих контактов, которые могли длиться не одно десятилетие, а может быть, и не один век, сложился новый этнический феномен — население Великого Пояса степей от Восточной Европы до Минусинской котловины. Это население вело преимущественно скотоводческое хозяйство, что не могло не отразиться на их жизненном и психологическом складе, который сформировался как бы заново. Выделение и оформление этого населения стало вторым крупным общественным

[9] Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 142.

[10] *Мерперт Н. Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы: (III — нач. II тыс. до н. э.); Автореф. докт. дис. М., 1968. С. 56—57.

разделением труда (Ф. Энгельс) — жители земледельческих оазисов стали вступать с населением степей в определенные экономические отношения, которые способствовали обоюдному процветанию. К этому времени степные скотоводы уже полностью забыли о том, что их далекие предки были в свое время исторгнуты из земледельческой зоны, т. е. положение вещей, которое сложилось ко II тыс. до н. э., они полагали изначальным.

Все это подводит нас к тому, чтобы еще раз отметить, что для полноценного и адекватного восстановления картины взаимодействия населения земледельческих оазисов и скотоводческих степей надо прежде попытаться восстановить историю древнейших этапов развития культуры этого населения.

ФОРМЫ НЕОЛИТИЧЕСКОГО СКОТОВОДСТВА В САХАРЕ (VII—I тыс. до н. э.)

О. Холл *(Париж)*

Кочевое скотоводство — одна из многочисленных форм хозяйствования, особенность которой заключается в самой природе объекта хозяйствования. Животные в отличие от растений способны к передвижению, поэтому могут быть использованы системы их эксплуатации, более или менее подвижные в пространстве. Следовательно, кочевое скотоводство может рассматриваться как разновидность компромисса между экологической необходимостью данной местности, нуждами и порогом физиологической терпимости пород разводимых животных и иерархией ценностей в общностях людей, разводящих и содержащих скот[1]. Ни одно из этих условий не

[1] *Gribb Roger.* Greener pastures: Mobility, migration and the pastoral mode of subsistence // Production pastorale et société. 1984. N 14. P. 11—46; *Johnson D. L.* The Nature of Nomadism: The study of pastoral migratoin in South West Asia and North Africa // University of Chicago. Research paper. 1969. N 118; *Khazanov A. M.* Characteristic features of nomadic communities in the Eurasian steppes // *Weissleder W. (ed.).* The Nomadic Alternative. The Hague, Paris. Mouton Publ. 1978. P. 119—126; *Ibid.* Nomads and the Outside World. London, New York, Cambridge University Press, 1984.

является достаточным само по себе для определения скотоводческой экономики: они все необходимы, и именно из их различных комбинаций вытекают специфические формы каждого типа кочевого скотоводства.

Современное распределение зон кочевого скотоводства в масштабе планеты указывает на наличие экологических предпосылок к существованию кочевого скотоводства. Зоны максимальной концентрации кочевых скотоводческих хозяйств группируются вокруг жарких и холодных пустынь; это равнины Центральной и Восточной Азии, Средний Восток, Сахара, суданская зона, саванны Восточной Африки, аргентинские пампасы и юго-запад Соединенных Штатов Америки и, наконец, арктическая зона разведения северных оленей. Все эти экосистемы характеризуются огромными сезонными перепадами температур, осадков, чередованием периода изобилия и периода голода. Это обязательно отражается на пространственном и временном распределении ресурсов: в зависимости от климатических изменений вода и пастбища находятся в разное время в разных местах. Вследствие этого успех функционирования скотоводческого хозяйства в большей степени зависит от хорошей приспособляемости к сезонным условиям и использования при этом гибких форм перемещений или развития систем заготовки фуража. Можно сказать, что кочевое скотоводство — это стратегия экономической оптимизации второстепенных (побочных) экологических сред.

Стратегия оптимизации зависит от природы скота, от состава его пород (преобладающая и второстепенная порода), от физиологических порогов и нужд этих пород (порог терпимости к жажде, голоду, жаре, холоду, нужда — в потреблении в пищу растений и т. д.) и от их поведения (сильно или слабо развитое стадное чувство), что определяет важность численности стад. Эти элементы частично определяют форму и природу перемещений скотоводческих общин (длинное или короткое).

Характер нужных человеку продуктов и социальные отношения производства играют важную роль в отборе компонентов стада. Охрана стада, его перемещение при участии коллектива людей или без него, возрастная и половая структура — все это обусловлено иерархией ценностей. Отсюда преобладающая продовольственная ценность (мясо) будет иметь последствия, отличные от тех, которые вызвала бы «идеологическая» ценность (пре-

стиж) или преобладающая эксплуатация продуктов второго рода (т. е. получаемых без риска для жизни животного — шерсть, молоко, транспорт, тягловая сила и т. п.).

Попытаемся выделить различные категории археологических данных, собранных в пустыне Сахаре, чтобы воссоздать основные черты функционирования кочевых хозяйств. Не останавливаясь на проблемах, относящихся к истокам одомашнивания различных пород животных[2], проанализируем основные компоненты окружающей среды в Сахаре между X и III тыс. до н. э., возможное влияние этих экосистем на природу и на распределение неолитических ландшафтов, и, наконец, состав останков, которые были изучены.

В более общем плане можно оценить значение данных сахарской зоны для дискуссий, относящихся к «истокам кочевого скотоводства». Согласно Спунеру[3], практически ничего не известно о первых проявлениях номадизма. Если рассматривать кочевничество как одну из разновидностей скотоводства, то позиция Спунера выходит за рамки очень общих теорий о последовательности стадий развития человеческого общества, а строгие эмпирические данные, позволяющие узаконить теорию, ошибочны. Его утверждение верно лишь отчасти, с одной стороны, потому что недооценивает изменчивость обстоятельств, могущих привести к появлению новых форм производящих хозяйств, и не отдает достаточного отчета о границах ранее используемых приемов и методов для наиболее полного показа скотоводческих хозяйств; с другой стороны — потому что методы, применяемые раньше, базировались в основном на анатомических данных, и исследователи старались прежде всего

[2] *Smith Andrew.* Demesticated cattle in the Sahara and their introdution into West Africa // *Williamns M. A. J. et Faure H.* (eds.). The Sahara and the Nile. Rotterdam. A. A. Balkema. 1980. P. 489—501. *Banks Kimball M.* Climates, cultures and Cattle: The Holocene Archaeology of the Eastern Sahara. Dallas. Southern Methodist Univ., 1984; *Wendorf F. et Schild R.* (*eds.*). Prehistory of the Eastern Sahara. New York, London, Academic Press. 1980; *Wendorf F., Schild R. et Close A. E.* (*eds.*). Cattle Keepers of the Eastern Sahara: The Neolithic of Bir Kiseiba. Dallas. Southern Methodist University, 1984; *Muzzolini Alfred.* L'art rupestre du Sahara central: classification et chronologie. Le boeuf dans la préhistoire africaine, these de doctorat, Université d'Aix-Marseille 1. 1983. V. 2.

[3] *Spooner Brian.* The Cultural Ecology of Pastoral Nomads // Addison-Wesley Module in Anthropology. 1973. N 45.

доказать существование домашних животных исходя из морфологических критериев, как, например, уменьшение роста. Эти критерии, если вообще от них не отказаться априори, имеют смысл только при глобальном изучении, как это пытаются доказать исследования недавнего времени [4].

Так, Хазанов [5] спорит с некоторыми теориями, касающимися появления скотоводства. Согласно так называемой «трехчастной теории» [6], скотоводческое хозяйство могло развиваться благодаря прекрасному знанию психологии млекопитающих, которое появилось у охотников-собирателей в конце плейстоцена, гораздо раньше развития земледельческих хозяйств. Эта теория названа трехчастной, потому что она постулирует существование трех последовательных этапов эволюции: охота и собирательство, скотоводство и, наконец, земледелие. Даже признавая истинность этой схемы, Хазанов [7] вскрывает очень большие резервы, которые логически вытекают из его концепции кочевых скотоводческих хозяйств: «Самое важное — кочевники не могли существовать вне связи с миром, вне связи с другими кочевыми сообществами, с их различными экономическими системами. В самом деле, общество кочевников могло функционировать лишь при условии, когда окружающий мир не только существовал, но и оказывал на него экономическое, социальное, политическое и культурное влияние. Этот мир требовал множественной реакции со стороны кочевников, благодаря чему кочевники оставались кочевниками» [8].

Автор напоминает о двух других общих теориях. Согласно одной из них, появление скотоводства связано с увеличением численности поголовья скота и с трудностями его пропитания на одном месте, почему и возникла необходимость перемещаться с пастбища на пастбище до выхода этой деятельности за пределы зоны обитания. Другая, так называемая «теория вытеснения», объясняет возникновение скотоводства вытеснением

[4] *Gautier Achilles.* Contributions to the archaezoology of Egypt // *Wendorf F. et Schild R.* (*eds.*). Prehistory of... P. 317—344; *Banks Kimball M.* Climates...

[5] *Khazanov A. M.* Characteristic... P. 119—126; *Idem.* Nomads and... P. 85—119.

[6] *Khazanov A. M.* Nomads and... P. 85.

[7] *Ibid.* P. 86—87.

[8] *Ibid.* P. 3.

отдельных групп в засушливые зоны вследствие переселения или давления со стороны могущественного соседа, или того и другого одновременно.

Анализ гипотез приводит Хазанова [9] к констатации того, что возникновение кочевого скотоводства — явление многогранное, столь сложное, что объяснить его каким-либо одним фактором не представляется возможным. Следовательно, при анализе процессов, приводящих к появлению скотоводства, необходимо разделять местные особенности и общие тенденции и основные направления. Различные исследования, предпринятые в этом направлении, показывают большие возможности такого подхода [10].

Если принять во внимание различные изменения, объясненные выше в общих чертах, из них можно вывести некоторую причастность к археологии. Многие из этих черт соотносятся с археологией, но имеют смысл лишь в глобальном плане, когда специально исследуется взаимодействие различных компонентов.

Изучение палеоэкологических данных может позволить воссоздать в общих чертах основные характеристики экосистемы в определенный момент прошлого. Исходя из этой канвы можно логически вывести расположение экологических микрозон и исследовать годность модели на основе соответствующих анализов распределения ландшафтов в зоне изучения. Таким образом, можно установить время, когда эти ландшафты были заняты и, рассуждая в годовом масштабе, определить зоны, занятые дополнительно. Изучение скоплений костей может в таком случае помочь найти соотношение продуктов охоты и скотоводства в мясном питании общности, занимавшей данное место. Частое повторение возрастов и полов позволит провести более полный анализ

---

[9] *Ibid.* P. 89.

[10] *Levy Thomas E.* The emergence of specialised pastoralism in the Southern Levant // World Arthaeology. N 15. P. 15—36; *Banks Kimball M.* Climates... *Wendorf F...* Cattle Keepers...; *Krzyzaniak L. et Kobusiewicz M.* (*eds.*). Origin and Early Development of Food Producing Cultures in North-Eastern Africa. Poznan, 1984; *Cribb Roger.* Greener pastures...; *Holl Augustin.* Essai sur l'économie néolithique du Dhar Tichitt (Mauritanie) // Thésé de doctorat de 3e cycle, Univ. de Paris 1. Panthéon-Sorbonne. 1983; *Idem.* Subsistence patterns of the Dhar Tichitt Neolithic, Mauritania // The African Archaeological Rewiew. 1985. N 3. P. 151—162; *Gautier Achilles.* Archaezoology of the Bir Kiseiba region, Eastern Sahara // *Wendorf F., Schild R. et Close A.* (*eds.*). Cattle Keepers... P. 49—72.

форм разведения скота. Случайный убой его на пищевые нужды можно установить по кривой возрастов, отражающей состав стада, тогда как о плановом убое, целью которого является получение мяса, можно судить по другой кривой, из которой будет видно, что молодые животные убивались в меньшем количестве, чем взрослые и старые. Анализ таких данных показывает, что по использованию продуктов второго рода просматривается слабая эксплуатация молодых и взрослых животных и очень сильная — старых (с явными пропорциональными различиями в соотношении полов).

Что касается идеологического аспекта скотоводства, то оно характеризовалось двумя основными чертами: с одной стороны, очень слабая доля домашних животных в общих скоплениях останков, с другой — средняя доля молодых, очень небольшая — взрослых и большая доля старых животных. В обществе в целом господствовало тогда то, что можно назвать «скотоводческой идеологией», характеризовавшейся пристальным вниманием к скоту. Одним из эмпирических доказательств этого являются наскальные изображения.

В соответствии с поставленными целями попытаемся рассмотреть некоторое количество археологических случаев, касающихся обсуждения форм скотоводства в Сахаре в период неолита.

Сахара — огромная пустыня, простирающаяся на 4500 км от Атлантического океана на западе до Красного моря на востоке и на 1400 км в ширину (от 16° сев. шир. до 30—32° сев. шир.), площадь составляет 9 млн 100 тыс кв. км.

Археологические исследования на этом огромном пространстве проводились приблизительно в течение века с разной степенью интенсивности. Естественно, мы не пытаемся рассмотреть все археологические свидетельства, относящиеся к неолиту, появившиеся с начала исследований доисторической эпохи. Речь пойдет об отборе недавних исследований, осуществленных в 1970—1986 гг. и представляющих некоторые характеристики. Это в основном исследования, относящиеся ко многим дисциплинам, в которых палеоэкологические интересы занимают важное место. Таким образом, традиционные археологические работы дополняются палинологическим и остеологическим анализом. Постоянно используется установление даты C^{14}; несмотря на технические и теоретиче-

ские ограничения этого метода установления даты, мы располагаем элементами хронологического сравнения, не зависящими от каждого отдельного автора.

Наконец, сама природа изучаемых местностей очень рано вызвала появление дискуссий, относящихся к особенностям приспособляемости человеческих обществ к жизни в пустыне. По этим критериям отбора мы рассмотрим случаи в Восточной Сахаре, которую еще называют Западной Пустыней[11], высокие плато Центральной Сахары[12], бассейн Таудени (Мали), Западную Сахару[13] и район Дхар Тишитт, Мавритания[14].

Зона, именуемая Восточной Сахарой, находится на западе Египта и занимает приблизительно площадь 300 тыс. кв. км. Это — крайне засушливый участок, почти полностью лишенный всего живого, за исключением небольших районов вокруг оазисов. Именно в этих местах, в оазисах, около колодцев сконцентрировались исследования доисторической эпохи, предпринятые с 1965 г. «Объединенной доисторической экспедицией» под руководством Ф. Вендорфа и Р. Шилда. Анализ палеоэкологических данных, полученных из бассейнов и оазисов Бир Сахара, Бир Тарфави, Гебель Набта, Бир Кисеиба, Харга и Дахла, выявил основные климатические последствия голоцена в Восточной Сахаре. Три влажных периода, названных Плайя I (10 000—8500 гг. до н. э.),

[11] *Wendorf F. et Schild R.* Prehistory... *Wendorf F., Schild R.* et *Close A. E.* (*eds.*). Cattle Keepers... *Banks Kimball M.* Climates...

[12] *Barich Barbara E.* La serie stratigrafica dell'Uadi Ti-n-Torha (Acacus, Libia). Origini, 1974. V. 8. P. 7—157; *Idem.* The Epipaleolithic ceramic groups of the Libyan Sahara: Notes for an economic model of the cultural development in the West Central Sahara // *Krzyzaniak L. ed. Kobusiewicz M.* (*eds.*). Origin and Early... P. 399—410; *Gautier Achilles.* Prehistoric fauna from Ti-n-Torha (Tadrart, Acacus, Libya). Origini, 1982. V. 11. P. 87—113; *Aumasip Ginette.* La néolithisation au Sahara // Cahiers ORSTOM. Ser. Geol. 1984. N 14 (2). P. 199—200.

[13] *Petit-Maire Nicole.* Le Sahara atlantique á l'Holocéne: peuplement de écologie. Alger. Mémoires du CRAPE. 1979; *Petit-Maire N., Celles J. C., Commelin D. et Raimbauht M.* The Sahara in Northern Mali: Man and his environmert between 10,000 and 3.500 years b. p. (preliminary results) // The African Archaeological Review. 1983. N 1. P. 105—125.

[14] *Munson Patrick J.* Tichitt Tradition: A late prehistoric occupation of Southwestern Sahara. Ph. D. thesis. University of Illinois. Urbana. Champaign. 1971; *Holl Augustin.* Essai sur... *Idem.* Subsistence... P. 151—162; *Idem.* Economie et sosiété néolithique du Dhar Tichitt (Mauritanie). Paris, 1986. ADPE. coll. Recherches sur les civilisations.

Плайя II (8200—7900 гг. до н. э.) и Плайя III (7700—5800 гг. до н. э.), разделенные крайне засушливыми интервалами (8500—8200 гг. до н. э. и 7900—7700 гг. до н. э.), подробно изучены[15]. Найденные при раскопках керамика и останки крупного рогатого домашнего скота в отдельных районах Гебель Набта (E-75-6, E-77-3, E-77-7) и Бир Кисеиба (E-79-8, E-79-4, E-80-4) привели к глубоким изменениям в доисторической таксономии и терминологии, использовавшейся до тех пор в литературе по Восточной Сахаре. Различие между поздним палеолитом и ранним неолитом было пересмотрено так тщательно, что речь теперь идет только о раннем неолите, который возник в начале голоцена и длился до 8000 г. до н. э., вслед за ним шли средний неолит (7500—6500 гг. до н. э.) и поздний неолит (6500—5500 гг. до н. э.).

Находки (в местности E-75-6) в районе Гебель Набта и Бир Кисеиба (E-79-4) свидетельствуют о благоустроенности жилищ в эпоху раннего неолита: обнаруженные колодцы, силосные башни, остатки очагов и фундаментов хижин в первом селении были расположены в две параллельные линии, во втором — полукругом. Эта организация обитаемого пространства наводит на мысль о существовании «деревень» и о значительно более продолжительном пребывании в них, чем в предыдущие периоды[16].

Изученные останки животных, найденные в 14 местах, из них 8 — в Бир Кисеиба[17] и 6 — в Гебель Набта, позволяют сделать интересные выводы. В течение раннего неолита bos taurus — единственное домашнее животное, но очень слабо представленное (табл. 1): 0,1%, 0,2% — в E-75-6, 6,4 — в E-77-1 (в районах Гебель Набта); в районе Кисеиба — от 2,9 (E-79-4 и E-79-8) до 17,6% (E-80-4). Кроме того, обнаружено существование домашней собаки. Большая часть мясных продуктов питания добывалась на охоте, ее предметом в основном

[15] *Wendorf F. et Schild R.* (*eds.*). Prehistory... P. 236; *Wendorf F.* A brief summary of the earliest Neolithic settlements in the Eastern Sahara // Cahiers ORSTOM. Sér. Géol. N 14 (2). 1984. P. 197; *Wendorf F.* e. a. Cattle Keepers... P. 405.

[16] *Banks Kimball M.* Climates... P. 83; *Kobusiewicz M.* Report on site E-79-3: The archaeology of El Ghorab Playa // *Wendorf F.* e. a. Cattle Keepers... P. 136; *Idem.* The multicultural Early Holocene Site E-79-4 at Ghorab Playa, Western Desert of Edypt // *Krzyzaniak L. et Kobusiewicz M.* (*eds.*). Origin... P. 171—184.

[17] *Gautier Achilles.* Archaeozoology of... P. 50.

Таблица 1. **Восточная Сахара: относительные пропорции преобладающих пород животных** (Готье, 1980, 1984)

Место раскопок	Памятник	Эпоха	Заяц		Малая газель		Большая газель						Итог
			Нб	%	Нб	%	Нб	%	Нб	%	Нб	%	
Бир Кисеиба	E-80-1	РН	1	7,6	30	78,9	5	13,1	2	5,2	—	—	38
	E-80-4	РН	3	5,8	31	60,1	2	3,9	9	17,6	—	—	51
	E-79-4	РН	—	—	32	94,1	1	2,9	1	2,9	—	—	34
	E-79-8	РН	2	0,6	209	69,4	52	17,2	9	2,9	—	—	309
Гебель Набта	E-75-8	ПН	22	20,1	34	31,1	3	2,7	24	22,0	46	42,2	109
	E-78-8	СН	107	29,5	130	35,9	20	5,5	26	7,1	79	71,8	362
	E-75-5	СН	11	18,0	49	80,3	—	—	1	1,6	—	—	61
	E-77-1	РН	2	2,5	69	88,4	7	2,5	5	6,4	—	—	78
	E-75-6	РН	187	46,0	215	52,9	3	0,7	1	0,2	—	—	406
	K-75-6	ПП	27	19,5	86	57,9	30	21,7	1	0,7	—	—	131

РН — ранний неолит, ПН — поздний неолит, СН — средний неолит, ПП — поздний палеолит.

были три вида животных: заяц (Lepus capensis), малая газель (Gazella dovcas) и большая газель (Gazella dama). Дикая фауна состояла из мелких животных — шакалов, грызунов, дикобразов, газелей, что подтверждает мысль об очень скудной биомассе в экосистеме Восточной Сахары.

Несмотря на общую влажность раннего голоцена, климат здесь отличался очень сильными сезонными различиями в выпадении осадков. В течение сухого периода районы вокруг древних источников становились местом обитания и людей, и животных. Животное величиной с быка не могло выжить, оставаясь диким в столь суровых условиях, чтобы регулярно служить предметом охоты первым племенам эпохи неолита. Незначительное количество останков крупного рогатого скота может, таким образом, говорить о том, что для удовлетворения своих потребностей во второстепенных продуктах, а также в мясе, первобытные пастухи содержали немного животных.

В сухой сезон вокруг более или менее постоянно действующих источников скапливались большие группы населения. В сезон дождей население рассредоточивалось небольшими группами по пастбищам. Такой способ освоения окружающего пространства мог распространяться на очень большие территории, ему свойственна небольшая концентрация очагов. Эти древние племена разводили пшеницу и ячмень[18], они, очевидно, хранились в тех силосных башнях, которые обнаружены как в Гебель Набта, так и в Бир Кисеиба. Сложная система взаимоотношений между скотоводством, земледелием, охотой и собирательством уже выяснена, но мы еще не знаем ее основных свойств.

Высокие плато Центральной Сахары (нагорья) состоят из пяти основных массивов: Эннеди Тибести, Тадрарт Акакус, Ахаггар, Тассили н'Айэер и Аир, высота которых колеблется от 2000 до 4000 м. Несмотря на важные различия в особенностях разных районов, это — наиболее изученный район Сахары. Принимая во внимание огромное число проводившихся исследований, но не пытаясь представить исчерпывающий анализ всех тем, ос-

[18] *Stemler Ann et Falk R.* A scanning electron microscopy study of cereal grains from Nabta Playa // *Wendorf F. et Schild R.* (*eds.*). Prehistory... P. 393—394.

тановимся на случаях, непосредственно относящихся к скотоводству эпохи неолита.

Известное количество данных позволяет признать наличие гончарных изделий в Центральной Сахаре с начала голоцена. Однако речь идет еще не о производящем хозяйстве, а скорее об интенсификации использования первобытными обществами природных ресурсов. Первобытная экономика постепенно изменилась и породила настоящее производящее хозяйство, отчетливо проявившееся в районах Ти-н-Торха [19] и Ти-н-Ханакатен [20]. Можно сказать, что археологические исследования Центральной Сахары в основном сконцентрированы на специфической местности; несмотря на это ограничение, сравнивая разные сведения, мы можем признать наличие разных случаев в региональной перспективе.

Три района — Ти-н-Торха, Ти-н-Ханакатен и Уан Мухуггиак — расположены в Акакусе, приблизительно в 50 км одно от другого. Это — убежища под скалами или в маленьких пещерах, обычно находящиеся вблизи от сезонных водоемов. Комплекс Ти-н-Торха располагается амфитеатром вокруг источника, в глубине этого амфитеатра образуется естественный загон для скота. Он был занят с 9350±110 до 5260±130 гг. до н. э. Северная часть Ти-н-Торха включает в себя пять уровней размещения, датируемых 7070±60 гг. до н. э. (уровень 5), 5970±50 гг. до н. э. (уровень 2) и 5600±50 до 5260± ±130 гг. до н. э. (уровень 1) и содержащих толстый слой коровьего навоза, окаменевшего, смешанного с золой и древесным углем [21]. Восточная часть Ти-н-Торха включает в себя четыре уровня размещения, датируемых от 9080±70 до 8640±70 гг. до н. э. (уровень 4), 8540±140 до 7730±80 гг. до н. э. (уровень 3), 8460±60 до 7990 гг. (уровень 2) и 8460±50 до 8440±50 гг. до н. э. (уровень

[19] *Barich Barbara E.* La serie stratigrafica... *Eadem.* Neue Ausgrabungen in Acacus-Gerbirge // *Kuper R.* (*ed.*). Sahara, 10.000 Jahre zwischen Weide and Wüste. Museen der Stadt. Köln. 1978. P. 222—245; *Eadem.* The Epipaleolithic ceramic...; *Gautier Achilles.* Prehistoric fauna.... *Barich. B. E.* e. a. Ecological and Cultural relevance of the recent new radiocarbon dates from Libyan Sahara // *Krzyzaniak L. and Kabusiewicz M.* (*eds.*). Origin and Early... P. 411—418.

[20] *Aumassip Ginette.* In Hanakaten: Bilder einer Ausgrabung // *Kuper R.* (*ed.*). Sahara, 10.000 Jehre... P. 208—213; *Eadem.* La néolithisation au Sahara... *Eadem.* Le site de Ti-n-Hanakaten et la néolithisation sur les marges orientales du Sahara central // Cahiers ORSTOM. Ser. Geol. N 14 (2). P. 201—203.

[21] *Gautier Achilles.* Prehistoric fauna... P. 88.

1). Два высших уровня содержат остатки жилищ в форме каменных фундаментов, сложенных полукругом и прилегающих к скале. В Ти-н-Торха «две пещеры» содержат три уровня: 9350±110 до 8400±90 гг. до н. э. (уровень 3), 8650±105 до 8450±60 гг. до н. э. (уровень 2) и 8520±60 до 6230±50 гг. до н. э. (уровень 1). Часто встречающиеся остатки стрижки животных свидетельствуют о наличии специальных мастерских [22].

Фауна в этих трех участках была представлена неравномерно следующими животными [23]: моллюски, рыбы (2 вида), рептилии, девятнадцать видов птиц и двадцать два вида млекопитающих. Некоторые виды явно преобладают (табл. 2); это дикий баран (Ammotragus lervia), большая газель (Gazella dama), заяц (Lepus capensis) и газель (dorcac). В Ти-н-Торха «две пещеры» не имеют домашнего быка, но он есть в двух других местностях, где он встречается с частотой, колеблющейся от 0,2% и 0,7% в восточной части Ти-н-Торха (уровень 1 и 2) до 90,4 — на высших уровнях северной части Ти-н-Торха, где он является практически единственным представленным животным. Это различие объясняется хронологическим сдвигом: уровни 1 и 2 Ти-н-Торха (восточной части) сформировались между 8460±60 гг. до н. э. и 7990 гг. до н. э. в период раннего голоцена, вероятно, во время самых первых шагов скотоводческих хозяйств в Центральной Сахаре. Дикая фауна была относительно разнообразна и поставляла основные мясные продукты питания.

Уровни 1 и 2 северной части Ти-н-Торха располагаются между 5970±50 и 5260±130 гг. до н. э. в течение среднего голоцена, когда стали ухудшаться климатические условия. С учетом этого представляется вероятным, что первобытные племена перешли к полностью скотоводческим хозяйствам для удовлетворения своих жизненно важных потребностей; следовательно, неудивительно, что в тот же момент домашний бык появился в Уан Мухуггиак в период 5952±120 гг. до н. э. (уровень 3).

---

[22] *Ibid.* P. 89.

[23] *Cassoli P. F. et Durante S.* La fauna del Ti-n-Torha (Acacus, Libia) // Origini. 1974. N 8. P. 159—161; *Gautier Achilles.* Prehistoric fauna... *Van Neer W.* Prehistoric fauna from Ti-n-Torha (Tadrart, Acacus, Libya): Fish remains: Analysis and considerations // Origini. 1982. N 11. P. 114—125.

Таблица 2. **Центральная Сахара. Ти-н-Торха: относительные пропорции преобладающих пород животных** (млекопитающие) (Готье, 1982)

Место раскопок	Заяц		Малая газель		Дикий баран		Большая газель				Итог
	Нб	%	Нб	%	Нб	%	Нб	%	Нб	%	
Северная часть Ти-н-Торха											
Уровень 1 и 2	—	—	—	—	—	—	—	—	19	90,4	21
Восточная часть Ти-н-Торха											
Уровень 1	6	6,6	3	2,2							
Уровень 2	92	20,3	10	2,2	239	52,8	36	7,9	1	0,2	452
Уровень 3	1	0,8	4	3,2	91	74,5	9	7,3	—	—	122
Уровень 4	1	1,9	1	1,9	39	76,4	4	7,8	—	—	51
Ти-н-Торха «две пещеры»											
Поверхность	—	—	1	20,0	3	60,0	—	—	—	—	5
Уровень 1	3	10,3	2	6,9	15	51,7	—	—	—	—	79
Уровень 2	2	5,1	—	—	14	35,8	1	2,5	—	—	39
Уровень 3	—	—	—	—	4	8,0	—	—	—	—	50

Изучение останков рыб[24] и птиц[25], в особенности перелетных, показывает, что впадина Ти-н-Торха предпочтительно обиталась в сухой сезон (с конца осени до начала весны) и могла тогда служить естественным загоном для скота. По мнению Готье[26], площадь впадины и непосредственно прилегающих к ней территорий не превышает 8 га; вследствие этого данное место не могло прокормить большое количество голов скота (в среднем 10 и не более 25). Несмотря на отсутствие останков домашних животных в Ти-н-Ханакатен, наличие наскальных изображений и слой навоза в 0,80 м являются признаками присутствия первобытных пастухов в этой местности[27].

Если рассматривать эти прискальные жилища как места обитания в сухой сезон, то необходимо дополнить схему эксплуатации окружающей среды, выяснив возможную зону обитания в период дождей. В сезон дождей одно присутствие воды позволяет траве быстро расти, а многочисленным озерам и болотам — наполняться водой. Таким образом, можно предположить, что в сезон дождей наблюдалось очень большое рассредоточение обитаемых районов. Изучены тысячи очагов в сахарских равнинах[28]. Это, как правило, груды обожженных камней, сгруппированных или рассредоточенных на огромных пространствах; не возникает никакого сомнения, что речь идет о следах кочевых групп. В. Габриэль[29] выделил в обитании их три периода: начальный — с 8500 до 5800 гг. до н. э., основной — с 5800 до 5300 гг. до н. э. и конечный — с 5300 до 3800 гг. до н. э.

---

[24] *Van Neer W.* Prehistoric...

[25] *Gautier Achilles.* Prehistoric fauna...

[26] *Ibid.* P. 108.

[27] *Aumassip Ginette.* Le site de Ti-n-Hanahaten... P. 202.

[28] *Gabriel Baldur.* Steinpläze: Feuerstellen neolithischer Nomaden der Sahara // Libyca. 1973. N 21. P. 151—168; *Idem.* Neolithische Steinplätze une Paläökologie in den Ebenen der östlichen Zentralsahara // Palaeoecology of Africa. 1976. N 9. P. 25—40; *Idem.* Zum ökologischen Wandel im Neolithikum des östlichen Zentralsahara // Berliner Geographische Abhanalungen. 1977. N 27. P. 111; *Idem.* Die Feuerstellen der neolithischen Rinderhirten // *Kuper R.* (*ed.*). Sahara, 10.000 Jahre... P. 214—219; *Idem.* Gabrong Achttaasendjährige Keramik in Tibesti-Gebirge // *Kuper R.* (ed.). Sahara, 10.000 Jahre... P. 189—196; *Idem.* Great plains and mountain areas as habitats for the Neolithic man in the Sahara// *Krzyzaniak L. et Kobusiewicz M.* (*eds.*). Origin and Early.... P. 391—398.

[29] *Ibid.* P. 394.

Параллелизм между этим датированием и обнаруженным в Центральной Сахаре очень показателен, и нам кажется, что можно рассматривать гипотезу о взаимодополняемости между равнинными очагами и прискальными жилищами нагорий Центральной Сахары.

Бассейн Таудени расположен между 30° и 22° сев. шир. и 0°30' и 5°30' зап. дол. Это огромная песчаная равнина, оканчивающаяся на севере и северо-востоке отвесными скалами из песчаника. На этой обширной территории археологические исследования велись по трем различным направлениям: район песчаных массивов Ин Сакан, массив Жмея и массив Хаси эль Абиод [30]. Было обнаружено около сотни обитаемых некогда участков, крайне различных по размерам и структуре, также составлены их карты. Их площадь варьируется от нескольких квадратных метров до гектара. Лишь на материалах участка МН 36 в районе Хаси эль Абиод была написана подробная работа [31], другие материалы готовятся к публикации. Этот участок занимает примерно 1600 кв. м. Обнаружено много останков рыб, черепах, змей, крокодилов и гиппопотамов, так же как и больших антилоп, жирафов, носорогов, бородавочников и львов; территория была обитаема в эпоху раннего голоцена (8450±±60 до 6970±130 гг. до н. э.).

Возможно, бассейн Таудени был достаточно густо населен в эпоху раннего палеолита, спорадически — в ашельскую эпоху и снова густо — в эпоху эпипалеолита и неолита в связи с улучшением климатических условий в начале голоцена. Интенсивное использование водных ресурсов повлекло за собой концентрацию обитаемых районов вокруг междюнных озер, некоторые из них соединялись с реками Нигер и Сенегал. Охота на крупных млекопитающих, рыбная ловля, а также собирательство моллюсков и диких злаковых растений составляли основную часть добываемых ресурсов.

Гончарные изделия, как и в Центральной Сахаре, появились в эпоху позднего палеолита. Фауна насчитывала около 20 пород. Bos taurus представлен пятью ос-

---

[30] *Petit-Maire N.* e. a. The Sahara in Northern Mali....; *Petit-Maire N. et Riser J.* Holocene lake... *Idem* (eds.). Sahara ou Sahel? Quaternaire récent du bassin de Taoudenni (Mali). Marseille. 1983.

[31] *Decobert M. et Petit-Maire N.* An early Neolithic midden and necropolis in the Malian Sahara // Nyame Akuma. 1985. N 26. P. 26—32.

танками, принадлежащими одной особи, найденной в районе АР 7 и относящейся к 6970±130 гг. до н. э.[32]

Как указывают Герен и Фор, «эти пять зубов отличаются от остального собранного материала очень белым налетом на них и характером поверхности, не исключено, что они относятся к более позднему времени»[33]. Подобные соображения настораживают и заставляют ожидать более значимых результатов. Иначе говоря, по современному состоянию исследований, в бассейне Таудени не было скотоводческих племен эпохи неолита. При отсутствии свидетельств, доказывающих существование земледелия, мы вправе заинтересоваться критериями неолита в этом районе (этот термин можно встретить в литературе о керамике и инвентаре для дробления).

Бассейн Таудени, будучи обитаемым между 7500 и 6500 гг. до н. э., очевидно, был покинут между 6500 и 4500 гг. до н. э. и снова занят между 4500 и 3000 гг. до н. э. Население жило в основном за счет эксплуатации диких ресурсов и предпочтительно занимало районы поблизости от голоценовых озер. Несмотря на относительно разнообразную информацию, которой мы располагаем[34], по-прежнему трудно уловить тонкости эксплуатации экосистемы; использованный временной масштаб очень широк. Кроме того, возникает вопрос, действительно ли в этом бассейне жили первобытные племена эпохи неолита, если под неолитом понимать наличие производящего хозяйства.

Западная Сахара, о которой здесь идет речь, — это прибрежная полоса 2000 км длиной (между 17° и 28°30' сев. шир.) и 50 км шириной[35]. Археологические исследования, которые велись на этой территории между Вади

---

[32] *Petit-Maire N. et Riser J.* (eds.). Sahara ou Sahel?.. P. 19.

[33] *Guerin C. et Faure M.* Mammifères // *Petit-Maire N. et Riser J.* (eds.). Sahara ou Sahel?.. P. 245.

[34] *Petit-Maire N. et Riser J.* Holocene lake...; *Idem.* (eds.). Sahara ou Sahel?..; *Petit-Maire N.* e. a. The Sahara in Northen Mali... P. 105—125; *Bouchud J.* Les mammifères de la Mauritanie occidentale // *Roubet C., Hugot H.-J. et Souville G.* (*éds.*). Préhistore africaine: Mélanges offerts au doyen L. Balout. Paris: Editions ADPF. 1981. P. 239—250; *Decobert M. et Petit-Maire N.* Ar early Neolitic...

[35] *Petit-Maire Nicole* (*ed.*). Le Sahara atlantique...; *Idem.* Prehistoric palaeoecology...; *Idem.* Holocene biogeografical variations along the Northwestern African coast (28°—19°N): Paleoclimatic implications // Palaeoecology of Africa. 1980. N 12 P. 365—377; *Idem.* Aspects of human activity in the coastal Occidental Sahara in the last 10.000 years // *Allan J. A.* (*ed.*). Sahara: Ecological Change

Дра на севере и мысом Тимирис на юге, выявили существование 21 археологического участка. Из них участки Шами и Тинтан представляются наиболее важными и стали предметом углубленного изучения: первый — континентальный, второй — прибрежный.

В освоение этого региона входят два важнейших события: одно из них состоялось между 6000 и 4500 гг. до н. э.. Этот период характеризуется наличием скоплений раковин и почти полным отсутствием свидетельств материальной культуры. Другой период представлен гораздо лучше (он продолжался 4000—2000 гг. до н. э.), следы деятельности в это время гораздо более ярко выражены.

Население использовало одновременно морские и земные ресурсы; положение с пресной водой было критическим. Участки Тинтан и Шами являются свидетелями этих двух полюсов системы эксплуатации экосистемы, которая возникла, скорее всего, на сезонной основе.

Фауна участка Тинтан состоит исключительно из морских раковин пяти видов: Arca senilis, Comes papilionaceus, Murex hoplites, Cymbium neptuni, Semifusus morio [36]. Таким образом, становится понятным место этого участка в системе эксплуатации ресурсов: «В Нуахотьене участок Тинтан не был благоприятным для рыбной ловли. Поэтому нам кажется логичным считать обитаемость этого участка в этот период эпизодической» [37].

В Шами найдено много останков крупных млекопитающих, как правило, поблизости от жилищ. Отсутствие количественных данных несколько ограничивает анализ; однако согласно Пети-Мэру [38], Phacochoerus acthiopicus, Oryx algazel и Bos ibericus — наиболее распространенные породы, вслед за ними — Alce laphus, Gazella, Equus, Loxodonta africana, Ceratotherium simum. Lepus capensis, Bos и Ovis. При таком положении вещей домашние животные представлены Bos и Ovis. Таксономическая путаница по вопросу о быке в Африке [39] иногда создает трудности при использовании данных. В связи с этим очень хотелось бы определить статус Bos ibericus. Мы принимаем точку зрения Герена и Фора [40], которые

and Early Economic History. London: Menas Press. 1981. P. 81—91.

[36] *Flouard Pierre.* Mollusques testacés // *Petit-Maire N.* (*ed.*). Le Sahara atlantique... P. 228—229.

[37] *Ibid.* P. 232.

[38] *Petit-Maire Nicole* (*ed.*). Le Sahara atlantique... P. 234.

[39] *Muzzolini Alfred.* L'art rupestre...

[40] *Guerin C. et Faure M.* Mammifères.... P. 247.

отказываются пока от участия в обсуждении происхождения домашних быков и довольствуются тем, что относят ibericus к породе taurus. Следовательно, Bos taurus, домашний бык, был одной из преобладающих в Шами пород. Наличие источников воды, разнообразно представленных млекопитающих, очень большой плотности населения — все это делает Шами зоной, по всей вероятности, обитаемой во время сухого сезона.

Сходство материальной культуры Тинтана и Шами [41], сотня километров, которая их разделяет, различия в экологических условиях и одновременность заселения этих районов позволяют предположить, что они были сезонными полюсами в системе эксплуатации природных ресурсов первобытными пастухами эпохи неолита. В сезон дождей пресная вода не была редкостью благодаря наличию многочисленных болот и наполнению впадин. В сухой сезон источники пресной воды привлекали людей и диких зверей; присутствие домашнего быка и барана проявилось при усилении засухи; таким образом, здесь мы видим постепенное появление стратегии субституции.

Район Дхар Тишитт находится в Юго-Восточной Мавритании, между 18°20′ и 18°27′ сев. шир. и 9°05′ и 9°30′ зап. долготы, 44 км в длину и 14 км в ширину, что составляет 616 кв. км. В основном это песчаные скалы высотой примерно 60 м, а также песчаная равнина и междюнные низины. Во времена голоцена в этих низинах находились более или менее постоянные озера и болота. Регион был заселен в ходе позднего голоцена — в 4000—2000 гг. до н. э. — племенами земледельцев и скотоводов [42], которые также занимались охотой, рыбной ловлей и собирательством диких злаков. Климат эпохи неолита характеризовался наличием двух очень разных сезонов: длинным сухим периодом (от шести до семи месяцев) и коротким сезоном дождей, часто грозовых [43].

Описано и изучено 46 участков. Обнаруженная фауна состоит из 20 видов млекопитающих, 6 пород явно преобладают (табл. 3). Домашние животные (быки, овцы, козы) составляли соответственно 22%, 10,5 и 43,4%. Эти различия позволяют сделать интересные наблюдения.

[41] *Pelit-Maire Nicole (ed.)*. Le Sahara atlantique... P. 233.
[42] *Holl Augustin*. Essai sur l'économie...; *Idem*. Subsistence patterns...; *Idem*. Economie et...; *Munson Patric J*. Tichitt Tradition...
[43] *Holl Augustin*. Subsistence patterns... P. 154.

Участок 38 — это деревня, занимающая площадь в 12 га, была обитаемой постоянно, но в особенности — в сезон дождей, с конца сухого сезона, когда надо вспахивать поля, и до начала следующего сухого сезона, когда надо убирать урожай. Мясное питание состояло одновременно из продуктов охоты и домашних животных. Из них менее 10% быков составляли молодые особи. Работа по определению полов не была проведена в связи с отсутствием соответствующих анатомических останков. Таким образом, можно констатировать, что старые животные предпочтительнее употреблялись в пищу, а молодые сохранялись; скорее всего, это связано с улучшением использования второстепенных ресурсов, в данном случае — молока, как на то указывают часто встречающиеся наскальные изображения коровы с выменем [44].

Таблица 3. **Фауна Дхар Тишитт: частотность преобладающих пород**

Участок	Нб	%	Малая газель		Большая газель		Нб	%	Нб	%	Нб	%	Итог
			Нб	%	Нб	%							
№ 38	9	4,2	81	37,9	3	1,4	11	5,1	35	16,4	12	5,6	214
№ 46	4	5,9	12	17,9	2	3,0	5	7,5	5	7,5	2	3,0	67
Другие	3	2,8	6	5,7	5	4,7	6	5,7	32	30,2	14	13,2	106

Участок 46 — это стойбище сухого сезона, расположенное поблизости от старого междюнного озера. Доля домашних животных в питании была значительно меньше и составляла лишь 10,5% от общего числа. Охота и рыбная ловля являлись тогда основным источником белковой пищи; мясо домашних животных употреблялось в пищу только в случае крайней необходимости. Это относительно слабое потребление в пищу мяса домашних животных сопровождалось интенсивным собирательством диких злаков [45], тогда как просо предпочтительнее употреблялось в пищу в постоянно обитаемых деревнях.

Графа в таблице 3 «другие участки» дает представление о соотношении пород животных, мясо которых употреблялось в пищу в Дхар Тишитт в эпоху неолита.

[44] *Idem.* Essai sur l'économie...; *Idem.* Economie et...
[45] *Idem.* Subsistence patterns... P. 157.

В целом жизнь в Дхар Тишитт в эпоху неолита характеризовалась наличием двух сезонных полюсов. Один представлял собой стойбища сухого сезона, расположенные вблизи от междюнных озер (участки без каких-либо построек), другой состоял из постоянных деревень с жилищем, построенным из сухого камня. Все это можно назвать смешанным хозяйством, в котором выращивалось просо, разводились крупный рогатый скот, овцы и козы, к этому добавлялось занятие охотой и рыбной ловлей. Однако существует мнение, что молоко и во вторую очередь мясо являлись целью разведения крупного рогатого скота.

Различные рассмотренные нами случаи представляют некоторое количество совпадений, но также и различий, которые необходимо понять и объяснить. Однако теперь можно опираться на существование различных форм скотоводства в Сахаре в эпоху неолита.

Если рассматривать скотоводство как комплекс компромиссов между природой и экосистемой, породами разводимых животных и желаемыми продуктами и субпродуктами, то нужно говорить о стратегии внедрения жилищ и припасов продовольствия, из чего вытекает несколько характеристик [46].

Скотоводство — это способ жизни в районах с крайне нерегулярным и непредсказуемым выпадением осадков. Вследствие этого система перемещения пастушеских племен позволяет противостоять этим изменениям; их природа зависит от пород, физиологические нужды которых и способность переносить лишения ограничивают возможности. В этом смысле появление домашнего быка в Западной, Центральной и Восточной Сахаре произошло в период ухудшения климата. Стада, как правило, невелики, а обитаемые участки чаще всего находятся в малопересеченной местности. Это скотоводство гораздо больше ориентировано на производство молока, чем мяса. Пристанища, обитаемые в сухой сезон, достаточно хорошо известны, но создается впечатление, что племена пастухов пробегали огромные сахарские равнины и оставляли тысячи очагов. Тинтан и Шами, а также Дхар Тишитт являются разновидностями одной и той же структуры.

---

[46] *Cribb Roger.* Greener pastures...; *Banks Kimball M.* Climates...; *Khazanov A. M.* Nomads and...

Хронологически за разведением только небольших стад крупного рогатого скота в эпоху раннего голоцена следовало разведение крупного рогатого скота, овец и коз, а также выращивание ячменя и пшеницы в Восточной Сахаре, а еще позже — проса в Дхар Тишитт. Возможно, в Центральной Сахаре бык был постепенно вытеснен более мелким скотом, что позволило развиваться разным формам перегона овец в горы и заселению горных массивов (до этого стоянки кочевников размещались по окраинам горных массивов): козы и овцы легче, чем крупный рогатый скот, перемещаются по пересеченной местности. Этот переход происходил в период ухудшения климатических условий. Приручение более выносливых животных позволило пастухам сохранить их образ жизни и открыть для себя новые территории. Но, как это ни парадоксально, бык становился именно в этот период главным сюжетом наскальной живописи в Центральной Сахаре и в окраинных районах[47], а также в Дхар Тишитт. Можно сказать, что бык получил тогда идеологическую и сентиментальную ценность, что не имело отношения к его «экономической» ценности. Вероятно, это связано с второстепенными продуктами, которые может давать корова. В конце голоцена появились полукочевые хозяйства с очень незначительными перемещениями. Они пришли на смену чистому скотоводству без земледелия и при наличии собирательства диких растений. В Центральной Сахаре долгое время сохранялся кочевой образ жизни, развившийся с появлением дромадера II или III тыс. назад.

Отметим, что не все поставленные нами цели достигнуты; например, мы ничего не знаем об управлении стадами. Сведения о возрасте убитых животных в древней Африке еще не стали широко известны, этих данных нет ни в наших исследованиях, ни у других авторов. Дело не только в том, что это очень долгая работа, но также и в том, что останки скелетов животных не дают возможности это определить с большой степенью точности.

В более общем плане можно сказать, что скотоводческое хозяйство было принято племенами охотников-собирателей в условиях ухудшения климата независимо от влияния других форм производящих хозяйств. Этот процесс происходил в условиях интенсификации

[47] *Muzzolini Alfred.* L'art rupestre...

использования диких ресурсов на ограниченных территориях [48].

В некотором роде, эта первая стадия скотоводства продолжила существование позднепалеолитических охотников-собирателей. Большинство этих племен уже было знакомо с керамикой и дробильным инвентарем. Различные стадии скотоводства в ходе среднего и позднего голоцена сочетались с занятиями земледелием в отдельных наиболее благополучных районах, в результате чего появились смешанные скотоводческо-земледельческие хозяйства.

Таким образом, становится ясным, что разделение крупного рогатого скота в Сахаре значительно опередило занятие земледелием. Предстоит понять и объяснить, почему эта форма хозяйства столь долго господствовала в Сахаре при полном отсутствии земледельческого производства, что противоречит мнению А. М. Хазанова [49].

---

[48] *Barich Barbara E.* The Epipaleolithic ceramic...; *Barich B. E.* e. a. Ecological and Cultural...; *Wendorf F.* e. a. Cattle Keepers...; *Banks Kimball M.* Climates...

[49] *Khazanov A. M.* Nomads and... P. 3.

САКИ В ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯН ДО ПЕРИОДА ХАНЬ. КРИТЕРИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ

К. Дебэн-Франкфор *(Париж)*

Одним из вопросов народонаселения в рамках проблематики оседлых кочевников является история саков, народности, о которой мы располагаем лишь одним из наименее известных доказательств на территории Дальнего Востока: это Синьцзян (Китай). С помощью литературных источников и особенно археологических находок попытаемся установить степень возможного развития народности, жившей в прошлом, «память» о которой они и составляют, и проанализировать, в какой степени эти находки могут подтвердить такую концепцию, как деятельность некоей человеческой группы, предположительно известной.

Советские археологи проводили длительные исследования по вопросу о существовании саков, мы же ограничимся анализом китайских первоисточников. Ибо если принято сравнивать эти источники при анализе человеческих групп, то только китайские тексты, относящие саков непосредственно и прямо к району Синьцзян, подходят для нашего изучения.

Природа данной информации скорее политического характера, нежели культурного:

определение различных государств, относящихся к различным народностям в данную эпоху в данном регионе;

установление взаимоотношений различных государств во времени и пространстве.

К первой группе признаков, дающих информацию, относятся историческая литература и образное представление. Последнее такого рода — фриз восточной стелы парадного дворца в Персеполисе, показывающий нам

саков в остроконечных колпаках в момент вручения ими дани, — безусловно, говорит нам о «восточных элементах» этой народности и в то же время о том, что им (этим элементам) подобных нет в Китае.

Что касается литературы, то она, рассматривая смешанные исторические периоды, трактует саков в их единстве (восточные скифы, саки центральной Азии, саки Синьцзяна и т. д.), имея в своем арсенале хорошо известные источники: греческие (Геродот, Страбон, Ктесий, Квинт-Курций), персидские (записи, представляющие список подданных Дария первого) и китайские (Ханьшу, Шицзи и др.). Из литературы также известно, что, например, юэчжи (yueshi), выходцы из Ганьсу (Gansu), перемещаясь к западу в направлении долины Или (конец III или начало II в. до н. э.) вынуждали население саков бежать к Памиру и таким образом порвать связи с Северным Синьцзяном. С помощью информации такого типа мы можем определить места поселений саков между Или и Тянь-Шанем приблизительно в III в. до н. э., а затем в районе Памиро-Алая.

Китайские источники говорят в равной степени как о смешении, так и о разобщенности народностей и чаще поставляют археологам аргументы, точно указывающие или ясно выражающие то, что они рассматривают в свете археологических открытий как варианты местных культур (у усуней были характерные черты саков и юэчжи; существовали различные ветви саков, которые размежевались и составляли государства и т. д.). Некитайские источники дают нам представление о типе правления у саков, об их экономике, образе жизни (скотоводство, кочевничество), о ритуалах и обычаях (захоронения, стиль одежды и т. д.).

Вторая группа признаков — археологическая. Открытия пяти серий, в большинстве своем недавних, связаны с саками из Синьцзяна.

Первая серия находится в районе Или и включает пять ансамблей, в том числе в таких районах, как Синьцзян, Чжаосу и Нилеке[1].

---

[1] *Bayidawulieti et Guo Wenqing.* Yili Hasake Zizhizhou Xinyuan xian chutu yipi gingtong wushi yongdeng zhenbao wenwu // Xinjiang Duxue Xuebao, 1983. N 4. P. 86; *Zhang Yuzhong.* Xinjiang Yili diqu faxian de daxing tongqi. Wendo, 1985. N 6. P. 79—80; *Wang Mingzhe.* Nileke xian gu tongkuang yizhi de diaocha // Zhongguo Kaoguxue nianjian. Pekin, 1984. P. 176—177.

Следующие открытия такого рода относятся к алтайскому региону. Группа бронзовых и медных предметов работы саков была найдена в 1983 г. при раскопках могильного кургана в 20 км на северо-восток от основного местонахождения Хиньянг на южном берегу реки Гуннайсы. Наиболее примечательна одна статуэтка из меди, именуемая коленопреклоненным воином, аналог которой не известен. Полая, высотой в 42 см, она представляет собой человека в остроконечном загнутом колпаке, в руках он, видимо, держал какие-то предметы, ныне утраченные. Хотя дискуссия и выходит за рамки этого сообщения, которым мы охотно ограничимся при изложении археологических фактов, взятых как критерии идентификации в уточненном данном контексте, мы отметим, что принадлежность к сакам, подтвержденная головным убором статуэтки, еще является вопросом. На самом деле в нем можно признать и греческий шлем [2].

Котел на трех подставках в форме животных, покрытый сажей, колокольчик, блюдо на основании, украшенное барельефом, изображающим медведей, и два крупных медных кольца, декорированные также фигурами животных, расположенных друг против друга, — все эти предметы подходили к найденной статуэтке и были датированы IV—III вв. до н. э. Несколько лет назад в том же районе были найдены в земле одного из курганов блюдо на подставке и трехногий котел, но они были вскоре утеряны. Другой котел и прямоугольное блюдо на четырех ножках в виде зверей, датируемые V—III вв. до н. э., неожиданно были обнаружены в Чжаосу, причем множество подобных блюд были извлечены из земли в 1981 г. Как это часто бывает при таком типе бронзы, они носят следы переделок изнутри.

Наконец, на горных выработках в пределах такого района, как Нилеке, т. е. на территории, которую первоисточники относят к народности саков, в 1982—1983 гг. были произведены раскопки. Обнаружено более десятка угольных шахт и плавилен, датируемых приблизительно 555—450 гг. до н. э. Один из таких колодцев 20 м глубиной поддерживался опорами. Поблизости были собраны каменные молотки, а также большое количество минералов. Многочисленные куски лавы и слитки с большим содержанием (60%) высококачественной меди

[2] *Francfort H.-P.* Cambridge Ancient History (sous press). 1987.

были извлечены на свет на участке плавильни вблизи того места.

Вторая серия открытий связана с районом Памира и включает в себя единственный ансамбль — Сиянгбабай в районе Ташкургана (Синьцзян, 1981). Речь идет о некрополе из 40 могил, объединенных под одним курганом и расположенных в виде подъема; погребальные ниши овальной и круглой формы датируются V—IV вв. до Рождества Христова, 21 могила — индивидуальные захоронения, где чаще всего мумии лежат в стрелообразной позиции на циновках из коры в деревянных саркофагах.

Результаты остеологических анализов (европеоидный тип) и изучение предметов ритуальных погребений привели археологов к выводу, что захоронения принадлежат сакам.

Материал этот действительно схож с тем, что был найден в захоронениях саков на восточном Памире, и включает грубой работы керамические изделия (котелки, глиняные кувшины, бутылки), деревянные блюда, кочерги, кусочки войлока, изделия из железа (небольшие ножи, трубки, кольца), жемчужины полые или дискообразные, пластинку из золота грушевидной формы, украшенную чеканкой, предметы из бронзы (трехгранные наконечники для стрел, четыре декоративных пластинки с ажурной чеканкой, четыре орнамента в форме бараньей головы, а также трубки, браслеты, кольца и украшения круглой формы). К этим же находкам относятся кости лошади и барана.

Третья серия находок охватывает регион Баликун и Китай на северных склонах Тянь-Шаня и состоит из четырех ансамблей: Ланьчжоуваньцзы, Наньван, Гайсу, Шиженьцы, которые подтверждают существование поселений, относящихся к I тыс. до н. э. [3]

Раскопки проводились начиная с 1983 г. Был обнаружен большой земляной холм диаметром 30 м и высотой около 3 м, покрывающий каменное сооружение в 200 м: две части стены высотой в 2 м, толщиной 2—3 м, разделенные воротами. Извлечены из холма одновременно с

[3] *Wu Zhen.* Xinjiang dongbu de jichu xinshigi shidai yizhi. Kaoqu, 1964. N 7. P. 331—341; *Wang Binghua, Idriss et Xing Kaiding.* Balikun xian Lanzhouwanzi san jian qian nian shigou jianzhu yizhi: Zhongguo kaoguxué nianjian. Pekin, 1985. P. 255—256; *Wang Binghua.* Xinjiang diqu gingtong shidai kaogu wenhua shixi // Xinjiang Shehui Kexue. 1985. N 4. P. 50—61.

предметами, свидетельствующими о практическом земледелии (пшеничные зерна, мельничные жернова), кости барана, лошади и оленя, раскрашенные керамические изделия и бронзовые, выполненные в манере саков (котел на цилиндрическом основании и нож с кольцеобразной рукояткой). В Ширензи были обнаружены конские удила.

Четвертая серия находок относится к месту, расположенному на северо-востоке от Лобнора, и включает два ансамбля, стоящих недалеко от берегов р. Конг-Хи [4]. Имеются в виду два некрополя, представляющие собой схожий материал для изучения. Открытие одного из них принадлежит южно-китайским исследователям и относится к 1959 г., а раскопки второго — Гумугоу — произведены археологами Синьцзяня начиная с 1979 г.

Захоронения Гумугоу представляют два типа: простые курганы с небольшими углублениями или сооружения на радиально расположенных сваях с глубокими колодцами. Останки (европеоидного типа) мумифицировались ввиду сухости климата, сохранилось большое количество органических материалов, в частности шерстяная одежда, войлок и кожа. Остроконечные войлочные колпаки на головах мумий и небольшие кожаные мешочки на груди указывают на их принадлежность к захоронениям саков. В остальном погребальные находки состоят из блюд и деревянных ложек, женских статуэток (деревянных и из камня), пшеничных зерен, помещенных в небольшие плетеные корзины, останков лошади, барана, быка и оленя. Дата возникновения этого некрополя является предметом ученых споров, некоторые авторы относят его к первой и даже второй половине II тыс. до н. э., другие — приблизительно к нашей эре.

Пятая серия открытий находится в Алагоу близ Урумчи (Синьцзян, 1981 [5]). Это четыре могильных кургана круглой формы, диаметром 5,5 м, тщательно огорожен-

---

[4] *Bergman F.* Archaeological Researches in Sinkiang. Stockholm, 1939; *Wang Binghua.* Kongque he Gumugou fajue ji qi chubu yanjiu // Xinjiang Shehui Kexue, 1983. N 1. P. 117—128, 130; *Idem* Gumugou ren shehui wenhua shenghuo zhong jige wenti // Xinjiang Daxue Xuebao, 1983. N 2. P. 86—90.

[5] *Zhang Yuzhong.* Tianshan Alagou kaogu kaocha yu yanjiu // Xinjiang Shehui Kexue Yanjiu. 1986. N 11. P. 12—22; *Idem* Tianshan Alagou kaogu kaocha yu yanjiu. Xibei shidi, 1987. N 3. P. 106—116.

ные прямоугольником. Здесь раскопки проводились в 1976—1977 гг.

Убранство одного из наиболее просторных некрополей датируется IV—III вв. до н. э. Могильные ниши заполнены песком, галькой и крупными камнями, в деревянных прямоугольных саркофагах — двойные захоронения. Погребальная утварь состоит из очень небольшого количества нераскрашенных керамических изделий, блюд овальной формы на деревянных подставках; железных палок для помешивания углей; изделий из золота с чеканкой, пластинок круглой формы с изображением тигра, лент с рисунками тигров, стоящих друг против друга; пластинок в виде льва, цветка или водного ореха; пластинок с ликами животных; остатков бус, небольшого кубка.

Были также извлечены некоторое количество серебряных пластинок в виде гербов, опять же украшенных изображениями животных, бронзовое блюдо, подставкой которому служат фигуры зверей, наконечники для стрел и железные ножи, лаковые дощечки и шелковая ткань. К этой же коллекции относятся и кости лошадей (а также остатки удил), баранов и быка.

Еще один участок захоронений, на котором пока не производились раскопки, был найден поблизости от вышеуказанного места и, похоже, относится к этому же периоду.

Приведенная опись подчеркивает неполный и разнородный характер документации, которой мы можем располагать, анализируя предположительно возможность существования народности. Это относится и к хронологии, и к приблизительной географии, и к типу материала. Для того, чтобы соотнести археологические находки с этой народностью, мы обратились к критериям идентификации. Внутри рассматриваемых географических рамок кочевничество широко распространилось на заре I тыс. до н. э., т. е. в период перехода от бронзового века к железному в связи с развертыванием скотоводства и использования верховой лошади. Таким образом, в связи с появлением подобщности степной исчезли три образованные подобщности: кочевников-пастухов, саков-скифов и так называемых «местных культур», что говорит о таких критериях, как географический фактор (например, окружающая среда ставит проблему заселения и использования естественных богатств) и фактор

человеческого характера (определяющий скотоводство как тип экономики, а образ жизни — как кочевничество).

Каждый из принятых источников представляет с точки зрения различных аспектов и различную позицию по отношению к одному уникальному контексту, на который можно сослаться по примеру Вероники Шильтц [6]: «реальные саки» (т. е. живая народность) отличаются от «саков археологических» и от «саков литературных», на которых еще иногда накладываются «саки вымышленные». «Литературные саки», говорит Шильтц, являются образом, которым объясняется дистанция между теми, кто считает себя цивилизованными, и теми, кто не такие, как они. Из этого факта вытекает частичный характер информации, в частности, в области культуры и материальной жизни и характер селективный — естественного отбора. Первоисточники упоминают только о наиболее значительных группах, и это не означает, что они были единственными. Их интерпретация дает ученым спорам иное направление касательно установления географических мест, народностей, дат.

«Археологические саки» определяются некоторым числом критериев (см. табл.), большей частью многочисленных, и заставляют обратиться к последовательному сочетанию важнейших концепций разного уровня и значения, переходя от одного местонахождения к другому.

Незапоминающиеся критерии часто бывают точнее и поставляют сведения разного рода, некоторые противопоставляют кочевничество и скотоводство и ничего не говорят на тему саков, но несут информацию более узкого характера.

1) Скотоводство (пасторализм) несет в себе следующие элементы:

флора: во всех случаях имеется в виду окружающая среда, приносящая возможный доход скотоводческой экономике, но природа ее варьирует (степь — в Или и районе Баликун, альпийские луга — на Памире, промежуточные недостаточно обозначенные зоны — возле Лобнора и Алагоу);

фауна: кости баранов, лошадей; продукты животноводства (войлок, шерсть, кожа).

---

[6] *Schiltz V.* Les Scythes et le monde des steppes // Le Grand Atlas Universalis de L'Archeologie. Paris, 1985. P. 210—225.

Археологические критерии идентификации саков

Место раскопок	Саки «археологические»	Скотоводство	Кочевничество	Критерии спорные
ИЛИ	Тип захоронения. Металлургия. Искусство рисования животных. Остроконечный колпак	Естественная среда	—	Рудники, керамические изделия
ПАМИР	Тип захоронения. Металлургия. Искусство анималистики. Наконечники для стрел. палки для костров	Естественная среда. Баран, лошадь, войлок	—	—
БАЛИКУН	Металлургия. Анималистика	Естественная среда. Баран, лошадь, удила	—	Жилище, зерно, жернова, раскрашенные керамические изделия
ЛОБНОР	Тип захоронения. Остроконечный колпак	Естественная среда. Войлок, кожа, шерсть	—	Зерно, статуэтки
АЛАГОУ	Тип захоронения. Металлургия. Анималистика Палки для огня	Естественная среда. Баран лошадь, удила	—	Шелк, лак, керамические изделия, наконечники для стрел, жилище

Критерии утверждают, что не исключено было и земледелие (Баликун, Лобнор).

2) Кочевничество определяют такие критерии: отсутствие поселений (кочевий, следов передвижных жилищ и оседлых стоянок), представляющих стратиграфию, доказывающую регулярное чередование фаз заселения и фаз опустения местообитаний (утверждают в таком случае, что ни один критерий не выражает изменчивости);

таким образом, эта концепция делает заключение об окружающей среде, о скотоводстве, наездничестве.

3) Саки характеризуются многочисленными и не абсолютными критериями: частая апелляция к знаниям внешних признаков, таких, как «скифская триада» (оружие, конская сбруя, искусство анималистики); атрибутика скифов непосредственно относится и к сакам.

Но составляющие элементы критериев не всегда присутствуют одновременно. Доказательством служит искусство рисования животных, которое встречается повсюду, исключая Лобнор. Останки лошадей или конскую сбрую находят только в районе Памира, Баликуна и Алагоу, а оружие (трехгранные наконечники для стрел) — на Памире и Алагоу.

Отсутствие фактов (критериев) объясняется в некоторых случаях (Или) природой самих находок, изолированных от других предметов, составляющих единое целое, но если строго исследовать суть «триады», то находки в области Памира заслуживают внимания. Подстановка же различных предметов тем не менее поднимает следующий вопрос: можно ли соотнести с саками из Синьцзяня все, что известно о восточных скифах.

Если анализировать тип захоронений, то необходимо обратиться к таким находкам, как блюдо на подставках в виде животных и бронзовые котлы, рассматриваемые в качестве типичных предметов культуры саков. Мы не будем входить здесь в обширный круг сравнений между образчиками культуры Китая и Центральной Азии. Общая характеристика некоторых критериев имеет тенденцию возродить проблему культурной типологии. В данном случае представляется трудным выделить одну из специфических черт какой-то группы или специальной этнической группы, и некоторые критерии идентификации могли бы распространяться на многие из них. Культурные классификации проявляются часто как эволюционные классификации. Таким образом выделяются некоторые ученые контрверсии, подтверждающие этническую прерогативу открытий: находки из Алагоу иногда приписывают сюню и юэши, открытия Памира и Или — усуням. Чаще всего отделение одной этнической группы от другой является мнением субъективным, цель его — служить специфическим доказательством, стратегией исследователя.

Культурная идентификация всегда содержит в себе

«обращение к первоисточникам» и то, что А. Галлей называет «искусственным»[7]. Во всех этих случаях данный вид проблематики неизбежно выделяет ряд определенных признаков, даже если первоисточники и археологические находки не служат доказательством идентификации, даже если оба вида источников неоднородны сами по себе, это рассматривают как случай.

Название «саки» (мы не боимся отклонения от темы) должно рассматриваться как метоназвание или как «гипотеза эвристического типа не ярко выраженная», а не как прямое отражение изначально жившей народности, степень единства, однородности которой не известна. Кроме того, если первоисточники и археологические находки поставляют хронологические сведения, которые могут быть дополнены, проблемы миграции оказываются в тесной связи с Синьцзянем; невозможно всегда с точностью установить, относятся ли они к фазам, современным той системе, или речь идет о системе, современной различным этническим группам.

Критерии спорные представляют иной тип информации: керамические изделия рассматриваются как критерии местного значения (например, Памир), которые при анализе других культур, в частности оседлых, являются, напротив, исконными критериями идентификации; другие критерии несут информацию о сфере контактов между различными типами экономической деятельности и образами жизни; некоторые из них можно квалифицировать как «подобранные», т. е. иными словами, внутренними по отношению к рассматриваемому археологическому целому, иные являются «разрозненными» (т. е. внешними).

Подобранные критерии относят к двум случаям. Первый — открытие бронзы культуры саков в жилищах (Баликун) одновременно с находками, имеющими отношение к практическому земледелию (зерновые, мельничные жернова) — ставит: проблему выяснения природы поселений кочевников, существования или несуществования саков-земледельцев, степени контактов саков с оседлыми народностями, занимавшимися земледелием (даже вопросов соотнесения открытий в области земледелия к внутреннему убранству захоронения в Лобноре); проблему циркуляции продуктов земледелия в пространстве

[7] *Gallay A.* L'Archéologie Demain. Belfond. Paris. 1986. P. 150.

в качестве товарообмена (были ли найденные бронзовые предметы изготовлены мастерами-саками, странствующими или оседлыми, были ли эти мастера связаны с оседлыми земледельцами или с саками-кочевниками, были ли эти бронзовые изделия куплены, обменены, существовали ли у них бродячие торговцы).

Второй случай — обнаружение внутри археологических ансамблей, принадлежащих сакам, находок, имеющих отношение к иной человеческой культуре (шелк и лак в Алагоу, раскрашенные керамические предметы — в Ланьчжоуваньцзы, бронзовая статуэтка — в Лобноре) — ставит проблему контактов оседлых владений Китая и Греции с народностями кочевников и оседлыми племенами, а также проблемы источников этих контактов.

Один из примеров спорных критериев — поселение Алагоу. Так как раскопки здесь не велись, трудно сказать, есть или нет связи с захоронениями. Если она оказалась случайной, поставленная задача стала бы идентичной той, что ставилась прежде в отношении Баликун. Рудничные залежи Нилеке указывают на ту же проблему.

В заключение отметим, что предположительное существование народности подтверждается информацией о находках. Особенно достоверным кажется существование этой народности, когда речь идет о кочевниках (по крайней мере, в нашем случае), относящихся ко времени исчезновения жилищ, и тогда принимается во внимание совокупность находок, являющихся находками погребальных ритуалов.

Первоисточники несут информацию, характеризующую перечень исторических событий, тогда как археологические исследования позволяют точно определить род деятельности, которой отдавалось предпочтение. Факты, имеющиеся в распоряжении, говорят: об экономике (скотоводство), образе жизни (кочевничество) или об этнической принадлежности (саки), но эти факты часто разрозненны и освещены внешними фактами, имеющими отношение к более полному контексту.

Эти пробелы становятся еще более существенными, когда пытаются браться за социальные аспекты, религиозные или характеризующие культуру саков.

Мы констатируем, что в совокупности, чем критерии разнообразнее и обильнее, тем легче их идентифицировать, и чем они мельче, тем трудноразрешимее и содер-

жат больше спорных элементов. Таким образом, речь идет о неспособности выстроить *иерархическую* цепочку критериев, принятых нами во внимание, но также и для некоторых случаев нельзя допустить «сокращения цепи исследований», как это называет Галлей, «для увеличения шансов в освоении изучаемого поля» [8].

Обращение к небольшим тематическим исследованиям должно принести дополнительную информацию, в частности, в области металлургической технологии, и, вероятно, можно уточнить происхождение иных предметов, связывая их находки с развитыми металлургическими традициями той эпохи (китайскими или восточными) или с местными. Более того, систематические поиски местонахождения жилищ, временных или постоянных, в изучаемых зонах, изучение остеологических анализов при исследовании торговых связей и деятельности и обращение к этноархеологии могли бы успешно соединить в одно целое совокупность изучаемых археологией захоронений в регионах, взятых под наблюдение, где еще и поныне имеется склонность к кочевничеству и скотоводству.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОЧЕВНИКОВ И ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Ю. А. Заднепровский *(Ленинград)*

Сосуществование и тесное взаимодействие земледельческих и кочевых народов — характерная особенность, которая определяла специфику исторического развития Средней Азии на протяжении почти трех тысячелетий. Для разных периодов были свойственны и преобладали различные типы взаимодействия: военные столкновения, политическое господство, интеграция, разные формы симбиоза. При этом в реальной действительности проявлялись не один, а порой разные виды взаимодействия. Здесь следует учитывать и объективный фактор — закон

[8] *Gallay A.* P. 156.

неравномерности исторического развития. Немаловажно то, что более или менее постоянные связи и сосуществование племен, имевших разную экономическую базу и разный уровень социально-экономического и культурного развития, наблюдались уже в предшествующий эпохе бронзы период — в то время, когда на юге Средней Азии процветали древнеземледельческие культуры, на севере обитали более отсталые племена степной бронзы, для которых характерным было оседлое мотыжное земледелие и пастушеское скотоводство (комплексное хозяйство).

В начале I тыс. до н. э. (возможно, и несколько раньше) население среднеазиатских степей перешло к кочевому скотоводству. Возникновение и распространение его в степях Средней Азии и Евразии ознаменовали новый этап в этнической истории — на арене стали появляться племена и союзы племен, выступавшие в письменных источниках под общим наименованием саков и массагетов.

Памятники ранних кочевников сакского периода VIII—III вв. до н. э. представлены большими и малыми могильниками, отдельными курганами и случайными находками, а также петроглифами и пр. Специфические признаки их культуры наиболее ярко отражены в знаменитой триаде — своеобразном наборе оружия, конского снаряжения и в предметах звериного стиля. Характерные черты этой культуры сохранились также в типах котлов и жертвенников.

В Средней Азии памятники ранних кочевников выявлены в 20 районах. Их можно объединить в следующие 11 макрорайонов: 1. Тянь-Шань. 2. Семиречье. 3. Южный Казахстан и средняя Сырдарья. 4. Низовья Сырдарьи. 5. Низовья Амударьи. 6. Устюрт. 7. Сарыкамыш и Узбой. 8. Центральные Кызылкумы. 9. Долина Зеравшана. 10. Каракумы. 11. Памир.

Ранние кочевники, в том числе саки и массагеты, широко освоили основные степные и горные районы от Восточного Туркестана и до Приаралья включительно. Они составили неразрывную часть скифо-сако-сибирской культурной общности Евразии, начиная от Дуная и до Тувы. Можно говорить о повсеместном и даже о сплошном заселении этой территории. В макрорайоне, например, Тянь-Шаня в то время были заселены долины Та-

ласа, Чу, Кетмень-Тюбе, Иссыккульской котловины, Центрального Тянь-Шаня.

Большие племенные союзы ранних кочевников формировались в северной части Средней Азии, начиная от Приаралья и до Тянь-Шаня. В дальнейшем они проникли в южные области — в долину Зеравшана, Каракумы и даже юго-западную Туркмению судя по встречающимся там одиночным захоронениям. На юге ранние кочевники обитали чересполосно и вблизи оседлых оазисов.

В это время по сравнению с предшествующей эпохой совершился крупный демографический скачок, который явился результатом роста производительных сил, вызванного развитием новой формы хозяйства — кочевого скотоводства.

Номадам Средней Азии была свойственна определенная общность в языке, типе хозяйства, кочевнической культуре и быте. Вместе с тем население столь обширной территории различалось по происхождению и этнической принадлежности, локальным особенностям культуры, хозяйства и быта. Понятно, почему в надписях Ахеменидов названы три группы саков Средней Азии. Но для выделения локальных групп ранних кочевников Средней Азии имеющихся археологических материалов пока еще недостаточно. Они позволяют только в самых общих чертах разграничить археологические комплексы. Невозможно провести конкретное изучение этнических процессов, совершавшихся в среде номадов. Отсюда возникновение спорных отождествлений, касающихся археологических комплексов с наименованиями саков в нарративных источниках.

Для понимания особенностей этнической истории важен факт значительного увеличения в этот период плотности кочевого населения. Подвижный образ жизни номадов, рост военной активности привели к усилению процессов интеграции племен разного происхождения и этнической принадлежности.

В этнической истории ранних кочевников Средней Азии определяющая роль принадлежала процессам механической интеграции в ходе этнокультурного взаимодействия. Результатом стала известная консолидация и сложение больших племенных союзов. Они представляли более или менее прочные объединения, из них протогосударственного типа считались наиболее развитыми. В этой связи особое значение имеет появление у саков

собственной письменности, о чем свидетельствует уникальная находка в кургане Иссык.

Об этнической принадлежности номадов существуют разные мнения. Многие ученые говорят об ираноязычности населения предшествующего периода — среднеазиатских племен степной бронзы. Принадлежность к ираноязычным, а точнее, к североиранским (восточноиранским) племенам саков и их соседей скифов документирована конкретными лингвистическими данными. Однако пока нет материалов для определения этнических особенностей отдельных племен. А ведь по словам Геродота, кроме общего имени у каждого племени есть свое особое имя.

Некоторые данные об этнической разнородности ранних кочевников Средней Азии предоставляют антропологические и иконографические материалы, согласно которым саки Приаралья, Семиречья и Тянь-Шаня относились к европеоидному расовому типу. Большая часть их принадлежала к брахикранным европеоидам с широким и несколько уплощенным лицом и средневыступающим носом. Имелись представители долихокранных европеоидов и прямые потомки населения предшествующего периода. Особо выделялись люди с монголоидной примесью, по всей видимости, они были центральноазиатского происхождения. Монголоидные черты отмечены на отдельных черепах. Это свидетельствует скорее всего о недавнем механическом смешении двух расовых типов в ходе проникновения в Среднюю Азию центральноазиатских этнических групп. Монголоидная примесь обнаружена у погребенных на целом ряде памятников в северной части Средней Азии.

Таким образом, установлен факт довольно раннего и широкого распространения монголоидного элемента, что имеет особое значение в этнической истории Средней Азии. Однако особняком выделяется расовый тип погребенных на Памире (долихокранные европеоиды, сходные с древнесредиземноморскими формами). Большинство советских антропологов — Гинзбург, Трофимова, Исмагулов, Алексеев, Гохман, Ходжайов, Яблонский, Кияткина и др. — свидетельствуют о неоднородности расового и, следовательно, этнического состава ранних кочевников.

Экстенсивное развитие одной отрасли хозяйства — кочевого скотоводства — вызвало настоятельную потреб-

ность номадов в продуктах земледелия и ремесла. Это привело к упрочению экономических и культурных связей с земледельческими оазисами древних цивилизаций. От них номады получали продукты земледелия и ремесел путем обмена (торговли) и в виде военных трофеев, дани и т. п. Археологическим свидетельством былых тесных связей служат находки ремесленных судов типа Яз I—II в сакских курганах Уйгарака и Сакар-Чага в Приаралье. В сакских могилах Кетмень-Тюбе и Алая обнаружена привозная керамика, изготовленная в ремесленных мастерских Древней Ферганы. Но особенно ярко хозяйственно-культурные связи с оседлыми центрами древней цивилизации засвидетельствованы находками импортных изделий в курганах Южной Сибири и Алтая (Пазырык и др.). Ценные ткани и меха, престижная утварь, украшения, предметы ювелирного искусства — это лишь небольшая часть того, что дошло до нас. Привозные изделия оказывали значительное влияние на облик культуры номадов. Это лучше всего заметно в особенностях изобразительного искусства ранних кочевников.

Во взаимоотношениях номадов и земледельцев Средней Азии необходимо иметь в виду то, что те и другие имели много общего в субстрате и составляли разные, но родственные ответвления восточноиранского этнического массива. Эта однородность засвидетельствована антропологическими материалами. Древние государственные образования — Бактрия, Согд и др. — влияли не только на культуру и искусство ранних кочевников, но и стимулировали ускорение общественного развития номадов. В рассматриваемое время налаживались политические связи в ходе совместной борьбы против вторжения иноземных завоевателей — Ахеменидов и Александра Македонского. Следовательно, можно констатировать общность исторических судеб номадов и земледельцев в сакский период. Именно в это время формировались основы будущего симбиоза, который так ярко проявился в последующую эпоху в Кангюйском объединении, Древнем Хорезме и Фергане.

На первоначальном этапе (VIII—III вв. до н. э.) выделившиеся номады осваивали все ландшафтные районы, пригодные для кочевого скотоводства. Происходила консолидация и поляризация оседлого и кочевого миров. На следующем этапе (III—I вв. до н. э.) совершились большие перемены: господствующее положение в Сред-

ней Азии захватили кочевники. В ходе передвижений огромных масс номадов возникли новые группы племен. В середине III в. до н. э. *парны* и *дахи* (*даи*), прародиной которых, как полагают, было Южное Приуралье, переселились с севера на юг и захватили власть в Парфии. Так появилось Парфянское царство во главе с кочевой династией *аршакидов* (середина III в. до н. э. — III в. н. э.). Оно стало грозным соперником Греко-Бактрии, государства селевкидов и Римской империи. Через сто лет из глубин Центральной Азии в Семиречье и на Тянь-Шань вторглись *юэчжи* и *усуни*. Позднее юэчжи продвинулись далее на юго-запад и в Бактрии заложили основы будущей могущественной Кушанской империи. Примерно в это же время сложились крупные государственные объединения кочевников в бассейне Сырдарьи — Кангюй и Яньцай. Все эти события коренным образом изменили этнополитическую ситуацию в Средней Азии. Древние государства — Парфия, Кангюй, Давань (Фергана), Кушаны — были полиэтничными образованиями. На их территории усилились процессы седентаризации и культурной ассимиляции номадов. В результате положительных межэтнических взаимоотношений и консолидации сформировались народности среднеазиатской древности (античности — бактрийцы, согдийцы, хорезмийцы, ферганцы, кангюйцы и др.).

В ханьских исторических хрониках отмечается этническая и языковая близость населения земледельческих оазисов Средней Азии — от Давани (Ферганы) и до Аньси (Парфии). Аналогичное суждение о языках народов южных областей Средней Азии есть у Страбона (XV, 2—8), который, в частности, отмечает (XI, 11, 3), что прежде согдийцы и бактрийцы мало отличались от номадов. Из сообщений этих письменных источников следует, что среднеазиатские земледельческие народности говорили на различных, но родственных языках. Речь может идти о восточноиранской группе языков.

Процессы этнической консолидации народностей, населявших Среднюю Азию, происходили в условиях относительной стабильности и устойчивости существовавших здесь цивилизаций. Время таких самостоятельных политических образований, как Парфия, Кушаны, Кангюй, Усунь, Давань, исчисляется в 500—600 лет. Такая устойчивость была типичной для среднеазиатской древности и объясняется тем, что большая роль в этих государст-

вах принадлежала кочевому компоненту. Особенно основательное сосуществование вплоть до симбиоза в этот период подтверждается археологическими материалами из Южного Казахстана, Хорезма, Ташкентского оазиса (территория древнего Кангюя) и Ферганы. В Ферганской долине выявлено 6—7 групп номадов, на землях которых в ходе оседания возникали свои поселения. Каждая группа обладала определенной автономией — хозяйственной и культурной, в то же время все они были составной частью Давани. Имеются данные о симбиозе номадов и земледельцев Ферганы в пределах отдельной долины (в масштабе микрорайона) и в целом на ее территории.

Аналогичная картина чересполосного расположения памятников оседлого населения и номадов прослежена в Южном Казахстане и Ташкентском оазисе.

Древний период — III в. до н. э. — IV в. н. э. — составил важный этап в этнической истории среднеазиатских земледельческих народностей.

Сложность этнических процессов присуща и зоне преобладания номадов. Усуни — одно из четырех крупнейших объединений среднеазиатских кочевников, создавших сильные государственные образования того времени (Усунь, Кангюй, Яньцай, Юэчжи), — в китайских источниках выступают в качестве эталона номадизма. В состав Усуни, по данным ханьских документов, вошли покоренные местные племена саков, а также юэчжи. Следовательно, население Семиречья и Тянь-Шаня в это время состояло из племен разного этнического происхождения, из-за чего этническая ситуация здесь усложнилась. Не вызывает сомнения, что основную массу этого населения составляли потомки ираноязычных сакских племен. В условиях родоплеменной раздробленности и непрерывных междоусобиц большее значение имели этнодифференцирующие тенденции. Отрицательное влияние на этническое сплочение оказывали многократные вторжения извне — юэчжи, усуней, хуннов, хионитов, кидаритов, эфталитов. Иноземные вторжения кочевников из Южной Сибири и Центральной Азии привели в ходе многовекового смешения к кардинальным изменениям этнического состава населения Средней Азии как кочевого, так и оседлого.

В это же время произошла монголизация физического типа ранее европеоидных сакских племен Тянь-Шаня и

Семиречья, а также населения Кангюя. Монголоидная примесь появилась и среди земледельческого населения. На протяжении длительного времени, вплоть до включения среднеазиатских областей в состав Тюркского каганата в VI в. н. э., в Средней Азии преобладало ираноязычное кочевое население. В результате продолжительного смешения местных и пришлых племен местные номады были тюркизированы.

Процесс тюркизации был длительным и сложным. Он документирован довольно многочисленными и разнообразными памятниками древнетюркской рунической письменности в Семиречье и Фергане. Распространялось двуязычие. В отдельные периоды развитие тюркоязычности замедлялось переселением в кочевые районы нового ираноязычного населения (согдийская колонизация). В ряде областей, занятых кочевниками в тюркский период, усилились процессы седентаризации и появились многочисленные поселения и города. Таким образом, на этом этапе наблюдалось продвижение земледельческого населения в кочевые районы.

В результате смешения и метисации местного и пришлого населения первоначально в этническом составе кочевников Семиречья, Тянь-Шаня, Южного Казахстана, а затем и в ряде земледельческих областей среднеазиатского междуречья произошли коренные изменения и сформировалось тюркоязычное население. Именно в период политического господства Тюркских каганатов сложилось ядро современных тюркоязычных народов Средней Азии. Это был важный и переломный этап в этнической истории среднеазиатских народов, время этнокультурного синтеза местных ираноязычных и пришлых тюркоязычных народов, которые в настоящее время являются второй по численности этнической группой в нашей стране.

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СКИФОЛОГИИ

Р. Б. Исмагилов *(Алма-Ата)*

«Скифский вопрос», проблема происхождения этноса и культуры скифов, давно считается своеобразным нервным узлом в субсистеме археологии степной Евразии раннего железного века. Это естественно: от ее решения зависит наше понимание специфики истории населения не только собственно Северного Причерноморья, но и других древних культур степной и лесостепной полосы, а также разработка важнейших теоретических положений, связанных со сложением кочевого скотоводства, определявшего развитие номадов Старого Света на протяжении последних трех тысячелетий.

Актуализации проблемы в 70—80 гг. XX в. способствовали блестящие результаты раскопок кургана Аржан в Туве в 1971—1974 гг. под общим руководством М. П. Грязнова. Последние годы жизни этого исследователя были посвящены теоретическому осмыслению Аржана, попыткам определить его место в ряду памятников ранних кочевников Евразии [1].

Исследователь поставил перед собой важную цель — установить относительную и абсолютную дату тувинского кургана. Справедливо исходя из факта существования ближайших аналогий ряду датирующих предметов Аржана в доскифских древностях юга Восточной Европы, М. П. Грязнов совершенно правильно отнес его к VIII—VII (IX—VIII) вв. до н. э., включив эти взаимокоррелирующиеся памятники в состав древнейшей фазы развития культур скифского типа Евразии, названной им аржано-черногоровской [2]. Тем самым М. П. Грязнов как бы обозначил направление принципиального решения сверхзадачи: в сторону одной из традиционно существующих гипотез о происхождении скифской культу-

---

[1] *Грязнов М. П.* К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа Евразии // Краткие сообщения института археологии. М., 1978. № 154. С. 9—18; *Он же.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980; *Он же.* Начальная фаза развития культур скифо-сибирских // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. Вып. 12. С. 3—18.

[2] *Он же.* Аржан. С. 61. *Он же.* Начальная фаза. С. 3 сл.

ры, а именно — центральноазиатской. Однако второго шага в том же направлении исследователь так и не решился сделать, предпочтя «классическим» гипотезам свою собственную, получившую название «полицентрической» или, точнее, «ацентрической» [3].

Суть новой гипотезы в самом сжатом виде состоит в следующем. В отличие от утвердившихся в науке представлений, основанных на идее моноцентрического возникновения важнейших элементов раннескифского комплекса, условно названного «скифской триадой», она изначально, в принципе отвергает саму возможность формирования в каком-то районе (или культуре), входящем в степной пояс, локального очага типологически обособленного и устойчивого комплекса инноваций, способного в последующем быть перенесенным своими носителями в другие районы. Природа предложенного М. П. Грязновым феномена объясняется, по его словам, тем, что «отличия эпохальные в это время были более значительны, чем этнические, *и нам трудно теперь уловить* (курсив наш. — *Авт.*), какие группы населения куда переселялись, кто, откуда и что заимствовал». Конечную цель исследования он видел не в стремлении искать «какого-то гипотетического предка, родоначальника всех скифов, саков, массагетов .., а в том, чтобы изучать и определять роль в процессе скифо-сибирского культурного единства каждой из составляющих его ... областей и каждой племенной группы» [4].

При всей внешней привлекательности (вкупе с очевидной, на наш взгляд, противоречивостью предпосылок и выводов) новой гипотезы легко заметить, что ее автор не до конца представлял всю сложность и многоплановость задач, возникших в связи с Аржаном. Элементы новизны ограничены, по существу, только декларацией о необходимости сочетать при изучении культур ранних кочевников конкретность с видением общей исторической перспективы. Вряд ли этого достаточно.

Общая программная установка, предпосланная изучению положения дел в отдельных «этнокультурных районах», достаточно последовательно была реализована самим автором гипотезы. В качестве примера рассмотрим, следуя за Грязновым, Северное Причерно-

[3] *Яценко И. В., Раевский Д. С.* Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // Народы Азии и Африки. М., 1980. № 5. С. 112.
[4] *Грязнов М. П.* Аржан. С. 59, 60.

морье — один из таких районов, который археологически исследован лучше других и возможность контроля которого обеспечена письменными источниками.

Бросается в глаза сразу же при взгляде на метод М. П. Грязнова отказ от общепринятых в науке положений о двухкомпонентной [5] или диахронической [6] природе «предскифских» древностей Северного Причерноморья. Объединив все памятники южнорусских степей — как ранние, черногоровские, так и относительно более поздние, новочеркасские — в составе аржано-черногоровской фазы, он тем самым стер все границы между ними: хронологические, территориальные и культурные. В итоге в одной группе оказались: погребения как с восточной или северо-восточной, так и с западной ориентировками; как массивные асимметрично-ромбические, так и легкие длинновтульчатые наконечники стрел; как стремечковидные (с соответствующими им трехдырчатыми стержневидными псалиями), так и двукольчатые удила с трехпетельчатыми ложковидными псалями. Справедливости ради следует отметить, что в составе памятников новочеркасской культуры, действительно, имеются предметы, аналоги которым можно найти в комплексах аржано-черногоровской группы. Но, во-первых, их очень мало (трехжелобчатые застежки и отдельные типы наременных бляшек сбруи и костяных наконечников стрел) и, во-вторых, они не имеют точных ни хронологических, ни территориальных привязок, будучи довольно широко распространены в интервале между IX и VI вв. до н. э. в ряде районов степной и лесостепной Евразии (в погребениях черногоровской, собственно новочеркасской, раннескифской и некоторых других культур). Все это заставляет критически оценивать возможность ввода в состав черногоровской фазы новочеркасских памятников второй половины VIII — середины VII вв. до н. э.: они не только моложе первых, но и существенно отличаются от них по своему культурному содержанию.

Значительно больше оснований, и в этом М. П. Гряз-

---

[5] *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья // Материалы и исследования по археологии. М., 1971. № 117. С. 75 сл.; *Он же.* Курганы: находки, проблемы. Л., 1981. С. 87 сл.; *Членова Н. Л.* Оленные камни как исторический источник: (На примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984. С. 41, 42.

[6] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976. С. 22, 198 сл.

нов прав, для сближения между собой памятников аржанского и черногоровского типов. Потенциальная возможность для такого предположения допустима уже в силу их синхронности: и те, и другие, судя по новейшим хронологическим разработкам [7], существовали в пределах IX (X) — VIII вв. Как для Центральной Азии, так и для Северного Причерноморья в указанное время отмечено бытование однотипных или морфологически близких друг другу форм: трехдырчатых стержневидных псалиев (возникших, вероятно, на основе удил фракo-киммерийского типа), стремечковидных удил (восходящих, возможно, к ближневосточным прототипам, проникшим в южные степи через Кавказ), разнообразных костяных наременных бляшек и трехжелобчатых каменных или металлических застежек.

Но надо признать, что хотя состав аржано-черногоровских схождений довольно представителен, его, тем не менее, нельзя назвать ни особенно разнообразным, ни полным. Сходство, по существу, ограничивается лишь близостью вещей, составляющих комплекс узды верхового коня. Конечно, и этим нельзя пренебрегать, поскольку оно касается такого важнейшего для кочевников института, как всадничество. Однако факт остается фактом: погребальный обряд, бытовая утварь, украшения, в значительной степени оружие черногоровцев [8] достаточно сильно отличаются от соответствующих аржанских форм, вопреки мнению А. И. Тереножкина [9] и присоединившегося к нему в этом вопросе М. П. Грязнова [10]. В частности, большинство аржанских бронзовых наконечников стрел, несомненно, относящихся к типу Енджа (и составляющих, что очень важно, его наиболее раннюю локальную группу), четко отличаются от черногоровских, выделенных А. И. Тереножкиным в так называемый малоцимбальский тип.

Приведенные аргументы не позволяют, на наш взгляд, напрямую связывать между собой Аржан и Черногоров-

[7] *Смирнова Г. И.* Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // Советская археология. 1985. № 1. С. 33; *Марсадолов Л. С.* Хронология курганов Алтая: (VIII—IV вв. до н. э.): Автореф. канд. дис. Л., 1975. С. 10; *Боковенко Н. А.* Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая: (По материалам конского снаряжения); Автореф. канд. дис. Л., 1986. С. 18, 21, 22.

[8] *Членова Н. Л.* Карасукские кинжалы. М., 1976. С. 22; и др.

[9] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. С. 137.

[10] *Грязнов М. П.* Начальная фаза. С. 4.

ку и тем более конструировать особую аржано-черногоровскую культуру раннескифского типа [11]. Какая-то связь, несомненно, существовала, но, очевидно, ограничивалась лишь заочным и анонимным знакомством носителей двух различных культурных традиций в рамках одного хозяйственно-культурного типа, конкретно проявляясь в виде межплеменного обмена или спорадического просачивания небольших групп населения из одного конца степи в другой.

Впрочем, сейчас важнее другой аспект проблемы, оставленный М. П. Грязновым без внимания, а именно: наличие в Аржане сформировавшейся «скифской триады» при одновременном отсутствии двух важнейших элементов последней — вооружения и «звериного стиля» — на территории Северного Причерноморья. Этот и многие другие аспекты «скифского вопроса» получили попытку решения в недавно вышедшей книге И. В. Куклиной. В ней, по существу, впервые в отечественной историографии был поставлен вопрос, вполне назревший с позиций центральноазиатской гипотезы, — о путях скифской миграции с восточных окраин степей Старого Света [12].

В основе взглядов исследователя лежит представление о большей древности, во-первых, восточных, центрально- и среднеазиатских памятников скифского типа (Аржан, Уйгарак, Тагискен и пр.) сравнительно с западными, переднеазиатскими и северопричерноморскими и, во-вторых, переднеазиатских сравнительно с причерноморскими [13]. Вполне естественно, что И. В. Куклина, специалист по классической филологии, без методов археологии не могла решать специфических вопросов определения дат скифских памятников, а могла опереться только на разработки специалистов в этой области. К сожалению, выбор не всегда был удачным. О справедливости первой части ее хронологической установки, обоснованной М. П. Грязновым, уже писалось выше. Что касается второй, то она была сформулирована еще в послевоенные годы М. И. Артамоновым [14]. С тех пор в науке многое изменилось, и к настоящему времени идея о хронологи-

[11] *Дубовская О. Р.* Погребение лучника раннего железного века // Советская археология. 1985. № 2. С. 166—172.

[12] *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.

[13] Там же. С. 3, 4, 41, 42, 188, 189.

[14] *Артамонов М. И.* К вопросу о происхождении скифов // Вестник древней истории. 1950. № 2. С. 37 сл.

ческом приоритете скифских памятников Передней Азии (имеется в виду прежде всего Саккызский комплекс) над причерноморскими выглядит явным анахронизмом. В настоящее время в скифологии принято начало скифской эпохи в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе относить к середине VII в. до н. э.[15], что уже значительно древнее предложенной для них М. И. Артамоновым даты. Более того, на повестку дня встал вопрос о появлении скифов в Восточной Европе на рубеже VIII—VII вв. до н. э. или даже раньше[16]. Все это, однако, было оставлено И. В. Куклиной без должного внимания.

Итак, некритически восприняв точку зрения М. И. Артамонова о соотношении датировок скифских памятников Передней Азии и Северного Причерноморья, И. В. Куклина сделала естественный с точки зрения ее гипотезы вывод о том, что восточные скифы могли попасть из среднеазиатского междуречья (бывшего, по ее мнению, транзитным пунктом их миграции) сначала в Переднюю Азию[17] и лишь спустя около века через кавказские перевалы — в степи Предкавказья[18].

Частью компилятивно, частью оригинально и мнение этого исследователя относительно происхождения киммерийцев: они объявлены родственным скифам племенным объединением, определены в качестве их головного отряда и также выведены из глубин Азии[19]. Основанием для столь смелого и неожиданного вывода, в корне противоречащего традиционному взгляду на киммерийцев как на коренных обитателей южнорусских степей, послужило следующее. Прежде всего мнение Л. А. Ельницкого[20] о переносе греками-колонистами ми-

[15] *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. С. 205.

[16] Дискуссионные проблемы отечественной скифологии // Народы Азии и Африки. 1980. № 6. С. 88—91; *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 94; *Исмагилов Р. Б.* Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры (в печати).

[17] *Куклина И. В.* Этногеография Скифии. С. 130—131 и др.

[18] Там же. С. 192.

[19] Остается загадкой, как могла И. В. Куклина установить именно среднеазиатское, а не, к примеру, причерноморское происхождение раскопанной датской экспедицией к северу от Персидского залива «серии скифских курганов VIII—VII вв.», не познакомившись с неизданным еще материалом и ссылаясь лишь на устное сообщение Н. Я. Мерперта.

[20] *Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 35.

фологических представлений о киммерийцах, связывавших их первоначально с территорией Передней Азии, на территорию Северного Причерноморья; далее выведенная И. М. Дьяконовым этимология этнонима «киммерийцы» как «находящиеся в движении» (в смысле «подвижный конный отряд»[21]); и, наконец, собственное заключение о том, что древнейшая греческая литературная традиция и данные древневосточных хроник выводят киммерийцев (как и собственно скифов) с территории Передней Азии и Ближнего Востока, а не с восточноевропейского юга.

Точка зрения Л. А. Ельницкого уже была подвергнута справедливой критике[22]. К этому следует добавить, что, даже если согласиться с возможностью предложенного Л. А. Ельницким обоснования, то затруднительно объяснить отсутствие возникших якобы в Малой Азии и аналогичных северопричерноморским представлений о киммерийцах на территории Средней Азии времен Кира и Дария. Предки персов определенно сталкивались на своей родине с северянами-киммерийцами, но это отнюдь не стимулировало желания персов «заселить» Среднюю Азию предшествующего времени киммерийцами, а современную — наполнить пластом киммерийской топонимики. Отсутствие в Средней Азии названий, связанных с киммерийцами, и, напротив, наличие их в степном Причерноморье является, на наш взгляд, серьезным лингвистическим аргументом против точки зрения Л. А. Ельницкого и И. В. Куклиной. Нет, впрочем, и никаких археологических доказательств среднеазиатского происхождения киммерийцев уже хотя бы потому, что в этом регионе пока остаются неизвестными следы такого сильного кочевого союза, каким являлось киммерийское объединение.

Этимологическое объяснение И. М. Дьяконовым с позиций иранского этнонима киммерийцев как иноназвания в смысле «подвижный отряд» с общеисторических позиций в принципе вполне допустимо. В то же время

---

[21] *Дьяконов И. М.* К методике исследований по этнической истории («киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности: (Сборник). М., 1981. С. 90 сл.; *Он же.* Дискуссионные проблемы отечественной скифологии // Народы Азии и Африки. М., 1980. № 6. С. 92, 93.

[22] *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 74.

это, на наш взгляд, не исключает возможности использования указанной этнонимической единицы и в качестве самоназвания, поскольку имя киммерийцев известно также некоторым европейским народам, не связанным с территорией Передней Азии и не говорившим на иранских языках. В качестве примера можно отметить великана-людоеда Корморана в известной английской (resp. кельтской) сказке «Джек — покоритель великанов».

Доказывая невозможность пребывания киммерийцев в Северном Причерноморье, И. В. Куклина допускает еще один логический сбой, когда пытается вывести из тезиса о том, что «... первое упоминание киммерийцев в греческой литературе связывает их с Малой Азией» и что «в Передней и Малой Азии их впервые упоминают и восточные источники»[23], заключение о локализации этих кочевников именно и только в районах Древнего Востока. Думается, ассирийцы или греки могли познакомиться с киммерийцами не где-нибудь, а лишь в Передней Азии. Колонизаторские амбиции греческих полисов в то время не распространялись далее южного побережья Понта, точно так же не выходили далее северных границ Урарту и пределы известной ассирийцам ойкумены. Носителями реальной информации о своей далекой северной родине были тогда только сами киммерийцы. Но в доантичное время, пожалуй, найдется немного примеров если не искренней любознательности, то хотя бы праздного любопытства древних народов к историческому прошлому своих врагов, особенно если последние находятся на более низких ступенях культурного развития. Уж на что, казалось бы, хорошо должны были быть знакомы с теми же гуннами позднейшие европейцы, но кроме самых общих фраз они не могли ничего сказать о происхождении этих «варваров».

Очень важен рассмотренный И. В. Куклиной круг вопросов, связанных с локализацией Рипейских гор. В последние годы в нашей литературе стала преобладать точка зрения о тождестве Рипов с Уралом[24]. Справедливо возражая ее сторонникам, исследователь, в свою очередь, вслед за некоторыми авторами склоняется к мнению о среднеазиатской локализации этих легендарных гор, понимая под ними прежде всего современный

[23] *Куклина И. В.* Этногеография Скифии. С. 53.

[24] *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии // Древние арии: мифы и история. М., 1983. С. 134, 135.

Тянь-Шань[25]. Какие же имеются для этого основания?

Обобщенный образ Рипейских гор, судя по описаниям, встречающимся в произведениях многих античных писателей, выглядит следующим образом. Они 1) отличаются большой высотой и имеют покрытые глетчерами вершины; 2) ориентированы в широтном направлении; 3) расположены в поясе умеренного климата с продолжительной суровой зимой и довольно коротким летом; 4) в этой местности постоянно, особенно в холодное время года, дуют сильные, иногда ураганные северные ветры; и, наконец, что очень важно, 5) недалеко от названных гор, в северном направлении, находится крупный водоем.

Очевидно, нельзя считать Рипейскими горами систему Тянь-Шаня, если из пяти перечисленных критериев она отвечает только двум первым, в то время как три последние, более специфические, и, следовательно, более важные пункты характеристики соотнести с Тянь-Шанем невозможно. Нам кажется, дальнейший поиск местоположения Рипейских гор имеет смысл вести гораздо восточнее «Небесных гор» (Тянь-Шаня), а именно — в районе Монгольского Алтая или вообще Саяно-Алтая. Только географо-климатические особенности этого региона, охватывающего центральные и западные районы современной Монголии и Южное Прибайкалье, в полной мере отвечают требованиям греческого трафарета представлений о Рипах и их окрестностях. Самое же неожиданное, что следует из подобной локализации легендарных гор, это то, что с загадочным морем гипербореев Геродота (IV, 13), Скифским, Ледяным, Восточным, Северным океаном (морем) других античных авторов может быть поставлено в связь только знаменитое «Сибирское море» — озеро Байкал.

Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский[26] окончательно доказали, что море гипербореев греко-римских писателей было хорошо известно не только в скифское, но и в гораздо более раннее время — эпоху совместного проживания индоарийцев и древних иранцев. Так, например, в «Ригведе» оно выступает в качестве Молочного океана, а в «Авесте» — моря Вурукаша. Полное совпадение основных характеристик этих водоемов в указанных

[25] *Куклина И. В.* Этногеография Скифии. С. 176 сл.

[26] *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. С. 43, 44.

источниках дает возможность прийти к принципиально важному выводу о территориальном совпадении географических ареалов арийской и скифской прародины.

Круг письменных источников о Северном океане не ограничивается сведениями, имеющимися в произведениях литературы на индоевропейских языках. В мифах и исторических трудах еще одного народа (весьма далекого по своему происхождению от названных выше) — древнекитайского — неоднократно встречаются весьма интересные сведения о Байкале, по содержанию (а иногда и по форме) прямо перекликающиеся с данными древних индийцев, иранцев и греков. Факт игнорирования средневековых и более ранних китайских документов, большинство которых было переведено и опубликовано Иакинфом [27] на русском языке около 150 лет тому назад, достоин сожаления, ибо именно данные китайских летописей, возможно, позволят окончательно решить вопрос о локализации этого загадочного моря.

В хронике Таншу, например, при упоминании племени гулигань (курыкан орхонских рунических надписей) говорится, что «их земли на севере достигают моря и от столицы (Китая. — *Авт.*) чрезвычайно удалены. А если на севере перейти море, то [там] дни длинны, а ночи коротки». Эти сведения дополняет Танхуйяо: «Гулигань находится к северу от северной стороны Ханьхай (Хангайское нагорье в центральной части Монголии. — *Авт.*) ... Их страна на севере граничит с ледовым морем». Такая же информация с большим количеством конкретных деталей о племенах гу-ли или кули (т. е. тех же курыкан. — *Авт.*), живущих на реке Ан-кэ-ла (Ангара. — *Авт.*), содержится в летописи Юаньши. Как отмечает приведший в своей статье эти, использованные нами переводы, китаист Ю. А. Зуев [28], любопытные параллели к ним содержатся также в «Худуд ал-Аламе» («Родословной тюрок») Абулгази и некоторых других средневековых письменных памятниках арабоязычной литературы.

Как известно, одна из рек, впадающих в озеро Байкал, и знаменитый северный ветер, дующий над озером

---

[27] *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950, 1952, 1953. Т. 1—3.

[28] *Зуев Ю. А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств // Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1960. Т. 8. С. 93—140.

в осенне-зимний период, носят название Баргузин. Не исключено индоарийское происхождение первой части этого слова со значением «широкий» (особенно вероятное в случае, если бы оно первоначально относилось к самому озеру), сопоставимого, например, с наименованиями типа Вурукаша, Борисфен, Бараба (?) и др.

На китайском языке озеро называлось «Бей-хай», что дословно означает «Северное море» или «Ледовое море». Оба значения, первое из которых отразило пространственное положение водоема относительно Китая, а другое — один из характерных качественных признаков, независимо от того, представляют ли они китайскую кальку с индоиранских названий или даны китайцами самостоятельно, имеют, таким образом, точную параллель в индоевропейских письменных источниках. Этот факт, особенно с учетом приведенных выше сведений, доказывает, что море гипербореев надежно отождествляется с Байкалом.

Современная наука еще не сделала окончательного выбора между двумя наиболее вероятными значениями тюркского по происхождению названия горной страны, расположенной в секторе к юго-западу от Байкала, — Алтая. Часть исследователей выводит его этимологию от слова «пестрый» (ср. с Алатау, одним из хребтов Тянь-Шаня, что означает буквально «Пестрая гора»), другие находят в этом названии корень со значением «золото». Вторая этимология (при равенстве чисто лингвистических доказательств с первой) выглядит предпочтительнее в силу некоторых исторических фактов. Устойчивая связь в греко-скифской, иранской и индоарийской традициях понятий о «священных» горах (Рипейских, Меру, Хара Березайти и др.) и «золотом» очевидна. Возможно, решающим выводом в пользу такого значения названия этой горной страны является опять-таки китайское название Алтая — Цзинь-Шань (буквально «Золотые горы»).

Из вышедших в последнее время работ Н. Л. Членовой остановимся только на двух [29], посвященных обоснованию приуральской локализации Рипейских гор.

---

[29] *Членова Н. Л.* Где жили аримаспы / Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху: (Сборник). Ижевск, 1983. С. 21—36; *Она же.* Предыстория «торгового пути Геродота»: (Из Северного Причерноморья на Южный Урал) // Советская археология. 1983. С. 47—66.

Как уже говорилось, принимать за Рипейские горы Урал, оставаясь на почве фактов, известных из сообщений античных писателей, вряд ли возможно. Нет ничего общего у меридионально ориентированного невысокого (абсолютная высота наивысшей точки Южного Урала — горы Ямантау — 1640 м), узкого и легко проходимого в любом месте хребта с протянувшейся в широтном направлении, сверкающей упирающимися в небо белоснежными вершинами горной страной, какой виделись Рипы информаторам греков. Близ Урала нет ни одного более или менее крупного водоема, который можно было бы сопоставить с морем гипербореев. Принять за последний современный Ледовитый океан не позволяет слишком большая удаленность от южной оконечности хребта (около 2 тыс. км пути в условиях сильно пересеченной местности, широколиственных лесов, темнохвойной тайги, тундры и болот).

Урал, без сомнения, был хорошо известен как грекам, так и, разумеется, скифам. Более того, часть последних, так называемые отделившиеся скифы, очевидно, именно здесь и жили [30]. Археологическим доказательством тому служит, в частности, раскопанный в 1980 г. Большой Гумаровский курган начала VII в. до н. э. на правобережье Сакмары (Кувандыкский р-он Оренбургской обл.). Очевидная близость погребения № 3 этого кургана с другими древнейшими скифскими погребениями Восточной Европы (Енджа и Белоградец — в Западном Причерноморье, Алексеевский хутор — в Предкавказье) позволила выделить древнейший этап скифской археологической культуры, названный гумаровским (первая половина VII в.). Если это так, то Южный Урал следует отождествлять отнюдь не с недоступными Рипами, а с западным участком каменистой неровной земли в описании Геродота (IV, 23).

По мнению Н. Л. Членовой (точнее Б. Н. Гракова [31], с которым она солидаризировалась), Южный Урал в эпоху раннего железа был соединен с Северным Причерноморьем торговым путем, отмеченным находками бронзовых зеркал ольвийского типа [32]. Вывод в принципе

[30] *Исмагилов Р. Б.* Погребение Большого Гумаровского кургана.

[31] *Граков Б.* Чи мала Ольвія торговельни зносини з Поволжжям і Приураллям в архаичну и классичну епохи? // Археологія. 1947. № 1.

[32] *Членова Н. Л.* Где жили аримаспы. С. 22; *Она же.* Предыстория. С. 49 сл.

приемлемый, хотя, пожалуй, на предметах только одной категории надежно обосновать его довольно сложно. Автор же приводит данные о распространении подобных зеркал и в некоторых других районах Восточной Европы (Карпаты, Северный Кавказ), хотя сведений о торговых связях между последними и Причерноморьем в письменных источниках нет. Имело бы смысл расширить фактологическую базу, подключив к рассмотрению и иные категории археологических источников, что придало бы выводам Н. Л. Членовой о греко-скифском торговом пути в Южное Приуралье бóльшую убедительность.

В подтверждение своего мнения об обитании аргиппеев именно на Южном Урале исследователь привлекает данные ряда наук: археологии, ботаники, этнографии, лингвистики. Так, в частности, указывается на наличие у современных тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья, татар и башкир, вишневого напитка *аче, асе,* сопоставляемого (со ссылкой на своих предшественников) с напитком *асхи* аргиппеев, который последние добывали путем выдавливания плодов дерева понтик (Геродот, IV, 23) [33]. Это незаслуженно широко распространенное в науке мнение вот уже на протяжении почти 150 лет кочует из одной работы в другую и стало едва ли не решающим ботанико-лингвистическим аргументом защитников приуральской локализации аргиппеев.

В языках современных татар и башкир словами *аче, асе* обозначается только само понятие горько-кислого на вкус, но никак не напитка и уж тем более именно вишневого [34]. Древность этого слова (зафиксированного в древнетюркскую эпоху в форме (Acig) [35], наличие его во многих современных тюркских языках, принадлежность к категории имен прилагательных, выполняющих в предложении функции определения при имени существительном, а также полное отсутствие упоминаний о названии такого напитка в татарском или башкирском фольклоре — все это, по нашему мнению, дает серьезный повод для сомнений в справедливости предположения Н. Л. Членовой. К тому же у нас нет абсолютно никаких

[33] *Членова Н. Л.* Где жили аримаспы. С. 21, 22; *Она же.* Предыстория. С. 55.

[34] Информация получена от М. Байгильдиной, башкирки, 66 лет (с. Верхне-Санзяпово Кугарчинского р-на Башкирской АССР).

[35] См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 4.

доказательств столь раннего присутствия какого-либо тюркского диалекта в Южном Приуралье [36].

Величину дерева понтик Геродот сравнивает с размерами фигового дерева (смоковница, инжир). Степная, или дикая, вишня представляет собой низкорослый кустарник, не превышающий 1—1,5 м, что и делает сравнение этих растений между собой, а следовательно, и признание в понтике вишни маловероятным. По-видимому, есть смысл вернуться к ранее высказанному предположению [37] о тождестве загадочного понтика с широко известным в лесостепной полосе крупным древовидным кустарником — калиной обыкновенной. По своим размерам (4—5 м) она вполне способна выдержать сравнение со смоковницей. Собранные в гроздья плоды — круглоовальной формы, достигающие в поперечнике 0,7—1,0 см, с мягкой косточкой, горьковато-кислые на вкус. Широко используются в национальной кухне многих народов нашей страны, причем, в отличие от вишни, идут в пищу вместе с гущей, т. е. с косточками. Ягода очень водянистая, дает густой сок темно-коричневого цвета. Судя по отрывку Геродота, плоды понтика составляли существенную часть пищевого рациона аргиппеев, что находит параллели в этнографической старине народов Приуралья и юга Сибири. Даже в настоящее время в богатых калиной районах, например, в местах проживания казанских татар и башкир, сезонной заготовке калины (балан), начинающейся после первых осенних заморозков, придается серьезное значение. Ягода хорошо хранится зимой в связках прямо на морозе, не теряя при этом вкусовых, пищевых и целебных качеств. Из числа блюд с калиной в татарской и башкирской кухне наиболее употребительны пироги (балан балеше).

И все-таки, где же обитали аргиппеи, если на Урале их определенно быть не могло? Помочь ответить на этот вопрос может одно обстоятельство. Геродот в своем описании торгового пути, при определении как протяженности, так и вектора движения, точен только до района отделившихся скифов. До этого места расстояния от

[36] *Халиков А. Х.* Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья: (Сборник). Казань, 1971. С. 7: *Кузеев Р. Г.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 135—137.

[37] *Доватур В. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. С. 250.

одних народов до других обозначены в днях пути, а положение отдельных племен относительно других уточняется указаниями на стороны света (север, восток). Затем идет фраза, которой исследователи обычно не придают должного значения (IV, 23): «Если пройти *большое расстояние* этой *неровной* (курсив наш. — *Авт.*) страны, ... то у подножия высоких гор обитают (аргиппеи — *Авт.*)». Начиная с этого места тщетно было бы искать в тексте описания точные оценки дней пути — они заменяются расплывчатыми указаниями типа «большое расстояние», «далее» и т. д., а замечания о сторонах света перебиваются ремаркой «выше» и др. Совершенно очевидно, что дальнейший путь был знаком информаторам историка уже значительно хуже. Можно предположить, что торговый путь заканчивался именно в Приуралье, в стране отложившихся скифов, замыкавших, таким образом, с востока первое европейское звено геродотовой диафесы племен и народов, которое было отделено от второго, азиатского звена, согласно Геродоту, «большим расстоянием».

Хотя направление движения к аргиппеям греческим историком вроде бы прямо и не указано, можно думать, что оно по-прежнему остается восточным, поскольку в одном из предыдущих предложений говорится о том, что «выше иирков, если отклониться к *востоку* (курсив наш.— *Авт.*), живут ... скифы, отложившиеся от царских скифов ...» (IV, 22). Этот вывод хорошо согласуется с данными анализа физической карты Евразии. Поскольку западное, южное и северное направление пути к аргиппеям по разным причинам априори исключается из анализа, то реальный выбор может быть сделан только между двумя следующими направлениями: юго-восточным, выводящим к Памиру и Тянь-Шаню, и восточным, ведущим к Саяно-Алтаю.

Юго-восточный вариант предполагает движение через Мугоджары, которые являлись частью участка «неровной земли», а затем, через обширную (шириной около 700 км) Туранскую низменность, к горным хребтам Средней Азии. Именно это обстоятельство — наличие на предполагаемом пути большой равнины, даже не упомянутой историком, заставляет усомниться в реальности такого направления движения. В то же время географические реалии восточной траектории (примерно на широте 50-й параллели) гораздо точнее отвечают условиям,

заданным в тексте: Мугоджары (абс. высота — 675 м) — Тургайское плато — Казахский мелкосопочник (1565 м) — Алтай. Единственный разрыв в этой системе возвышенностей, надлежащих преодолеть на пути к аргиппеям и исседонам, — Тургайская ложбина — настолько несущественен (ширина в самом узком месте — в районе оз. Кушмурун — всего около 50 км), что им можно пренебречь. Чрезвычайно любопытным выводом, следующим из предложенной нами реконструкции пути от причерноморских скифов к аргиппеям и исседонам, представляется то обстоятельство, что основные его ориентиры, по существу, точно соответствуют северной границе Великого пояса степной Евразии.

Приведем еще несколько замечаний по поводу работ Н. Л. Членовой. Пэрии, которых автор, правда, не очень решительно пытается сопоставить с греческим северным ветром Бореем [38], в башкирской мифологии никогда не считались духами или, тем более, хозяевами ветра. Это — общее обозначение низших злых духов, проникшее к башкирам, как и к другим тюркским народам, через ислам, а не «воспринятых от местных жителей Урала», как считает Н. Л. Членова [39]. Можно согласиться, что золота на Урале действительно добывалось много. Но не меньше его добывалось и на Алтае [40], название которого, как было показано выше, в переводе с тюркского, вероятно, и означает собственно «Золотая гора». Что касается силы ветров Южного Урала, то их Н. Л. Членова ставит в прямую связь с высотой тех или иных гор [41]. Если это так, то уральские Иремель и Ямантау, едва достигающие полуторакилометровой отметки, не могут идти в сравнение, например, с теми же алтайскими (г. Белуха — 4506 м) или саянскими пиками. Сильные ветры на Урале относительно редки, зато общеизвестна мощь байкальских ветров (баргузин, сарма, шелонник, верховник, горные и др.), достигающих силы урагана и дующих большую часть года [42].

[38] *Членова Н. Л.* Где жили аримаспы. С. 24; *Она же.* Предыстория. С. 58.

[39] *Членова Н. Л.* Где жили аримаспы. С. 25. *Она же.* Предыстория. С. 60.

[40] *Марфунин А. С.* История золота. М., 1987. С. 138, 139.

[41] *Членова Н. Л.* Где жили аримаспы. С. 23, 24; *Она же.* Предыстория. С. 58.

[42] *Кожов М. М.* Очерки по байкаловедению. Иркутск, 1972. С. 58; *Мельхеев М. Н.* По берегам Байкала. Иркутск, 1977. С. 8.

Сомнительна локализация «местожительства» одноглазого великана из казахских сказок именно на Южном Урале[43] только на том основании, что только одна из восьми записанных у этого народа сказок о великанах помещает его в «район Орска», а большинство же одноглазых чудовищ фольклорных произведений локализованы иначе.

Как отмечено ранее, только к первой, европейской части (от Понта до Урала) пути, соединявшего причерноморских скифов с исседонами, достоверно приложимо наименование торгового. Употребление такого же названия по отношению ко второй, азиатской ее части (от Урала до Алтая) вряд ли возможно, во всяком случае, оно требует некоторых уточнений. Торговые операции греков с отдаленными областями Азии в рассматриваемую эпоху вряд ли могли носить регулярный характер. Думается, появление возможностей для сношений европейского населения (скорее скифов, чем греков) с центральноазиатским, способствовавших, в частности, переносу комплекса представлений о далеких восточных землях на запад, разумнее искать в событиях совсем иного плана, охвативших в начале I тыс. до н. э. всю степную полосу. Результаты этих глобальных изменений хорошо известны: трансформация оседлых и полуоседлых пастушеских культур степной бронзы в грозные союзы кочевых племен, появление в Европе «скифской триады» и пр. Переход к кочевому образу жизни, появление в степи принципиально новых систем социально-экономической, политической, культурной и идеологической ориентации могли лишь создать предпосылки для более быстрого распространения достижений культуры от одних групп кочевников к другим. Реализация этой программы, особенно на начальных этапах процесса, находилась в зависимости от определенного конкретного механизма, имманентно присущего институту кочевого скотоводства. Имея в виду первичное оформление раннекочевнического культурного комплекса именно скифского типа на востоке, в Центральной Азии, и учитывая большую скорость его распространения, вряд ли можно объяснить появление этого комплекса в других районах Старого Света в отрыве от предположения о миграции на запад определенной части населения Центральной Азии.

---

[43] *Членова Н. Л.* Предыстория. С. 59, 60.

Ее следствием, на наш взгляд, и явилось лавинообразное распространение из одной точки по степному коридору вплоть до западного Причерноморья, не отдельных разрозненных элементов нового комплекса, а всей «скифской триады». В южнорусских степях на почве теснейшего взаимодействия, слияния политически подчиненного местного и господствующего пришлого компонентов, субстрата и суперстрата произошло образование качественно нового сплава — «классической» скифской культуры, обогащенной контактами с переднеазиатскими, греческой и фракийской цивилизациями.

Слабая изученность культуры ранних кочевников на территории современной Западной Монголии и в соседних с нею районах — исходной точки миграции — не дает возможности исследовать этот вопрос во всем его объеме. Судить о начальном этапе движения мы можем пока только на основе весьма ограниченного банка данных, таких, как особенности распространения оленных камней и изображений звериного стиля на наскальных рисунках Центральной и Средней Азии и Южной Сибири.

В настоящее время как будто нет исследователей, сомневающихся в восточном, центральноазиатском происхождении оленных камней, известных уже практически чуть ли не во всех районах степной Евразии, вплоть до Центральной Европы. По нашему мнению, их распространение связано именно со скифской миграцией, а усилия киммерийцев в этом деле, очевидно, сильно преувеличены [44].

Наибольшее количество оленных камней известно на территории Монголии, Прибайкалья, Тувы и Алтая. Ранние изваяния (как правило, тщательно обработанные, с большим количеством стилизованных фигур оленей и оружия карасукского типа) сосредоточены в основном в центральных аймаках Монголии и в Забайкалье. На северо-западе Монголии, в Туве и на Алтае как будто начинают преобладать изваяния более простого типа, относящиеся, на наш взгляд, к более позднему времени. Впрочем, эту закономерность с некоторыми исключениями можно считать типичной для оленных камней не только Центральной Азии. К моменту появления изваяний в Восточной Европе традиция изображения на их плос-

[44] *Исмагилов Р. Б.* Погребение Большого Гумаровского кургана... (Ср.: *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. С. 118; *Членова Н. Л.* Оленные камни. С. 3)..

костях собственно оленей исчезает совсем. Все сказанное следует рассматривать в русле предположения о продвижении на запад не оленных камней, а самих носителей культуры оленных камней [45].

Точных причин активного движения на запад центральноазиатского населения мы пока не знаем. Каковы бы они ни были, не исключено, что этому могли способствовать военные неудачи в начавшихся столкновениях с носителями восточномонгольско-забайкальской культуры плиточных могил. В этой связи крайне любопытны приведенные в книге В. В. Волкова [46] факты находок оленных камней во вторичном использовании — в качестве перекрытий и угловых камней могильных ям населения названной культуры, которое, как известно, оленных камней не изготовляло [47].

Для доказательства того, что носители культуры оленных камней входили в непосредственный контакт с носителями культуры плиточных могил и что взаимоотношения их между собой непременно носили характер военных действий, разумеется, только одного этого факта недостаточно. Тем не менее, сопоставляя свидетельства Аристея о причинах ухода скифов из Азии с некоторыми другими данными, частично рассмотренными выше, можно найти, по нашему мнению, определенные основания для того, чтобы видеть в носителях двух крупнейших культур Центральной Азии соответственно скифов и исседонов. В свете этого факта любопытным и многозначительным представляется факт несомненного языкового и исторического созвучия, очевидно, скифского по своему происхождению этнонима *исседон* и осетинского глагола *ӕssӕndyn* со значением «топтать», «крошить», «попирать», «угнетать» [48].

---

[45] *Савинов Л. Г., Членова Н. Л.* Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии // Краткие сообщения института археологии. 1980. Вып. 162. С. 3 сл.

[46] *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981. С. 81.

[47] Любезная информация Э. А. Новгородовой.

[48] *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1985. Т. 1. С. 188, 189.

О СТЕПНОЙ СКОТОВОДЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ I ТЫС. ДО Н. Э.

А. И. Мартынов *(Кемерово)*

Исторические взаимосвязи скотоводческих обществ и древних земледельческих цивилизаций рассматривались обычно с точки зрения влияния земледельческой культуры на мир скотоводов, без достаточного исторического анализа отмечались факты распространения предметов скотоводческой культуры в среде оседлых земледельцев.

Советской наукой достигнуты значительные успехи в изучении отдельных культур скифской эпохи степного мира Евразии. С одной стороны, они свидетельствуют о том, что в изучении этой эпохи за последние годы преобладал культурологический подход, почти не рассматривались вопросы экономики, связи с географической средой, поверхностно изучались общественные отношения. С другой стороны, накопленный за последние годы материал позволяет с принципиально иных позиций рассматривать культуры степной зоны Евразии: не через отдельные его части — археологические культуры, а в целом — как вполне определенную историческую макросистему, сложившуюся с распространением и развитием в степях производящих форм хозяйства. Наметился в связи с этим и новый методологический подход к степному миру Евразии как своеобразной цивилизации. Вопрос о наличии или отсутствии цивилизации в данном случае важен как обобщающая оценочная историческая категория применительно к тому или иному географическому району истории человечества в определенную эпоху. Была цивилизация в степях Евразии в I тыс. до н. э. или нет — вопрос прежде всего уровня исторического развития этой зоны мировой истории.

Накопленные сейчас материалы по археологическим культурам степной и горнодолинной Евразии позволяют выделить три больших периода: 1) эпоха бронзы (II — нач. I тыс. до н. э.), которую мы характеризуем как предцивилизацию в степях, когда шло распространение производящих форм хозяйства, освоение металлургии, сложение идеологических систем, функционирование культурно-исторических общностей, накопление опыта

рационального использования конкретных природно-географических условий (горные долины, открытые степи, лесостепи); 2) возникновение и развитие ранней степной цивилизации в эпоху скифо-сибирского мира (VI—III вв. до н. э.); 3) изменение облика этой цивилизации с II в. до н. э., т. е. с начала великого переселения народов.

В связи с этим взаимоотношения между обществами оседлого земледелия и скотоводческими обществами в Средней Азии и Казахстане, в этих устойчиво контактных зонах, надо рассматривать с середины I тыс. до н. э. как взаимоотношения двух различных по своей экономической основе, социальным категориям, идеологическим представлениям цивилизаций. Решение этой проблемы связано с двумя аспектами: методологическим — уровень разработки проблемы философией в целом и историческим материализмом в частности и фактологическим уровнем использования археологических материалов по вопросу о цивилизации.

Остановимся в связи с этим на некоторых методологических положениях. Разработка проблемы цивилизации, как известно, своими корнями уходит к работам эволюционистов, Л. Моргану [1], выделившему три основных ступени исторического развития: дикость, варварство и цивилизацию, и историко-философскому обоснованию проблемы Ф. Энгельсом, который, восприняв схему Л. Г. Моргана, обратил внимание на то, что цивилизация упрочивает все возникшие до нее виды разделения труда, создает класс, который занимается «не производством, а только обменом продуктов... Связующей силой цивилизованного общества служит государство» [2].

В разработке проблем цивилизации, как известно, много было сделано А. Дж. Тоинби, который дал представление о первичных и вторичных цивилизациях, расцветших и неразвившихся, независимых и цивилизациях-спутниках [3]. Им раскрыты общие закономерности возникновения и развития цивилизации. Концепцию многотипного развития цивилизации успешно углубляли Дж. Стюарт и Г. Даниел. Последний рассматривает

---

[1] *Морган Л. Г.* Древнее общество. Л., 1935.

[2] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1982. С. 191, 204.

[3] A study of history by Arnold J. Toynbee. London — New York: Oxford University press, 1956. V. 1, 2.

семь отдельных изначальных цивилизаций: Шумер, Египет, Индия, Китай, Перу, майя и ацтеки [4].

С конца 60-х гг. значительно оживился интерес советской науки к проблемам цивилизации как с общих историко-философских позиций, так и относительно конкретных вопросов. В этой связи необходимо указать на работы по вопросам формирования раннеклассового общества и типологии древних цивилизаций [5]. При этом с конкретно-историческим подходом были разработаны общие закономерности цивилизации и конкретные формы ее проявления [6]. В частности, были выделены три типа цивилизации: 1) основанные на ирригационном земледелии; 2) основанные на подсечно-огневом тропическом земледелии; 3) цивилизация среднеземноморского типа [7]. В ряде работ в той или иной мере был сформирован и набор основных признаков, характеризующих цивилизацию. Прежде всего цивилизация соответствует классовому обществу, а у некоторых исследователей тип цивилизации соответствует той или иной государственной структуре. Было подмечено, что цивилизации порождены людьми в определенных географических условиях, стимулирующих трудовую деятельность человеческих коллективов. Появление цивилизации предполагает относительно высокий уровень развития производительных сил и регулярное получение прибавочного продукта. С цивилизацией связано увеличение плотности поселения, что способствует формированию крупных социальных объединений, выделению правящей социальной прослойки, этническому сплочению, политической консолидации, этническому самосознанию. В более сжатой

[4] *Daniel G.* The first civilizations. London, 1968.

[5] *Дьяконов И. М.* Проблемы собственности, о структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // Вестник древней истории. 1967. № 4; *Массон В. М.* Формирование раннеклассового общества и вопросы типологии древних цивилизаций // Древний Восток и античный мир. М.: Изд. МГУ, 1980. С. 11—41; *Жуков Е. М.* Некоторые вопросы теории социально-экономических формаций // Коммунист. 1973. № 11; Формации и социально-классовые структуры. М.: Наука, 1985; *Дьяконов И. М.* Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // Вестник древней истории. 1968. № 4.

[6] *Массон В. М.* Экономические предпосылки сложения общества // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.

[7] *Павленко Ю. В.* Критический анализ истории зарождения цивилизации А. Дж. Тойнби // Теория и методы археологических исследований. Киев: Наукова думка, 1982. С. 89—110.

форме определение цивилизации было дано В. А. Белявским: «Для цивилизации характерны: общественное разделение труда, раскол общества на антагонические классы, эксплуатация человека человеком и наличие государства» [8].

Так как возникновение и развитие цивилизации всегда рассматривалось только на примерах раннегосударственных образований, возникших на земледельческой основе, то сложился и определенный взгляд на конкретные исторические признаки цивилизации, предложенные Г. Чайлдом, К. Фланнером, Г. Даниел и другими [9], такие, как появление письменности, наличие дорог, поселений городского типа и монументальной архитектуры, внешней торговли и системы сообщений. При этом прав В. М. Массон, указывая, что «сложение цивилизации — это отражение глубинных социально-экономических процессов, тогда как столь популярная триада (города, письменность, монументальная архитектура) — всего лишь комплекс ее внешних признаков» [10].

Здесь много общепринятого в науке и бесспорного: это философское обоснование цивилизации, ее роли в системе мирового исторического процесса; бесспорна конкретная привязка древнейших цивилизаций к физико-географическим условиям, их связь с земледельческим базисом, оседлостью, а отсюда вытекающая роль города, системы учета и других факторов. Считать исчерпанной проблему цивилизации, наверное, нельзя. Такой подход узок как в методологическом, так и в историческом аспектах, а на практике он приводит к исключению из цивилизации как уровня исторического развития ряда регионов мировой истории. Так получилось с огромной и своеобразной по географическим условиям и процессам исторического развития зоной скифо-сибирского или саксо-сибирского мира.

Определенную отрицательную роль здесь сыграли: неразработанность общей методологической концепции цивилизации, господствовавший долгое время прямолинейно-эволюционный взгляд на последовательность про-

[8] *Белявский В. А.* Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М.: Мысль, 1971.

[9] *Flannery K.* The Cultural Evolution of Civilization // Annual Review of Ecology and Systematies. 1972. V. 3; *Daniel G.* The first civilizations.

[10] *Массон В. М.* Формирование раннеклассового... С. 27—29.

цесса исторического развития. Удивительно, что, придерживаясь провозглашенного еще Г. Чайлдом и А. Тойнби плюралистического взгляда на процессы возникновения и развития цивилизации, мы по-прежнему не обращали должного внимания на исторические процессы в степной и горнодолинной зонах Евразии в древности. При этом надо признать, что отрицательно сказалось увлечение долгие годы проблемами археологических культур. Степная Евразия с 20-х гг. нашего века вообще не рассматривалась в целом как зона исторического развития скифо-сакского мира. Исследовались только отдельные составные части этого мира — археологические культуры. Отрицательно сказалась неразработанность методики извлечения социальной информации из археологических материалов, забвение интересов к изучению общих закономерностей исторического развития в степном евразийском регионе и отсутствие специального исследовательского подхода к этой микрозоне как части мировой истории.

В степях Евразии с их специфическим, исконно скотоводческим в своей основе хозяйством уже в начале I тыс. до н. э., а может быть, и раньше, судя по открытым Г. Б. Зданович комплексам Аркаим, Большого Синташтинского кургана, складывались локальные цивилизации, зафиксированные ранними погребальными комплексами Келермес, Аржан, распространением на всей территории от Дуная до Центральной Азии каменных изваяний. Выделенные М. П. Грязновым отдельные центры сложения в степях культуры скифского облика: Причерноморье, Северный Кавказ, Приаралье (Тагисент, Уйгарак), Центральный Казахстан (Тасмола), Минусинская котловина, Тува (Аржан), Монголия и Ордос[11] и были не чем иным, как проявлением локальных скотоводческих цивилизаций. Уже в то время складывались первые признаки цивилизаций: монументальная архитектура погребальных сооружений, монументальное искусство каменных изваяний, пышные и общественно значимые погребения вождей племенных союзов. Есть основания полагать, что к VIII—VII вв. до н. э. относятся обожествление личности вождя, крупные общественные работы по строительству погребальных сооружений, в то время усилились связи вдоль степей, формировались об-

[11] *Грязнов М. П.* Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С. 3—18.

щие проявления материальной и духовной культуры на огромном пространстве степей, отмеченные еще в начале нашего века как скифская триада.

Примерно два столетия в степной зоне ушло на приобщение к локальным цивилизациям соседних народов, перерастание локальных цивилизаций в региональную цивилизацию степной Евразии, выразившуюся в скифо-сибирском культурно-историческом единстве или скифо-сако-сибирском мире степной Евразии с особенностями, характерными для цивилизации: 1) территориальная близость областей; 2) близость социально-экономического уклада; 3) регулярные торговые, культурные и политические связи вдоль степей; 4) культурно-мировоззренческая общность [12].

Сложению, а потом и функционированию степной скотоводческой цивилизации способствовали следующие факторы: территориально-географический (зона степей и горных долин Евразии); экономический базис — фактор, основанный на рациональном использовании степной зоны в целях развития скотоводства, пойменного поливного земледелия, развитии горного дела и металлургии, освоении транспортных средств и верховой езды; этнический, идеологический, социальный факторы, которые свидетельствуют об одинаковом уровне развития отдельных составных частей степной цивилизации; и наконец, внешнеполитический фактор, связанный с тем, что степная Евразия была зоной, противостоящей миру Древней Греции, Ахеменидской Персии, Китаю [13].

Экономической основой степной цивилизации было повсеместно скотоводство в различных его формах как основной источник наиболее эффективного получения в степях и горных долинах прибавочного продукта на единицу затрачиваемого труда при вспомогательной роли пойменного и орошаемого земледелия.

В скифо-сакском мире существовало несколько укладов экономики, основанных на рациональном использовании конкретных природных условий: кочевой степной, горнодолинный скотоводческий и оседлый скотоводческо-земледельческий. Каждый из них был связан с определенными природно-географическими условиями и наиболее рациональным их использованием для получе-

[12] *Массон В. М.* Формирование раннеклассового... С. 29.

[13] *Мартынов А. И., Алексеев В. П.* История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986. С. 96—98.

ния прибавочного продукта. Хозяйственно-географический принцип размещения особенно ярко проявил себя в районах Средней Азии и Казахстана. Причем земледелие могло полностью уступить место скотоводству, если рядом был источник получения продуктов земледелия. И наоборот, земледелие могло быть развито, как в Скифии или у тагарцев.

Сейчас можно определенно говорить об отделении горнорудного и металлургического производства, специализации ремесла, степени высокого развития строительной деятельности, что нашло отражение в сооружении курганов, заготовке и транспортировке леса, камня, дерна, сооружении каналов. Все это требовало массы организованной рабочей силы и управления ею. Подсчеты объемов строительных материалов при сооружении степных курганов скифского времени свидетельствуют о том, что около 10% сооружений имели насыпи более 10 тыс. куб. м, примерно треть курганов объемом более 1 тыс. куб. м. и отдельные сооружения имеют от 30 до 50 тыс. куб. м.

За последние годы было открыто много поселений нескольких типов у тагарцев и на Алтае. Среди них комплекс Косоголь скифского времени в Красноярском крае с планировкой улиц, культовым местом и укреплением.

Вопросы социальной структуры, общественных отношений и государственности рассматривались в основном только по отношению к скифам и хуннам. В то же время материалы Пазырыкских курганов в Горном Алтае, комплексы Салбык и Аржан в Сибири, Иссык и другие в Казахстане и Киргизии, выделение категорий населения по обряду и погребальным сооружениям у скифов, в Горном Алтае, Туве, Минусинской котловине и у саков — все это свидетельствует о сложной стратовосоциальной структуре обществ, наличии основной производительной массы — общинников, господствующей части общества, воинов и ремесленников. Вершиной стратовосоциальной структуры в каждом государстве скифо-сибирского мира была персона царя, функции которой хорошо исследованы на примере кургана Иссык А. К. Акишевым [14].

Степная цивилизация создала свою идеологию, основанную на культе солнца, представлениях о растительных силах и круговороте природы, свою знаково-комму-

[14] *Акишев А. К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984.

никабельную систему. Все это нашло отражение в неповторимом, присущем только этому миру так называемом искусстве «звериного стиля», которое меньше всего было искусством, а было социально-знаковой идеологической символикой.

Таким образом, цивилизацию степной Евразии середины и второй половины I тыс. до н. э. составили государства скифов, саков, древнего населения Горного Алтая, тагарской культуры и Ордоса. Вероятно, государства были у савроматов и населения уюкской культуры Тувы. Эти государства не составляли, однако, сплошной зоны, они возникли как островки скотоводческой цивилизации в степях и горных долинах евразийской зоны. Однако они были ведущей и определяющей силой всего степного мира, их влияние распространялось на соседние племена и народы, не достигшие еще уровня этих государств. В значительной степени этими различиями объясняется распространение предметов вооружения, украшений в среде других представителей степной зоны.

Возникнув в основном на рубеже VI и V вв. до н. э. и в V в. до н. э., раннегосударственные образования просуществовали не более 300—350 лет; заложенной в них общественной и государственной системе не суждено было развиться до уровня расцвета. На рубеже нашей эры наблюдается прерывность в историческом развитии в степях Евразии и горных долинах, меняется характер культуры, складываются основы новой гуннской эпохи в степях. Этот период отмечен перемещением групп ираноязычного, тюркоязычного, угорского населения, их борьбой, ростом влияния военно-аристократической верхушки, приведшей к сложению уже кочевнических государств нового типа. Новой, определяющей силой исторического развития с рубежа III—II вв. до н. э. явились гунны на востоке, усуни — на юге, сарматы (прохоровцы) — на западе. Под их влиянием менялся облик культур в Южной Сибири, Казахстане, горных долинах Средней Азии и на западе, в скифо-сарматской среде.

На рубеже нашей эры мы отмечаем характерную для этой зоны прерывность в процессе исторического развития как следствие событий начавшегося великого переселения народов. В это время значительно меняются источники получения прибавочного продукта и пути накопления собственности. Основное развитие получает экстенсивное кочевое скотоводство, а в отношениях меж-

ду обществами — война и грабеж соседних народов, а вместе с тем и социальная роль воинов, вооруженной конницы, приведших к сложению новых государств — Первого и Второго тюркских каганатов, государства кимаков, Хазарского каганата.

К середине I тыс. н. э., таким образом, сложились собственно кочевническая цивилизация, ее материальная культура, новый, отличный от предшествующей эпохи комплекс духовных, идеологических ценностей, сложилось новое искусство, письменность, героический эпос, центральными фигурами которого являются конь и герой.

Подводя итог, можно отметить, что изначально в мировой истории сложились только два типа цивилизации, в разных вариантах, основанные на двух направлениях развития производящей экономики: земледелии и скотоводстве. Наиболее яркие примеры дали зоны абсолютного преобладания того или иного способа хозяйствования.

Проблема цивилизаций и их взаимоотношений требует своей глубокой разработки. Очевидно, признаки одной цивилизации, в данном случае земледельческой, не могут быть универсальными, с ними не могут полностью совпадать признаки скотоводческой степной цивилизации, номенклатура ценностей здесь будет другой.

САКО-СОГДИЙСКИЙ СИНТЕЗ НА СРЕДНЕЙ СЫРДАРЬЕ

Н. Н. Негматов *(Душанбе)*

Сырдарьинский бассейн и прилегающий регион с долинным, горным и степным ландшафтом по своим экологическим условиям способствовал формированию смешанного оседло-земледельческого и кочевого скотоводческого хозяйства с преобладанием то одного, то другого из них в зависимости от конкретно-географического характера каждого района. В силу этого на протяжении всей истории сюда интенсивно внедрялись носители обоих ведущих типов центрально-азиатского хозяйства —

земледельцев с юга и запада, скотоводов с севера и востока. В эпоху поздней бронзы и раннего железа формирующийся здесь земледельческий уклад хозяйства представлен чустской, эйлатанской, шурабашатской культурами древней Ферганы, бургулюкской, каунчинской и отрарско-каратауской культурами западной части Тянь-Шаня. С другой стороны, здесь выявлено множество курганных могильников, представляющих скотоводов. Почти постоянная кочевническая инвазия и все более усиливающееся влияние оседло-земледельческого центра и юга Средней Азии, прослеживаемые в разной степени во всех археологических культурах региона, иллюстрируют сложный путь формирования сырдарьинского бассейна в историко-географическом, хозяйственном, культурном и этническом аспектах.

Население Сырдарьинского бассейна в I тыс. до н. э. формировалось преимущественно на базе местных сакских племен, отмеченных в письменной традиции как «саки, которые за Согдом», заяксартские саки, а севернее и западнее — саки тиграхауда и хаомаварга. Позже сюда внедрялись юэчжи, усуни и другие скотоводческие группы. Вторым этнокультурным компонентом здесь выступает согдийское население, время, количество, характер формирования которого пока мало изучены. Согдийский элемент широко проявляется в топонимике, археологическом материале и позже — в мощной градостроительной и ремесленно-торговой практике (названной раньше в науке «согдийской колонизацией») в областях Сырдарьинского бассейна, Семиречья и по трансазиатскому торговому пути. Более или менее ощутимая тюркская инвазия в Сырдарьинский бассейн, несмотря на выявляемые отдельные более ранние антропологические и лингвистические и иные материалы, начинается фактически с зари раннего средневековья.

Ираноязычный сако-согдийский субстрат положил начало формированию родственных древнеуструшанского, древнеферганского и древнечачского населения, создал древнеземледельческую и раннегородскую культуру региона. СТАКЭ АН Таджикской ССР получены новые находки по культуре древнеферганских саков (могильники Дашти Ашт, Аштский комплекс петроглифов, исфаринские бронзовые скульптуры и ходжентский железный шлем), по раннегородской культуре Ходжента и Уструшаны (Архаический Ходжент, Нуртепа, Муктепа, Ши-

рин), дающие уникальную возможность изучения совместного сако-согдийского синтеза на синхронных конкретных материалах периода перехода общества к новому социальному состоянию. Сырдарьинский бассейн как наиболее яркая контактная зона взаимодействия кочевых и оседлых культур Центральной Азии в распоряжение науки дает важные материалы, без которых невозможно раскрыть конкретную историю социально-экономического и культурного развития древневосточных обществ.

Эти тезисно поставленные вопросы рассмотрим кратко на конкретно-археологических материалах, полученных в Таджикистане в последний период. Прежде всего это материалы из Западно-Ферганского региона. Исследованиями Е. Д. Салтовской выявлены, раскопаны и предварительно опубликованы материалы могильника Дашти Ашт [1], расположенного у подножия хребта Карамазар. Всего этот могильник насчитывает более 500 круглых каменных с песком насыпей высотой — от 0,4 до 1,5 м, диаметром — от 4 до 12 м. Из них раскопано более 250 погребений, из которых 48 оказались кеннотафами. Они выделены в три группы, различимые хронологически и по устройству могил. Древнейшую группу составляют одиночные погребения в «каменных ящиках». Они датированы VIII—VII вв. до н. э. Вторая группа — коллективные захоронения в неглубоких грунтовых могилах, датированных VI—III вв. до н. э. Третья группа включает коллективные и одиночные захоронения в каменных и наземных сооружениях (хурумах), которые датируются пока широко в пределах от первых веков до VI—VII вв. н. э. Кроме публикаций Е. Д. Салтовской, ряд предметов из могильника Дашти Ашт представлены в каталоге «Древности Таджикистана» [2], который преподнесен на симпозиуме нашим французским коллегам.

[1] *Салтовская Е. Д.* О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной Фергане // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1978. № 154. С. 95—99; *Она же.* Некоторые новые материалы о «Ферганских кочевниках» // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1975. Вып. 3. С. 36—39; *Она же.* О раскопках могильника VI—IV вв. до н. э. в Северо-Западной Фергане // Археологические раскопки Таджикистана. Душанбе, 1976. Вып. 12. С. 48—60; *Она же.* О раскопках могильника Дашти Ашт в 1976 г. // Археологические раскопки Таджикистана. Душанбе, 1982. Вып. 16. С. 243—263; и др. работы.

[2] Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985. С. 42, 59—60.

В рамках СТАКЭ группой О. В. Панфилова в горных хребтах Моголтау и Курама в течение ряда лет проводятся специальные исследования петроглифов [3], значение которых как памятников археологии и искусства, содержащих в себе богатые и разнообразные источниковедческие данные широкого историко-культурного значения, общеизвестно. Они интересны также с позиций палеозоологии и других палеоестественных наук [4].

В Моголтау, небольшом по площади (350 кв. м) хребте, зарегистрировано более 1100 разносюжетных изображений в четырех десятках пунктах ущелий и предгорий.

Основной сюжет изображений — дикие копытные животные: горные козлы (винторогие, безоаровые, козероги), бараны-архары, бухарские олени, домашний скот (лошади, верблюды). Имеются изображения человека (охотник-всадник), тамги в виде бараньих рогов, трех переплетенных колец, солярных и лунарных знаков (свастика, круги с точкой посередине, полукруги с боковой чертой) [5].

Огромный музей петроглифов в несколько тысяч изображений открыт в Кураминском хребте в пределах Аштского района, от поселка Шайдан до селения Янгак (8—10 км) и в ущельях Пангазсая и Даханасая. Значительная часть рисунков изображает в характерном «зверином стиле» козерогов, баранов-архаров и оленей, а также «повозки», лучников, солярные знаки [6].

Только на трех участках урочища Кушбулак (западнее селения Дахана) зафиксировано в 1986 г. около 500 изображений, которые сосредоточены преимущественно на небольших крайних выступах скалистых отрогов, выходящих на подгорную степную полосу. Здесь же находится значительное число погребальных курумов, остав-

---

[3] Ранее начатые эпизодические исследования: *Маджи А. Е.* Наскальные рисунки в горах Моголтау // Изв. Отд. общ. наук АН Тадж ССР. 1957. Вып. 14. С. 76—86; *Литвинский Б. А.* Изучение курумов в Ленинабадской области в 1957 году // Археологические раскопки Таджикистана. 1959. Вып. 5. С. 110—113; *Ранов В. А.* Новые наскальные изображения в Кураминском хребте // Искусство таджикского народа. Душанбе, 1960. Вып. 2. С. 121—142; и др.

[4] *Панфилов О. В.* Поиски и фиксация наскальных изображений Северного Таджикистана в 1976—1979 гг. // Археологические раскопки Таджикистана. Душанбе, 1986. Вып. 19. С. 432—443; и др.

[5] *Он же.* Петроглифы Моголтау // Археологические открытия 1982 года. М., 1984. С. 499—500.

[6] *Он же.* Изучение петроглифов Западной Ферганы // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 567.

ленных древним сакским населением и тесно культурно-исторически связанных с петроглифами. Так, под одним из курумов выявлена скальная поверхность с рисунками, а в других случаях петроглифы на скальных обломках использованы при возведении курумов. Имеются территориально отделяющиеся скальные участки с явно намечающимися культовыми функциями. Такая концентрация петроглифов и курумов позволяет выделить один из культово-мемориальных центров северо-сырдарьинских саков («Саков, которые за Согдом»),

Среди изображений кушбулакской группы отметим сцены охоты, согнутых лучников, «рожениц», силуэтные изображения животных, колесницы, сюжеты «звериного стиля» (олени, козероги, архары, кабаны, собаки, всадники, лучники, солярные знаки). Они выбивались в основном на хорошо освещенных южных и западных склонах скал, отличаются по степени концентрации патины, манере исполнения и сюжетному набору.

Выделяемый стилистический и сюжетный пласт поздней бронзы и раннего железа выполнен мелкоточечной выбивкой небольших размеров, а по сюжетам перекликается с петроглифами Саймалыташа (Киргизия), Каратау (Казахстан), Горного Алтая и Монголии, демонстрируя близкие общегенетические этнокультурные основы. Это — лучники с согнутыми ногами, «роженицы», изображения животных в силуэтном и битреугольном контурном стиле, сцены охоты.

Второй пласт кушбулакской группы — уже времени распространения «звериного стиля» (середина и вторая половина I тыс. до н. э.) — фиксирует собственно локальный район распространения скифо-сакского искусства скотоводов Западной Ферганы, где также выделяются конный сюжет «летящего галопа» (характерные позы животных с подогнутыми ногами), олени, козероги, архары, кабаны, собаки, всадники, лучники, солярные знаки.

Следующий пласт рубежа и первой половины I тыс. н. э. — время упрощения «звериного стиля», схематизация рисунков и количественного уменьшения сюжетов (козероги, архары, редко сцены охоты) [7]. В целом, как

[7] Эта предварительная хронологическая и сюжетно-стилистическая классификация и общее осмысление петроглифов Кушбулакской группы Аштского комплекса достигнута на Полевом семинаре СТАКЭ

показывает первичный анализ, моголтауские и кураминские петроглифы делятся на 4 пласта: 1) эпохи бронзы и раннего железа; 2) середины и второй половины I тыс. до н. э.; 3) рубежа и первой половины I тыс. н. э.; 4) поздне-средневековые и нового времени. Причем, если на моголтауских количественно преобладают «поздние» рисунки, а «древних» гораздо меньше, то на Кураминском хребте, наоборот, огромны древние пласты и незначительны поздние. Определяется несомненно сакская этническая и культурная принадлежность всего древнего пласта петроглифов. Последние отличаются реалистичностью (против схематичных поздних) рисунка, выбитых «точечной» техникой на скалах и отдельных валунах гранитных пород.

Подробное сюжетно-иконографическое исследование петроглифов, несомненно, позволит войти в мир идеологии, обрядов, конкретной природно-географической среды конкретных среднесырдарьинских саков, т. е. «саков, которые за Согдом». Думается, что петроглифы откроют также пласты современного мировоззренческого синтеза общин саков-скотоводов, саков-земледельцев и оседло-земледельческого согдийского присырдарьинского населения, которые жили «в чересполосицу» друг с другом. Кстати заметим, что первые поселения, замки и крепости оседлых групп населения, скорее всего тех же оседавших саков, в том же регионе, появляются в первых веках до нашей эры — первых веках нашей эры. Это памятники Тудаи Хурд, Тудаи Калон, Калаи Афрасиаб, Кухи Урда, Сомгор и др.[8] Символично, что два из этих поселений — «Крепость Афрасиаба» и «Пещера Сома» — носят имена легендарных персонажей сако-согдийского эпоса. Здесь мы видим участие «саков, которые за Согдом», в урбанистическом процессе региона вместе с соседним согдоязычным оседло-земледельческим населением, что — несомненный факт сако-согдийского этнического, социально-экономического и культурного синтеза.

Такой совместный синтез для предыдущего периода раннего железа состоялся также на начальном этапе ур-

(1986 г.) с участием известного специалиста сибирских петроглифов, профессора А. И. Мартынова, а также Г. С. Мартыновой, Е. Д. Салтовской, О. В. Панфилова и автора.

[8] *Негматов Н. Н.* Предварительный отчет о работах Ходжентского отряда в 1954 г. // Археологические раскопки Таджикистана в 1954 году. Душанбе, 1956. С. 40—41; *Он же.* Сомгор: (К истории целинного Сомгорского массива). Душанбе, 1968.

банизации центрального среднесырдарьинского района — Ходжентского, при формировании в дельте речки Ходжабакырган, на берегу Сырдарьи сначала оседлых поселений, а затем города Архаический Ходжент в течение VII—V вв. до н. э. Здесь в качестве основателей города выступали совместно древнейшие согдо-уструшанские и сакские общины. Этот вопрос неоднократно отмечался мною [9], а с точки зрения сакского историко-культурного компонента — Е. Д. Салтовской [10]. Очень важна в этом же отношении новая случайная находка (еще не опубликованная) — сакский шлем на берегу Сырдарьи в пределах Ленинабада, который по своим прямым аналогам — «собратьям из Ирана и Украины» — датируется VI—V вв. до н. э.

Сакскую культуру, уровень ее развития, времен их оседания и раннего этнокультурного синтеза с местным ферганским оседло-земледельческим населением эйлатано-шурабашатской среды иллюстрируют недавние, уже опубликованные, находки скульптурных головок баранов (V—III вв. до н. э.) из Исфаринской долины, судя по всему, принадлежавший зооморфному трону местного владетеля [11]. В публикациях о них мы на базе письменных источников и археологических материалов уже подробно рассматривали функциональное применение скульптурных головок и вопрос о древнеферганском фарне (почитании) барана. Здесь только добавим, что согласно «Шахнаме» Фирдоуси мифический Кайковус подарил в качестве царской инвестуры герою сако-согдийского эпоса Рустаму трон, выточенный из камня би-

---

[9] В последний раз *Негматов Н. Н.* Ленинабад в истории Таджикистана // Изв. АН ТаджССР. Серия: востоковедение, история, филология. 1986. № 2(2). С. 3—5; *Негматов Н. Н.* Ходжент. Основные этапы истории // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе: Дониш, 1986. С. 3—5.

[10] *Салтовская Е. Д.* К вопросу о первых поселениях Архаического Ходжента // Изв. АН ТаджССР. Серия: востоковедение, история, филология. 1986. № 4(4). С. 45—50.

[11] *Негматов Н. Н.* Бронзовые скульптуры из Исфаринской долины и их историко-культурное место // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология): Тезисы докл. Кемерово, 1984. С. 84—86; *Негматов Н. Н., Мирбабаев А. К.* Бронзовые скульптуры из Исфаринской долины Таджикистана // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник, 1983. Л., 1985. С. 501—507; *Они же.* Находки скульптурных головок и других изделий из Исфаринской долины // Археологические раскопки Таджикистана. Душанбе, 1986. Вып. 19. С. 413—431.

рюзы «хварну» в образе барана. Они представлены в вышеупомянутом каталоге «Древности Таджикистана» (с. 64—65).

Если перейти к материалам уструшанского региона, то конечный на юго-западе пункт соприкосновения заяксартских саков приходится к нынешнему Куркатско-Бекабадскому району Сырдарьи с известным Фархадо-Ширинским горным проходом между Моголтау и хребтом Ширин. Здесь археологически выявлен крупный комплекс городских поселений с погребальными зонами — городище Мунчактепа с Ширинсайским и Восточным могильниками[12] и городища Ширин I, II, III с куркатскими скальными дахмами и кладбищами оссуарно-хумных погребений[13]. Они функционировали хронологически длинный период с рубежа нашей эры почти в течение всего I тыс. н. э. Есть намеки более раннего начала местной урбанизации.

Здесь получены уникальные расово сложный краниологический материал (более 600 особей) и богатейший комплекс разнообразных предметов украшений (более 2 тыс.), носящих в себе разнообразные символы и образы разной этнокультурной принадлежности — явный результат синтеза культур на перевалочном торгово-экономическом районе у здешних речных сырдарьинских порогов. Как показывают новейшие исследования А. К. Мирбабаева, Средняя Сырдарья играла большую роль в торговом и культурном транзите между Ферганой, Уструшаной, Чачем и Испиджабом, археологически прослеживаемом достаточно четко по материалам погребальных памятников на всем протяжении названной

---

[12] *Гайдукевич В. Ф.* Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. // Краткие сообщения Института материальной культуры. М.; Л., 1949. Вып. 4. С. 92—109; *Он же.* Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе // Краткие сообщения Института материальной культуры. М.; Л., 1979. Вып. 28. С. 77—82; *Он же.* Могильник близ Ширин-Сая в Узбекистане // Советская археология. М.; Л., 1952. № 14. С. 331—359.

[13] *Негматов Н. Н., Билалов А. И., Мирбабаев А. К.* Открытие скальных склепов Курката // Археологические открытия 1974 года. М., 1975. С. 540—541; *Негматов Н. Н., Мирбабаев А. К., Абдурасулов М. А.* О работах Уструшанского отряда // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 570; *Негматов Н. Н.* Художественные изделия из Куркатских склепов // Декоративное иксусство СССР. 1977. № 9. С. 42—43; и др. (Образцы предметов из городищ Ширин и Куркатских склепов приведены в каталоге «Древности Таджикистана», см. С. 121—125).

части Сырдарьинского бассейна. Можно с уверенностью сказать, что этот культурный синтез прежде всего результат сако-уструшано-согдийского общения.

В последние годы в Уструшане археологически открывается еще один район контактов, но уже собственно согдо-уструшанских оседло-земледельческих и скотоводческих общин. Это — городище Нуртепа в местности Хаватак, в южной приуратюбинской части Голодной степи. Полуовальное в плане (площадь 18 га), оно было укреплено стенами и умело приспособлено к естественному рельефу у речки Ниджонисай. Как показали раскопки, Нуртепа имеет сложную историю, древнейшие следы обживания его территории относятся к эпохе поздней бронзы. В VII—V вв. была обжита вся территория городища с основным типом жилищ — полуземлянок с использованием прямоугольных сырцовых кирпичей для укрепления лессовых стенок-образцов, получила распространение керамика ручной лепки, иногда с матерчатым шаблоном, появились сосуды, изготовленные на круге. На рубеже V—IV вв. появились наземные постройки исключительно из сырцового кирпича, в IV—II вв. увеличилось количество станковой посуды, улучшилось ее качество. В те же столетия к югу формировался значительный земледельческий округ с веерным искусственным орошением посредством магистрального канала, выведенного в 12 км выше р. Шахристансай [14].

Уже предварительные итоги исследований констатируют весьма тесные контакты со скотоводческим населением и даже, возможно, в формировании первичных поселений и городского центра преимущественную роль сыграли местные оседающие скотоводческие общины. Сохранившаяся античная историческая традиция и ее анализ позволяет в древнейшей Уструшане выделить две племенные группы, составившие впоследствии основу древнего согдоязычного населения этой области — это племена *куру,* обживавшие район Курката (по Бенвенисту), и сильное, многочисленное племя мамацеков, локализованное, по Мандельштаму, в гористых районах,

[14] *Негматов Н. Н., Беляева Т. В., Мирбабаев А. К.* К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа — Нуртепа // Культура первобытной эпохи Таджикистана: (От мезолита до бронзы). Душанбе, 1982. С. 89—111; *Беляева Т. В.* Раскопки на городище Нуртепа // Археологические открытия 1984 года. М.. 1986. С. 478; и др. Часть материалов из Нуртепа представлена в кн. «Древности Таджикистана» (с. 60—64).

как раз включающих зону рассматриваемого города. Эти историко-археологические размышления подлежат в дальнейшем детальной разработке.

Таков краткий обзор источников и выявленных археологических объектов сако-согдийского историко-культурного синтеза на территории древних Западной Ферганы и Уструшаны. Это всего лишь постановка проблемы для областей Средней Сырдарьи, первичная обработка добытой на сегодня части археологического материала. Более или менее удовлетворительное рассмотрение социальных, экономических, культурных и этнических аспектов этой важной и интересной проблемы станет возможным по мере получения большого материала и их специально-монографического исследования.

БАКТРИЙСКО-ЮЭЧЖИЙСКИЙ И СОГДИЙСКО-КАНГЮЙСКИЙ СИНТЕЗ В ИСКУССТВЕ

Г. А. Пугаченкова *(Ташкент)*

Специфика древних и средневековых обществ на Среднем Востоке заключается в сосуществовании населения оседло-земледельческой и городской культуры с соседствующими кочевыми народами. В разные периоды отношения этих групп определяли либо их симбиоз, либо военное противостояние. В борьбе верх нередко брали именно номады. Однако они недолго оставались в состоянии победителей. Следом наступал период постепенного их растворения в лоне более высокой социальной среды побежденных, с восприятием их социальной структуры, политической организации, экономики и культуры.

Время, которое называют периодом среднеазиатской античности, ярко иллюстрирует такую закономерность. Известны его основные этапы. В IV—III вв. до н. э. часть Средней Азии была завоевана пришедшими с запада: сначала Александром Македонским, затем — Селевкидами, власть и тех и других оказалась недолговечной, но позитивные последствия были. После греческих вторжений с середины III в. до н. э. стало возможным включение в орбиту широких международных связей эллинизи-

рованной культуры и Бактрии, и восточной Парфии, а через них (уже опосредованно) — областей Согда, Чача, Хорезма. Вторая половина II—I вв. до н. э. — время движения из недр Центральной Азии племенных союзов кочевых и полукочевых народов (саков, юэчжи, кангюйцев, усуней), теснивших друг друга и оседавших в оседло-земледельческих оазисах. Процесс завершился формированием местных государственных образований, во главе которых стояли племенные вожди этих народов. Такими государствами явились: могущественная империя Кушан и государственное объединение Кангюй, существовавшие при сохранении в северо-восточных зонах кочевнических племенных союзов.

Скудные исторические свидетельства об этих событиях в настоящее время во многом восполняет археология. В найденных памятниках отчетливо прослеживаются не только процессы приобщения пришельцев кочевого мира к городской культуре оседло-земледельческих оазисов, но и встречный процесс — проникновение в эту культуру их традиционных черт.

Для культуры Бактрии, Согда, Хорезма этого времени характерно развитие градостроительства (система застройки, фортификация), архитектуры, изобразительных искусств в их крупных и малых формах (скульптура, живопись, торевтика, коропластика), профессионального ремесла.

Процесс культурного взаимопроникновения можно проиллюстрировать на одном из примеров художественной культуры Средней Азии, относящейся к периоду первых веков до нашей эры — началу нашей эры.

В памятниках культуры этого времени заметно выделяется тема обращения к образу победоносного конника, носителя военной славы и охотничьей доблести, т. е. к высшему идеалу, принятому в кочевой среде. Вместе с тем этот мотив переплетается с мотивом почитания предка-номада, не расставшегося со своим скакуном. Такое направление в культуре отвечало задаче прославления стоявших у власти правителей, выходцев из среды пришлых кочевых племен, которые влились в местную этнокультурную среду областей с высоко развитой городской культурой.

Наиболее массовым воплощением этой темы, одним из ее вариантов, является особая группа лепных терракотовых статуэток, которые попадаются на городищах

Бактрии, Маргианы, Согда, Хорезма, Уже в III—II вв. до н. э. здесь получила развитие коропластика — выполнение фигурок местных божеств (особенно чтимых богинь), которые оттискивались формочками и нередко исполнены высоких художественных достоинств. Во II—I вв. до н. э. и позднее в контрасте с ними предстают фигурки конного всадника ручной лепки, со схематично выполненными тельцем и головой, где защипом оттянут нос и налепными лепешечками или фестонами обозначены глаза. В фигурках как бы подчеркнуто, что это не человеческий образ, а идол. О том, что это не просто детская игрушка, а предмет, несущий сакральную функцию лепных фигур, говорит находка в Халчаяне в слое I в до н. э. — курильница (на расширенном основании восседают три таких идольчика). Уже много лет назад нами была выдвинута интерпретация лепных всадников этого рода как пример воплощения духа далеких предков тех кочевых племен, которые во II—I вв. до н. э. наводнили области высоких цивилизаций. Характерно появление их в археологических слоях именно с этого времени, причем в областях, где существовало высокое искусство профессиональной коропластики. Но возникает вопрос: если в одних и тех же гончарных печах одновременно обжигались и терракоты, оттиснутые штампом, и эти лепные всаднички, не значит ли это, что на них был особый спрос. Вероятно, первоначально они изготовлялись для оседавших пришельцев — саков, юэджей, парнов, но со временем получили широкое распространение и в местной городской и земледельческой среде, поскольку во главе Кушанской и Парфянской империй и государственного объединения Кангюй стояли представители этих пришлых племен.

Показателем признания важной идеологической роли конного предка-завоевателя служат монеты индо-сакского чекана Индии, первых кушанских правителей вначале в Бактрии (монеты Герая), а затем — в ареале всего кушанского царства (Сотер Мегас-Кадзиф I), правителей Хорезма (Вазамара и др.). На монетах изображен вооруженный всадник, очевидно, идеализированный образ самого царя, от имени которого чеканена монета, слившийся с образом обожествленного воинственного предка — племенного вождя, который вел первые конницы на захват новых земель. Не случайно и в согдийском чекане времени вхождения Согда в Кангюй на одной из

монетных групп Гиркода представлена протома мчащегося в галопе коня.

Если победоносный всадник, в котором апофеоз власти сочетается с культом предка, ведет свое начало из мира номадов, то в искусстве стран высокой художественной культуры он находит яркое творческое воплощение. Здесь он как бы множится и входит в состав многофигурных тематических композиций — со сценами сражения и охоты. Археологические открытия последних десятилетий дали выдающиеся образцы такого плана, причем как в монументальном искусстве, так и в искусстве малых форм. Об этом, например, говорят памятники Бактрии и Согда.

Одна из главных сцен в скульптурных композициях дворца представителей Гераева клана в Халчаяне содержит сцену сражения легковооруженных лучников и бронированных катафрактариев. По местоположению скульптурных фрагментов, упавших во время древнего землетрясения на пол, была восстановлена общая композиция. К ней близка по стилю сцена охоты, выгравированная на костяной пластине из Тахти-Сангина. Обе передают близкий этнический тип лучников и присущие им реалии (костюм, стрижка волос, форма лука, манера стрельбы), обе отображают экспрессивный стиль раннекушанского искусства.

Другой пример — парные костяные пластины из курганного могильника у с. Орлат, расположенного на взгорье, рядом с городищем Курган-тепе. Эти предметы — остатки довольно крупного хорошо укрепленного города — античного Согда. На одной из них выгравирована сцена баталии, на другой — охоты. Можно отметить в них иной этнический тип, чем в бактрийско-юэчжийской среде, представленной в упомянутых памятниках Халчаяна и Тахти-Сангина. Есть все основания усматривать в нем изображение тех кангюйцев, которые овладели самаркандским Согдом, утвердив здесь свою власть. Обе пластины содержат ряд интереснейших деталей — в частности оружие, идентичное тому, которое оказалось в самих курганах у Орлата, и ряд других. Но что роднит их с упомянутыми бактрийско-тохаристанскими памятниками, так это общность композиции и тот остроэкспрессивный стиль, которому прямых аналогов для того же периода (около рубежа н. э.) ни в эллинистическом, ни в иранском, ни в индийском искусстве нет. Это — порож-

дение собственного художественного мышления, обусловленного вторжением северного кочевого мира в культурные пласты среднеазиатских оазисов и возникновением на этой основе слияния двух культур (именно так в Бактрии-Тохаристане возник бактрийско-юэчжийский творческий синтез, подготовивший ко II в. н. э. становление уже иного великокушанского зрелого стиля; по всем данным аналогичный процесс имел место и в согдийско-кангюйском ареале).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ И ОСЕДЛЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Д. Г. Савинов *(Ленинград)*

Этносоциальные объединения кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья находились в окружении высоких цивилизаций Византии и Сасанидского Ирана — на западе, Китая — на востоке, согдийских колоний Восточного Туркестана и Тибета — на юге. На севере располагалось «окружающее море», или «необитаемые страны севера», как называют арабские письменные источники таежные пространства Северной Азии.

Политические связи с Византией в период существования Первого тюркского каганата в культуре населения Южной Сибири почти не отразились. Область распространения византийского импорта ограничивается в основном Средней Азией. Самая восточная точка его распространения — Северный Алтай, где у с. Усть-Пристань найден клад византийских монет Анастасия I, Юстиниана и Маврикия[1]. Известно также, что каган Истеми подарил византийскому послу Земарху в 569 г. пленницу из народа кыргыз. В числе «плачущих и стонущих», прибывших для выражения соболезнования по поводу кончины Кюль-Тегина упоминаются «народы» авары и Рим,

[1] *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 546.

то есть Византия, но это скорее воспоминание о событиях середины VI в., чем отражение реальных культурных связей. Более ощутимо прослеживается влияние культуры Сасанидского Ирана.

Однако подавляющее количество находок восточного серебра, большая часть которого относится к сасанидскому времени, сделано в Приуралье и Прикамье. Причина такой концентрации сасанидского импорта не совсем ясна. А. А. Иессен писал по этому поводу, что «необходимо считаться с конкретной исторической обстановкой каждого периода, обусловившей, например, наличие иранского влияния в ахеменидскую эпоху на Урале и на Алтае, тогда как в сасанидское время на Урале сношения с Ираном резко усилились, а на Алтае, по-видимому, совершенно прервались»[2]. Очевидно, они не прервались, а приобрели иную форму. Объяснение этого явления следует искать в возросшей роли государств Средней Азии, культура которых развивалась в тесном взаимодействии с иранской, и уже через среднеазиатскую среду иранское влияние передавалось дальше на восток.

Отношения с Китаем у древних тюрков, уйгуров, енисейских кыргызов и других народов Центральной Азии и Южной Сибири строились на основе традиционной системы «договоров о мире и родстве», сложившейся еще в хуннское время[3]. Характер и степень интенсивности этих отношений зависели от конкретной ситуации в тот или иной исторический период. Так, в погребениях Южной Сибири, синхронных Первому тюркскому каганату, находки предметов китайского импорта немногочисленны, что вполне объяснимо с исторической точки зрения, так как основные интересы каганата в это время были сосредоточены на западе. В погребениях VIII—XI вв. их уже значительно больше. В Монголии, на Алтае, в Туве часто находят китайский шелк, монеты Кайюань тунбао, танские зеркала. Известно, что специально приглашенными мастерами был построен поминальный комплекс Кюль-Тегина в Монголии и сделана надпись

---

[2] *Иессен А. А.* Ранние связи Приуралья с Ираном // Советская археология. 1952. № 16. С. 230.

[3] *Думан Л. И.* Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970. С. 13—36.

на двух языках — древнетюркском и китайском[4]. Особенно показательны в этом отношении китайские монеты, количество которых резко увеличивается в Южной Сибири после 840 года[5], что соответствует характеру отношений между енисейскими кыргызами и Танским двором в середине IX в., когда Китай надеялся с помощью кыргызов уничтожить уйгуров, сильно беспокоивших северные пределы империи. Но политическая обстановка изменилась: енисейские кыргызы ушли на запад, а уйгуры перестали быть врагами династии Тан — и количество монет сразу сократилось.

На юге ведущую роль в установлении контактов классовых обществ между собой и с населением их северной периферии играл Согд. В древнетюркское время восточные районы согдийской колонизации достигали Монголии и Ордоса. По мнению А. П. Окладникова, согдийская колония существовала на р. Унге в Прибайкалье, где были найдены орудия пашенного земледелия, среднеазиатские светильники и печатка с изображением древнеиранского божества Гопат-шаха[6]. В согдийских колониях, расположенных вдоль всего Великого шелкового пути, жило как местное, так и согдийское население, главным образом ремесленники. Согдийские мастера изготовляли ткани, металлическую посуду и керамику, которые иногда находят в погребениях древнетюркского времени, а также участвовали в сооружении уйгурских городов, «применяя при этом свойственные им среднеазиатские приемы и строительные материалы»[7]. Влияние согдийского искусства несомненно чувствуется в иконографии и стилистике некоторых древнетюркских каменных изваяний, особенно в пределах Западно-тюркского каганата[8]. Наконец, древнетюркская руническая пись-

[4] *Новгородова Э. А.* Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР // Тюркологический сборник 1977 года. М., 1981. С. 206—213.

[5] *Киселев С. В.* Из истории торговли енисейских кыргызов // Краткие сообщения Института истории. 1947. Вып. 16. С. 94—96; *Лубо-Лесниченко Е. И.* Дальневосточные монеты из Минусинской котловины // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 156—169.

[6] *Окладников А. П.* Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время: (Согдийская колония на р. Унге) // Тюркологический сборник. М.; Л., 1963. С. 273—281.

[7] *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд. МГУ, 1969. С. 56—87.

[8] *Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966. Рис. 2, 9.

менность, ставшая выражением государственности у древних тюрков, уйгуров и енисейских кыргызов, возникла на базе согдийского алфавита. «Можно предполагать, — считает С. Г. Кляшторный, — что приспособление старого согдийского алфавита к тюркскому языку началось очень рано, возможно, в период обитания племени ту́рк (ашина) в Гаочане и других оазисах Восточного Туркестана, колонизированных согдийцами» [9].

Южная Сибирь находилась в стороне от Великого шелкового пути, но была связана с ним разветвленной сетью караванных маршрутов. Из Средней Азии в страну кимаков на Иртыше вело несколько дорог: от Тараза на север через пустыню Бетпак-Дала, из низовьев Сырдарьи по Сарысу и на восток через Семиречье к Алтайским горам. Очевидно, как продолжение последнего пути на восток, скорее всего по Северному Алтаю, шла дорога к енисейским кыргызам. Из Тувы через несколько проходов в Западных Саянах можно было попасть в Минусинскую котловину. Отсюда на запад вела упоминавшаяся уже дорога к кимакам в Западный Алтай и на Иртыш и две дороги — на восток в Прибайкалье. Южная из них, степная, вероятно, шла дальше через Монголию в Китай. Караванные пути Южной Сибири обеспечивали экономические и культурные контакты государств Центральной и Средней Азии с их северной периферией. Отсюда, из Южной Сибири и более северных районов, на международный рынок поступали полученные в результате военных захватов, обмена и дани продукты местного промысла — пушнина, мускус, поделочные камни, мамонтовая кость («рог хуту») и др. Насколько регулярными были эти контакты, показывает пример из истории енисейских кыргызов, к которым из Средней Азии каждые три года отправлялся караван верблюдов с узорчатыми шелковыми тканями, причем, опасаясь набегов уйгуров, через территорию которых проходил торговый караван, «брали провожатых из Гэлолу (страны карлуков. — *Авт.*)» [10].

Отношения с Китаем, Передней и Средней Азией касались не только вопросов торговли, но и затрагивали

---

[9] *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 47—49.

[10] *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 355.

сферу духовной культуры, идеологии обществ-реципиентов. По словам Л. Н. Гумилева, «караванный путь проходил от Средиземного моря до Желтого, и по нему текли идеи, системы, концепции»[11]. Веротерпимость народов Южной Сибири, живших в условиях шаманистского мировоззрения, была благодатной почвой для проникновения различного рода религиозных течений и сект. Ранее других из Китая в степи Центральной Азии проник буддизм, который в конце VI в. был введен в Первом тюркском каганате. В дальнейшем его восприняли в разной степени уйгуры, кыргызы, кимаки. На поясных наборах енисейских кыргызов иногда встречаются буддийские сюжеты. Возможно, к этому же кругу представлений относятся и изображения всадников с «нимбом», найденные на Алтае и в Минусинской котловине. На одном зеркале из Восточного Казахстана (IX—X вв.) нанесена руническая надпись буддийского содержания. Эта «находка в Прииртышье свидетельствует, что кимаки не избежали влияния буддийской миссии»[12]. Одновременно из Средней Азии через Согд проникали идеи манихейского и несторианского толка. В 70-х гг. VIII в. манихейство стало государственной религией уйгуров. От уйгуров, возможно, манихейство восприняли енисейские кыргызы и кимаки. Изображение жрецов в длинных одеяниях, митровидных головных уборах с жезлами, очень близкие восточно-туркестанским росписям, имеются на скалах Енисея. В Суджинской надписи из Монголии, посвященной одному из деятелей кыргызского государства, встречается термин «мар» в значении «учитель», «наставник», употреблявшийся манихейскими и несторианскими проповедниками[13].

Контакты населения Южной Сибири с классовыми обществами не были односторонними. Несомненно, имело место и обратное влияние, которое выразилось прежде всего в широком распространении определенного комплекса предметов убранства верхового коня и вооружения, сложившегося в кочевнической среде. В первую очередь, это касается седла с жесткой основой централь-

---

[11] *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.; Л., 1967. С. 74.

[12] *Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г.* Руническая надпись на зеркале Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник 1972 года. М., 1973. С. 306—315.

[13] *Кляшторный С. Г.* Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. 1959. № 5. С. 165—166.

ноазиатского типа. Самое раннее изображение такого седла представлено на одной из планок с сюжетными композициями из таштыкского склепа у горы Тепсей в Минусинской котловине[14]. Дальнейшее его развитие по материалам могильника Кокэль в Туве показал С. И. Вайнштейн[15]. В Китае седла центральноазиатского типа известны по барельефам на гробнице Тайцзуна (637 г.), погребальным статуэткам танского времени, находкам из купольных гробниц династии Восточное Ляо. Такие же статуэтки оседланных лошадей найдены в Восточном Туркестане. Вместе с седлом широкое распространение получили стремена с пластинчатой дужкой. Мнение о китайском происхождении этой формы стремян, основанное на находке в Уйбатском чаа-тасе[16], ошибочно, так как Уйбатский чаа-тас в поздней своей части датируется IX—X вв.[17], а в предшествующее время этот тип стремян широко представлен материалами археологических памятников всех районов Центральной Азии и Южной Сибири и отсюда был заимствован китайцами, хотя само уйбатское стремя, судя по его орнаментации, возможно, и сделано в Китае. Широкое распространение в Китае, Восточном Туркестане, Иране получили и другие кочевнические элементы убранства верхового коня — бубенчики, султанчики, сердцевидные подвески (решмы) и пр.

Эволюция предметов снаряжения верхового коня вызвала появление новых видов вооружения, в частности сабли. В свое время, основываясь главным образом на изображениях сабель на древнетюркских каменных изваяниях, С. В. Киселев писал, что «у алтайских народов сабля стала применяться едва ли не раньше, чем у других воинственных народов евразийской степи (VII—VIII вв.»)[18]. Возражая ему, Н. Я. Мерперт правильно

[14] *Грязнов М. П.* Миниатюры таштыкских склепов: (Из работ Красноярской экспедиции 1968 года) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1971. Вып. 13. Рис. 4.

[15] *Вайнштейн С. И.* Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры: (В связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966. № 3. Рис. 7.

[16] *Евтюхова Л. А.* Стремя танской эпохи из Уйбатского чаатаса // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1948. Т. 23. С. 40—44.

[17] *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. М.: Изд. ЛГУ, 1984. С. 94—96.

[18] *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. С. 520.

отметил, что «в территорию распространения ранних сабель должна быть включена и Средняя Азия», но выдвинутая им идея о происхождении восточноевропейских сабель от сарматского меча маловероятна[19]. В самой Южной Сибири сабля появилась сравнительно поздно — в VII—VIII вв. ей предшествовала здесь переходная форма однолезвийного палаша. Однако уже в середине IX в. у тюрков существовала весьма разработанная технология изготовления сабель, подробное описание которых сохранилось в письменных источниках[20]. Поэтому в целом «алтайская» (в широком понимании термина — средне-центральноазиатская) прародина сабли представляется наиболее убедительной.

В этом же ареале происходило и формирование сложного лука тюркского типа. Ранние находки костяных накладок лука в Забайкалье, Внутренней Монголии и Восточном Туркестане говорят о глубокой традиции их изготовления в Центральной Азии. Признавая возможность конвергентного развития хуннских луков от скифских и тюркских — от хуннских по всей территории евразийских степей, следует отметить, что Сибирь «сыграла в этом процессе выдающуюся роль, что у гуннов сложные луки с костяными накладками — дальнейшее развитие скифского лука — появились раньше, чем у других народов, и оказали определенное влияние на появление у них подобных же луков»[21]. Отсюда они проникают в Китай, Среднюю Азию и Иран. Эта же традиция сохранялась и в древнетюркское время. Несимметричные луки с одной парой концевых накладок, известные по изображениям на памятниках сасанидского искусства, раньше появились на Алтае[22]. Сокращение числа накладок на южносибирском луке в VIII—IX вв. вызвало аналогичные изменения лука и на других территориях и т. д.

Сказали свое слово кочевники и в области торевтики,

---

[19] *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // Советская археология. 1955. № 23. С. 131—163.

[20] *Мандельштам А. М.* Характеристика тюрок IX века в «Послании Фатху б Хакану» ал-Джахиза // Труды ИИАЭ Казахской ССР. Алма-Ата, 1956. Т. 1. С. 241.

[21] *Хазанов А. М.* Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966. С. 35—36.

[22] *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. С. 87.

хотя здесь, по словам Б. И. Маршака, наиболее «трудно отличить то, что сделано кочевниками, от того, что сделано для кочевников, и от того, что сделано оседлыми для оседлых, но под влиянием кочевников»[23]. Детали поясных наборов, найденные в Пенджикенте, в основном аналогичны древнетюркским, но несколько отличаются от них по приемам орнаментации. В связи с этим В. И. Распопова выделяет два компонента согдийского пояса — местный и древнетюркский, причем «вещи тюркских типов также изготовлялись в Согде, об этом свидетельствуют находки в Пенджикенте литейного брака»[24]. Как бы то ни было, пояс — это элемент кочевнической культуры, атрибут всадника, и то обстоятельство, что поясные наборы могли изготовляться согдийскими ремесленниками, также является отражением влияния кочевников на население земледельческих центров.

Тесные взаимные контакты, преломленные в художественных образах, создали синкретическое искусство эпохи раннего средневековья, где традиции иранского, согдийского, китайского и собственно тюркского искусства переплелись так тесно, что исследователи «одни и те же явления с равным основанием относят к западным или, напротив, к восточным влияниям»[25]. По всему поясу степей от Ирана до Китая распространяются сходные мотивы орнамента и сюжетные композиции. Сейчас трудно, да и вряд ли необходимо пытаться выявить центр сложения этого искусства. Оно эклектично как по содержанию заложенных в него идей, так и по формам их художественного воплощения. Так, на костяных обкладках седла из могильника Кудыргэ на Алтае изображение лежащей лани с вывернутой задней частью туловища восходит к искусству пазырыкского времени[26]. Тот же изобразительный прием встречается и в сасанидской торевтике. Центральные фигуры стоящих тигров на кудыргинских обкладках как будто скопированы с одного из сасанидских блюд[27]. Наиболее известная композиция этого времени — сцена охоты с изображением стреляющего через плечо всадника. Она встречается в Иране,

[23] *Маршак Б. И.* Согдийское серебро: (Очерки по восточной торевтике). М., 1971. С. 51.

[24] *Распопова В. И.* Поясной набор Согда VII—VIII вв. // Советская археология. 1965. № 4. С. 86.

[25] *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. С. 50.

[26] *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ. Табл. 25. 26.

[27] *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. Спб., 1909. № 311.

Согде, Китае, Южной Сибири, но как различно отношение художника к интерпретации этого широко распространенного сюжета! В искусстве Сасанидского Ирана все персонажи изображены статично и торжественно — это охота царей. Даже в лучших образцах сасанидского искусства (например, сцена охоты Шапура II) не избежали этой парадности. Китайские изображения («кубок Мессершмидта») выполнены манерно и как бы подчеркивают светский, развлекательный характер происходящего. В изображении «некоронованного всадника» из собрания Эрмитажа сказалась некоторая условность согдийского искусства, привнесенная из скульптуры, резьбы по штуку, росписи. Совершенно иначе решена та же композиция в украшениях лука седла из чаа-таса в Копенах — одного из наиболее известных памятников енисейских кыргызов VIII—IX вв. в Минусинской котловине. Это вполне реалистическое, полное этнографических подробностей изображение показывает всадника не на турнире или охотничьей выездке, а на жизненно необходимом ему охотничьем промысле. Великолепная экспрессия, мастерски найденный силуэт копенского всадника, распластанность его в пространстве и предельная скомпонованность всей фигуры позволили создать образ лаконичный и действительно символический. Все изображения, сюжетно повторяющие друг друга, сделаны в разной этнической среде и различной стилистической манере и отражают идеологию того общества, где они были созданы. Но вне системы исторически установившихся связей этого не могло произойти. Только они дали возможность в Южной Сибири творчески принять и переработать «в новые оригинальные формы все накопленное веками, а также все привнесенное с иранского запада и китайского востока» [28].

Таким образом, исторические контакты между кочевым населением Центральной Азии и Южной Сибири, с одной стороны, и оседлыми цивилизациями, с другой, несмотря на спорадический характер проявления, охватывали разные стороны культуры и явились постоянно действующим фактором взаимного обогащения раннесредневековых обществ.

[28] Киселев *С. В.* Древняя история Южной Сибири. С. 620.

КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОСЕДЛОГО И КОЧЕВОГО МИРА И ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ШАШТЕПА В ТАШКЕНТСКОМ РЕГИОНЕ)

М. И. Филанович *(Самарканд)*

Ташкентский регион на правобережье среднего течения Сырдарьи и ее притоков как крайняя северная часть зоны контактов оседло-земледельческой ойкумены с древности являл примеры взаимодействия этих миров с миром кочевников. Археологические исследования, широко развернутые в последнее десятилетие на этой территории, позволяют проникнуть в сам механизм процесса культурогенеза, выявить некоторые компоненты, участвовавшие в нем. Они вносят определенную ясность в понимание этнокультурных перемещений, сыгравших заметную роль в сложении этнокарты Средней Азии в эпоху античности. В этом плане исследуемое в последние несколько лет городище Шаштепа внутри современного города Ташкента, несмотря на его, казалось бы, удаленное положение от центра древнеташкентского оазиса, может считаться своего рода ключевым памятником. В его цитадельной части выявлена полная стратиграфическая колонка, зафиксировавшая наличие и последовательную смену отложений всех культурных комплексов, характерных для населения всего оазиса начиная с середины I тыс. до н. э., наиболее интересные комплексы артефактов, конкретизирующие развитие культуры на ранних этапах.

Самый ранний культурный комплекс Шаштепа — нижняя ступень его стратиграфической колонки — принадлежит отложениям поселка с полуземляночными жилищами и характерным набором круглодонной керамики. Органически включаясь в территориальную общность так называемой бургулюкской культуры, выявленной в 40-е гг. А. И. Тереножкиным в долине Ангрен и изученной Х. Дуке, поселок Шаштепа является пока крайним известным пунктом ее распространения на север, в долину другого притока Сырдарьи — реки Чирчик. Если исходить из распространенного в науке представления о том, что правобережье Среднего течения Сырдарьи (Як-

сарта) было территорией обитания заяксартских саков или «саков, которые за Согдом», или сакарауков (вопрос о расселении сакских племен еще остается спорным), то скопление бургулюкских поселков по Ангрену и пункты по Чирчику надо рассматривать как стабильные поселения части этих кочевников, перешедших к оседлому образу жизни. В этом археологические исследования значительно дополнили сведения письменных источников, в частности, Страбона, придерживавшегося традиции античной историографии в характеристике правобережных саков как кочевников, не имевших городов и обитавших в земляных пещерах.

Процесс выделения древних земледельцев из массы скотоводческого населения и сложение бургулюкских поселков шел не без влияния ферганского очага культуры поздней расписной керамики. Это влияние ощутимо в сложении всего культурного комплекса: в формах и технике изготовления на матерчатом шаблоне керамической круглодонной посуды, использовании кирпича прямоугольного стандарта, характере бронзовой индустрии, развитии ремесел (ткачество, камнеобработка) и культов плодородия.

Следующий культурный слой свиты Шаштепа вводит нас в эпоху бурных этнокультурных смещений и трансформаций, ареной которых стал Ташкентский микрооазис и более широкая территория по среднему течению Яксарта. Заброшенный поселок бургулюкцев стал местом захоронений пришлых племен, чуждых местной культуре. Он обнаружен вначале в разрозненном виде. В 1987 г. в нетронутом, хорошо сохранившемся состоянии найдено одно из погребений, которое позволяет судить о характерном обряде: положение костяка на спине в широтном направлении на камышовой подстилке; прикрытие сверху камышовым же матом; сопровождение заупокойной пищей в виде лопатки барана; наличие двух груболепных плоскодонных горшочков и бронзового зеркала с боковой ручкой-стержнем, подложенного под левую руку покойной (это была женщина). Ранее в разрозненных погребениях с аналогичной керамикой встречен железный нож с горбатой спинкой. Поиски аналогии обряду и самому материальному комплексу приводят в низовья Сырдарьи и далее — в мир Приаральско-Приуральских племен, свидетельствуя о соответствии культуре прохоровского типа.

Исходя из стратиграфии Шаштепа и датировки прохоровской культуры К. Ф. Смирновым, события, связанные с перемещением этих групп, происходили не ранее начала или середины III в. до н. э. В это время (по К. Ф. Смирнову) начались активные процессы в среде сарматских племен, приведшие их в движение. Именно в это время первые волны сарматских смещений ощущались на Северном Кавказе. Как видно, аналогичный процесс в это же время происходил и к Востоку от Каспия. В Приаралье и вверх по Сырдарье двигались эти племена, увлекая население низовья Сырдарьи. Еще до вторжения юэчжей в Греко-Бактрию массы варварских племен стояли в 206 г. до н. э. у северных границ этого государства. По материалам археологии можно заключить, что носители сарматоидной культуры, оставившие свои погребения в древнеташкентском оазисе, в своем движении из Приаралья, видимо, входили в число этих племен.

Для выяснения процесса культурогенеза на Средней Сырдарье, однако, важно не только то, что этот регион документируется теперь археологией как один из исходных в прохождении варваров, атаковавших Греко-Бактрию, но и то, что он был также территорией смешения местной бургулюкской культуры с культурой пришлых элементов, в итоге чего сложилась новая культура — культура Каунчи. Механизм этого процесса во многих чертах восстанавливается при изучении последующих наслоений Шаштепа, демонстрирующих синтез, преобладание в котором культурных импульсов с северо-запада, на наш взгляд, особенно наглядно подтверждается интродукцией архитектурно-строительной традиции. Первые строительные формы из сырцового кирпича и пахсовой глины в виде здания крестообразной формы, вписанного в окружность внешней стены, датированы II—I вв. до н. э.

В связи с открытием здания встает несколько вопросов. Прежде всего каково его функциональное значение и связанный с ним поиск истоков его происхождения. При попытке разрешить первый следует обратить внимание: на незначительное количество бытовой керамики; скопление в отсеке коридора хумов, помеченных оттисками печати; наличие небольшого подиума в центральном помещении, а также на находку в соседнем нескольких фрагментов человеческих костей, что исключает

жилое назначение здания. Конкретная аналогия плана сооружения обнаруживается на территории вдоль Сырдарьи, это — здание так называемого дворца городища Актобе 2 в Чардарье [1], близкого по времени зданию Шаштепа (особенно постройка цитадели Биловуртепа в Восточной Фергане [2]. Последняя по датировке Ю. А. Заднепровского первыми веками нашей эры оказывается самым поздним в этом ряду. Строительство этих сооружений, таким образом, как бы шествует во времени, поднимаясь по Сырдарье. Крестообразная же планировка построек необыкновенно прижилась в Фергане и в более позднее время.

Поиски временных истоков приводят вновь к нижнему течению Сырдарьи — в круг погребально-культовых памятников саков. Поздний мавзолей Тагискена (сочетающий: в плане круг и квадрат [3]; круглое погребальное здание с крестообразной разбивкой внутреннего пространства; применение жердевого частокола с обрядом трупосожжения с постройкой) и мавзолей Баланды 3 и другие так называемые крестовины с кремацией в районе городища Бабиш-Мулла, а также крестообразная планировка из Шахсенем и другие сооружения сакской периферии Хорезма — все они датированы в большинстве IV—II вв. до н. э. [4] и составляют круг ближайших аналогов и генетических связей как в архитектурном, так и идеологическом плане. Типологический ряд можно продолжить круглыми сооружениями культового характера Гяур 3 и Калалы-Гыр 2 при Сарыкамышской впадине [5] и самим зданием Кой-Крылган-Кала в Хорезме. Ха-

---

[1] *Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Левина Л. М.* и др. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.

[2] *Заднепровский Ю. А.* Городище Биловуртепе (Восточная Фергана) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1985. № 184. С. 91.

[3] *Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг.: (Полевые исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции). М., 1963. С. 37, 50.

[4] *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 133, 144, 203.

[5] *Итина М. А.* Охранные археологические работы в Хорезме // Советская этнография. 1984. № 1. С. 50; *Вайнберг Б. И.* Поселение Гяур 3 // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. *Она же.* Культовый комплекс IV—II вв. до н. э. в левобережном Хорезме // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докл. Суздаль, 1987. С. 55—56.

рактерно, что все эти постройки интерпретированы исследователями как погребально-культовые или храмовые. Кроме близости общей схемы плана, использования комбинированных вкладов из кирпича и пахсы, типов сводов, арок, устройства оконных прорезей, стреловидных бойниц, явственны параллели в идеологической концепции, заложенной в самом принципе плана. Как уже было показано исследователями мавзолеев раннего Ташкента X—VIII вв. до н. э., она связана с символикой огне- и солнцепоклонничества [6]. Она воплощена и в последующих раннесакских погребениях Уйгарака — с концентрическими кругами жердевого ограждения, со следами кремации. Но в первом случае явственно влияние древнеземледельческих культур юга с их традицией сырцового строительства и той же солярной планировкой в культовом, а впоследствии и гражданском зодчестве. На параллели с Дашян 3, Купшир-тепе и др. уже указано исследователями могильника вождей племен в Ташкенте, равно как и на связи в обряде с дандыбай-бегазинской культурой [7].

Раннесакские погребения как бы указывают на перерыв в традиции возведения архитектурных мавзолеев, но она вновь возрождена в третьей четверти I тыс. до н. э., видимо, на новом уровне в связи с влиянием урбанистической культуры Хорезма. На этой стадии она стала одним из факторов влияния на развитие монументальной архитектуры на средней Сырдарье, принесенного в эпоху активизации этнокультурных контактов в бассейн этой реки. Здание Шаштепа, безусловно, построено по тем же принципам солярной планировки чтущих солнце массагетов; конструктивно неоправданный частокол вдоль стен — дань традиции. Сожжение здесь не производилось, но не отголосок ли его присутствие в окраске стен красного цвета или в некоторых помещениях — реальгара? По сумме признаков оно определенно было задумано и построено как культовое, но, возможно, как предполагается, и для Кой-Крылган-Калы стало впоследствии культово-погребальным. Безусловное генетическое родство с ним Биловуртепе, кажется позволяет

[6] *Лемков А. А.* К истолкованию погребального обряда в Ташкенте // Советская этнография. 1972. № 1. С. 129, 130.

[7] *Итина М. А.* Взаимодействие земледельческих цивилизаций Средней Азии с их варварской периферией в эпоху бронзы // Древние цивилизации Востока: (Сборник). 1986. С. 134.

считать первоначальным замысел возведения последнего как связанный с культом.

Отмечая несомненную роль в своеобразной планировке мавзолеев низовий Сырдарьи связей и заимствований из ареала древнеземледельческих культур юга (что высказано М. А. Итиной), следует подчеркнуть, что распространение и стойкое упрочение ее принципа в сырдарьинском регионе, видимо, объясняется в значительной мере общностью идеологических воззрений, связанных с космологическим солнце- и огнепоклонничеством авестийского толка в широком ареале иранского эпоса. Не случайно мы находили единство крестообразного построения сооружений от Нуги- и Джана и Шахре Кумис на юге и юго-западе этого ареала до кочевнических окраин и пояса контактных культур далеко на севере.

Тип конструкций общественного здания Шаштепа стал принадлежностью культурного комплекса Қаунчи, формировавшегося на средней Сырдарье в эпоху, когда по историческим данным весь кочевой мир к северу пришел в движение и несколькими потоками устремился к югу. Культура Қаунчи получила от сако-сарматских участников этого движения солярную планировку храма и опосредствованно — сырцовое строительство, а также традицию почитания барана как воплощения божественного фарна и даже резко огрубленный (по сравнению с бургулюкским) набор керамических форм с оприми тизированной технологией керамической обработки. Но совершенно очевидно, что внутренние соцально-экономические процессы в местной земледельческой среде привели к формированию классового общества и создали условия для широкой урбанизации. Вот почему культура Қаунчи — это культура городов по всему древнеташкентскому оазису.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОЧЕВНИКОВ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ В ПРИНИГЕРСКОЙ САВАННЕ

В. Р. Арсеньев *(Ленинград)*

Земледелие и скотоводство — формы человеческой деятельности, возникшие на заре цивилизации и во многом явившиеся предпосылкой и самого ее зарождения, т. е. такого состояния общества, которое знаменует качественно большую, чем на охотничьем этапе, независимость людей от природы: доминирование производящих форм жизни над присваивающими, преобразование среды над приспособлением к ней. Именно для этого этапа особое значение приобретает хозяйственная специализация реальных общественных коллективов — конкретных обществ — социумов. Последние и выступают чаще всего на этом этапе и как этносоциальные организмы (этносы) [1]. При этом дихотомия земледелие — скотоводство является принципиальным перекрестком расхождения магистральных путей становления цивилизаций, дифференциации культур, формирования языковых, идеологических, поведенческих и прочих стереотипов, знаково-символических систем и т. д.

В известной мере в начальных фазах этого процесса имеет место географическая (экологическая) предопределенность центров формирования из подвижных охотничьих групп подвижных земледельцев и подвижных скотоводов. Так, в жарком поясе скотоводство скорее возникало в менее облесенных и более сухих районах, чем земледелие, которое в большей мере зависело от постоянных и относительно крупных источников воды (рек, озер). В то же время унаследованное еще от охотничьего этапа производство непищевых продуктов жиз-

[1] *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 127.

необеспечения — ремесла — в сочетании с сохранявшимися вспомогательными формами хозяйственной жизни (охота, собирательство) фактически делали любую из двух хозяйственных систем комплексной, с обязательными формами внутреннего обмена.

И в наши дни интерес к взаимодействию кочевников и земледельцев (или вернее преимущественно кочевых скотоводов и оседлых земледельцев) к истории, структуре, формам, истории структуры и форм такого взаимодействия имеет практическое значение, особенно для народов тропического и субтропического пояса и прежде всего аридной зоны. Это вызвано, в первую очередь, устойчивостью традиционных форм жизни, оказывающих значительное сопротивление любым инновациям, в том числе современным, которые в наше время связаны в основном с товаризацией форм хозяйствования, с политическими и социальными последствиями включения в мировую систему общественных отношений.

История отношений кочевого и оседлого населения (скотоводческого и земледельческого) саванны в бассейне среднего и верхнего течения Нигера выше его средней дельты рассматривается здесь на основе собственных почти 5-летних наблюдений на месте [2].

Известно, что несколько ранее рубежа нашей эры возникло такое значительное географическое явление, как пустыня Сахара, бывшая до этого средоточием больших масс населения. Именно здесь происходили первые этапы становления производящих форм хозяйства на достаточно обводненных и покрытых растительностью пространствах будущей Сахары [3]. Высыхание Сахары

---

[2] *Арсеньев В. Р.* Социальные аспекты традиционной хозяйственной деятельности бамбара: (Республика Мали): Автореф. канд. дис. Л., 1986. *Он же.* Бамбара: лингвистические и социальные аспекты этнической истории // Советская этнография. 1978. № 3. С. 59—71. *Он же.* Некоторые проявления традиционного общественного устройства в условиях государственной жизни Республики Мали // III Всесоюз. конф. африканистов. М., 1979. Вып. 2. С. 65—66; *Он же.* К определению принципов общественного развития двух Мали: (XIII—XV и XX вв.) // IV Всесоюз. конф. африканистов. М., 1984. Вып. 4. Ч. 1. С. 48—51. *Он же.* Традиционный обмен в принигерской саванне // Народы Азии и Африки. 1986. № 5. С. 23—32.

[3] См.: *Ольдерогге Д. А.* Западный Судан XV—XIX вв. // Труды Института этнографии АН СССР. М.; Л., 1960. № 53. С. 18; *Мириманов В. Б.* Искусство Тропической Африки. М., 1986. С. 158—172; *Поплинский Ю. К.* Из истории этнокультурных контактов Африки и эгейского мира. М., 1978. С. 5—7.

происходило, судя по всему, под воздействием глобальных процессов, к числу проявлений которых, видимо, относится и последнее оледенение.

Как бы то ни было, вероятно, ранние и еще подвижные земледельцы Сахары были вынуждены прежде скотоводов искать подходящие экологические ниши на границах сахарского региона. Для части из них такой нишей и оказалась формирующаяся саванна в бассейне Нигера. Здесь, видимо, происходила концентрация этого населения и стабилизация новой, соответствующей данным условиям, системы отношений. Тогда же, скорее всего, произошел и относительный разрыв ранее существовавших связей земледельцев со скотоводческим населением Сахары. Скотоводы, вероятно, в меньшей мере зависели на этом этапе от экологических перемен, что и могло предопределить пространственную и экологическую противопоставленность центров активности одних и других (Сахару с ее оазисами и саванну) [4].

Пограничная между Сахарой (пустыней) и саванной зона сахеля, видимо, служила на первых этапах культурным и хозяйственным водоразделом между кочевниками и земледельцами. Затем по мере освоения каждой из групп своей экологической ниши и относительного перенаселения в ней (при данном способе производства) возникла приливная волна проникновения соответственно кочевников и земледельцев, и сахель стал контактной зоной.

Вероятно, для земледельцев вновь образовавшейся принигерской саванны в хозяйственной системе почти изначально и вплоть до середины II тыс. н. э. были свойственны: а) подвижность (абсолютная с исторической перспективой к циклической) самого земледелия; б) исключительная роль охоты как второго по значимости занятия населения — главного источника живот-

[4] Так, не случайна социальная и политическая регионализация групп кочевников Сахары — туарегов, маврe, теда и др., центры которых преимущественно находятся в пустыне, на ее плато, нагорьях и в оазисах. С оседлыми же земледельцами саванны, центры социальной и политической активности которых находятся в саванне вдали от пустыни, непосредственно контактируют лишь периферийные группы кочевников. (См.: *Лот А.* К другим Тассили. Л., 1984. С. 184; Поплинский *Ю. К.* Из истории этнокультурных контактов... С. 96, 104, 105, 160; *Bonte P.* Segmentarité et pouvoir chez les éleveurs nomades sahariens. Elements d'une problematique // Pastoral production and society. Cambridge, 1979. P. 171—195.

ных белков в рационе; в) вспомогательная функция домашнего скотоводства (мелкий рогатый скот); г) развитие ремесел на основе кузнечества, связанного с эндогенной традицией обработки железа [5].

Последние интересные открытия в области древнейшей металлургии железа в регионе и путей формирования здесь цивилизаций сделали супруги Макинтош из США в конце 70 — начале 80-х гг. [6]

В основных компонентах хозяйство земледельцев на этом этапе — комплексное, самообеспечивающееся. Известно, что как минимум с последней трети I тыс. н. э. земледельцы региона поддерживали отношения обмена и торговли как с южными (древние культуры Нигерии) [7], так и с северными соседями, в первую очередь — с арабскими в рамках транссахарской караванной торговли. Эти внешние обмены служили поддержанию социальной иерархии по раннеклассовому типу [8]. Однако эндогенные процессы производства и воспроизводства общественной жизни вряд ли сами по себе могли быть базой для такой иерархии [9].

Что касается кочевников-скотоводов Сахары того же времени, то для них в хозяйственной системе характерны: а) подвижность в пределах ограниченных пастбищных зон-кочевий; б) изначальная вспомогательная роль охоты; в) наличие в качестве дополнительных элементов хозяйственной системы земледелия и ремесла в контролируемых оазисах; г) отношения внутреннего и внешнего обмена с оседлым населением оазисов и присахарских районов к северу и (постепенно развивающихся) к югу от Сахары [10]. Не будучи полностью замкнутой в основных компонентах, эта хозяйственная система, а следовательно, и социальная система искали внешних контактов для восполнения дефицита ремесленной и земледельческой продукции.

---

[5] *Арсеньев В. Р.* Социальные аспекты...

[6] *Макинтош Р. Дж.* и *С. К.* Незаконная торговля произведениями древнего искусства Мали // Museum. 1986. № 149. С. 49—57.

[7] См.: Там же. С. 54, 57; *Кончакова Н. Б.* Рождение африканской цивилизации: Ойо, Ифе, Бенин, Дагомея. М., 1986. С. 90—91.

[8] *Куббель Л. Е.* Сонгайская держава. М., 1974. С. 339.

[9] *Арсеньев В. Р.* Социальные аспекты... С. 22.

[10] *Поплинский Ю. К.* Из истории этнокультурных контактов... С. 105, 160; *Gast M.* Pastoralisme nomade et pouvoir: la société traditionnelle des Kel Ahaggar // Pastoral production and society. Cambridge, 1979. P. 208.

До сих пор нет полной ясности с вопросом о времени появления в саванне собственного кочевого скотоводческого населения. Видимо, вплоть до середины II тыс. н. э. постоянных скотоводов-кочевников в Принигерской саванне не было [11]. Ближайшими скотоводами-кочевниками являлись преимущественно туареги Сахары и в какой-то мере арабы. Они лишь эпизодически появлялись в контактной зоне — сахеле — в связи с большой транссахарской караванной торговлей, давшей толчок (или один из них) к появлению городов, а также для локальных обменов с редким земледельческим населением контактной зоны — скота на продукцию земледелия. При внезапном ужесточении экологических условий в Сахаре и сахеле миграции кочевников в зоны расселения земледельцев могли сопровождаться грабежами.

Примерно 5—6 веков тому назад в сахеле и саванне появились кочевники-скотоводы фульбе с многочисленными стадами длиннорогого мясо-молочного скота [12]. Формы хозяйства фульбе прекрасно соответствовали особенностям сахельской экологической ниши, а также северным районам саванны. Появление фульбе привело к оживлению общественных процессов в сахельской зоне: активизировался обмен между кочевниками и земледельцами, охота у земледельцев как источник животных белков стала вытесняться обменными отношениями со скотоводами, возникла борьба за хозяйственное и социальное лидерство во вновь образующихся в сахеле и суданской зоне (саванна) общественных системах с единой земледельческо-скотоводческой экономикой. Шел процесс возникновения ранних государств, в которых, как правило, в саванне земледельцы доминировали над кочевниками, нередко приводя их к оседанию на земле и ведению отгонно-пастбищного и даже стойлового скотоводства (Сегу, Каарта, Хассо и другие ранние государственные образования). В сахеле же земледельцы чаще всего становились данниками ранних государств, верхушку которых составляли скотоводы, например, Масина и др. При этом сама скотоводческая верхушка часто оседала в земледельческой среде, сохраняя значительную культурную обособленность [13].

[11] *Ольдерогге Д. А.* Западный Судан... С. 32; *Козлов С. Я.* Фульбе Фута-Джаллона. М., 1976. С. 27.

[12] Там же.

[13] *Арсеньев В. Р.* Социальные аспекты... С. 13.

В обоих случаях отношения хозяйственного обмена в социальной сфере закреплялись обычаем предпочтительных браков земледельцев и скотоводов и установлением соответствующих норм социальных отношений, обычаев шуточного родства как между всеми слоями земледельческого и скотоводческого населения, так и у скотоводов — земледельцев с хозяйственно обособленными группами в среде земледельцев: кузнецами, рыболовами, деревообделочниками и т. д.[14]

С развитием европейской торговой деятельности на атлантическом побережье Африки и особенно торговли рабами (XVI—XVIII вв.) обострились отношения между земледельческими и скотоводческими социумами, приведя к нарушению устоявшихся связей и форм контактов. Отношения обмена все чаще сменялись грабежами (скот — земледельческая продукция). Появилась и приобрела приоритетную значимость война с целью захвата рабов на продажу, война за контроль над торговыми путями на побережье и т. д. Сами социумы — ранние государства (земледельцев и скотоводов) — оказались неустойчивыми, состав их — все более и более недолговечным. Военная организация скотоводов-кочевников была более активной, более подвижной, мощной — по вооружению, стремительности огня и натиска. В данных региональных условиях она, видимо, служила обеспечению более прямых, чем традиционная земледельческая, каналов утверждения товарно-денежных отношений и трансрегиональных товаропотоков.

В течение всего XIX в. отношения между кочевниками и земледельцами в Принигерской саванне знаменовались многочисленными попытками создать военным путем единый общественный организм, охватывающий и зону сахеля, и зону саванны, и кочевое, и оседлое земледельческое население[15]. Наиболее активным элементом этого процесса оказались скотоводческие группы, в основном представлявшие новую волну переселенцев из западных, приближенных к атлантическому побережью районов. Сама эта волна — скорее всего следствие демографического взрыва в ограниченных локальных условиях в среде самих кочевников. Этот взрыв был у них, в свою очередь, порожден социальными и экологическими

[14] Там же. С. 14.

[15] *Suret-Canale.* Afrique Noire. Géographie, civilisations, histoire. Paris, 1968. S. 218—221.

сдвигами. Несомненно также и стимулирующее воздействие на этот процесс разворачивавшейся европейской колонизации.

В то же время можно предположить, что, если бы прямое и косвенное воздействие европейцев отсутствовало на протяжении последних веков, могла бы произойти стабилизация сфер доминирования земледельцев и скотоводов с относительно небольшой зоной нестабильности в полосе между саванной и сахелем (как это было в XVII—XVIII вв.). Может быть, речь даже могла бы идти о гармонизации этих отношений по всему региону из-за ограниченных возможностей накопления и сильных традиций симбиоза кочевников и земледельцев в условиях доминирующего натурального хозяйства, распад которого не стал, по-видимому, необратимым еще и в наше время.

ХОРЕЗМ И ДЕШТ-И КЫПЧАК В НАЧАЛЕ XIII В. (О МЕСТЕ ПЕРВОГО СРАЖЕНИЯ АРМИИ ХОРЕЗМШАХА С МОНГОЛАМИ)

С. М. Ахинжанов *(Алма-Ата)*

В начале XIII в. крупнейшим государством в Средней Азии по своему военному могуществу, не уступающему монгольскому, был Хорезм, во главе которого стояли представители IV, последней династии хорезмшахов. Об их происхождении и этнической принадлежности в средневековых восточных источниках имеются противоречивые данные. Например, ал-Джузджани в работе «Насировы разряды» («Табакат-и Насири»), составленном по более ранним источникам, многие из которых не сохранились, писал, что основатель династии «малик Кутб ад-дин Мухаммед Айбек Тюрк пришел со своим племенем и родственниками к Дженду и Хорезму со стороны степи (сахри), где обитали кыпчаки и канглы»[1]. В другом

[1] *Tabakat-i-Nasiri.* A General History of Muhammadan Dynasties of Asia, including Hindustan, from A. H. 194 (810 A. D.) to A. H. 658 (1260 A. D.) / Tran. by H. G. Raverty. London, 1881. V. 1—2. P. 233.

месте своего труда он еще более определенно информирует, что «сын Кутб-ад-дина Мухаммеда Тадж ад-дин Мухаммед имел брата, который был моложе его, на него он возложил управление над племенами канглы и кыпчаков, от которых *произошел их собственный род*» [2] (курс. наш. — *Авт.*).

Государство хорезмшахов названной династии в период своего расцвета простиралось «от правого берега Сырдарьи до горных перевалов между Ираном и долиной Тигра; на юге его верховная власть была признана даже на Аравийском полуострове (в Омане)» [3]. Такого возвышения Хорезм добился благодаря тому, что находился на перекрестке торговых караванных путей, связывавших Среднюю Азию с Восточной Европой, с кочевыми племенами Дешт-и Кыпчака, Монголии, с далеким Китаем, а его столица Гургандж стала складочным местом и биржей транзитной караванной торговли. Особенно возросло политическое влияние державы хорезмшахов в конце XII — начале XIII в. в канун нашествия монголов. Вследствие беспрерывных войн с соседними государственными образованиями были завоеваны обширные территории, населенные как иранскими, так и тюркскими народностями, оседлыми и кочевыми.

Основным кочевым населением, с которым в большей степени приходилось иметь дело правителям Хорезма на своих северо-восточных и северных границах, был народ, кочевавший по Дешт-и Кыпчаку, — кыпчаки. В развитии их связей можно выделить три основных этапа, обусловленных процессами, протекавшими внутри кыпчакского общества, и его отношениями с Хорезмом.

На первом этапе (с конца XI до середины XII в.) это, по нашему мнению, были взаимоотношения равных по силе партнеров (при некотором перевесе степняков). Первый хорезмшах Кутб-ад-дин Мухаммед (1097—1127) в течение 30 лет правления в основном отражал нападение кыпчаков на свои владения. Джузджани сообщал: Мухаммед «благодаря своей бдительности и смелости удерживал врагов... и охранял границы от язычников саксинов и кыпчаков» [4]. Пассивная политика первого представителя IV династии хорезмшахов объясняется не слабостью Хорезма, а скорее силой кыпчакского объ-

[2] Op. sit. P. 235.
[3] *Бартольд В. В.* Хорезм. Соч. М., 1965. Т. 3. С. 547.
[4] *Tabakat-i-Nasiri*... P. 234.

единения, сложившегося к XII в. в Дешт-и Кыпчаке [5]. В этот период кыпчаки захватили Дженд и Янгикент в низовьях Сырдарьи, постоянно тревожили Саксин на нижней Волге.

Однако уже при Кутб-ад-дине Мухаммеде в конце его жизни и особенно при его сыне Атсызе, который, по словам В. В. Бартольда, «был истинным основателем могущества династии хорезмшахов» [6], Хорезм перешел в наступление на степь, и это положение сохранялось на протяжении целого периода, который можно назвать вторым этапом взаимоотношений Хорезма с кыпчаками. Согласно Джузджани, Атсыз направил свои войска «против Дженда, Туркестана и кыпчаков и благодаря своей мудрости, умению он был счастлив в своих намерениях» [7]. Закрепившись в низовьях Сырдарьи, Атсыз завоевал Мангышлак и совершил несколько удачных походов в Туркестан, к северу от Аральского моря, где одержал победу над «царем и предводителем, который среди неверных пользовался большим авторитетом» [8]. Аналогичная политика, хотя и менее удачная, продолжалась и при преемнике Атсыза — иль-Арслане, который вынужден был даже заключить «союз с ханом кыпчаков и охранять границы своего государства всеми силами, на что он был способен» [9].

Таким образом, следует отметить, что второй этап взаимоотношений проходил с переменным успехом.

Стремясь не допустить усиления такого беспокойного северного соседа, Хорезм на третьем этапе своих взаимоотношений с кыпчаками изменил тактику. На фоне продолжающихся военных столкновений, взаимных проникновений в глубь степей и оазисов Мавераннахра правители Хорезма стали привлекать к себе на службу отдельные кыпчакские племена, создавая из их аристократии военное сословие, раздавая государственные и военные должности внутри своего государства. В степи же они всячески стремились к ослаблению единства кып-

---

[5] См.: *Ахинжанов С. М.* Из истории взаимоотношений кыпчаков и Хорезма в XII — начале XIII века: (Сборник): Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 61. Сноска 8.

[6] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. М., 1963. Т. 1. С. 387.

[7] Tabakat-i-Nasiri... V. 1. P. 237.

[8] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия: Тексты. Спб., 1898. Ч. 1. С. 37.

[9] Tabakat-i-Nasiri... V. 1. P. 238.

чакских племен, разжигая междоусобицу, борьбу за власть путем поддержания военной силой того или другого своего ставленника и преследования неугодных Хорезму представителей кыпчакской верхушки.

Особенно усилились карательные походы в степь при хорезмшахе Мухаммеде ибн Текеше. Во время одного из таких набегов на кыпчаков и произошло столкновение хорезмских войск с монголами, в котором Мухаммед потерпел поражение.

Об этом эпизоде в историографии сохранились противоречивые толкования, связанные, во-первых, с объяснением причин поражения столь могущественного государства, как Хорезм, во-вторых, с выяснением места сражения, что проливало бы свет на то, до каких пределов распространялось влияние Хорезма в Дешт-и Кыпчаке[10].

Одной из причин поражения хорезмшаха Мухаммеда в войне против монголов историки считают ошибочную тактику рассредоточения своей огромной армии по крепостям Хорезма, что объясняют боязнью решающего открытого сражения с монголами, силу которых он впервые почувствовал именно во время первого столкновения в Дешт-и Кыпчаке. Появление же хорезмийцев в Дешт-и Кыпчаке исследователи связывают с фактом, обычным и неудивительным для истории взаимоотношений Хорезма с жителями степи. В 1216 г. пришли в волнение подданные одного из кыпчакских предводителей Кадыр-хана Туркестанского, находившиеся до этого в подчинении Хорезма, по этому поводу Джузджани сообщал: «В 615 г. х. хорезмшах Мухаммед отправился истреблять племена Кадыр-хана Туркестанского, сына Йакафтана Йемекского...»[11]. Именно во время этого похода и произошло первое столкновение хорезмийских войск с монголами.

Однако в толковании этого события у исследователей есть расхождения в деталях. Арабский историк Ибн ал-Асир отнес битву к 1219 г., он не назвал, где конкретно произошло столкновение, а сообщил только, что поход был предпринят против монголов и до места встречи с ними Мухаммед прошел «пространство в 4 месяца (пу-

[10] Рашид-ад-дин, например, утверждал, что хорезмшах во время своего похода подошел «к пределам Туркестана до границ своей страны». (См.: *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. Кн. 2. С. 190).

[11] Tabakat-i-Nasiri... V. 2. P. 1096.

ти)»[12]. По данным Несеви, современника событий монгольского нашествия, поход состоялся в 612 г. х. (1215—1216), битва проходила, когда две враждовавшие группировки встретились и вступили в бой, за рекой Иргиз[13]. Джувейни считал, что сражение монголов с армией султана произошло после 1218 г. в долине рек Кайлы и Кимач, которые, по его уточнению, протекали на окраине Туркестана[14]. Таким образом, он так же, как Рашид-ад-дин, упоминает о Туркестане, но у него не было конкретного названия местности. Оно приводится лишь в труде Джузджани, по словам которого место находилось в Туркестане и называлось Югур[15].

Как видим, источники не дают единой даты сражения. В этой связи В. В. Бартольд отмечал: «нельзя отрицать, что Несеви был хорошо знаком с событиями последних лет царствования хорезмшаха и что он едва ли отнес к более раннему времени поход, происшедший в 1218 г. Пока у нас нет более точных данных, следует признать наиболее вероятным, что поход султана в Тургайскую область был начат зимой 1215—1216 гг. и что столкновение его с монголами произошло летом 1216 г.»[16]

Согласно данным источников, монголы и не ожидали встретить в этих местах хорезмское войско: в стране Югур они преследовали своих врагов меркитов. Но изложение этих событий в разных источниках весьма запутано. В «Сокровенном сказании», например, сообщалось, что будучи разгромленными в 1208 г. Чингисханом на Иртыше, «меркидские Тохтоаевы сыновья, как и все прочие меркиты, взяли направление в страну канглийцев и кыпчаутов»[17].

Если из «Сокровенного сказания» известна краткая версия судьбы меркитов, то из других источников можно узнать подробности. Оказывается, меркиты не сразу бежали так далеко на запад со своих родных кочевий. По версии Рашид-ад-дина, после того, как Чингисхан на Иртыше нанес поражение найманам, руководимым Куч-

[12] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Спб., 1884. Т. 1. С. 7.

[13] *Mohammed en Nesawi.* Histore du Sultan Dsilal ed-Din / Traduit de l'arabe par O. Houdas. Paris, 1895. P. 16.

[14] The History of the world-Conqueror by Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini / Tran. by J. Boyle... 1958. V. 2. P. 370.

[15] Tabakat-i-Nasiri... V. 1. P. 267.

[16] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху... 1963. Т. 1. С. 436.

[17] *Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 151.

луком, и меркитам, возглавляемым Тухта-беки, союзники бежали в разные места: Кучлук ушел в страну каракитаев, а сыновья погибшего в бою Тухта-беки отошли во владения уйгурского идикута. Желая проверить намерения уйгуров, меркиты отправили к ним посла. Но идикут, зная, что они являются врагами Чингисхана, убил посла. Между ними произошла битва на реке Джем (Джам), закончившаяся для меркитов поражением [18].

И. Маркварт вслед за де-Гротом отождествлял р. Джем с р. Чу [19], что вызвало возражение В. В. Бартольда: «Мы не имеем никаких причин предполагать, что уйгурский владетель, мятежный вассал каракитайского гурхана, за несколько лет до окончательного падения каракитайской империи мог совершить поход так далеко на запад, в самое средце владений своего недавнего сюзерена» [20]. Более вероятно, что по р. Джем получил свое название город Джамбалык в западной части Уйгурии. Упоминания о нем есть в дорожнике от Бешбалыка до Суяба в «Синь Таншу» («Новой Танской истории») как о городе, лежащем почти в 500 ли (примерно 250 км) к западу от Бешбалыка [21]. Позже этот город упоминал Чань Чунь [22]. Е. Бретшнейдер в своем труде указал нахождение этого города в местности между рекой Манас и Гученем [23].

Похоже, что именно в этих местах идикут разбил меркитов, о чем незамедлительно сообщил Чингисхану, который одобрил его поступок, однако, занятый подготовкой к войне с Китаем, он не стал преследовать меркитов, бежавших «к границе области найманов» [24], где, по словам Джувейни [25], они присоединились к Кучлуку. Джувейни добавлял, что эта местность находилась в районе рек Эмиля и Кобука, т. е. севернее Джамбалыка, в которой меркиты обитали до 1215—1218 гг. Тогда же Чингисхан, покончив с войной в Китае, вновь, но

---

[18] Рашид-ад-дин. С. 153.

[19] *Marquart I.* Uber das volkstum der Komanen. AKGWG. Berlin, 1914. Bd. 13. N 1. S. 118.

[20] *Бартольд В. В.* Новый труд о половцах. Соч. Т. 5. С. 403.

[21] *Зуев Ю. А.* Китайские известия о Суябе // Известия АН КазССР. 1960. Вып. 3 (14). С. 94.

[22] *Козин С. А.* Сокровенное сказание. С. 302.

[23] *Bretschneider E.* Mediaevai researches from Eastern Asiatic Sources. London, 1888. V. 1. P. 67. V. 2. P. 32.

[24] *Рашид-ад-дин.* С. 177.

[25] The History... V. 1. P. 63.

теперь основательно, обратил внимание на запад. Согласно Рашид-ад-дину, «Чингисхан услышал, что из племени меркит... брат Токтай-беки Куду и трое его сыновей Чилаун, Маджар и Мэргэн, бежавшие раньше к границе области найманов, снова устроили там сборище и хотят начать враждебные действия»[26].

Стремясь окончательно уничтожить своих старых врагов, Чингисхан в 1215—1216 гг. послал против них своего опытнейшего полководца Субудая, который на реке Джем разбил меркитов. Битва произошла на той же реке, где несколькими годами раньше меркиты потерпели поражение от уйгуров. «В тех пределах они (монголы) дали сражение Куду, разбили племя меркит и всех перебили так, что никто не остался из них (в живых)»[27]. Однако в этой битве погибли не все меркиты, так как в китайском источнике при описании биографии Субудая сказано: «В 1219 [?] г. армия пришла к реке Чжан (Джам) и разбила мелиги (меркитов); два вождя их полонены: глава их, Ходу, бежал в Цинча»[28]. В другом варианте биографии монгольского предводителя говорится, что «в 1216 г. Субудай разбил мелиги у реки Чжан и преследовал главу их Юйгу»[29].

Об этом периоде истории меркитов сообщает и Джувейни. Но у этого автора вместо Ходу главой меркитов назван Туктуган[30], что, скорее всего, отвечает действительности, так как, согласно Рашид-ад-дину, «Куду был убит в то время, как он убежал из сражения с монголами, направился к кыпчакам. Много раз [меркиты] сражались с Чингисханом»[31]. Как видно из контекста, и после поражения меркиты еще сопротивлялись монголам и имели несколько сражений с ними, а «в последней битве младший сын Токтай-беки (правитель меркитов. — *Авт.*) Култуган-мэргэн... убежав, ушел к кыпчакам»[32]. Джувейни как бы вторит Рашид-ад-дину, сообщая, «что касается Туртугана, он отделился от Кучлука в последние дни его властвования и ушел в область Кум-Кибчак»[33]. В другом месте он, возвращаясь к тем же собы-

[26] *Рашид-ад-дин.* С. 177.
[27] Там же. С. 178.
[28] *Козин С. А.* Сокровенное сказание. С. 233.
[29] Там же.
[30] The History of...
[31] *Рашид-ад-дин.* Т. 1. Ч. 1. С. 124.
[32] Там же. Т. 1. Ч. 2. С. 126.
[33] The History... V. 1. P. 69.

тиям, информировал, что когда хорезмшах Мухаммед готовился к походу на найманов, до него дошли вести «о бегстве Туктугана от монголов в Каракумы, где жили канглы»[34]. Очевидно, исходя из выше приведенных отрывков, можно считать, что оба приведенные названия относятся к одной и той же местности.

Топоним *Каракум* широко распространен в регионе расселения тюркских народов. Так, в памятнике Тоньюкука отмечалось, что сражавшиеся за свою независимость тюрки в 681—682 гг. поселились в Каракуме — степи севернее ордоской излучины Хуанхэ[35]. Как считает А. Н. Кононов, *Каракум* означает не столько *злые, черные тяжелые пески,* сколько *песок,* закрепленный разнообразной растительностью, в отличие от барханных песков — *ак-кум*[36]. Э. М. Мурзаев замечает, что *Каракум* как современное название пустыни, занимающей территорию между Копетдагом и Хорезмом, у туркмен, жителей песков, не существовало и прививается только теперь[37]. Поэтому не следует название *Каракумы* Джувейни относить к местности в Туркмении, в которой находится одноименная пустыня, или к Каракумам далекой Монголии. Уже И. Маркварт предполагал, что синонимами тюркского слова *кум* как географического термина были персидское *дешт* (*степь*) и арабское *сахри* (*пустыня, степь*)[38]. Этим последним словом называет Джузджани местность, где жили канглы и кыпчаки. Они же обитали, по Джувейни, в Каракуме, или Кум-Кибчаке.

Таким образом, в XI—XIII вв. степь, по которой кочевали кыпчаки, имела четыре наименования: тюркское — Каракумы и Кум-Кибчак, арабское — Сахри и персидское — Дешт-и Кыпчак. Именно сюда, к кыпчакам, и бежали меркиты, спасаясь от преследования монголов.

При описании биографии кыпчакского полководца Хубилая Тутуха «в Юань-ши» сказано, что с того вре-

---

[34] Op. sit. V. 2. P. 370.

[35] *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники. М., 1964. С. 26.

[36] *Кононов А. Н.* О семантике слов *ак* и *кара* в тюркской географической терминологии // Известия АН ТаджССР. Отделение общественных наук. 1954. Вып. 5. С. 83.

[37] *Мурзаев Э. М.* Географическая терминология туркмен // Известия Всесоюзного Географического общества СССР. 1939. № 6.

[38] Marquart I... S. 134.

мени, как предок Тутуха «некий Цюйчу переселился на северо-запад к горам Юйлиболи, представители этого племени составили самостоятельное поколение. Они называли свое владение цзинь-ча (кыпчак). Их земли находились на расстоянии 30 с лишним тысяч ли от Китая. Летом в тех местах ночи были очень короткие и солнце, едва успев зайти, тотчас всходило снова»[39].

В то время, когда меркиты бежали к кыпчакам, их предводителем был Инассы. Он и принял беглецов под свое покровительство, вызвав этим гнев самого Чингисхана, который послал против них своего сына Джучи и опытнейшего полководца Субудая. Кыпчаки не могли противиться такой силе, так как «Инассы был очень стар, а в его владениях произошли большие беспорядки. Сын Инассы Хулусумань послал послов к Чингисхану, желая подчиниться»[40], но было уже поздно — враг «уже стучался в их (кыпчаков) границы»[41].

Тогда же к этим местам со своей армией подходил хорезмшах Мухаммед, который, по словам Джузджани, «дошел под самый северный полюс и достиг местности, где всегда сумрачно, и заря не гаснет всю ночь»[42], т. е. описание природных условий региона полностью совпадает с описанием китайского источника. Летние сумерки, заменяющие ночь, характерны для местности севернее широты 40°30′, что соответствует географическому положению р. Иргиз. Здесь войско хорезмшаха остановилось из-за льда, покрывавшего реку. Как отмечал В. В. Бартольд, дело происходило поздней весной, когда подтаявший лед уже не мог выдержать тяжести конницы[43]. Только после того, как лед на Иргизе стаял, Мухаммед двинулся, не задерживаясь, на север. Иргиз освобождается ото льда в середине апреля[44], а первое столкновение хорезмшаха с монголами произошло в начале лета, так что армия его продвигалась на север еще не меньше месяца. В общей сложности, по Ибн ал-Асиру, хорезмшах прошел от Самарканда на север расстояние в 4 месяца пути, и за это время он мог достигнуть

[39] Юань-ши: (История династии Юань): Сер. Сыбу-бэйяос. Шанхай. 1936. Гл. 126.

[40] Там же.

[41] Там же.

[42] Tabakat-i-Nasiry... V. 1. P. 267.

[43] *Бартольд В. В.* Туркестан... С. 436.

[44] Россия: (Полное географическое описание нашего отечества): Киргизский край / Под ред. В. П. Семенова. Спб., 1902. Т. 18. С. 77.

крайних пределов казахстанских степей, граничащих с югом Западно-Сибирской низменности, где в междуречье Кайлы и Кимач встретился с монголами.

Согласно современной географической карте, в районе юго-восточных отрогов Уральских гор на широте 52° протекает река Кумак, а с севера в нее впадает речка Джарлы. В долине этих рек летом 1216 г. (согласно источникам, на берегу р. Джарлы) и произошло первое столкновение монгольских войск с армией хорезмшаха, хотя ни монголы, ни тем более мусульмане не ожидали этой встречи. Хорезмшах преследовал мятежных кыпчаков, Джучи с Субудаем — меркитов, успевших перед этим столкновением все же настичь их и полностью уничтожить. В завязавшейся битве ни одной из сторон не удалось достигнуть преимущества, в разных источниках сообщается только, что в каждой армии правое их крыло потеснило левое, но в этой битве впервые отличился Джалал ад-дин, сын хорезмшаха Мухаммеда. Ночью после битвы монголы, разложив большое количество ложных костров, бесшумно снялись и ушли в свои края. Мухаммед не стал их преследовать, но эта битва породила в нем ту нерешительность, которую он сполна проявил впоследствии — во время нашествия основных сил монголов на Среднюю Азию.

В «Юань-ши» сказано, что битва произошла на р. Хуйли, которую И. Маркварт отождествляет с Кайлы [45]. В китайском же источнике имеется сообщение о местности, где произошла битва, под названием Кумак, в другом случае дано название Кимач [46]. Совпадение событий о бое Джучи с хорезмшахом в источниках не оставляет сомнения в идентичности реки Кимач Джувейни и местности Кимач-Кумак китайских авторов.

Таким образом, можно считать, что первое столкновение хорезмшахского войска с монголами произошло не на Иргизе, как традиционно считали все исследователи, а гораздо севернее — в междуречье современных рек Кумак и Джарлы, на юго-восточных отрогах Уральских гор, которые, вероятно, в китайских источниках именовались Юйлиболи, где находился один из центров независимого кыпчакского владения, во главе которых стояли ханы могущественного рода Ольбурлик (Эльбари, Ильбари).

[45] Marquart I.... S. 133.
[46] The History of... V. 2. P. 370.

ГОРОД И СТЕПЬ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА И СЕМИРЕЧЬЯ)

К. М. Байпаков *(Алма-Ата)*

Крупнейшая историко-культурная область среднеазиатско-казахстанского региона — Южный Казахстан и Семиречье — занимает территорию между Средней Азией с одной стороны, Центральным Казахстаном, Сибирью и Уралом — с другой. В ней выделяются три района — Южный Казахстан (долина Сырдарьи), Юго-Западное Семиречье (междуречье Таласа и Чу), Северо-Восточное Семиречье (Илийская долина) [1]. Область находится на стыке земледельческих оазисов и кочевой степи. Такое положение издревле определяло своеобразие развития культуры. Здесь в контактной зоне земледелия и скотоводства наиболее отчетливо проявляются взаимодействия земледельцев и скотоводов, оседлости и кочевничества, города и степи. Эти взаимодействия были многообразны: политические, экономические, культурные, этнические. Взгляды исследователей на характер этих контактов неоднозначны. Так, в начале XX в. писали о кочевниках, находящихся в состоянии постоянной борьбы с оседлыми земледельцами, кочевниках, которые «сметали все на своем пути и обращали цветущие оазисы в мертвые пустыни» [2]. Кочевники Востока, в том числе Казахстана и Средней Азии, зачастую рассматриваются как носители закоснелой культуры, а их влияние на развитие цивилизации — губительное. Р. Пайпс пишет, например, о том, что история Средней Азии — это история постепенного завоевания и разрушения оседлой иранской цивилизации кочевниками-тюрками [3]. Однако преобладает мнение о тесной, органической связи между кочевниками и земледельцами. Некоторые ученые

[1] *Аболин Р. И.* От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хан-Тенгри // Труды Института почвоведения и геоботаники САГУ: Ташкент, 1930. Вып. 5; Казахстан. Природные условия и ресурсы СССР. М., 1969. С. 400—405.

[2] Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Туркестанский край. Спб., 1913. Т. 19. С. 18—19.

[3] *Pipes K.* Muslims of Soviet Central Asia: trend and prospect // The Middle East Journal. Washington, 1955. V. 9. N 2, 3.

считают, что следует говорить об единой экономической системе, охватывающей как оседлую, так и кочевую часть населения вообще и какого-либо конкретного региона, системе, в которой оба направления хозяйственной жизни не могли нормально функционировать без постоянного взаимообмена. Нарушение этого экономического единства приводило к тяжелейшим последствиям для кочевников и для жителей оседлых оазисов. Наиболее аргументированно эту точку зрения отстаивают С. П. Толстов, А. Х. Маргулан, Т. А. Жданко, С. А. Плетнева, П. Бриант [4].

Важное значение для понимания взаимоотношений кочевников и земледельцев имеет установленный факт о том, что «чистые кочевники» являлись редким исключением и что элементы оседлости и земледелия всегда сопровождают кочевое хозяйство; в рамках единой этнической общности наряду с кочевым существовали полукочевые и полуоседлые группы скотоводов [5]. Поэтому «непроходимой границы» между земледельцами и скотоводами не было, и в массе последних всегда имелись потенциальные группы оседлого населения, которое при определенных условиях и стечении обстоятельств переходили на оседлый образ жизни. Были и обратные процессы, но в целом при всех локальных и хронологических изменениях в хозяйственной жизни ведущей оставалась тенденция к расширению зоны оседлости, земледелия и урбанизации.

При решении проблемы города и степи в эпоху средневековья важное значение имеют разработки по выявлению исторических закономерностей в развитии города и кочевников. Такого рода исследования сейчас ведутся в научных центрах страны, в том числе и Казахстана.

---

[4] *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 245; *Маргулан А. Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950. С. 4—8; *Жданко Т. А.* Номадизм в Средней Азии и Казахстане // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 274—281; *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. М., 1982. С. 147; *Briant P.* Etat et pasteurs and Moyent-Orient ancient. Cambridge. Paris, 1982.

[5] *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и кочевниках: (Материалы по отделению этнографии. Ч. 1) // Географическое общество Союза ССР. Л., 1961. С. 5—6, 12; *Толстов С. П.* Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л., 1974. Вып. 103. С. 171.

Появились обобщающие сочинения по городу Средней Азии [6], кочевникам средневековья [7].

Интенсивное археологическое изучение городской культуры Южного Казахстана и Семиречья, проводившееся в последние два десятилетия, позволило выявить новый материал, систематизировать его и рассмотреть целый ряд вопросов, в том числе и аспект развития городской культуры во взаимодействии с кочевниками на протяжении средневековья вплоть до периода, освещенного этнографическими сведениями.

В VI — первой половине IX в. городская культура развивалась в двух районах — в Южном Казахстане и Юго-Западном Семиречье. В политическом отношении область подчинялась тюркским династиям кочевого происхождения и входила в состав Западно-Тюркского, Тюргешского и Карлукского каганатов. В область из Центральной Азии в это время переселились большие группы скотоводческого населения.

Для кочевого населения в годы тюркских завоеваний была характерна, на наш взгляд, первая стадия кочевания и переход от второй к третьей стадии кочевания [8]. В указанный период происходило разграничение территории кочевания, стабилизировались маршруты кочевий, закрепились постоянные зимовки и летовки, появилось земледелие, выделилась прослойка оседлых бедняков и произошел переход к оседлости отдельных родовых подразделений. Племенные объединения приобретали элементы государственных устройств, складывался государственный бюрократический аппарат, формировался общий язык и письменность, развивались торговые и дипломатические связи. В этих условиях происходило формирование городов — как административных ставок, так и центров ремесла, торговли, культуры.

Взаимодействие оседлого и городского населения с населением кочевым и полукочевым имело различные аспекты. Однако следует отметить, что в Семиречье и на юге Казахстана кочевники, земледельцы и горожане ока-

---

[6] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

[7] *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI — начале XVIII в.: (Динамика и основные этапы развития): Автореф. докт. дис. М., 1985; *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. М., 1982.

[8] По классификации С. А. Плетневой (См.: Кочевники средневековья. М., 1982).

зывались интегрированными в рамках единой социально-экономической структуры. Под влиянием оседлых земледельцев и горожан бывшие кочевники быстрее переходили к оседлости, к городской жизни, осваивали городские ремесла.

Влияние оседло-земледельческого уклада ускоряло развитие и кочевников. Культурологический аспект взаимодействия характеризуется такими явлениями, как заимствование, подражение, диффузия, интеграция. Так, к примеру, оседлое население заимствовало у кочевого типы вооружения, украшений, посуды из драгоценных металлов. Однако оседлое население не шло по пути слепого копирования, а привносило в эти изделия свои специфические элементы.

Но «передав» престижные предметы, связанные с воинской аристократической средой раннесредневекового общества, кочевники-тюрки могли полностью удовлетворить свои запросы в этих изделиях только при наличии развитого городского ремесла [9]. Таким образом, спрос кочевников, скотоводов стимулировал развитие городского ремесла, а тюркские каганы были заинтересованы в строительстве городов. В то же время переходящее к оседлой жизни скотоводческое население перенимало у оседлого населения традиции строительного дела, домостроительства, а тюркская знать, видимо, приглашала для возведения дворцовых комплексов и их украшения строителей из числа оседлого населения [10].

Архитектура цитаделей Куйрук-тобе, Баба-Ата, Красной Речки, Замков Луговое А имеет близкое сходство с архитектурой Согда и Шаша. Согдийские художники по заказам тюрков украшали стены построек тюркских феодалов росписями, резьбой по дереву [11]. Профессиональные объединения согдийских строителей и художников служили своеобразными ретрансляторами вкусов и моды, формировавшихся в крупных городских центрах,

---

[9] *Распопова В. И.* Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв. // Краткие сообщения Института археологии: 1970. Вып. 122. С. 86—91.

[10] *Она же.* Строительное дело Согда и Тохаристана в раннем средневековье // Бактрия и Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: Тезисы докладов конференции, посвященной десятилетию Южно-Таджикистанской археологической экспедиции. Душанбе, 1983. С. 73—74.

[11] *Негматов Н. Н.* и др. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966. С. 149—150.

на периферию и в тюркскую среду. При этом следует учитывать, что престижные культурные эталоны распространялись прежде всего в элитарной субкультуре. Для нее был характерен своеобразный репрезентативный облик, в значительной степени общий для феодализирующейся знати тюрков, согдийцев, усрушанцев, шашцев. Отсюда и стремление к китайскому шелку, тюркскому воинскому снаряжению, согдийской архитектуре, стенным росписям и резному дереву.

Но вместе с тем параллельно внедрение инноваций шло и в массовую культуру — в керамику, в рядовое домостроительство. Так, по мнению Б. И. Маршака, в конце VII в. в Средней Азии, Семиречье и Южном Казахстане складывался своеобразный комплекс керамики с чертами подражания богатой металлической посуде[12]. Однако, являясь массовой продукцией, керамика представляет элемент уже народной культуры. Основу народной, массовой культуры составлял местный культурный пласт, известный как каунчинский, отрарско-каратауский, джетыасарский. Десятки поселений и городищ, расположенные рядом некрополи свидетельствуют о бóльших, чем представлялось раньше, масштабах культур. По археологическим материалам наблюдается устойчивость и традиционность этих культур на протяжении нескольких столетий — с первых веков до нашей эры до VI—VII вв. н. э. Этот культурный комплекс характеризует период существования племенных союзов, входивших в этнокультурное государственное объединение Кангюй.

Касаясь культурных взаимодействий в сфере материальной культуры, невозможно обойти вопрос об этнических процессах. Взаимодействия в этническом плане характеризовались двумя видами миграций: перемещением больших групп населения (великое переселение народов, согдийская колонизация и тюркские завоевания) и микромиграциями, когда переселялись небольшие группы населения, проповедники, торговцы. Эти переселения сопровождались интенсивными этногенетическими процессами, которые, как замечено исследователями, одновременно носили объединительный характер. В процессе взаимодействий пришельцев, завоевателей и авто-

[12] *Маршак Б. И.* Керамика Согда V—VII вв. как историко-культурный памятник: Автореф. канд. дис. Ленинград, 1965. С. 24—26.

хтонного населения происходил синтез этнического субстрата и суперстрата, в ходе которого возникал новый этнос [13].

Проблема взаимодействия кочевых и оседлых племен на юге Казахстана в эпоху первой половины I тыс. н. э. является частью так называемой Кангюйской проблемы.

Как уже отмечалось, в начале I тыс. н. э. на средней и Нижней Сырдарье, включая Фергану и Шаш, сложилась единая культурно-историческая зона трех археологических культур: каунчинской, отрарско-каратауской и джетыасарской. Население, оставившее эти памятники культуры, составляло основу этнополитического объединения Кангюй. В состав его входили, по мнению большинства исследователей, северо-иранские племена [14].

В конце III — начале IV в. под воздействием кочевников, пришедших с востока, в материальной культуре (керамика, вооружение, украшения) стали происходить значительные изменения. Появились признаки, характерные для гуннских памятников Тувы и Монголии. Если раньше антропологический материал характеризовался наличием двух типов — хорасанского и восточно-средиземноморского, то теперь он свидетельствует о смешении европеоидного и монголоидного. Стала меняться и лингвистическая ситуация; тюркские языки вытесняли иранские. Пришельцы (а это, видимо, были гунны и другие центральноазиатские племена) дали толчок для движения джетыасарских и отрарско-каратауских племен вверх по Сырдарье, в Среднюю Азию и на Средний Восток. Другая часть населения (возможно, аланы) продвинулась на Кавказ [15].

В конце VI — начале VII в. в Семиречье и на юг Казахстана хлынула вторая волна племен из Центральной Азии — тюрки. Их влияние на культуру прослежено и в Семиречье, и на Сырдарье. В Отрарском оазисе, например, в VI — первой половине IV в. складывался новый культурный комплекс, в котором выделялись местные элементы и инновации. В это время прекратили свое су-

---

[13] *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981 С. 257—259.

[14] *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1978. С. 23.

[15] *Андрианов Б. В., Левина Л. М.* Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тыс .н. э. // Этнография и археология Средней Азии. М., 1976. С. 96.

ществование многие из поселений и городищ. Население их было вытеснено в низовья Сырдарьи и вместе с джетыасарцами ушло в район болотных городищ, в дельты Сырдарьи и Амударьи, где сформировалась кедерская культура [16].

Оставшееся население вошло в Кангарское объединение Кангу-Тарбан, существовавшее в VII — первой половине IX в. Центр его находился на средней Сырдарье, в Отрарском оазисе, в низовьях Сырдарьи [17]. Кангары, как сейчас общепринято, отождествляются с печенегами. Они являлись ядром печенежской конфедерации племен, которая сложилась на основе местного ираноязычного населения и тюркоязычных племен. Значительна роль кангаров в формировании огузского, а затем кыпчакского союза племен [18].

Во второй половине IX—XII вв. политическое главенство в Семиречье и Южном Казахстане и Средней Азии захватили вначале Саманиды, а затем Караханиды. В целом это было время расцвета экономики, культуры, роста оседлости, городской жизни.

Среди важных тенденций, проявившихся в это время, следует отметить интенсивное оседание кочевого населения и как следствие этого рост старых городов, возникновение новых поселений, городов, целых районов оседлости и урбанизации. Так, в IX—XII вв. сформировался центр оседлости и городской жизни в Северо-Восточном Семиречье (Илийская долина) [19], городская культура распространилась в районы Прииртышья [20] и Центрального Казахстана [21]. Кочевое население перешло к третьей стадии кочевания [22], для которой были определяющими

[16] *Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи. М., 1972. С. 76—89.

[17] *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники. М., 1964. С. 155—161; *Байпаков К. М.* Некоторые вопросы исторической этнографии Отрарского оазиса в раннем средневековье // Вестник АН КазССР. 1985. № 1. С. 68—75.

[18] *Толстов С. П.* Города гузов // Советская этнография. 1947. № 3. С. 101.

[19] *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья: (VI — начало XIII в.). Алма-Ата, 1968. С. 192.

[20] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков с IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.

[21] *Маргулан А. Х.* Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 3—27.

[22] *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. 1982. С. 77.

такие признаки, как полуоседлость, феодализм, государственность, развитая культура и письменность, города.

В культурном комплексе прослеживается интеграция и нивелирование. Единые типы домостроений, различающиеся размерами и богатством интерьера, единые типы керамики, распространение поливной посуды; общие украшения характерны для отдельных районов Семиречья и Южного Казахстана. Установлено значительное внутреннее единство средневековой городской цивилизации от Хорасана до Семиречья, являющихся одной из составляющих обширной системы городских цивилизаций Востока.

Взаимодействие в этническом плане характеризовалось продолжающимися миграциями и ассимиляцией, сложением единого языка. Продолжалась активная тюркизация городского населения. Махмуд Кашгарский писал о том, что согдийцы Баласагуна, Испиджаба и Отрара выглядели как тюрки и приняли их обычаи [23]. Как известно, языковой ассимиляции автохтонного населения пришлым способствовало усвоение ими способа производства завоевателей или синтез способов взаимодействующих этносов. Важным представляется положение о том, что языковая ассимиляция аборигенов не имела места в тех случаях, когда завоеватели оставляли им старый способ производства, довольствуясь данью [24].

Исходя из этого следует, видимо, считать, что на юге Казахстана и в Семиречье взаимодействие завоевателей-скотоводов и оседлого населения сопровождалось синтезом скотоводства и земледелия, переходом, как уже отмечалось, бывших кочевников к оседлости и городской жизни.

Однако, видимо, наряду с тюркским широко был распространен и иранский язык. Что же касается этнического облика оседлого и городского населения, то, судя по находкам терракоты, рисункам на керамике, антропоморфным изображениям, оно было разнообразным, но с преобладанием европеоидных типов.

Взаимодействие в этот период усилилось благодаря распространению в среде оседлого и кочевого населения ислама. И там, и здесь распространялись единые духов-

[23] *Волин С. Л.* Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1960. Т. 8. С. 84.

[24] *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. С. 272.

ные ценности, правила поведения, обряды. Под влиянием новой религии менялась психология недавних скотоводов. Еще в первой половине VIII в. тюрки (какие точно, неизвестно) на предложение принять ислам ответили, что таким людям, среди которых нет ни одного ремесленника, «ни цирюльников, ни кузнецов, ни портных», неоткуда будет добывать себе средства к жизни, если они примут ислам и будут исполнять все его предписания [25]. Но уже во второй половине VIII в. началась исламизация кочевых и полукочевых карлуков, огузов и других тюркских племен.

Есть мнение, что часть карлуков приняла ислам еще при халифе Махди [26]. В начале X в. ислам принял родоначальник династии караханидов Сатук, а его сын Богра-хан Харун б. Муса объявил ислам государственной религией. В X в. ислам приняли огузы, жившие в низовьях Сырдарьи [27].

Итак ислам — религия оседлого населения — распространяется и среди кочевников. Поэтому в поэме тюрка Юсуфа Баласагунского, написанной на тюркском языке, пропагандируется новая идеология, восхваляющая земледельцев, ремесленников и торговцев [28].

Однако ислам не исчерпывал всей духовно-религиозной жизни населения, и в среде земледельческого, городского и скотоводческого населения продолжали существовать традиционные верования, культ предков, огня, очага, животных, элементы зороастризма, христианство. Отражением их в материальной культуре городов являются очажки-алтари, очажные подставки, фигурки животных, а в степи — поздняя каменная монументальная скульптура.

В целом период со второй половины IX до начала XIII в. был временем наиболее органичных взаимосвязей оседлости и кочевничества, земледелия и скотоводства в рамках единой социально-экономической и отчасти этнической структуры. В этот период зона оседлости постоянно расширялась, что было связано с общим прогрессом

---

[25] *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч. М., 1968. Т. 5. С. 67—68.

[26] *Он же.* Очерк истории Семиречья. Соч. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 39.

[27] *Он же.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. С. 73—74.

[28] *Баласагунский Юсуф.* Благодатное знание. М., 1983. С. 337—338; 340—341.

общества, с развитием земледельческо-скотоводческой базы, ремесла, денежной торговли, сложением этнических общностей.

ФЕРГАНСКИЕ НОМАДЫ В КОКАНДСКОМ ХАНСТВЕ И ИХ ИСТОРИОГРАФЫ

Т. К. Бейсембиев *(Алма-Ата)*

Важное значение в разработке проблемы взаимоотношений кочевников и оседлого населения в Кокандском ханстве имеют многочисленные (дошло ок. 30), но малоизученные сочинения кокандской историографии — местные рукописные персо- и тюркоязычные труды, созданные в XIX — нач. XX в. и посвященные истории Кокандского ханства. Абсолютное большинство их хранится в собраниях СССР. Поскольку роль номадов в истории ханства была огромной, в кокандской историографии содержится масса разнообразной информации по данному вопросу.

Становление Кокандского ханства в XVIII в. представляло собой процесс смены теократии ферганских ходжей властью узбекской родоплеменной знати. Династия кокандских правителей из племени минг юридически закрепила за собой право на верховную власть и ханский титул путем создания официальной генеалогической легенды, связавшей ее родословную с крупнейшими предшествующими тюрко-монгольскими династиями (Чингизидами, Тимуридами и Великими Моголами), утверждая этим преемственность, законность и традиционализм политико-правовой идеологии.

К 40-м гг. XIX в. ослабление ханства, раздираемого изнутри борьбой дворцовых клик, привело к активному вмешательству кочевников Ферганы в политическую жизнь и захватам их предводителями власти в ханстве в 1844—1852, 1858—1862, 1863—1865 и 1875 гг. Соответственно основным содержанием внутриполитической истории Кокандского ханства в ее последний период была борьба оседлых феодалов и ферганских номадов за власть. Именно по этому периоду дошли наиболее цен-

ные и интересные сведения о кочевниках. Влияние этих событий на духовную жизнь проявилось в том, что сохранились сочинения кокандской историографии, прямо отражавшие интересы кочевого лагеря («Мир'ат ал-футух» Тора ходжи Андиджани, «Алимкул джангнамаси ва Гариб-нама» Мулла Хал-бека и «Та'рих-и Аликули амир-и лашкар» Мулла Йунус Джан шигаула). Эти труды, отличаясь четкой направленностью в пользу Алимкула киргиз-кыпчака (1832/3—1865), фактического правителя Кокандского ханства в 1863—1865 гг., противопоставлены более многочисленным хроникам, выражавшим устремления оседлых феодалов, объединившихся вокруг Худайар-хана (1844—1858, 1862—1863, 1865—1875).

Некоторые хронисты, выражавшие интересы городских слоев ханства, перед лицом влиятельной кочевой знати помещали в своих трудах материалы, поднимавшие престиж номадов. Так, в «Тухфат ат-таварих-и хани» есть «апокрифические» рассказы об активной помощи тюрков пророку Мухаммаду, перечисляются названия 92 узбекских племен и имена 23 святых из различных родоплеменных групп, т. е. предпринимались попытки увязать историю тюркских племен с историей ислама и суфизма.

Перекрестный анализ кокандских источников выявляет ценные сведения по родоплеменному составу и расселению ферганских кочевников. Подробно излагается борьба их за власть, в идеологической сфере не выходившая за традиционные рамки. В период господства кочевых глав в вопросе о формах управления верх одержала тенденция, полностью отрицавшая за ханом право на верховную власть (она передавалась верховному военачальнику — мингбаши или амир-и лашкару — кочевому предводителю), но сохранявшая за ним как представителем династии Мингов формальные прерогативы (титул, трон и т. п.). Можно судить также о расстановке в государственном аппарате родовых группировок, ожесточенной борьбе между ними за преобладание, различных аспектах внутренней и внешней политики кочевой администрации.

В 1844—1852 гг. преобладающая роль в государстве принадлежала верхушке сильного племени кыпчак. Анализ сведений о распределении чинов, званий и должностей и политической роли конкретных представителей кыпчакских родов позволяют заключить, что ведущим был род кулáн, следующее место в иерархии занимал клан йетти-кашкá, далее шли илатáн, улмас и йашúк.

Занимая привилегированное положение в ханстве, кыпчакские роды установили для себя особую юрисдикцию и руководствовались племенными обычаями при решении государственных дел. Так, согласно заключенному между ними (кыпчаками) договору, виновный в преступлении кыпчак должен был под угрозой конфискации имущества лишь покинуть столицу.

Широко известна картина русского художника В. В. Верещагина «Апофеоз войны», написанная в 1871 г. под впечатлением поездки в Туркестанский край. Созданная в Мюнхене сразу же после столь трагической для французов франко-прусской войны и проникнутая антивоенным духом картина вызвала особенные нападки в милитаристской Пруссии. Но даже специалисты-искусствоведы не знают, какое реальное событие легло в основу данного произведения. Это была Уратюбúнская трагедия 1849 г., и только в кокандских хрониках сохранились ее две обстоятельные версии. Летом 1849 г. во время осады города Ура-Тюбé кокандским войском пропал без вести (из числа осаждавших) Ибрахúм бахадýр из кыпчакского рода йетти-кашкá. Не найдя его и после взятия Ура-Тюбé, в том числе среди 200 трупов людей, задохнувшихся в городском зиндане от жары, его сородичи добились того, чтобы обезглавили 770 (по другой версии, — ок. 900) пленных уратюбинцев и соорудили из их голов пирамиду Калла-минарá — «Минарет из голов». В. В. Верещагин мог видеть этот «минарет» или слышать о нем в конце 60-х гг. XIX в. Таким образом, в основе данного события лежал акт родовой мести. Другие факты также свидетельствуют о том, что в некоторых случаях вендетта санкционировалась центральной властью

Коканда, например, при расправе над противниками режима.

В 1858—1865 гг. новая, более широкая «конфедерация» ферганских номадов включала, помимо кыпчаков, киргизские и узбекские племена, такие, как киргиз-кыпчак, барги, чонбагыш, тюрк, калмак, а также каракалпаков.

Время пребывания Алимкула у власти в Коканде совпало с восстанием в 1864 г. в соседнем Восточном Туркестане против цинского господства и возникновением там государства Якуб-бека, который до прибытия в Кашгар был сподвижником Алимкула. Власть Якуб-бека зиждилась, по существу, на тех же принципах, что и режим Алимкула: ханом Кашгарии был объявлен один из белогорских ходжей, но все верховные дела вершил сам Якуб-бек. Эти принципы воплощались в Восточном Туркестане вплоть до восстановления цинского господства в 1877—1878 гг.

В области историографии концептуальные позиции отдельных восточно-туркестанских хронистов, например, Умиди, автора «Бадавлат-нама», испытали определенное влияние кокандских хроник с проалимкуловской тенденцией.

Итак, процессы в Кокандском ханстве оказали глубокое воздействие на события в Кашгарии.

Выделялись три формы взаимодействия кочевого и оседло-земледельческого организмов в Кокандском ханстве: соучастие отдельных родоплеменных группировок в государственном управлении при преобладании оседло-земледельческой верхушки; установление кочевниками прямой власти над оседло-земледельческим населением и получение продуктов ремесла и земледелия путем эксплуатации; осуществление господства номадов через посредство соглашательской верхушки оседлых районов. Последняя форма была характерна для Ташкентского района.

Власть кочевых глав характеризовалась ужесточением эксплуатации оседло-земледельческого населения Кокандского ханства. Подобный режим не мог обеспечить стабильности в ханстве, так как племенная сплоченность уступала место межродовой борьбе за передел сфер влияния в государстве, результатом чего было ослабление кочевого лагеря и возобновление попыток оседлой верхушки вернуть утраченные позиции. Эта борьба

не затихала вплоть до присоединения Средней Азии к России.

Таким образом, засилье кочевого элемента было одним из проявлений низкого уровня развития и фактором застойности Кокандского ханства.

ТИП ОСЕДЛОГО ПОСЕЛЕНИЯ В МАВРИТАНСКОЙ САХАРЕ

П. Бонт *(Париж)*

Ксур (qsūr, ед. ч. qsar̄ — ксар) — это центры оседлости, иногда древние, разбросанные по сахарским зонам Мавритании: в Адраре (Вадан, Шингити, Атар, Авджевт), Таганете (Рашид, Ксар-эль-Барка, Тиджикжа) и Хавде (Тишит, Валата). Хотя климатические условия могут показаться благоприятными для перехода к оседлости, ксуров нет в южной сахельской зоне, и единственные существующие здесь поселения были во времена французской колонизации. В этом регионе именно в последние века произошло продвижение «кочевого фронта», постепенная имплантация пастушеских племен за счет оседлых поселений, которые отступили далее на юг или исчезли, подобно тому, как это было в зоне обитания племени гангара в Ассабе и Хавде или же селении племени текрур, отброшенных еще до колонизации на левый берег р. Сенегал.

«Ксурская» зона обитания в Адраре — регион, политически представлявший собой эмират (основанный в XVIII в.), наиболее локализованный на севере Мавритании, соответствует сахельской климатической зоне. Осадки выпадают редко (менее 100 мм) и весьма нерегулярно. Географически Адрар является песчаниковым плато с холмистым рельефом, расположенным посреди дюнных (erg) или каменистых (ragg) зон, которые лишь эпизодически покрываются растительностью. Такой рельеф способствовал созданию достаточно определенной гидрографической системы, дающей возможность для накопления поверхностных и подземных вод. Помимо скотоводства с древних времен существовало земледелие на

грайре (grayr — зона орошения из родниковых источников на глинистой почве) и возделывание пальмовых рощ, что сыграло важную роль в истории заселения данного района.

Особенности «ксурского» поселения. Эти центры оседлости иногда бывают населены только в течение части года — в период гетны (getna — сбор фиников), уборки других культур, либо в них проживает лишь часть семей, являющихся их владельцами — рабы (abid) или вольноотпущенники (haratin), занятые сельскохозяйственными работами, пожилые люди, духовные лица, занимающиеся преподаванием ислама, коммерсанты. Однако эти «ксурские» семьи выделяются в качестве таковых благодаря постройке дома, часто унаследованного от предков, в котором они, когда кочуют, оставляют имущество и провизию. Тем самым даже если эти поселения и бывают крупными (несколько сот домов в Ванаде и Шингити), население большую часть года немногочисленно. По той же причине оценки численности населения этих ксуров в прошлом, исходя из отмеченного нами большого числа построек либо на основе наблюдений, сделанных ранее путешественниками, являются довольно произвольными. Только в Атаре в колониальный период население сильно выросло (до более чем 10 тыс. жителей), поскольку это был главный административный центр и местопребывание крупного колониального гарнизона.

Стиль поселений зоны имеет большие различия в зависимости от места и времени. Архитектурные и строительные особенности очень интересны тем, что в этих местах, особенно в Вадане, множество пограничных столбов (azzer). Язык принадлежит к той же семье, что и сонинке, на котором, по-видимому, говорило местное «черное» население прежде, чем распространились берберский, а затем арабский язык. Организация этой населенной зоны не оставляет сомнений в том, что ее роль как места хранения продовольствия и орудий труда в старину была по меньшей мере столь же важной, как и места для жилья в собственном смысле этого слова. В Вадане, самом древнем из еще населенных центров, в домах были устроены склады, скрытые под ложными стенами (egeren, мн. ч. egerenāt), где в больших кувшинах хранились зерно, масло, финики, а также соль, ткани и другие товары, служащие традиционным

предметом обмена. План жилища представляет собой большой двор, обнесенный высокими стенами и окруженный многочисленными подсобными помещениями. По окружности города эти укрепленные стены представляли собой бастион против нападений извне.

Раскопки, проводимые в настоящее время в Азуги (заброшенном ксаре неподалеку от Атара, связанном с периодом Альморавидов), позволяют думать, что в этом укрепленном центре функция хранения продуктов и убежища также была очень важной, возможно, как и у южномарокканских агадиров (agadir). Совсем недавно функция человеческого жилья стала главной, и центры заселяются на сравнительно более постоянной основе. Превращение некоторых из них в административные центры во время колонизации, а главное — засуха, свирепствующая уже около 20 лет и вынуждающая многих кочевников переходить к оседлости, еще более способствовали этой эволюции.

Согласно общепринятому представлению, оседлая жизнь всегда была связана с сельскохозяйственными, торговыми и религиозными функциями. Такое мнение отчасти справедливо, но в исторической перспективе и даже в наши дни данное представление кажется в большей степени относительным. Развитие культуры финиковой пальмы, видимо, имеет место сравнительно недавно и связано с ростом местного товарного производства в XIX в. Даже если в более отдаленные времена и выращивали пальму, то это было связано, скорее, со сбором плодов, чем с возделыванием культуры: саженцы не подвергались селекции, и разнообразие сортов, произрастающих в оставшихся пальмовых рощах «бафур», получивших свое название от имени древних племен, которые, как говорят, населяли Адрар, также подчеркивает естественный характер их воспроизводства. Агрикультура «грайр» (grayr) более тесно связана с «ксурской» населенной зоной в том смысле, что эти центры часто располагаются в районах, богатых орошаемыми территориями. Роль, которую играют эти ксары в торговле, далеко не повсеместна: в отличие от того, что можно наблюдать в расположенных южнее ксарах Тишит или Валата, она, видимо, редко является первостепенной. Что касается их религиозного значения, то оно ясно прослеживается в основном в случае Шингити лишь начиная с XVIII в. Напротив, население всегда по своему

происхождению относилось к завайя (Zawaya) — племенам, которые согласно юридической иерархии мавров характеризуются своими религиозными занятиями и восходят к самому пророку (Surva) или к его арабскому окружению.

Введение в историческую перспективу. Вполне правдоподобно, что коллективные представления внутри арабского мира о Мавритании (стране мавров), отраженные в наименовании траб-эш-Шингити (Singīti — «страна Шингити»), имеют сравнительно недавнее происхождение и являются отзвуком длительной и многоплановой эволюции. Они отчасти связаны с публикацией произведения под названием «Аль-Васит («Al Wasit»), написанного в конце XIX в. жителем Шингити и изданного в Каире. К датировкам, представленным в литературе, которая часто воспроизводит устную традицию, отражающую те же представления, следует относиться с осторожностью. Поселение Аббайр, жители которого еще в древности переселились в расположенный поблизости Шингити, якобы был основан в 160 г. хиджры; Вадан — в 536-м, а Шингити — в 680 г.; Атар и Авджевт, по тем же сведениям, относятся к XVII в. и основаны в результате переселения туда части жителей из Шингити. Фактически ввиду отсутствия археологических работ и неопровержимых свидетельств сведения, содержащиеся в заметках средневековых арабских путешественников, являются намного более запоздалыми, хотя арабы с давних пор посещали этот регион. Представляется доказанным древнее происхождение Вадана, очень давно стоявшего на караванном пути, однако Шингити, напротив, указывается как маленькая деревушка лишь в португальском документе 1506—1507 гг. Поскольку пока что не имеется других документов, приходится ограничиваться несколькими гипотезами.

Одна из них касается древнего и повсеместного существования ситуации частичной оседлости. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические объекты на местности, к сожалению, не подвергавшиеся раскопкам и не датированные, к тому же страдающие от условий консервации в пустыне. Они часто расположены поблизости от грайров и могли быть связаны с населением, частично занимавшимся земледелием, но, безусловно, также и охотой (существуют группы специализи-

рованных охотников немади — nemadi — в самых пустынных районах Мавритании) и разведением мелкого скота. Связано ли это с концом неолита и металлургического периода (медь), которые имели место в период, когда существовала некоторая влажность? Связано ли это с более поздним заселением? Пришло ли население из Африки южнее Сахары или из Магриба? Проблема осложняется родовым наименованием, которое дает традиция этим «ближайшим племенам», — бафур (bafur), иногда рассматриваемым как *негры*, а иногда как *белые*. К тому же некоторые нынешние группы до сих пор считаются прямыми потомками бафур, включенных в существующие племена после того, как они были побеждены или подчинены ими.

То, что действительно подчеркивается традицией, так это связанность бафур с оседлым или полуоседлым образом жизни (в постройках из легкого камня эскиан — eskian, которыми они пользуются до сей поры) и с сельским хозяйством. Традиция настаивает также на их доисламском характере. Иногда их описывали как «испанцев» или «португальцев» — христиан, но никогда как правоверных мусульман, что позволяет думать, что фактически мы имеем дело с мусульманами, исповедующими одну из форм берберского и сахарского ислама, предшествующую распространению суннизма и мусульманских братств (turuq), которые относятся лишь к периоду после XVII в. Им приписывают устройство многочисленных археологических стоянок типа, описанного выше. В основанных на легендах сообщениях, касающихся происхождения нынешних ксаров, об этих племенах порой упоминается, возможно, в целях объяснения причин основания этих городов: их поражением и покорением. В данных источниках также очень часто говорится о том, что они были основаны в районе, где существовали многочисленные центры с более или менее постоянным населением.

Следовательно, возможно, существовал такой период, когда население Адрара, если и не было оседлым, то, по крайней мере, вело намного менее мобильный образ жизни, чем тот, который за ним последовал. Этот образ жизни, вероятно, продержался до недавнего времени, и данные группы интегрировались в постепенно развивавшуюся племенную политическую структуру. Несомненно, исламизированные еще в древности, они смогли соста-

вить политические единицы типа тех, которым соответствовала сравнительно неплохо укрепленная населенная зона Азуги. Независимо от того, ведут ли они свое происхождение из черной Африки или из Магриба (эти влияния, безусловно, сочетались), то немногое, что можно реконструировать о ксурской культуре этих племен, в большей степени напоминает культуру древнеберберского населения с его укрепленными пунктами — местом убежища и хранения продуктов и товаров.

Функции и роль некоторых из этих ксаров подверглись эволюции в новом контексте, характеризовавшемся двумя феноменами: развитием крупных кочевых племен, занимающихся разведением верблюдов; развитием торговых путей и караванного транспорта, идущего через Сахару. Эти феномены частично связаны один с другим, и прежде чем вернуться к изучению ксурской населенной зоны и ее развития, следует сначала сказать о названных феноменах несколько слов, в частности, показать, на каком региональном фоне разворачивались эти изменения.

Характер древней транссахарской торговли в последние годы подвергся значительной переоценке. Долгое время акцент ставился на первостепенной роли золота, добывавшегося в Африке южнее Сахары и перевозившегося в средиземноморские и европейские государства. Сегодня ясно, что в этих обменах большое место занимали также другие продукты, необходимые жителям пустыни и ее дальних окраин. Важнейшим из них, несомненно, является соль — продукт редкий и ценимый во всех южных регионах. Доказано, что торговый обмен соли на золото находился под контролем берберских племен со времени, предшествующего 930 г.

Другим последствием транссахарского товарообмена в данном районе явилась необходимость в разведении скота, главным образом верблюдов, как средства транспорта, с тех пор, как это животное стало известно в регионе в I тыс. н. э. Значение верблюдоводства — источника обогащения местных жителей и накопления ими имущества — подтверждается, например, возникновением в Южной Сахаре крупного караванного поселения Аудагуст. Тысячи и даже десятки тысяч дромадеров ежегодно бороздили караванные тропы; многие падали в пути, что вызывало потребность в разведении верблюдов, которое, учитывая особенности этого животного и

лимитирующие факторы среды, само по себе требует весьма своеобразных условий.

Развитие крупного кочевого верблюдоводства. Современные наблюдения, равно как и исторические источники, подчеркивают в данной связи значение зоны пастбищного верблюдоводства, которая простирается от северного Адрара до Сагият-эль-Хамра у подножия марокканских массивов и Хамада в Тиндуфе и которая на востоке содержит дюнные массивы Ханк и Игиди. Особенно благоприятны районы Тирис и Земмур, где, как отмечает автор «Аль-Васит», «верблюды множатся, как всходы после дождя».

Благодатные дожди остаются, однако, довольно нерегулярными, и кочевники-верблюдоводы, владеющие этими пастбищами, вынуждены искать дополнительные территории для своих стад на целые годы. Это заставляет их двигаться на юг, до границ Сахеля, где более регулярные осадки позволяют им прокормить многочисленные стада, которые они заводят в северных районах, благоприятных для их быстрого роста. К тому же они находят на юге запасы зерна, леса, хлопчатобумажных тканей и т. п., которыми они не располагают в этих зонах пастбищного верблюдоводства.

Тирис, Земмур и соседние с ними районы фактически являлись свыше тысячелетия своего рода очагом заселения Мавритании племенами кочевников-верблюдоводов. Г. Т. Норрис, определив, что в этой зоне находился таинственный Какудам арабских путешественников, окруженный, согласно Ибн-Саиду, богатыми пастбищами, отмечает, что она составляла колыбель берберского поселения Санхаджа, прежде чем на юге появились поселения Гудала, Ламтуна и Массуфа [1].

Тот же самый район стал в XV в. воротами для проникновения арабов племени бени хасан (beni hassān) — потомков бедуинов из семейства макиль (Maqil), в течение многих столетий занимавших юг Магриба. Именно в Тирисе согласно традиции произошла решающая схватка, позволившая им восторжествовать над берберскими племенами — наследниками Альморавидов. Некоторые из них, например, авляд длем (Awlād Dlem) еще насе-

[1] *Norris H. T.* Saharan Myth and Saga. Oxford: Claredon Press. 1972. P. 85; *Idem.* The Arab Conquest of the Western Sahara. Longman: Librairie du Liban. 1986.

ляют эти районы, но большинство племен хасан начиная с XVI в. откочевали на юг, где в XVII—XVIII вв. основали нынешние эмираты.

Характер этих пастушеских передвижений и их последствий для заселенности можно проиллюстрировать на примере более близкой по времени истории создания и расширения в XIX в. союза племен ргейбат (Rgeybāt). По своему происхождению они являются малочисленным племенем овцеводов и земледельцев из района Вад Дра. Постепенно они расселились в Земмуре, где занялись специализированным верблюдоводством. В течение нескольких поколений, оттеснив племена, ранее обосновавшиеся в этом регионе, пополнились значительными частями этих племен. Умножив свои стада благодаря хорошим пастбищным условиям, но также войне и торговле, они превратились в основную державу Западной Сахары. Их мирный или военный натиск на пастбища Юга и племенные группы, их занимающие, продолжался, несмотря на французскую колонизацию, вплоть до 1934 г., когда они были подчинены тремя колоннами французских войск, пришедших из Алжира, Марокко и Мавритании.

Развитие этой верблюдоводческой экономики и движение северных племен не обошлись без последствий для заселения Адрара. Верблюдоводческие племена очень давно заняли его окрестности и проникли в массив, в котором обнаружили кустарниковые пастбища, пригодные к использованию в период засухи. Начиная с XI в., когда утвердилась гегемония Альморавидов, многие эпизоды истории которых произошли в Адраре, подобная ситуация преобладала. Она способствовала созданию в XVIII в. эмирата Адрар, в котором верблюдоводческие племена хасан (hassan) господствовали над населением массива. С этими племенами еще ранее произошла замечательная эволюция, связанная с изменениями торговых путей начиная с конца средневековья.

Изменения торговых путей. С той поры, когда экспансия Альморавидов ознаменовала собой апогей владычества берберов санхаджа (Sanhāja), контролировавших караванные пути из Африки к средиземноморскому миру, можно отметить тенденцию к смещению караванных путей к востоку за счет западных маршрутов. Разработка соляных копей Тегазы, а затем Тауденни, расцвет Тимбукту, гегемония Мали, а потом Сонгаи,

может быть, столь же связаны с расширением сети торговых путей, сколь и с реальным переходом с одного пути на другой. С этого периода началась эксплуатация солончака Иджиль на севере Адрара и стала повышаться роль таких центров, как Вадан, Тишит, Валата в торговой деятельности. Тем не менее этот западный регион переживал относительный упадок, что связано с социально-политическим кризисом, охватившим его в данный период.

В этом кризисе можно выявить два тесно переплетенных аспекта — религиозный и социальный. В конце XVII в. многие пророчества возвещали о возрождении альморавидского движения в Западной Сахаре. Вскоре после этого мессианское движение берберов под руководством Насар ад-дина привело к войне Шарр Бубба, которая закрепила разделение мавританского общества на племенные группы хасан (воинов) и завайя (zawaya — религиозные проповедники) и привела к созданию племенами хасан первого эмирата Траrза. Центрами других религиозных движений явились ксары Вадан, Шингити, Валата. Открытие в Адраре гробницы имама аль-Хадрами (полулегендарного персонажа альморавидской традиции) относится к тому же движению и совпадает по времени с основанием Атара.

Параллельно с этим происходили важные перемещения населения. В эту эпоху племя таджаканет (Tajakanet) расселилось по району, окружающему ныне разрушенный ксар Тиниджи возле Вадана, способствуя изменению караванных торговых путей. Племя смасид (Smāsīd) покинуло Шингити и основало Атар и Авджевт; часть племени идав'али (Idaw'ali) из Шингити основало ксар Тиджикджа в Таганете. В скором времени раскололось племя кунта (kunta), часть которого поселилась в Азаваде. Наконец, в течение всего XVI и XVII вв. продолжалась экспансия верблюдоводческих племен хасан на юг. Это был период образования общества у мавров в его нынешней форме.

Третьим аспектом данного кризиса являлось вторжение иностранных держав — признак растущего включения Западной Сахары в более широкую систему, которая будет играть все более определяющую роль в развитии региона. С утверждением династии Саадидов Марокко начало проводить свою политику в Сахаре, результатом которой стало завоевание Тимбукту, где установилась

власть племен арма (Arma), свергнувших империю Сонгаи в 1600 г. В 1533—1534 гг. марокканская экспедиция достигла Вадана. Вплоть до XVIII в. (в 1655, 1678, 1730 гг.) Марокко посылало экспедиции на Адрар и даже в долину Сенегала, куда нерегулярные войска проникли в 1584 г., а затем для поддержки эмира Траза в 1672 г. были направлены вспомогательные отряды орманов (Ormans). Чтобы закрепить политику союза с племенем хасан, султан Мавлай Исмаил отправился в Бракну, где женился на дочери эмира. Все более явственным стало также вмешательство европейских держав. Сначала на побережье обосновались португальцы и направили экспедиции, которые достигли Адрара в XVI в. Затем узел противоречий сместился в устье р. Сенегал, где с XVII в. стали соперничать друг с другом французы и англичане, а также в меньшей степени голландцы. Цель этих распрей — установление контроля над торговлей гуммиарабиком, которая приобрела растущее значение начиная с XVIII в.

Новые события, развернувшиеся на юге Сахары и явившиеся, может быть, продолжением религиозных и политических движений, о которых только что упоминалось, способствовали изменениям локальной ситуации в конце XVIII и начале XIX в. Речь идет о создании в результате джихада государств пеле (peules) и тукулеров (toucouleurs), носивших ярко рабовладельческий характер. Наиболее значительным из них было государство, основанное аль-хадж Омаром в середине XIX в. Хотя торговая деятельность и была нарушена этими событиями, она далеко не утратила своего размаха. Караванные пути в Судан, где образовались новые рынки (Ниоро, Бамако, Банамба и т. д.), стали еще более разветвленными. Новые предметы товарообмена заменили золото, потерявшее свое значение, — в особенности рабы, «производившиеся» в большом количестве благодаря войнам в Судане. В это время формировалась региональная экономика, основанная на растущем симбиозе экономических регионов пустыни, Сахеля и Судана. Вопреки представлению, восходящему к колониальной эпохе и служащему для ее оправдания, торговля и экономика Сахары далеко не были в упадке на протяжении XIX в.: напротив, они переживали новый взлет, подорванный колониальным завоеванием.

Именно в обстановке, о которой вкратце уже сказано,

образовалась ксурская населенная зона в том виде, в каком она утвердилась в XIX в. и закрепилась впоследствии на основе традиций, восходящих к своим истокам. Важно подчеркнуть еще раз тот разрыв, который создался в результате данной эволюции между нынешним и более отдаленным по времени состоянием оседлых поселений. Развитие крупного отгонного верблюдоводства и торговли, новая социальная стратификация, образовавшаяся при тесном сочетании ксаров с племенами завайя, постепенно утверждавшаяся, в том числе в сильных религиозных племенах ксаров, политическая организация в форме эмирата, стремление к производству в целях обмена, объединение отдельных поселений в рамках региональной экономики, которая выходит за пределы пустыни и связывает эти центры непосредственно с Суданом и даже с мировым рынком, развитие религиозного образования и интеллектуальной жизни — вот факторы, благодаря которым отношения между кочевыми и оседлыми жителями организовывались на новых основах. Это разграничение фактически являлось только отчасти уместным, поскольку накладывалось на другие особенности политического, религиозного, а главное — экономического характера. Часть населения, связанного с данными ксарами, осталась фактически кочевниками, но само скотоводство, являвшееся основным занятием почти всех мавров, имело различную направленность в зависимости главным образом от торговых нужд.

Вадан и Шингити в XIX в. Адрар расположен поблизости от древней торговой магистрали, идущей от солончаков Иджиль за пределами юга Марокко через Тишит и Валату и доходящей до излучены Нигера и большого бассейна р. Сенегал. Вадан — несомненно самый древний караванный центр. В XVI и XVII вв., в то время, когда соседний оазис Тиниджи еще занимали племена таджаканет, а Шингити уже находился под господством племен идав'али (Idaw'ali), в Вадане доминировало племя идав аль-хадж (Idaw'alhajj). Ослабленная войной, которую это племя вело в XVI в. против идав'али, данная группа, имевшая, вероятно, берберское происхождение, сменилась в XVII в. племенами кунта, которые и остались хозяевами ксара вплоть до колониального завоевания. Но расцвет города затем прекратился в результате распрей между племенами кунта и ахель сиди-махмуд (Ahel Sidi Mahmud), которые образовались на юге

Мавритании, сплотившись вокруг шейха из племени идав'аль-хадж (Idaw'alhajj) после того, как это племя покинуло Вадан. Коммерческое значение Вадана сократилось в XIX в. благодаря возвышению Шингити.

Владычество кунта над Ваданом не было простой перипетией племенных распрей. Племя кунта, несомненно, само вышедшее из племени таджаканет, обособилось после рассеяния и оставления им Тиниджи в XVI в. Влияние кунта, расселившихся в Таганете, Хавде и Азаваде, утвердилось с воцарением в Азаваде шейха сиди аль-Мухтар аль-Кабир аль-Кунти (1729—1811 гг.) — основателя секты кадирийя (qadiriya) в Западной Африке, религиозного деятеля международного значения. Под его воздействием сформировалась оригинальная система торговли, основанная на разветвленной сети поселений секты кадирийя («тарика кадири»), использовании продуктов отгонного скотоводства племени и союзных с ним кочевых племен, доставке соли из соляных рудников (в Азавад из Тауденни, в данном случае из копей Иджиля) и контроле над товарообменом между пустыней и ее южными окраинами. Эта система идентична той, которая установилась у кунта Адрара и Таганета по прямой рекомендации шейха аль-Мухтара, который сам объезжал эти районы, где обосновались многие члены его семьи. Держа под контролем Вадан, кунта подчинили себе важные соляные источники Иджиль, расположенные к северу от Вадана.

По образцу племени кунта действовали и племена идав'али и лаклал из Шингити, хотя они заимствовали другое религиозное учение, тарика тиджанийя (tarikatijaniyya), распространявшееся в Мавритании шейхом идав'али Мухаммедом ал-Хариз уль-Мухтаром в начале XIX в. Шингити, о котором источники упоминают лишь с XVI в., безусловно, мог иметь некоторый религиозный престиж в рамках возрождения ислама, которое происходило в XVI и XVII вв. Влияние секты тиджанийя оказалось, однако, определяющим для его расцвета.

Помимо упадка Вадана и распространения учения тиджанийя расцвет Шингити связан с укреплением позиций марокканских купцов. Племенная группа авляд бусба (Awlād Busba), которая вела в это время массированное проникновение в Западную Сахару, составила ожесточенную конкуренцию племени кунта, с которым

шли многочисленные войны. Но особое значение приобрели торговцы текна (tekna) — выходцы из крупной племенной конфедерации с юга Марокко, которые мирно поселились в Шингити в середине XIX в. Переселение способствовало установлению регулярных торговых связей с Марокко и распространению новых способов ведения торговли, которыми отныне могли воспользоваться местные племена. Рост торговли явился делом рук нескольких семейств из племен идав'али (Idaw'ali) или лаклал (Laqlal), которые, сочетая религиозное, политическое и экономическое влияние, приобрели привилегированный статус. Совершенно исключителен, например, успех рода ахель хабот (Ahel Habot) из группы лаклал, который в конце XIX в. занял главенствующее положение не только среди всего племени, но и во всем Шингити. Основу состояния заложил сиди Мухаммед-уль-Хабот, который, начав с нуля, смог благодаря своей торговой и скотоводческой деятельности (как гласит традиция, один приплод его стада составлял 400 верблюдов-самцов в год) приобрести множество рабов и посадить около 50 зрайб (Zrayb) — пальмовых деревьев [2]. Он стал правителем и судьей кади (qadi) племени лаклал. Одной из его основных заслуг явилось учреждение в Шингити библиотеки арабских рукописей, которая и сегодня служит предметом гордости горожан.

Во всех случаях в XIX в. религиозный аспект стоял в центре ксурской модели коммерческой и социальной организации. Впрочем, религиозное соперничество и торговая конкуренция часто идут рука об руку. Именно вокруг влиятельных шейхов, генеалогия вирд (wird) которых связана с блестящими предшественниками, или же тех, которые образуют новые религиозные братства, создавались социальные, экономические и политические механизмы, служившие опорой для торговых связей. Последним примером в том же Адраре была секта гудф (gudf) в ксаре Аджвевт. Ее весьма своеобразное учение связано с сектой шадилийя (Sadiliyya), появившейся в Хавде в конце XVIII в. Оно распространилось среди племен идайбусат в Таганете, а через них попало в Адрар, где гудф нашла многих последователей. Шейхи гудф, основанных в XIX столетии в Авджевте, посадили там

[2] Зрайб (*zrayb*) — ед. ч. зериба (*zeriba*), т. е. совокупность пальмовых деревьев, орошаемых из одного источника.

многочисленные пальмовые деревья. Они организовали систему торговли со снабжением солью Иджиля и финиками и обменом их на многочисленных рабов, предназначенных для корчевания участков и работ на плантациях финиковой пальмы на юге Адрара, который оставался до тех пор не охваченным системой торгово-экономических связей.

«Модель завайя». Данное «клерикальное» руководство торгово-экономической деятельностью способствовало дифференциации и выявлению особенностей общественного строя племен завайя, компенсируя этой экономической функцией (и, конечно, религиозной) отстранение завайя от политической власти в узаконенной иерархии эмиратов. Между племенами завайя и даже внутри них установилась сильная социально-экономическая дифференциация: ряд влиятельных семейств монополизировали власть и богатство, в свою очередь позволив им окружить себя многочисленной свитой клиентов, религиозных последователей тламид (tlamid), вассалов и рабов, которые также дали им возможность развивать производственную деятельность.

Модель такого «клерикального» руководства существовала у кунта и была заимствована в Вадане из Азавада, где она была введена шейхом сиди аль-Мухтаром. Ваданские кунта, не будучи никогда особенно многочисленными и оставаясь скотоводами и кочевниками большую часть года, лишь эпизодически занимали ксар, населенный семьями вольноотпущенников харатин (haratin), пользовавшихся большой автономией, а также агзазир (Agzazir) — группой, которая занималась разработкой соляных копей Иджиля. Под действенным контролем этих клиентов кунта установили строгую организацию караванной торговли и городской жизни. По традиции три каравана в один день отправлялись из Вадана и возвращались в тот же день — один из Гулимина в Марокко, откуда привозили ковры, золотые и серебряные изделия, ладан и пр., другой — из Сен-Луи, доставлявший сахар, ткани и одежду, и последний — из Мали с грузом проса, хлопчатобумажных тканей и пр. По прибытии в Вадан караванщиков жители города окружали их заботой. Каждая семья, каждый квартал, особенно агзазир поставляли свою долю мяса агда (Agda) и другой пищи для перевозчиков. Согласно тем же традициям система общественной взаимопомощи регулировала все

работы в ксаре: строительство домов и колодцев, посадку новых пальмовых рощ и пр. Эта система контролировалась кунта, которые получали многие виды оброка.

В Шингити коллективный контроль над экономической деятельностью был не менее ярко выражен, возможно, как следствие марокканского влияния. Выделились несколько знатных семейств, даже если все племя пользовалось плодами существовавшего порядка. Здесь также установилась коммерческая система, основанная на коммандитных товариществах и кредите. Представители племен идав'али и лаклал, первыми скопив большие состояния, добились этого благодаря выполнению ими коммандитных обязанностей для членов племени текна или с давних пор специализированных торговцев Тишита или Валаты. Будучи первоначально простыми перевозчиками благодаря наличию у них верблюдов, они получали часть сопровождаемых ими товаров. Кредит, основанный на доверии партнеров, способствовал развитию товарообмена между племенами и создавал благоприятные условия для появления своего рода племенной торговой диаспоры: крупные торговцы командировали в такие поездки некоторых из своих родственников или клиентов в других торговых центрах.

Развитие торговой деятельности повлекло за собой развитие местного товарного производства, которое изменяло экономическое положение в Адраре и способствовало укреплению оседлости некоторых групп. Кроме соли, остававшейся основным продуктом обмена, в торговых обменах с другими мавританскими группами, с народами Судана и долины Сенегала все больше использовались финики. С XVIII в. и в еще большей степени в XIX в. происходила интенсивная раскорчевка русла вади (wadi), где могут быть посажены пальмовые деревья (за счет естественной кустарниковой растительности и с тяжелыми последствиями для среды), а также все более частая селекция видов в зависимости от рыночных нужд. Этот процесс продолжался и в течение всего колониального периода.

Корчевание и плантации стали возможны благодаря притоку рабов, который продолжался и в колониальный период. В XIX в. на юге было большое число дешевых рабов, которых торговцы-мавры обменивали на соль. В результате притока рабов и вольноотпущенников оседлое население ксаров сильно возросло.

Роль скотоводства. Укрепление роли торговли в экономике ксаров и профессиональной направленности их жителей создавало растущую потребность в тягловом скоте, в данном случае дромадерах, что не могло не отразиться на скотоводстве в регионе. Если собственно Адрар достаточно беден пастбищами и в состоянии прокормить лишь небольшое количество животных, то иное положение сложилось с пастбищами Тириса и Земмура на севере, где в то время господствовало могущественное племя ргейбат (Rgeybāt). К этим и другим верблюдоводческим племенам, например, хаммонат (Hammonāt) в Хавде, стали все чаще обращаться жители других мест с просьбами о предоставлении (путем продажи или отдачи внаем) дополнительных животных для перевозок. Племена хасан в Адраре, владевшие крупными стадами верблюдов, также во все большей степени стали заниматься извозом. Но скотоводство племен завайя, в свою очередь, как показывают вышеприведенные примеры, переживало период бурного роста. И в этом плане различие между кочевыми и оседлыми племенами вновь оказалось довольно относительным; самое большее, что можно отметить, — это различную ориентацию верблюдоводства, которое приняло довольно своеобразные формы в ксурских племенах завайя.

Рабовладельческие отношения в скотоводстве в отличие от положения, сложившегося в земледелии, не получили большого развития несмотря на то, что рабы использовались в караванном труде. Домашних рабов могли использовать для охраны стад, но расцвет скотоводства связан с отгоном и рассредоточенностью поголовья, что нелегко достигалось при управлении рабским трудом в домашних условиях: раб и его семья должны были самостоятельно ухаживать за скотом и быть заинтересованными в его разведении. Так поступали иногда племена ргейбат, доверяя стада на отдельное содержание — азиб (azib) своим рабам, а чаще клиентам — бедным скотоводам, которые за ними ухаживали и могли также по целым годам жить в отдалении от владельцев этих стад. В данный период помощники богатых скотоводов могли распоряжаться молоком верблюдов, частью их приплода и получали в уплату за свой труд некоторые потребительские товары, например одежду. Уход за животными мог осуществляться также в рамках института мниха (mniha), при котором создавались те же ус-

ловия, но который обеспечивал большие льготы в получении приплода и позволял обедневшему скотоводу быстро восстановить свое стадо. По тем же причинам использование наемных пастухов, хотя и прослеживается по источникам с древнейших времен, оставалось столь же второстепенным явлением, как и применение рабского труда.

У племени хасан существовали и другие типы отношений зависимости: знатные скотоводы имели издольщиков — эзнага (eznaga), которые ежегодно поставляли им предметы потребления, в особенности молочный скот, который заменялся каждый год, когда самки переставали давать молоко. Эзнага также принимали у себя жен представителей этих господствующих племен, которые, будучи у них гостьями, поправлялись на молочной диете и приобретали полноту, которая считалась почетной и служила признаком высокого статуса. В некоторых случаях хасан отдавали свои стада на сохранение скотоводам — эзнага, которые считались отличными пастухами.

Племена завайя не имели издольщиков эзнага, эксплуатацию которых они к тому же осуждали по соображениям ислама. Однако их отношения со своими последователями — тламид (tlamid) и клиентами, которые присоединялись к ним, чтобы снискать их религиозное благословение — барака (baraka) и политическое покровительство, позволяли завайя использовать их для охраны стад. Впрочем, в XIX и еще более в XX в. эти клиенты достаточно часто являлись издольщиками, долговые обязательства которых оплачивали завайя в обмен на предоставление им заранее оговоренных услуг. Пользуясь ослаблением своих хозяев из племени хасан, эзнага могли также искать у них убежища ради избавления от эксплуатации. Издольщиков особенно было много у племен идав'али из Шингити.

Присоединение указанных элементов, так же, как и групп тейяб (teyyab) — «раскаявшихся» членов племени хасан, которые чаще по политическим причинам, но и с религиозным обоснованием, отказывались от своего статуса и прежней племенной принадлежности, пополняло ряды племен завайя многочисленными разнородными выходцами. Оно часто являлось недолговечным, а связи подвижными, устанавливаемыми в зависимости от богатства и силы покровителей завайя. Ослабление племен

кунта, таким образом, нашло свое выражение в выходе из них многих из подчиненных им клиентов-пастухов.

К началу нынешнего столетия (и, конечно, со времени XVIII в.) кунта обладали довольно развитой племенной скотоводческой структурой и контролировали многочисленных клиентов, статус которых был достаточно близок к статусу эзнага. В то время отгонным скотоводством занимались целые племена, а не просто отдельные вышедшие из племени семейства или группы. Так было с племенами лекнакат (Leknakat), твабир (Twabir) и лекдадра (Lekdadra), которые славились своими пастушескими навыками и кочевали чаще всего на пастбищах Тирис или к северу от Вадана.

Если отвлечься от разнообразия образа жизни — кочевого или оседлого, систем производства и их социальной направленности, то можно сделать вывод, что организация торговли создала в XIX в. и еще более в XX в. тесно связанную систему отчасти общих, отчасти различных интересов, в рамках которых следует вести анализ отношений между кочевыми и оседлыми жителями. Роль скотоводства являлась одной из главных причин раздоров, борьба за владение пастбищами и пастушеской рабочей силой (эзнага, клиенты, религиозные последователи и т. п.) стала константой в данный период и в большей степени, нежели торговая конкуренция, существовавшая лишь у племен завайя, вызвала острые конфликты как внутри Адрара, так и с группами пастухов, занимавших соседние пастбища. Эта конкуренция продолжалась и в период колонизации, которая, лишив племена средств политического и военного решения конфликтов, способствовала хищнической эксплуатации растительных ресурсов, драматические последствия которой показала последняя засуха.

Заключение. Данное исследование ксурской населенной зоны в Мавритании, а точнее в Адраре, заставляет нас, таким образом, постоянно рассматривать дихотомию: кочевники — оседлые жители в рамках сложной эволюции социальных и политических структур, разнообразных экономических структур и коллективных представлений, которые сменялись в Мавритании начиная со средневековья. Многие моменты не прояснены, и ряд представленных анализов остается гипотетичным, но вырисовываются некоторые переломные хронологические этапы. Первоначальная ксурская населенная зона соот-

ветствовала земледельческому и полуоседлому образу жизни, который надолго пережил экспансию кочевого верблюдоводства. Развитие торгового обмена и производства на рынок влекло за собой расцвет некоторых ксаров, заселение которых племенами завайя служит иллюстрацией новых типов социального расслоения и политического легитимизма, формировавшихся начиная с XVII в. Хотя интеллектуальная жизнь мавров отмечена престижем некоторых известных кочевых вероучений, религиозная жизнь постепенно идентифицировалась с некоторой степенью оседлости, что являлось требованием, выдвигавшимся всеми крупными шейхами (за пределами Адрара шейх Маа аль-Айнин из Земмура, например, возвел поселение Смара, а шейх Сидийя из Тразы создал поселение Бутилимит). Логическим последствием этого является признанное обозначение страны мавров как траб эш-Шингити (trab as Singiti).

МОНЕТЫ КАЗАХСТАНА КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ПОЛИТИЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОРОДОВ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ (VII—XII вв.)

Р. З. Бурнашева *(Алма-Ата)*

В пределах Южного Казахстана издревле существовали культурные оазисы с комплексным ведением хозяйства, где земледелие сочеталось с разными видами ремесла и типами скотоводства. Одним из таких центров был Отрарский оазис.

В VI—VIII вв. Отрарский оазис, как и Чач, Фергана, входил в состав Западного Тюркского каганата, где верховная власть принадлежала кагану. По данным китайского путешественника 30-х гг. VII в. Сюань Цзана, в пределах Чача находились десятки городов во главе с самостоятельными правителями, что подтверждается и монетной эмиссией. В результате археологических раскопок на Қанке, Қендыктепе, Ханабаде был получен

большой комплекс монет в виде отдельных находок и кладов, позволяющих охарактеризовать денежную систему раннефеодального Чача, который, по мнению Ю. Ф. Бурякова, оказывал большое влияние на развитие материальной культуры соседних областей Южного Казахстана и Семиречья, складывавшейся в период интеграции по согдийским эталонам под влиянием не столько Согда, сколько Чача [1]. Исследователем выделены две группы монет, отличающиеся одна от другой характерными признаками. К первой группе, в монетах которой некоторые исследователи улавливают, по анализу Ю. Ф. Бурякова, влияние связей Чача с западными странами, в частности с Византией, отнесены экземпляры с портретными изображениями правителей и тамгами. На монетах второй группы — со львоподобным хищником с загнутым хвостом и поднятой лапой и с тамгой трезубцем в различных вариантах — Ю. Ф. Буряков видит попытку старой родовой знати отдельных уделов продемонстрировать связи с правящей верхушкой древнего Чача [2].

В начале VIII в. на Средней Сырдарье, в районе Отрарского оазиса, по данным К. М. Байпакова, сформировалось раннесредневековое тюркское объединение Кангу-Тарбан, в котором политическое господство принадлежало тюркским племенам кангаров-кенгересов, имевших и другое название — печенегов [3]. Широко известны взаимоотношения печенегов с Византией и с Киевской Русью. Эта информация подтверждается и археологическими раскопками, проводящимися с 1969 г. на городище Отрар-тобе, а с 1980 г. — на городище Куйрук-тобе и в ряде других раннесредневековых памятников. Интересный нумизматический материал, найденный здесь, позволяет выявить социально-экономическое и политическое значение Отрарского владения в VII—VIII вв., охарактеризовать уровень развития товарно-денежных отношений, основывавшийся на бронзовой монете, удовлетворявшей потребности своего внутреннего рынка. Изготовление монет из бронзы разного состава методом литья является одним из признаков влияния на

---

[1] *Буряков Ю. Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С. 135.

[2] Там же. С. 136.

[3] *Байпаков К. М.* Древний и средневековый Отрар // Памятники истории и культуры Казахстана: (Сборник): Алма-Ата, 1988. Вып. 3. С. 87.

местное монетное дело согдийской технологии, в свою очередь заимствованной у восточных соседей, в частности у Китая.

Кроме указанных выше памятников, древнетюркские монеты были обнаружены и на городище Мардан-Куюк, расположенном в 10 км к северо-западу от Отрара [4].

Таким образом, зафиксированы пока три типа древнетюркских монет из Отрарского оазиса, которые являются содержательным источником, синтезирующим влияние тех культурных и политических связей, которое имело это владение в VII—VIII вв., находясь на стыке ряда торговых путей, шедших с запада на восток к Таразу, Баласагуну и далее в Китай; к Согду и Нишапуру — на юге; на западе — в Русь, Причерноморье и к Византии. Интересно отметить, что все три типа местных монет на лицевой стороне имеют классическое изображение льва, шагающего вправо на прямой черте, условно передающей землю-опору, с загнутым над спиной хвостом в круге из перлов в одном случае, в простом линейном ободке — в другом. О. И. Смирнова считает, что аверс этих монет заимствован полностью с лицевой стороны греческих серебряных монет из Малой Азии [5].

К кругу монет с изображением льва относятся монеты из Бухарского оазиса, имеющие на оборотной стороне крест несторианского типа, свидетельствующий также о генетических связях центральноазиатского искусства с малоазиатским античным миром [6]. Образ льва в тюркосогдийском искусстве занимал определенное место и отражал традиционное влияние античной культуры на местное творчество [7].

Развивая и обогащая полученные в результате культурных, торговых связей образы-символы, местное тюркское искусство создавало свою самобытную культуру, оказывавшую в свою очередь влияние на соседние районы и округи. Так, монеты отрарского круга со львом

---

[4] *Бурнашева Р. З.* Монеты раннего средневековья с городища Отрар-тобе и Отрарского оазиса (1969—1972 гг.) // Древности Казахстана: (Сборник). Алма-Ата, 1975. С. 65.

[5] *Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981. С. 18.

[6] Там же. С. 58.

[7] *Сенигова Т. Н., Бурнашева Р. З.* Изобразительный мотив льва в прикладном искусстве древнего Казахстана // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана: (Сборник). Алма-Ата, 1980. С. 65—81.

явились прототипами для монет Чача второй группы, в которых образ льва потерял свою классическую форму, деградировав в львоподобного хищника. Это дает основание предположить их выпуск гораздо более поздним временем.

Общность сюжета со львом на монетах Отрарского и Чачского оазисов свидетельствует о тесном взаимовлиянии не только в области социально-экономической (наличие нескольких крупных владений или крупных городов), но и в области духовной жизни народов, населявших эти два субрегиона, почитавших льва как символ божества, покровителя рода.

Оборотная сторона монет, происходящих из Отрарского оазиса, имеет разные тамговые знаки, указывающие на выпуск их разными владетельными родами. Первый тип этих монет с тамговым знаком — «ät», являющимся, по определению О. И. Смирновой, родовой тамгой правивших в Семиречье тюргешей [8], свидетельствует, на наш взгляд, об их династийных связях. О. И. Смирнова предполагает, что это сочетание, т. е. изображение льва именно с тюргешской тамгой, может иметь двоякое толкование: или эти монеты принадлежали тюргешам, заимствовавшим для своих монет тип лицевой стороны у своих предшественников в районе, или они были выпущены тогда аборигенами, которые признавали свою зависимость от тюргешей и потому поместили на своих монетах тамгу сюзерена [9].

Учитывая значение области Кангу-Тарбан (раннее название Отрарского оазиса) в VII—VIII вв. в политических и экономических отношениях, где со второй половины VII в. господствовали тюрки карлуки, которым принадлежала огромная территория Южного Казахстана и Семиречья, можно выразить и такое предположение: тюргеши заимствовали для своих монет тамговый знак «ät» именно у тюрков Кангу-Тарбана, выпускавших монеты уже с VII в. Возможно, были и семейные родовые связи между этими группами тюркоязычных племен. Во всяком случае, рунический знак — «ät» у тюрков на Сырдарье появился раньше,

[8] *Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. С. 57.
[9] Там же.

чем у тюргешей Семиречья, так как известно благодаря исследованиям О. И. Смирновой, что тюргеши начали выпускать свои монеты только с 30-х гг. VIII в.[10] Монеты же Согда, Чача и Отрарского владения являются более ранними денежными знаками, указывающими на расцвет и хозяйственный подъем в этих областях в VI—VII вв., подтвержденными письменными источниками и археологическими материалами.

Второй тип из Отрарского комплекса с тамговым знаком — «н+уш», по определению О. И. Смирновой, представляет графический элемент енисейско-ферганского рунического знака , который входит также в состав надписи на тюрко-византийских монетах с портретным изображением. Отрарская группа (из региона) является более ранними денежными знаками тюркских правителей Кангу-Тарбана, так как высокохудожественное изображение льва в перлах с рунической надписью монограммой «н+уш» сближает их с тюрко-византийскими монетами конца VI в. Тип определен по времени находки, т. е. эти монеты были обнаружены позже, чем монеты первого типа. Датировать их, вероятно, можно VII в. по аналогии с согдийским монетным делом, получившим подъем в VII—VIII вв. в результате расцвета экономической жизни с образованием государства ихшидов. Местом их выпуска можно считать столичный город Тарбанд, который произносили по-разному: Турар, Тарбан, Турарбанд.

Третий тип с тамговым знаком пока не имеет аналогов и является новым типом в денежном хозяйстве тюркских правителей Отрарского оазиса. Монета с этим тамговым знаком была обнаружена в 1984 г. на городище Куйрук-тобе, который отождествляется археологами с другим крупным центром оазиса — Кедером, считавшимся по отношению к Отрару новым городом[11]. По мнению В. Н. Настича, вновь открытая тамга по аналогии с монетами тюргешей, в родовом знаке которых он

[10] Там же. С. 61.

[11] *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья: (VI — начало XIII в.). Алма-Ата, 1986. С. 25.

усматривает стилизованный рунический знак t^2, может представлять модификацию древнетюркского K^2 и восприниматься как инициальный знак определенного этнонима [12].

Безусловно, все три тамговых знака на монетах из Отрарского оазиса, представляющие стилизованные рунические монограммы, являются родовыми символами, свидетельствующими о политической независимости отдельных владений, имеющих право на собственный выпуск монет. К сожалению, надписи, которые имеются на монетах второго и третьего типов, пока не прочтены. Вероятно, расшифровка их дала бы нам название местности, где выпускались эти денежные знаки, или имена тех правителей, при которых это происходило, т. е. как это имеет место на древнетюркских монетах Чача [13]. Однако можно с уверенностью сказать, что монеты Отрарского оазиса представляют нам местное творчество, на котором сказалось некоторое влияние культурных достижений Чача и Согда. Монеты для нас служат бесценными образцами искусства тюркоязычных групп оседлого населения субрегиона, культура которого достигла к VII—VIII вв. высокого уровня развития.

В IX—X вв. наступил новый период в истории Средней Азии и Южного Казахстана, который характеризуется развитием и становлением феодализма, вызванного ростом городов, появлением более развитых форм ремесел, сельского хозяйства, торговли, денежного обращения и т. д.

Вторжение арабов в Мавераннахр в VIII в. принесло с собой новую культуру, историю и экономику, что сказалось во всех сферах духовной, культурной и социально-экономической жизни этой страны. Под влиянием арабского монетного дела в Средней Азии возникла совершенно новая денежная система, основанная на выпуске трех видов монет (динар, дирхем, фельс) из трех разных металлов (золота, серебра и меди). В доисламское время основной денежной единицей была бронзовая монета с изображениями и тамгами. Она была литой — под влиянием Китая. При арабах же резко изме-

[12] *Настич В. Н.* Монетные находки из Казахстана и Киргизии: (Вторая нумизматическая конференция): Тезисы докладов и сообщений. М., 1987. С. 52.

[13] Буряков *Ю. Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры... С. 136.

нились технология, внешний облик и вес монет. Их стали чеканить с новым весовым эталоном; на них появились центральные и круговые надписи арабским почерком куфи с изречениями из Корана. Это стало традиционным явлением в денежном деле Средней Азии и юга Казахстана на многие годы в последующих периодах. От арабов также перешло и стало традиционным право выпуска медных монет наместниками, которых назначала центральная власть. Как правило, в центральных надписях помещали имя сюзерена, а в круговых легендах на полях монеты — имя наместника. Такое разделение или разграничение имен позволило исследователям IX—XII вв. проследить по монетам существующую иерархическую лестницу политических отношений между центральной и удельной властью и выявить часто отсутствующие в письменных источниках имена местных правителей в отдельных удельных владениях. Традиционным явлением стало обозначать на монетах дату и место их выпуска, что дало широкие возможности для социально-экономических характеристик регионов, городов, имеющих собственный чекан.

Нумизматические исследования по монетам IX—XII вв. позволили выявить размеры феодальных пожалований за службу в государствах Тахиридов, Саманидов и Караханидов. Заметно, что в IX — начале X в. пожалования были преимущественно крупными (области, районы, города) на Средней Сырдарье: Чач, Испиджаб, Фарабский округ, а в XI—XII вв. при Караханидах — более мелкими: в области Испиджаб уже существовали два удела — Парабский [14] и Будухкетский [15].

Барабский чекан саманидских фельсов 310 г. х./922—23 г. от имени Насра II б. Ахмада свидетельствует о вхождении округа Фараб в состав Саманидского государства, правителем которого на правах вассального владетеля в это время был некто ʻАли, чеканивший мо-

---

[14] *Кочнев Б. Д.* Караханидский чекан Параба (Отрара) // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С. 109—120.

[15] *Кочнев Б. Д.* Будухкет — новый казахстанский монетный двор (XI в.) // Изв. АН КазССР. Серия общ. наук, I (145). Алма-Ата, 1986, № 1. С. 49—54.

нету[16]. Арабский географ X в. Истахри земли от Фараба до Тараза включил в состав Чача[17], где во второй половине IX—X в. наблюдался расцвет экономики. Сюда относится и область Испиджаб, против которой Саманиды (Нух ибн Асад) уже в середине IX в. совершали походы.

По сообщениям некоторых арабоязычных авторов X в., Испиджаб характеризовался как северные пределы Чача и являлся сборным пунктом воинов «за веру больше, чем Бинкет»[18]. В нем отмечалась работа собственного монетного двора в начале X в., когда стали выпускаться фельсы от имени эмира Насра II б. Ахмада (914—943 гг.). Политическое господство Саманидов в регионе оказывало в свою очередь большое влияние на духовную культуру (распространение ислама, арабского языка, науки) и на хозяйственный уклад жизни (формы землевладения, налоги).

Между областями Южного Казахстана со Средней Азией имели место взаимоотношения и при Чагатаидах, Тимуридах, Шейбанидах и Джанидах. Контакты прежде всего сказывались на экономическом и культурном развитии народов, проживавших на огромной территории, где происходили миграционные процессы, связанные с оседанием кочевников, этнические диффузии, способствовавшие распространению и взаимовлиянию многих культур. Все эти явления прослеживаются на богатом фонде нумизматического материала, конкретно свидетельствующего о разных сторонах и локальных особенностях денежного хозяйства городов Южного Казахстана и Средней Азии, развивавшихся по общим историческим закономерностям феодального способа хозяйства.

---

[16] *Давидович Е. А.* Бараб — новый среднеазиатский монетный двор Саманидов и Ануштегенидов: Письменные памятники Востока. Ежегодник 1972. М., 1977. С. 124—126; *Байпаков К. М., Настич В. Н.* Новые данные по истории Отрара X—XIII вв. // Изв. АН КазССР. Серия общ. наук. 1978. № 2. С. 46.

[17] *Буряков Ю. Ф.* Генезис и этапы развития городской культуры. С. 143.

[18] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. М., 1963. Т. 1. С. 233.

КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РАЗВИТИЕ ИРРИГАЦИИ ЮГА КАЗАХСТАНА

(по материалам Нижней Сырдарьи и Отрарского оазиса)

В. А. Грошев *(Алма-Ата)*

Археолого-топографическое изучение остатков оросительных сооружений Нижней Сырдарьи и Отрарского оазиса, а также данные письменных источников позволяют выявить определенные закономерности в социально-экономическом развитии регионов и понять процессы возникновения и становления здесь ирригации.

Она зарождалась в идентичных условиях дельтового ландшафта, климата, однако тем не менее исторически складывалась различно. Ирригация низовий Сырдарьи (начало I тыс. до н. э.) отразила архаичные черты общественного развития и специфику хозяйства региона, где не сложились предпосылки для создания крупного высокоразвитого ирригационного хозяйства [1].

Ирригация Отрарского оазиса, возникнув в дельте р. Арыси, на начальном этапе своего развития так же, как и в низовьях Сырдарьи, прошла стадию регулируемых русел, однако в дальнейшем здесь сложились другие принципы орошения, которые нетрудно проследить на материалах археологических исследований.

В первых веках нашей эры на территории Отрарского оазиса происходило освоение небольших площадей, пригодных для поливного земледелия. По отношению к водным источникам земледельческие поселения делились на две части: на использовавших при орошении водные ресурсы р. Сырдарьи и на употреблявших при поливе воды р. Арыси. Естественные рубежи этих рек способствовали делению (условному) оседлых поселений на четыре локальные группы: поселения по правобережью низовий Арыси, которые сосредоточивались в окрестностях Отрара; поселения противоположного, левого берега дельты, располагавшиеся в урочище Кок-Мардан; ряд поселений вдоль старых проток правого

[1] *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969. С. 226.

берега Сырдарьи, тяготевших к месту, где ныне находится железнодорожная станция От-Рабад; поселения левого берега Сырдарьи, группировавшиеся вокруг городища Оксус [2].

Археолого-топографические исследования ирригационного отряда Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции [3] показали, что в I—VI вв. в дельте р. Арыси использовались обвалованные русла и выведенные из них небольшие арыки. Наличие арычной системы орошения полей дает основание говорить о строительстве к концу этого периода простых систем, базировавшихся на протоках. Уже в это время в ирригации Отрарского оазиса наметилось несколько путей развития. Если орошение, основанное на дельтовых протоках Арыси, имело все признаки дельтовой ирригации (обвалованные старые русла, приспособление стариц в качестве водохранилищ), то на левом берегу Сырдарьи оно не проходило стадии регулирования русел.

По своему характеру ирригационная техника Отрарского оазиса в I—VI вв. имела примитивные формы и не требовала значительных трудовых затрат [4]. Обследование поселений, расположенных на дельтовых протоках Арыси, показало, что такой уровень ирригации полностью соответствовал социально-экономическому развитию общества этого периода. Здесь, например, строительство небольших систем велось силами земледельческих общин, население которых занималось мотыжным земледелием, о чем свидетельствуют находки каменных мотыг, остатки хлебных злаков (просо, ячмень, пшеница). При раскопках поселений найдено множество ручных мельниц, кости домашних и диких животных, позвонки рыб, рыболовные крючки, грузила — т. е. все то, что свидетельствует о комплексном ведении хозяйства: наряду со скотоводством, рыболовством, охотой жители занимались поливным мотыжным земледелием. Однако отметим, что земледелие имело невысокий уровень развития производительных сил и позволяло лишь обеспечить нужды собственного потребления, а сельское хо-

---

[2] *Грошев В. А.* Работы ирригационного отряда // Археологические открытия. 1975. С. 484.

[3] Работы велись под руководством автора.

[4] *Грошев В. А.* Новые данные об оросительных системах Отрарского оазиса // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977. С. 15.

зяйство в целом еще не приобрело формы товарного производства [5].

Таким образом, создание и поддержание примитивных систем орошения в I—VI вв. силами небольших земледельческих общин позволяет говорить о том, что в социально-экономическом отношении Отрарский оазис этого времени представлял собой общество, в котором были хотя и сильны еще пережитки родового строя, но происходил процесс формирования феодальных отношений.

Дальнейшее развитие ирригационной техники и совершенствование оросительной сети Отрарского оазиса происходило на протяжении VII—IX вв., когда на территории Средней Азии и Казахстана формировались раннефеодальные государства. Развитие феодальных отношений на юге Казахстана привело к появлению многочисленных политических центров — городов, в которых зарождалось ремесло, развивалась торговля. Многие из этих городов росли на месте земледельческих поселений, где интересы развития экономики настоятельно требовали увеличения орошаемых площадей. Как показали материалы обследования ирригации VII—IX вв., расширение посевов происходило на основе распространения влияния на земли, лежащие близ поселений и пригодные для поливного земледелия. Рост поливных площадей в свою очередь вызывал необходимость проведения новых и реконструкции старых каналов и увеличения в значительных размерах трудовых затрат на эти цели. Орошение в таких крупных масштабах уже не могло базироваться на примитивных формах лиманного орошения предыдущего периода. Однако и проведение больших по протяженности каналов было не под силу жителям единичных поселений, удаленных от водных источников. Поэтому на начальном этапе периода (VII—IX вв.) необходимость в работах по сооружению крупных систем орошения для обеспечения водой нескольких поселений создавала, на наш взгляд, предпосылки для объединения рабочей силы в своеобразные «водные союзы». Именно коллективные трудовые ресурсы могли вызвать к жизни реконструкцию одного из дельтовых протоков р. Арыси и создать на его основе оросительную систему протяжен-

---

[5] *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Алма-Ата, 1958. С. 61—78; *Акишев К. А., Ахинжанов С. М., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Раскопки в Отрарском оазисе. АО 1977 г. М., 1978. С. 510.

ностью 20 км, которую местные жители называют Сангыл-арык[6]. Это строительство послужило важным фактором формирования таких городов, как Пшакчи, Отрар, Алтын, Куйрук и др., нижние слои которых датируются второй половиной I тыс. н. э. Сооружение Сангыл-арыка позволило увеличить масштабы посевных площадей в Отрарском оазисе до 3—6 тыс. га, а это, в свою очередь, означало одновременное возделывание третьей части поливных земель и получение стабильного урожая зерновых независимо от погоды. То есть местное население, вероятно, могло удовлетворить в зерне не только свои потребности, но и оставлять его на продажу. Отсюда напрашивается вывод: в период VII—IX вв. в Отрарском оазисе происходило выравнивание доли земледелия и скотоводства при перспективном росте поливного земледелия.

Как известно, увеличение товарного производства зерна способствует социально-экономическому развитию городов, когда создаются предпосылки для становления различных форм ремесла и расширения торговли. Раннефеодальные города Отрарского оазиса еще не имели рабадов. Раскопки типичного раннесредневекового города Средней Азии Пенджикента показали, что ремесленники и мелкие торговцы в VII—VIII вв. жили на территории шахристана наряду со знатью и купечеством[7]. Обследование зарождавшихся городов Отрарского оазиса показало, что ремесленники и торговцы еще были тесно связаны с сельским хозяйством[8]. Время VII—IX вв. для Отрарского оазиса, говоря словами К. Маркса, характеризовалось еще нерасчлененным единством «промышленности и земледелия, города (села) и земли... История классической древности — это история городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии; история Азии — это своего рода нерасчлененное единство города и деревни»[9].

Зарождение городов на юге Казахстана происходило в условиях развивающегося феодализма, главной чертой

---

[6] *Грошев В. А.* Новые данные об оросительных системах Отрарского оазиса // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977. С. 16.

[7] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город в Средней Азии. Л., 1973. С. 3—4.

[8] *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана... С. 213.

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 497.

которого являлось, по мнению К. Маркса, наличие верховной собственности государства на землю — явление, характерное для стран Востока [10]. В то же время раннефеодальное государство уступало часть своих прав на землю представителям феодального класса, резиденции которых находились в городах.

Таким образом, на наш взгляд, в период VII—IX вв. в Отрарском оазисе происходил постепенный переход организации ирригационных работ из рук земледельческих общин в руки государственной власти. По-видимому, в этот исторический период развития общества происходили процессы, которые, по К. Марксу, можно сформулировать так: «принципы организации земледелия переносятся в города и городские отношения» [11].

Материалы обследования остатков оросительных сооружений свидетельствуют, что в Отрарском оазисе осуществлялся переход от лиманных форм к самотечному паводковому орошению, происходило коренное переустройство систем орошения на основе уже новых средневековых гидротехнических решений. Признаки лиманного орошения были еще присущи системе Сангыл-арык (наличие обвалованной протоки в головной части, водозабор из подтопленной старицы). Ирригационная техника находилась на той стадии развития, когда еще отсутствовали системы головных сооружений и распределители (раскопанные широкие оросители напоминают отводы от русла реки), в то же время можно говорить о вероятности головного сооружения и магистрального канала, являвшегося продолжением протоки, как о свидетельстве совершенствования строительства оросительных систем. Ирригация Отрарского оазиса VII—IX вв. еще напоминала по принципам дельтовую ирригацию Джетыасаров: канал Сангыл-арык так же, как и водная магистраль Асанас-Узяк, являлся, по существу, измененным вариантом регулируемого русла эпохи средневековья. В то же время налицо сходство и с ирригацией позднего этапа афригидного Хорезма в районах Дингильдже, Якке-Парсанский и Аяз-калинский оазисы, где для систем орошения в VII—VIII вв. также характерно переустройство на основе средневековых гидротехнических принципов. Но в отличие от Хорезма, ранне-

[10] См.: Там же. С. 497—498.
[11] Там же.

средневековые оросительные системы Отрарского оазиса не имели мелкой оросительной сети, вместо нее от русла Сангыл-арыка отходили широкие отводы (шириной 5—6 м) веерного типа, между которыми располагались агроирригационные планировки.

В целом орошение Отрарского оазиса в VII—X вв. производилось по схеме: река — головное сооружение (предположительно) — старица — магистральный канал — оросители — поле.

Следующий этап развития ирригации Отрарского оазиса приходится на X — начало XIII в. В это время началось строительство и функционирование единой оросительной системы под названием Алтын-арык [12].

Исток оросительной системы обнаружен на обрывистом берегу р. Арыси. Речная вода забиралась в ирригационную сеть с помощью двух головных сооружений. От места их соединения отходил отводной канал, по которому излишки паводковых вод сбрасывались обратно в реку. Еще три коллектора обеспечивали сброс воды на протяжении всей трассы магистрального канала. Длина трассы составляла 30 км, ширина между валами — 14 м, высота отвалов — 3 м. У истока хорошо прослеживаются остатки защитной дамбы, предохранявшей головной участок от разрушения в период паводков на реке.

Очевидно то, что ирригационная техника Отрарского оазиса в этот период постепенно приобретала свои классические черты: по своему характеру она резко отличалась от предшествующей; менялся общий рисунок системы; вместо веерообразных отводов-оросителей проводились узкие и длинные каналы ветвистой конфигурации; добавлялись новые звенья (гидротехнические узлы, распределители первого и второго порядка, система головных сооружений, добавочные сбросовые каналы); водозабор окончательно переносился на основное русло р. Арыси (свидетельство утверждения нового вида орошения — самотечного паводкового).

Для Отрарского оазиса X — начала XIII в. характерен и высокий уровень гидротехнического строительства: головные участки каналов ограждались мощными защитным дамбами, строились водохранилища, водоотводы из керамических труб-кубуров, широкое распростра-

[12] *Грошев В. А.* К вопросу о средневековых оросительных системах Отрарского оазиса // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С. 79—85.

нение получили водоподъемные сооружения — чигири.

Строительство подобной оросительной системы, на наш взгляд, было связано с усилением в IX—X вв. в долине р. Сырдарьи, предгорьях Каратау и Отрарском оазисе государства огузов [13]. Как известно, в период расцвета Огузской державы один из городов Отрарского оазиса Кедер (Куйрюк) возвысился до ранга столицы [14]. К этому же времени относится интенсивное строительство различных по назначению водохозяйственных и распределительных гидротехнических сооружений вокруг Кедера. Расширение посевных площадей (около 30 тыс. га) на базе ирригационной системы Алтын-арык стимулировало подъем сельского хозяйства в округе, способствовало расширению торговли. В X в. Кедер стал крупным и богатым городом [15].

С упадком Огузской державы и усилением государства Караханидов в XI в. в Отрарском оазисе возвысился Отрар [16]. По материалам наземного обследования видно, что к этому времени орошаемые посевные площади расширились в восточном, северо-восточном и северном направлениях от Отрара, что, безусловно, явилось одним из стимулов экономического подъема города. Размеры Отрара к XI в. увеличились в 10 раз [17].

Следовательно, развитие производительных сил в X — начале XIII в. способствовало новому подъему ирригации в Отрарском оазисе, что, в свою очередь, положительно повлияло на экономическое усиление городов, в которых расцвели ремесла и торговля. Изменилась топография городищ, в них выросли рабады — ремесленные предместья, а вдоль каналов расположились сельские усадьбы. Очевиден факт, что рост производительных сил привел к социальному расслоению населе-

---

[13] *Агаджанов С. А.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 72; *Якубовский А. Ю.* Вопросы этногенеза туркмен // Советская этнография. 1947. № 3. С. 48—54; *Толстов С. П.* Города гузов // Советская археология. 1947. № 3. С. 56.

[14] *Байпаков К. М.* О локализации главного города Отрарского оазиса в IX—XII вв. // Археологический сборник. Л., 1964. С. 105—110.

[15] *Волин С.* Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1960. Т. 8. С. 80.

[16] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1971. С. 32.

[17] *Байпаков К. М.* Периодизация развития средневекового Отрара: Тезисы доклада // Бартольдовские чтения. М., 1976. С. 12.

ния и отделению сельскохозяйственного труда от ремесла и торговли. Что касается ирригации, то этот период характеризуется организацией общественных работ по искусственному орошению земель Отрарского оазиса (строительство каналов), осуществляемой специальным ведомством центрального правительства, в функцию которого в странах Востока вменялось развитие земледелия как главного источника жизни и основы хозяйства. По всей вероятности, организация работ по строительству ирригационных каналов и их очистке была сосредоточена в руках администрации Отрара. Непосредственно же земледелием занимались люди, живущие в сельских поселениях.

Ирригация Отрарского оазиса X — начала XIII в. резко отличается от ирригации низовьев Сырдарьи. По своему характеру она может быть сравнима с ирригацией средневекового Хорезма этого периода (Гавхоре, Чермен-яб и др.). Отличительной чертой является то, что оросительные системы обоих районов имеют большую протяженность и сложноветвистость планировок по всей трассе магистрального канала, а в системе Алтын-арык Отрарского оазиса сложноветвистые планировки расположены, как правило, в низовых частях системы, что часто обусловливалось освоением новых земель.

После монгольского нашествия и разрушения городов Отрарского оазиса в упадок пришла и ирригационная сеть. Но уже к середине XIII в. Отрар восстал из руин вместе с возрождением самотечного паводкового орошения, которое практиковалось здесь вплоть до XVII в.

Таким образом, ирригация Нижней Сырдарьи и Отрарского оазиса значительно отличалась, что в значительной степени было обусловлено различиями в социально-экономическом развитии данных регионов юга Казахстана в древности и средневековье.

ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНТАКТНОЙ ЗОНЕ ОСЕДЛОЙ И КОЧЕВОЙ КУЛЬТУР (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТРАРА)

Л. Б. Ерзакович *(Алма-Ата)*

Единая сфера политических, экономических и культурных взаимосвязей Средней Азии и Казахстана обусловила внутреннее единство городской цивилизации. Вместе с тем развитие районов, географически близких кочевой степи, протекало в условиях постоянных контактов и взаимодействия земледельцев и скотоводов, что накладывало свой отпечаток на формирование культур и приводило к активным этническим процессам. Сказанное в полной мере относится к арысь-сырдарьинскому региону на юге Казахстана с центром в Отраре. Особенно показательны в этом плане археологические материалы по городскому жилищу.

Уже в первые века нашей эры на территории региона, а также в низовьях Сырдарьи был известен тип дома, для интерьера жилой комнаты которого характерна суфа по периметру стен, напольные (культовые) и стеновые (кухонные) очаги, плоские перекрытия и колонна в центре помещения[1]. Схожий интерьер жилого помещения сохранялся вплоть до монгольского нашествия. Вместе с тем жилище эволюционировало, шло развитие планировочных схем, увеличивалась площадь и высота суфы, в X в. появляются универсальные очаги — тандыры, глинобитные очаги в центре помещения заменяются керамическими очагами специального изготовления.

Многие субстратные черты обнаруживает этнографическое жилище XIX — нач. XX в. Этнографы подчеркивают необычную архаичность таких черт народного жи-

[1] *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 190—193; *Подушкин Н. П.* Ранние оседлые поселения дельты Арыси (I—VIII вв.): Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1970. С. 7—8. *Левина Л. М.* Раскопки городищ Джетыасарского урочища // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 434, 435; *Байпаков К. М.* Традиции и инновации в материальной культуре Отрара // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана: Тезисы докладов и сообщений научно-теоретической конференции. Алма-Ата, 1980. С. 18.

лища юга Казахстана, как присутствие в жилой комнате очага — тандыра, расположение суфы, колонна в центре жилого помещения и свето-дымовое отверстие на крыше над очагом [2].

Наряду с древними чертами в исследуемом жилище присутствуют и более поздние «наслоения», наиболее существенное из них — каны. Они появились в жилищах городов присырдарьинского региона не раньше VI в. [3]. известны отдельные случаи устройства канов в жилищах VII—VIII, X—XI вв. [4] Появление канов по времени совпадает с некоторыми изменениями в материальной культуре городищ отрарского оазиса. Отмечается группа так называемой «кангарской» керамики, для которой характерно красное и черное ангобирование с лощением и прочерченный орнамент, насыщенный геометрическими мотивами [5]. В VII—VIII вв. среди украшений городского населения появились литые бронзовые серьги в форме несомкнутого овала, со шпеньком в верхней части и фигурным колечком снизу, на которое надевалась подвеска из жемчужных бусин. Аналоги подобным серьгам хорошо известны по материалам из тюркских погребений Средней Азии и Сибири [6].

Отмеченные факты свидетельствуют о притоке пришлого населения центральноазиатского происхождения в оседлую зону на Сырдарье. Тюркское городское население упоминается и в письменных источниках наряду с иранским [7]. Впрочем, степень культурного влияния

---

[2] *Жилина А. Н.* О некоторых древних чертах жилища оседлого населения Средней Азии // Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 года: Тезисы докладов и сообщений по этнографии. Ташкент, 1973. С. 54—55.

[3] *Неразик Е. Е.* О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 203—204.

[4] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. С. 69—74; *Байпаков К. М.* Раскопки городища Куйруктобе // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 431.

[5] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. С. 127.

[6] См.: *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. С. 112—114. Рис. 75; Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988. С. 84—86. Рис. 39.

[7] *Семенов А. А.* К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи хорезмшахов в XII в. н. э.: (По актам того времени) // Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР. 1952. Вып. 2. С. 24.

пришлых элементов на оседлую среду не следует преувеличивать. Во всяком случае, городское жилище в домонгольский период оставалось очень консервативным, а этнографическая группа, знакомая с канами, была незначительной, судя по эпизодическому появлению очагов с дымоходами в черте города. Столь же редки тандыры с дымоходами и к востоку от Сырдарьи, в жилых постройках Семиречья X—XII вв. [8]

Монгольское нашествие 1219 г. нанесло сильнейший удар по оседлой зоне арысь-сырдарьинского региона. Судя по археологическим материалам Отрара, центральная часть города, обнимающая территорию цитадели и шахристана, захирела вскоре после монгольского нашествия, а периферийные участки были превращены в кладбища. Возрождение Отрара началось не раньше середины XIII в. и затронуло в первую очередь рабад и не застроенные в прошлом участки в окрестностях города. Разреженная застройка тяготела к берегам водохранилища. Здесь появляются отдельно стоящие усадьбы и крупные жилые комплексы, кирпичеобжигательные мастерские и мастерские гончаров, баня. Регулярная застройка старого шахристана началась позднее, в последней четверти XIV в., одновременно с возведением новой крепостной стены [9].

Для массовой застройки монгольского времени характерны разнообразные типы жилищ, отличающиеся внутренним обликом (угловые суфы, п-образные) и особенно устройством очагов [10]. Наряду с этим нужно отметить основную тенденцию в эволюции отрарского жилища: утверждение в качестве ведущей формы жилищ, отапливаемых тандыром с длинным дымоходом типа канов. Жилища с каном становятся традиционными в домостроительстве на юге Казахстана уже к середине

[8] Чуйская долина // Труды Семиреченской археологической экспедиции: Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 14. М.; Л., 1950. С. 39, 49; *Кызласов Л. Р.* Исследования на Ак-Бешиме в 1953—1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М., 1959. С. 217; *Кожемяко П. Н.* Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967. С. 53—90.

[9] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Отрар в XIII—XV веках. Алма-Ата, 1987.

[10] *Ерзакович Л. Б.* Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII—XVIII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С. 81—93.

XIV в.[11] Вырабатывается также стереотип внутренней организации жилища. Катализатором этого интереснейшего процесса послужили события и явления политической и социальной истории региона. Имеется в виду факт укрепления политического и экономического положения местной тюркской и тюркизированной феодальной верхушки в Ак-Орде — первом крупном государственном образовании на местной этнической основе в послемонгольский период на территории Казахстана[12].

Новый пучок инноваций характерен для периода конца XVI—XVII вв. В традиционных домах появляются очаги двух типов: восьмеркообразные, заглубленные под уровень суфы во внутреннем дворике, и квадратные, с невысоким глинобитным бортиком, которые пристраивались к суфе в центре жилого помещения, неподалеку от тандыра с дымоходом.

Форма первого очага характерна для кухонных земляных очагов, распространенных среди групп полуоседлого населения. Утилитарные функции этого очага не вызывают сомнений. Другой очаг можно рассматривать как сакральный элемент жилища. Напомним, культовые очаги были непременной принадлежностью отрарского жилого дома. Глинобитные в раннем средневековье и керамические в X—XII вв., они были атрибутами культа огня, а позднее выступали как реликты домусульманских верований[13]. Однако мы не видим непосредственной преемственности между домонгольскими очагами-алтарями и более поздними. Они различаются формой и устройством, отсутствуют промежуточные звенья, характеризующие процессы формирования квадратного очага. Выскажем предположение, что появление как первого, так и второго типов очагов объясняется новым мощным притоком в города тюркоязычного населения, в среде которого ритуал священного огня занимал не менее важ-

---

[11] Отметим особенность отрарских канов: канал дымохода от очага — тандыра подведен к ближайшему углу или стене помещения и, следовательно, обогревался небольшой участок суфы. Аналогичные короткие дымоходы характерны для периферийного домостроительства Золотой Орды. См., например, *Абызова Е. Н.* Раскопки поселения XIV в. у села Кэстешты // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 401.

[12] История Казахской ССР: В 5 т. Алма-Ата, 1979. Т. 2. С. 151.

[13] *Байпаков К. М.* Культ огня на Сырдарье // Известия АН КазССР: Сер. общ. наук. 1987. № 5. С. 51—61.

ное место, чем у ираноязычных горожан[14]. Происходит формирование новых стереотипов, охватывающих различные сферы культуры оседлого населения.

Внутренняя организация отрарского жилища не предусматривает деление на мужскую и женскую половины. Жизнь всех жителей дома сосредоточена в жилой комнате, где, по этнографическим данным, имелось место для мужчин, или почетное место, хозяйственная сторона, место для женщин и детей и другие элементы, сходные с пространственной градацией юрты. Новые группы населения заявили о себе тамгами, напоминающими родовые тамги казахов. Их процарапывали на керамике, кирпичах, тамгообразные знаки появляются в росписях на керамике. Определенные изменения происходят в составе пищи городского населения, поскольку среди возделываемых зерновых важное место занимает просо — традиционно распространенная культура в хозяйстве кочевников.

В источниках оседлое население Средней Азии и Казахстана часто фигурирует под именем *сарты*. Еще дореволюционные исследователи обратили внимание на своеобразие этнографических признаков, языка, обычаев, облика сырдарьинских сартов, отличающих их от сартов ферганских или самаркандских, но сближающих с казахами[15]. В культуре аборигенов переплетаются элементы культур древнего ираноязычного населения и тюркоязычных народов. Археологические и этнографические данные свидетельствуют о необычайно долгом переживании поверий о дождевом камне яда — джада[16]. Сохраняются обычаи и верования, генетически связанные с

---

[14] См., например: *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974. С. 231.

[15] *Остроумов Н. П.* Сарты. Этнографические материалы: Вып. первый. Ташкент, 1890; *Добросмыслов А. И.* Города Сырдарьинской области. Ташкент, 1912; *Шишов А.* Сарты. Этнографическое и антропологическое исследование. Ташкент, 1904 // Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Т. 11.

[16] *Малов С. Я.* Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая // Советская этнография. 1947. № 1. С. 151—160; *Басилов В. Н.* Среднеазиатское шаманство в свете этнической истории региона // Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР: Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976. С. 18—20; *Акишев А. К.* О культе «дождевого» камня (джада, яда) на Отраре // Проблема изучения и охраны памятников культуры Казахстана: Тезисы докладов и сообщений научно-теоретической конференции. Алма-Ата, 1980. С. 203—209.

кангюйским фарном, выступающим в образе барана на керамических изделиях поры позднего средневековья[17], в ритуалах праздника «кошкар-ата», который сырдарьинские сарты отмечали непременно в юртах за пределами города. Этнокультурные и исторические связи оседлого, в том числе городского и кочевого населения, оказали влияние не только на жилище искони оседлого населения, но и жилище тех групп населения, которые вели полуоседлый образ жизни. Можно полагать, что некоторые типы зимнего жилища казахов имеют более древнюю основу, чем это представлялось до сих пор. Имеются в виду однокамерные постройки, разделенные стенкой-перегородкой, не доходящей до потолка, на 2—3 комнаты. У торца стены-перегородки ставилась глинобитная печь — казандык с коленчатым дымоходом, который шел внутри перегородки и выводил дым наружу. Казандык использовался для приготовления пищи, теплая перегородка обогревала смежные помещения. Значительную часть жилого помещения занимали нары деревянные или глинобитные высотой 30—40 см от пола. Под одной крышей дома находились загоны для скота, амбары[18].

Печки-стенки известны узбекам дельты Амударьи — потомкам переселенцев XVI в. из районов расселения даштикыпчакских узбеков на Сырдарье[19]. Тип зимнего жилища с обогреваемой перегородкой сохранился у немногочисленных групп казахов, проживающих на юге Таджикистана, куда казахи, по мнению исследователей, переселились в последней трети XIX в. главным образом из Присырдарьинских районов[20]. Сходный тип жилища сохранился у некоторых групп ногайцев. Судя по описаниям, печь с дымоходом, имеющим несколько изгибов, устанавливалась на некотором расстоянии от стены в

[17] *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968. *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. С. 122. Рис. 83.

[18] *Руденко С. Н.* Очерк быта казахов бассейна рек Уила и Сагыза // Казаки. Л., 1927. Вып. 3. С. 11—13; *Баронов С. Ф.* Опыт медико-санитарного обследования среди казахов. Там же. С. 39—40; *Глухов А. Н.* Зимнее жилище актюбинских и адаевских казахов.; Там же. Вып. 11. С. 118—120.

[19] *Задыхина К. Л.* Узбеки дельты Амударьи // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959. Т. 1. С. 361—363.

[20] *Писарчик А. К., Кармышева Б. Х.* Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области // Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР. 1953. Вып. 3. С. 73—97.

помещении с нарами, деревянными или глинобитными [21]. Функциональная близость систем отопления оседлого и и полукочевого населения — канов и теплых перегородок — подводит к мысли о возможности генетических связей этих явлений. Различия в конструкции печей, планировке и интерьере домов с печками-стенками по сравнению с городским жилищем объясняются особенностями хозяйственно-бытового уклада и семейного быта полукочевого населения.

Чрезвычайно устойчивое сохранение традиций домусульманских верований и тюркского шаманизма как в оседлой, так и кочевой среде должно было сдерживать утверждение ислама в присырдарьинском регионе. Становится понятно, почему шейбанидские богословы в специальной фетве объявили казахов отступниками от мусульманской веры [22]. Благодатную почву в народной среде ислам нашел в форме суфизма, в котором были приняты многие элементы древних культов. Суфизм поддерживался и культивировался правящей династией, представители которой вместе со своим окружением состояли в числе мюридов крупнейших среднеазиатских суфийских шейхов [23].

Домусульманские традиции, тесно переплетенные с суфизмом, ярко проявились в нумизматических источниках. Раскопки Отрара выявили большую серию медных монет, атрибуция которых первоначально была затруднительна, так как на них отсутствуют, как правило, сведения о месте и времени выпуска, имена правителей, но изображены различные животные, птицы, рыбы. Многое прояснила датировка слоя, из которого происходят монеты — конец XVI—XVII в. Именно в конце XVI в., судя по сообщениям источников, в состав Казахского ханства вошли Ташкент, Фергана и весь Туркестан, т. е. оседло-земледельческие районы по обоим берегам среднего течения Сырдарьи, которые до того принадлежали Шайбанидам [24]. В источниках появляются упоминания о том,

---

[21] *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. М., 1976. С. 67.

[22] *Юдин В. П.* Известия «Зийа ал-Кулуб Мухаммад Аваза о казахах XVI века» // Вестник АН КазССР. 1966. № 5. С. 72.

[23] *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982. С. 96, 111; *Абусеитова М. Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985. С. 87—88.

[24] *Абусеитова М. Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. С. 93.

что казахские ханы в Ташкенте чеканят от своего имени монеты [25]. Установлено, что часть медных монет конца XVI—XVII в. была чеканена в Ташкенте в Ясы-Туркестане [26]. Можно полагать, что анонимные и анэпиграфные монеты представляют казахскую государственность, несмотря на отсутствие имен и титулов. Казахские ханы отказались от традиционной мусульманской инвеституры на монетах, заменив ее изображениями суфийской иконографии: птицы — символ неба, животного — олицетворение земли, рыбы — водная стихия. Зооморфные изображения, космогоническая символика воспринимались современниками как универсальные регалии власти, они прокламировали установление новой государственности.

[25] *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV—XVIII вв. С. 112.

[26] *Бурнашева Р. З.* Клады медных монет из города Туркестана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 58—68.

ЗИМОВКИ-ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА КАЗАХОВ СЕМИРЕЧЬЯ (XVI—XIX вв.)

С. Ж. Жолдасбаев *(Алма-Ата)*

В Семиречье в древние времена обитали предки современных жителей Казахстана. Племена (усуни, кангалинцы, дулаты, албаны, жалаиры и др.), сохраняя свои названия, постепенно входили в состав этнической группы, сформировавшейся в казахскую народность. Археологические работы, проведенные в этом районе в 50—60 гг. нынешнего века, позволили представить разные стороны жизни древних племен. В частности, раскопки принесли ряд новых открытий, относящихся ко времени саков и усуней [1].

Сведения о древних и поздних усунских зимовках-по-

[1] *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963; *Акишев К. А.* Курган Иссык. М., 1978.

селениях, накопленные археологической наукой, сводятся к следующему [2].

Жители тех поселений вели полукочевой образ жизни. Хорошо изучены города и сельские поселения средневекового периода [3], именно города и городская культура способствовали переходу кочевых и полукочевых племен к оседлому и полуоседлому образу жизни. Это подтверждают письменные источники. В одном из них — в известнейшем «Тарихи-Рашиди» Мухаммеда Хайдара — сообщается: «Так как была зима, каждый человек находился на своих *зимовках*» (курсив наш. — *Авт.*). Или же: «Касым-хан (в начале XVI в. — *Авт.*) избрал своим *зимовьем* Каратал...» «Жители степи... должны подумать о *зимовках*» [4]. Кроме того, встречающиеся в письменных источниках слова *йайлак, кишлак* также свидетельствуют, что жители Юго-Восточного Казахстана [5] вели полуоседлый и полукочевой образ жизни. Так, более поздние русские источники сообщали, что «казахи Большой орды... живут во всегдашних зимних деревнях» [6]. Исследователь XIX в. Н. Харузин писал о зимовках богатых людей, похожих на деревни [7]. Согласно этим источникам, зимовки напоминали поселения, насчитывавшие не менее десяти хозяйств.

Разновременные и отрывочные материалы точно говорят нам о том, что казахи постоянно зимовали в определенном месте. Такие данные встречаются в материалах русских путешественников, исследователей. Однако остается неизвестной *планировка* зимовок и постоянных жилищ казахов. Рассматриваемая проблема до сегодняшних дней ни в археологической, ни в этнографической науке не изучена. Поэтому естествен интерес к тому, чтобы восполнить имеющийся пробел, интерес к

---

[2] *Акишев К. А.* Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Известия АН КазССР. Серия общ. наук. 1969. № 1.

[3] *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.

[4] Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 217, 223, 227.

[5] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в. Алма-Ата, 1977. С. 143—144.

[6] Прошлое Казахстана в источниках и материалах: (V в. до н. э. — XVIII в. н. э.): (Сборник 1). Алма-Ата, 1935. С. 146.

[7] *Харузин Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896. С. 99.

этой проблеме, который проявила палеоэтнографическая экспедиция, проводившая исследования в Семиречье [8].

Во второй половине XIX в. в состав Семиреченской области входили Капальский, Жаркентский, Верненский и Лепсинский уезды. В настоящее время названные уезды переименованы в районы и относятся к Талды-Курганской, Алма-Атинской и северо-западной части Джамбулской области. В данном регионе экспедицией найдено и зафиксировано более полторы сотни зимовок-поселений и более 400 жилищ. На некоторых из них частично произведены раскопки. Все найденные зимники находились в глубине горных ущелий, хорошо защищенных от ветра, или же на берегу Чу, Или и других рек, а также в Прибалхашье. Эту особенность подмечал и Ч. Ч. Валиханов: «Для зимовок требуются густые леса или лесистые горы, вообще места, которые могут защитить скот от зимних непогод» [9].

Гора Торайгыр — один из северных отрогов Алатауских гор — находится на границе между Кегенским и Чиликским районами (бывший Жаркентский уезд). Торайгыр означает *гнедой жеребец*. По легенде во время джунгарского нашествия на этой горе без хозяина остались гнедой жеребец и целое стадо лошадей, численность которого со временем увеличилась до нескольких сот. Отсюда и казахское название: *Торайгырдын тауы*. Проезжая через горы Торайгыр, Ч. Ч. Валиханов писал: «Торайгыр есть лучшее зимовье адбанов» (албанов. — *Авт.*) [10]. Действительно, эта гора как будто создана для зимовок. Экспедиция зафиксировала более 60 зимовок-поселений в ее ущельях и предгорьях [11].

В каждом ущелье размещались по 3—5 хозяйств, в каждом хозяйстве — одно- или двухкамерные жилища и сараи. Строительным материалом служили почти необработанные камни. Во время съемок на северо-восточной стороне горы рядом с одной из зимовок удалось обнаружить родник, к которому приходили люди, под названием *Раймбектин булаги,* которое, согласно легенде, бы-

---

[8] При участии автора.

[9] *Валиханов Ч. Ч.* Соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1961. Т. 1. С. 531.

[10] Там же. С. 238.

[11] *Жолдасбаев С. Ж.* Зимовки и жилища казахов Юго-Восточного Казахстана в XVI—XVIII вв.: (Отчет о научно-исследовательской работе) // Рукописный фонд отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР, 1982.

ло дано в честь батыра Раймбека, боровшегося против джунгарского нашествия.

На расстоянии 5 км от этой зимовки, на западной стороне, есть место, называющееся *Ойран тюбе*. Это небольшие холмы, на которых, согласно легенде, сражался Раймбек и одержал победу в жесточайшей битве (отсюда и название *ойран*). Согласно другой легенде, после одного из жарких сражений Раймбек вернулся в ущелье, чтобы напиться воды. Но ее нигде не было. Видя это, Раймбек поднял руки к небу и произнес: «О аллах! Если ты дал мне правду жизни, то дай мне воды!» После таких слов он воткнул свою саблю в землю, откуда тотчас же забил фонтан воды. С тех пор это место называлось *Раймбектин булаги* и считалось святым источником, к которому приезжали люди.

Отметим, однако, что легенда сохранила нам имя человека — Раймбек, который в действительности жил в конце XVII и начале XVIII в. и боролся против джунгаров. Его имя запечатлено и в устном фольклоре.

На южной стороне зимовки на расстоянии 50—70 м зафиксирован *Раймбектин кыстауы*. Здесь расположены два домика. Находящийся ближе к роднику состоит из круглого сарая и жилых помещений, которые почти полностью разрушены (сохранился только один ряд камней). Во втором доме, стоящем выше первого, две жилые комнаты, круглый сарай, рядом с ним — небольшая пристройка. Жилые помещения построены по типу полуземлянок, вход в основную комнату идет через переднюю комнату, главный ход ведет на северо-запад. По своим размерам основное помещение (3,6×3 м) больше передней (3×2,5 м). Толщина стены равна 65—70 см, высота сохранившейся стены — 60—90 см. Сверху стены, между двумя комнатами в северо-восточном углу, видны следы дымохода, это означает, что очаг находился в этом углу. Для строительства подобраны хорошие одинаковые камни, по форме напоминающие кирпич. Можно заметить, что для строительства жилых помещений хозяева зимовки занимались обработкой камня. Такие зимовки-поселения зафиксированы и в ущельях Бартогая, Сартау и Бугуты. Все они похожи по использованному стройматериалу и по способу строительной техники.

Палеоэтнографические исследования проводились и на Чулактау в ущелье Чулакжиде. Как Кетменский Алатау, Чулакские горы невысокие, мелкосопочные. Зимов-

ки, обнаруженные в этом районе, по технике и по материалам строительства аккуратнее и сохранились лучше. В двух- трехкамерных жилищах одна четырехугольная комната через небольшой коридорчик пристроена к круглому помещению.

Одна из таких зимовок — зимовка Тоганбая — расположена в небольшом ущелье, соединяющемся с ущельем Чулакжиде. По словам информаторов, Тоганбай жил здесь в начале XIX в. Это был мастер на все руки: искусный ювелир, кузнец, столяр, хороший сапожник. На наш взгляд, он был и хорошим строителем, ибо его зимовка построена лучше всех. Заметно, что используемые камни он обрабатывал. Зимовка состояла из двух хозяйств, т. е. из двух домов, один из которых — трехкомнатный, а другой — четырехкомнатный. В первом доме юртообразные и четырехугольные помещения, между ними — небольшой коридор (4,10×1,80 м). При раскопках на полу обоих жилых помещений встретилась угольная зола. Очаг для приготовления пищи устроен в юго-восточном углу с правой стороны при входе в помещение. Дымоход выведен в углу, в нем же есть ниша (тауша), предназначавшаяся, видимо, для чирагов, о чем говорят следы копоти в верхней части ниши. Чистка пола юртообразных помещений показала, что открытый очаг был устроен в центре. Вокруг него обнаружены ямки с сохранившимися в них остатками сгнивших балок. Это наводит на мысль о том, что крыша юртообразных помещений была куполообразной и держалась на поставленных вертикально стойках. Тип таких домов был отмечен еще в конце XIX в. Н. Харузиным[12]. У приилийских казахов такой дом был обнаружен Н. Баскаковым[13]. Однако у них по три и по четыре стойки, по всей вероятности, крыши юртообразных помещений были разнообразными.

Зимовка-поселение Чулакжиде № 6 — одна из хорошо сохранившихся; она расположена в небольшом ущелье (на его западной стороне, в небольшом плоском полукруглом месте), укрытом со всех сторон, куда почти не проникает ветер. С восточной стороны зимовка соединяется с главным ущельем Чулакжиде. Сверху она на-

---

[12] *Харузин Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // Этнографическое обозрение. М., 1896. № 2—3. С. 2.

[13] *Баскаков Н.* Жилища Приилийских казахов // Советская этнография. 1974. С. 112. Рис. 4.

поминает неприступный замок, обрывистый с передней стороны, с восточной стороны от него — узкое ущелье, а с юга и запада — скалистая высокая гора.

Судя по устройству зимовок (все помещения имеют отдельные ходы и в то же время пристроены одно к другому), здесь проживали три семьи. На юго-западной стороне стоит юртообразное жилище с пристроенными к нему двумя сараями — большим и маленьким. Размеры жилища — 4,40×3,60 м. Выход из него обращен на северо-восток; ход из сарая выводит за юртообразное жилище.

Во втором доме три помещения и один сарай с курке. Рядом с жилищем — акыр (кормушка для лошадей). Жилые помещения построены в форме коржин уй: к передней комнате с двух сторон пристроены две другие. Размеры большой комнаты, находящейся с левой стороны передней комнаты, 4,90×4 м. В юго-западном углу помещался очаг, дымоход которого выходил в том же углу по стене через крышу. В южной стене были две ниши (по 50×30 см): одна рядом с очагом, другая — в юго-восточном углу. В северо-восточной стене находилось окно шириной 90 см (его высоту установить не удалось из-за обвала верхней части стены).

Размеры второго жилого помещения — 3,90×3,20 м. Обе жилые комнаты соединены через переднюю комнату, размеры которой 4,0×1,90 м. Ход из помещения обращен на северо-восток. Высота сохранившихся стен — 1,40 м. К жилым помещениям с восточной стороны пристроен сарай, судя по размерам которого хозяин второго дома был, видимо, самым состоятельным. С южной стороны к жилым помещениям пристроен курке — сарай для молодняка. На восточной стороне большой комнаты, к которой примыкает сарай, сделан акыр, сложенный из длинных камней, отделенный от других частей сарая. Общий ход из сарая выходит на северо-запад.

Третий дом, расположенный на восточной стороне, состоит из двух комнат, одна из которых юртообразная. К дому пристроен продолговатый сарай. Жилая комната имеет форму неправильного четырехугольника размером 4×3,40 м. В южной стене комнаты — ниша 50×30 см. В середине северной стены — окно. Следов очага по углам нет: помещение, видимо, обогревалось открытым способом из среды, очагом, находившимся в центре. В передней комнате (3×2 м) следы очага замечены в

юго-восточном углу, ход ведет на западную сторону. Перед выходом — ход в юртообразное помещение, служившее для хозяйственных целей (судя по имеющимся ходам). За юртообразным помещением находится продолговатый сарай длиной 10 м, шириной 5 м. Перед домом — ровное плоское место, отделенное от ущелья полукруглой скалой, имеющей высоту 30—40 м. Узкий проход между жилым помещением и этой скалой перегорожен стеной, в которой специально оставлен ход. На юго-восточной стороне проходит узкое ущелье, в нем на расстоянии 30 м от строений находится колодец, стены которого сложены из камня. До сих пор на дне этого колодца есть вода. В настоящее время глубина его — 3 м, ширина — 1 м. Около колодца лежат сложенные в длину камни, служившие, видимо, поилкой для скота. На расстоянии 15—20 м выше колодца на небольшом камне рисунок с изображением оленей; по-видимому, это след о пребывании в данной местности на зимовке людей, проживавших в тюркский период. Обломки же пиалы, изготовленной на фабрике братьев Кузнецовых, пузыристых бутылок — свидетельства того, что зимовка была обитаема до конца XIX в.

Обследование зимовок-поселений и жилищ Капальского уезда на горе Баянжурек и Каракунгей Жунгарского Алатау показало, что они имеют свои специфические особенности и в строении, и в интерьере. Особенно своеобразна отопительная система. Зимовки-поселения расположены в глубине ущелья и хорошо защищены от ветра. По легенде, знаменитый казахский «философ» Асан-Кайгы, побывав в этих местах, сказал: «В горах Баянжурек никогда не бывать джуту», «если бы на берегу Биень (Буйен) паслись бы шесть лет лошади, то родились бы тулпары» (мифический или эпический крылатый конь).

Баянжурек заслужил такой хвалы не случайно. Казахов привлекали мелкосопочные горы, где особенно хорошо растет трава сарыкуик, очень полезная для животных (и кумыс бывает отменным, если лошади поедают сарыкуик). Вот почему в каждом ущелье не менее трех-четырех зимовок-поселений и в них по два хозяйства. На горе Баянжурек нами было зафиксировано более тридцати зимовок-поселений.

Особое внимание обращает на себя зимовка-поселение Баянжурек № 2. Еще до проведения раскопок, су-

дя по буграм, можно было догадаться, что здесь жили два хозяина. Раскопки показали, что дом состоял из двух помещений, расположенных с отклонениями с юго-востока на северо-запад. В них имелся один общий ход. Передняя комната (3,80×2,30 м) расположена на юго-восточной стороне и соединяется через внутренний ход с большой жилой комнатой (3,90×3,80). Ширина стены — 75 см. По оставшейся нижней части стены видно, что фундаментом служили ровные четырехугольные массивные камни (как блок) толщиной 40—48 см, длиной 70—80 см, на них клали сырцовые кирпичи (размеры снять не удалось из-за плохого качества). После снятия культурного слоя толщиной 70 см обнаружен твердый земляной пол коричневого цвета. Лежавшие на нем культурные слои легко снимались. Полностью расчистив большую комнату, мы увидели при входе с правой стороны разрушенный очаг, который почти не сохранился. Однако там, где находился очаг, заметно было круглое прожженное место, оставшееся от топки. Хорошо сохранился кан (лежанка), построенный из плоских камней. Кан протянулся от очага в сторону северо-западного угла, но, не доходя 45 см до угловой стены, трубы кана поворачивались в обратном направлении, следуя по северной стене, т. е. в сторону очага, и за очагом, в углу, соединялись с дымоходной трубой, выходившей через крышу. Длина кана — 2,50 м, ширина — 1,20 м, высота — 0,30 м. Кан хорошо оштукатурен толстым слоем.

Каны-лежанки обнаружены и в зимовке Каракунгея. Один из них похож на описанный выше, однако имеет своеобразную форму. Кан найден на зимовке-поселении № 7, расположенном в трудно доступном месте в небольшом ущелье. Возможно, поэтому все строения почти хорошо сохранились. Сверху хорошо виден однокомнатный дом, к которому пристроены хозяйственные помещения и сарай для мелкого скота. На южной стороне стоял сарай для рабочего скота, возле него заметно место, где находилось корыто для сена. Стены жилого помещения (4,60×4,20 м) абсолютно не разрушены. Хорошо сохранился оконный проем. При входе с правой стороны был очаг, от которого в северо-западную сторону вдоль стены протянут кан-лежанка. От этого угла по западной стене кан поворачивается в южную сторону и там, в углу, соединяется с трубой, которая выходит через крышу.

Кан построен из плоских больших черных камней

(длина 1,20 м, ширина — 50 см, толщина — 4—5 см), которые поставлены ребром и перекрыты такими же камнями. По сохранившейся глине видно, что кан был оштукатурен сверху и сбоку толстым слоем. Ширина кана-лежанки — 1,10 м, высота — 40 см, а длина равна длине северной и западной стен.

Очаг построен из плоских камней, от него в каналы кана выходят два дымовых отверстия. Перед очагом, где топка, имеется небольшое дугообразное углубление, служившее для хорошей тяги и для сохранения огня: туда сгребались горячие угли и ставился заварочный чайник. Для сохранения тепла к ночи в это углубление сгребали горячую золу, уголь, которые держали там до утра.

Вход в помещение — на восточной стороне, ширина его — 1 м, на пороге настелен широкий плоский камень. В западной стене имеется ниша (тауша, ойык), служившая, по-видимому, для содержания мелких инструментов.

Во время чистки пола на юго-восточном углу мы обнаружили ручную зернотерку, сделанную из черного сланца. Обычно зернотерки делались из гранита. На этой горе, видимо, более подходящего камня не нашлось. Сланец для зернотерки оказался непригодным, и поэтому она была оставлена здесь.

Из строений перед жилым помещением оказалось полуразрушенное юртообразное жилище (3×3 м), служившее, скорее всего, для хозяйственных целей. Один сарай стоит отдельно от жилого дома, на южной его стороне, а другой пристроен к жилому помещению с северной стороны. Жильцы для строительства использовали плоский черный сланец, в небольшой степени занимались и обработкой камня.

Итак, проведенное исследование зимовок-поселений из разных уездов Семиреченской области позволило сделать некоторые выводы.

Во-первых, зимовки и жилища, зафиксированные на горах Торайгыр, Бугуты, Сарытау, отличаются от зимовок, найденных на горах Чулактау, Баянжурек и Каракунгей, своей планировкой и техникой строения. Если в первом регионе жилища однокамерные, то во втором и третьем (в районе Капальского уезда) встречаются двух- трехкамерные жилища.

Во-вторых, в последнем регионе в зимовках-поселениях в обязательном порядке юртообразные жилища

устраивались вместе с четырехугольной комнатой, между ними проходил небольшой коридор, так называемый дэліз. В первом регионе юртообразные жилища встречаются как отдельные строения.

В-третьих, существенные отличия имеются в отопительной системе. На зимовках-поселениях, найденных в Капальском уезде, в жилищах встречаются каны-лежанки, причем не в одном месте, а в каждом ущелье, где построены зимние стационарные жилища. Виды канов очень разнообразны: двухканальные, г-образные, двухъярусные каны.

В-четвертых, приведенные особенности зимовок-поселений по одному только Семиреченскому региону указывают на своеобразие строительного материала и интерьера жилищ. Именно этот факт опровергает мнение о том, что казахи не знали и не строили стационарных жилищ. По данным археологов, на всей территории Казахстана с древнейших времен существовали зимовки-поселения [14], значит, жившие здесь племена вели полуоседлый образ жизни. В исторической науке утвердилось мнение, что так называемые «чисто кочевники» не существовали, с древнейших времен кочевые племена имели связи с соседними народами, которые, кстати, Казахстан окружали со всех сторон. Именно существование городов и сельских поселений на территории Южного и Юго-Восточного Казахстана способствовало началу процесса оседания части казахов, а часть населения вела полуоседлый образ жизни. Обнаруженные нами каны-лежанки являются еще одним доказательством связей казахов с населением Восточного Туркестана.

Выяснить проблему о стационарных жилищах и о зимовках-поселениях казахов окончательно помогут исследования по всей территории Казахстана. Только тогда можно будет узнать, с какой именно стороны началось оседание казахов и с какими народами они имели связи, на каком уровне были взаимоотношения между ними.

[14] *Акишев К. А.* Экономика и общественный строй Южного Казахстана и северной Киргизии в эпоху саков и усуней: (V в. до н. э. — V в. н. э.). // Автореферат на соискание ученой степени докт. ист. наук. М., 1986. С. 4.

ГОРОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Л. Р. Кызласов *(Москва)*

Появление средневековых городов и городской культуры в Южной Сибири и Центральной Азии относится к эпохе Тюркского каганата (VI—VIII вв.). Об этом, в частности, свидетельствуют дошедшие до нас памятники культуры. Так в известных древнетюркских рунических памятниках, обнаруженных на р. Орхоне (эпитафии Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука), употреблены собственно тюркские термины: «балык» — город, «балыкдакы» — горожане, «барк» — здание.

В хрониках Танской эпохи упоминаются построенные тюрками храмы (684 г.) и столичный город Хэйшачэн («Город Черных песков»), который по-тюркски, вероятно, назывался Каракумбалык (682 г.). О строительстве в ту эпоху городов на Енисее сведений нет, но оседлые поселения там в то время, несомненно, существовали [1].

Особенно интенсивно городская культура насаждалась в эпоху Уйгурского каганата (VIII—IX вв.). Древние центральноазиатские уйгуры построили на Орхоне и Селенге города Орду-балык, Хатун-балык, Бай-балык и др. Начатое еще при кагане Моюн-чуре в 750—752 гг. в бассейне Верхнего Енисея крупное строительство городов, крепостей и укреплений в виде длинных глинобитных стен продолжалось и после уйгурско-хакасской войны 758 г. В Туве изучены остатки 17 крепостей, окруженных по четырехугольнику глинобитными стенами, и двух глинобитных бастионов. Крепости расположены стратегически продуманно по дугообразной линии, обращенной выпуклостью к северу. Все они соединены между собою отрезками длинной глинобитной стены, со рвом с северной стороны. Так была создана мощная оборонительная

[1] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 233, 266; *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С. 92.

система, направленная против вражеского вторжения в Уйгурский каганат с севера — из Хакасии [2].

Создание монументальных архитектурных сооружений с целью обороны северной границы государства потребовало огромных затрат и участия в строительстве большого числа людей на протяжении нескольких десятков лет. Все это наглядно показывает, какую силу представляло собой во второй половине VIII в. древнехакасское государство и какую опасность оно несло Уйгурскому каганату [3].

В VIII в. в средневековом хакасском государстве, расположенном в бассейне среднего течения р. Енисей, к северу от Саянского хребта, возникли крупные городские центры. Были воздвигнуты монументальные архитектурные сооружения: храмовые, дворцовые и административные здания. Они исследованы раскопками в 1971—1981 гг., поиски других продолжаются [4].

Наибольшее значение имел центральный столичный город, расположенный в дельте р. Уйбат. Его рядовые здания были деревянными, срубными или столбовыми, построенными с применением сырцового кирпича. Более богатые крыты черепицей. Воду для питья брали из сооружаемых во дворах колодцев. Для орошения садов и посевов воду к городу подводил магистральный канал, отведенный от р. Уйбат; по улицам протекали арыки [5].

Выделялся большой замок, существовавший в VIII—

---

[2] *Кызласов Л. Р.* Средневековые города Тувы // Советская археология. 1959. № 3; *Он же.* Древняя Тува. М., 1979. С. 145—158; Культура древних уйгуров: (VIII—IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1981.

[3] *Кызласов И. Л.* Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века // Советская археология. 1979. № 3.

[4] *Кызласов Л. Р.* Раскопки средневекового здания в Хакасии // Археологические открытия 1973 года. М., 1974; *Он же.* Средневековые архитектурные сооружения Хакасии // Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975. Ч. 3.

[5] *Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л.* Раскопки средневекового замка в Хакасии // Археологические открытия 1975 года. М., 1976. *Они же.* Исследование замка в дельте Уйбата // Археологические открытия 1976 года. М., 1977; Святилище Уйбатского города // Археологические открытия 1977 года. М., 1978; Изучение древнехакасских крепостей и замков // Археологические открытия 1978 года. М., 1979; Раскопки колонного зала в Уйбатском городе // Археологические открытия 1979 года. М., 1980; Работы в средневековом Уйбатском городе // Археологические открытия 1980 года. М., 1981; Завершение раскопок монументальных зданий Уйбатского города // Археологические открытия 1981 года. М., 1983.

X вв. и подтвергавшийся перестройкам. Это было прямоугольное сооружение 72×37 м, мощные сырцовые стены которого сохранились на 4 м в высоту. Восточная сторона замка с единственным входом укреплена четырьмя фланкирующими башнями. Две из них прямоугольные, а две угловые — восьмигранные. Самобытная конструкция башен подтверждает, что древние хакасы (кыргызы) жили не только в избах, но и в многогранных юртообразных сооружениях, срубленных из дерева или выложенных из глины и камня. Внутри замка открыт квадратный колонный зал для торжественных приемов (22×22=484 кв. м), кровлю которого поддерживали 169 деревянных колонн, опиравшихся на каменные плиты-базы. Соединенный с ним южный зал был, очевидно, жилым. Алебастровые панели его были покрыты красочными росписями растительного характера [6]. В IX—X вв. во втором ярусе над северным залом было сооружено круглое манихейское святилище из сырцового кирпича с алебастровым квадратным алтарем посередине. К XI—XII вв. относится прямоугольное административное здание с залом в 228 кв. м, посередине которого по квадрату стояло 10 деревянных колонн на каменных базах. Уйбатский город, существовавший в VIII—XIII вв., занимал площадь около 50 га [7].

Во второй половине VIII в. в верховьях Уйбата, на левом притоке р. Пююр-сух, в котловине Сорга (ныне здесь ст. Ербинская), возник храмовый городок (своеобразный Тигир-балык), где среди деревянных построек возвышался мощный храм-дворец. Массивные сырцовые стены его были сооружены на огромном каменном стилобате. Платформа высотой около 1,7 м (41×32,5 м) воздвигнута из гранитных валунов. Сырцовые стены толщиной 2—2,4 м сохранились на высоту 2 м. Размер кирпичей 48×24×10 см. Внутренняя площадь здания составляет около 800 кв. м. Внутри зал окружали галереи с резными колоннами. Стены его были побелены. Входы имели пандусы. Здание, вероятно, предназначалось для торжественных общественных сборов как духовного, так и светского характера [8].

[6] Там же.

[7] *Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л.* Архитектурные сооружения и курганы средневековых хакасов// Археологические открытия 1974 года. М., 1975.

[8] *Кызласов Л. Р.* Раскопки средневекового здания в Хакасии; Средневековые архитектурные сооружения Хакасии.

Прямоугольный город-крепость, окруженный глинобитными стенами, существовал на правом берегу Енисея на месте современного села Шушенского. Периметр его стен составлял около 800 м. Ворота находились близ северо-западного угла [9]. Особенностями планировки этот город напоминает города-крепости VIII—IX вв., сооруженные уйгурами в Туве.

Уникальным памятником является пограничная стена (длиной 259 м), запиравшая Саянское ущелье, сквозь которое Енисей прорывается из Тувы в Хакасию. Она находилась между двух скал в 1 км к югу от устья р. Голубой в створе 800 м шириной, из которых 500 м занимает русло реки. Борта из камня залиты глиняным раствором, а сверху, очевидно, находился палисад и деревянные башни с жилыми помещениями для сторожевого гарнизона [10].

В сложную систему пограничных укреплений VIII в. входят и сооруженные древними хакасами крепости с каменными стенами в Западном Саяне на вершине Бюргорак, по Хантегирскому хребту и в верховьях р. Тубе. В ходе борьбы с уйгурами в 20—30-х гг. IX в. по мере захвата хакасами сначала Западной, а затем и Центральной Тувы ими сооружались каменные стены на реках Алаш, Манчурек, Ишкин, по левому берегу Улуг-Хема от устья Хемчика до Барыка и к Усть-Элегесту, где на горе был сооружен небольшой каменный бастион [11].

В XI—XII вв., в эпоху феодальной раздробленности, по всей Хакасии сооружались горные крепости-убежища, укрепленные каменными стенами, иногда с квадратными бастионами или деревянными башнями. Стены их, сложенные из каменных плит, достигали 2 м в ширину и сохранились до 2 м в высоту. Снаружи они обнесены рвами. Оборонный бой, видимо, лежал в основе военной тактики средневековых хакасов [12].

---

[9] *Палас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб., 1788. Ч. 3. С. 546.

[10] Там же. С. 544; *Кызласов Л. Р.* Раскопки средневекового здания в Хакасии. С. 210—211; *Длужневская Г. В., Варламов О. Б.* Раскопки «крепости Омая» // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984.

[11] *Кызласов И. Л.* Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX в.; *Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л.* Изучение древнехакасских крепостей и замков.

[12] *Кызласов Л. Р.* Древние крепости Хакасии // Археологические открытия 1968 года. М., 1969.

Строительные приемы, размер кирпича (42×20××10 см), применение глинобитных прямоугольных блоков — все это служит свидетельством того, что древнехакасская архитектурная школа являлась северным окончанием центрально-азиатской ветви среднеазиатского зодчества [13].

Изучение археологами городов — новый подход к исследованию истории тюркоязычных народов Южной Сибири. Но некоторые данные о городах содержат письменные источники, и в первую очередь рунические эпитафии древнетюркских и древнеуйгурских каганов и вельмож. О средневековых городах на Енисее сообщают также арабо- и персоязычные источники IX—XIV вв.

Как сказано в тексте памятника уйгурского кагана Моюн-чура (Боян-чур), он еще в 750 г. в завоеванной им земле чиков, т. е. на территории современной Тувы, «распорядился устроить свой беловатый лагерь и дворец с престолом, заставил построить крепостные стены...» [14]. Арабский путешественник Абу Дулаф сообщал, что в начале X в. он и его спутники «ехали землею (хирхизов) месяц, спокойно и безопасно». Он посетил на Среднем Енисее большой храм для богомоления. В анонимном персидском сочинении X в. Худуд ал-алам говорится о границах «городов тогузгузов и хырхызов», о том, что «в каждой области (этих стран) много городов», что там «находится город, который называют Кемиджкет (т. е. «Енисейский город». — *Авт.*), там живет Хырхыз-хакан».

Ал-Макдиси (X в.) разделял тюркоязычные народы на кочевых и оседлых. К оседлым он относил «племя хирхиз», так как «у них имеются посевы и деревья» (очевидно, плодовые). Махмуд Кашгарский (XI в.) сообщал: «Я несколько лет объезжал города, зимовья и летовки тюрков, туркмен, огузов, чигилей, ягмо и киргизов...»

Наибольшие сведения о городах народов Южной Сибири содержат труды испанского географа араба ал-Идриси (XII в.): «Все города страны киргизов расположены на территории, пространство которой измеряется 3 днями пути. Их четыре, большие, окруженные стенами и фортификационными сооружениями и обитаемые трудолюбивыми, храбрыми и мужественными народами,

[13] *Он же.* История Южной Сибири в средние века. М., 1984.
[14] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской... С. 40.

которые особенно должны опасаться предприимчивости короля кимаков». На карте ал-Идриси обозначены города под названиями Хирхир (дважды), Хакан Хирхир и Даранд Хирхир. По ал-Идриси, «город, в котором живет государь киргизов, очень укреплен, окружен стенами, рвами и траншеями». Этот же автор сообщал о 16 городах кимаков, центром страны которых явилось верховье р. Иртыша [15].

Великий азербайджанский поэт Низами в своей поэме «Искандер-наме», описывая благословенную «страну Хирхиз» в верховьях Енисея, отметил и ее город — «подобие рая» [16].

В XIII—XIV вв., по данным Рашид-ад-дина, в областях по верхнему и среднему течению р. Енисея «много городов и селений», а в районе впадения Ангары в Енисей находился наиболее северный город Кикас, который «... принадлежит к области киргизов» [17].

Приведенные данные, в основном привлеченные из трудов арабо- и персоязычных авторов, подтвержденные археологическими открытиями и раскопками городов за последние 25 лет, позволяют заключить, что в Южной Сибири в средневековый период развивался очаг самобытной цивилизации городского типа. Следует учесть при этом, что многие города археологами еще не обнаружены [18].

Строительство городов, сосредоточение в них ремесел и развитие торговых связей — все это отражает подъем производительных сил в древнехакасском государстве, рост его экономики и культуры. Процесс становления городов и насаждения городской культуры свидетельствует о том, что развитие феодализма в средневековой Южной Сибири шло тем же самым путем, что и процесс сложения феодального общества у большинства народов и государств Европы и Азии. И здесь в связи с ростом городов и ремесленного производства разделение труда и развитие обмена между городом и деревней зна-

[15] *Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века; *Он же.* Восточные источники о средневековых городах Южной Сибири // Всесоюзная археологическая конференция: Достижения советской археологии в XI пятилетке. Баку, 1985.

[16] Там же; *Он же.* Низами о древнехакасском государстве // Советская археология. 1968. № 4.

[17] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. М., 1952. Т. 1. Кн. 1. С. 102. 150.

[18] *Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века.

чительно углубилось. Росла их противоположность при общих основах феодального натурального хозяйства.

В жестоком XIII в. первый удар древнемонгольских полчищ пришелся по крайнему северо-восточному форпосту западного культурного мира — по древнехакасскому государству. Его население героически боролось почти 90 лет. В неравной борьбе самобытная цивилизация народностей Южной Сибири была разрушена [19].

[19] Там же.

КИТАЙСКАЯ КАМЧАТАЯ ТКАНЬ ИЗ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО КУРГАНА В ТУВЕ

Е. И. Лубо-Лесниченко *(Ленинград)*,
Ю. И. Трифонов *(Алма-Ата)*

В 60—70-е гг. в Туве, сравнительно большом горно-степном регионе, расположенном в самом центре азиатского материка, проводила широкие археологические исследования Саяно-Тувинская экспедиция ЛОИА АН СССР. С первых лет своей работы она уделила особое внимание изучению памятников древнетюркского времени [1], охватывающего VI—X вв. н. э. [2] Изучение было начато тогда с раскопок пяти курганов могильника Аргалыкты I, сосредоточенного у подножия невысокого одноименного хребта на левом берегу Енисея (Улуг-Хема), около города Шагонара (Центральная Тува) [3].

Из этих курганов четыре (1, 3, 4, 5) оказались близкими типологически и хронологически [4], причем три пер-

[1] *Грач А. Д.* Работы в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС // Археологические открытия 1965 года. М., 1966. С. 23.

[2] Обоснование хронологических рамок древнетюркского времени см., например: *Грач А. Д.* Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник: К шестидесятилетию А. Н. Кононова. М., 1966. С. 188—193; *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. С. 3—7.

[3] *Трифонов Ю. И.* Работы на могильнике Аргалыкты // Археологические открытия 1965 года. С. 25.

[4] *Он же.* Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки Тувинского НИИ языка, литературы и истории. Кызыл, 1971. Вып. 15. С. 112—122.

вых представляли собой компактную группу объектов, очень схожих по основным элементам погребального обряда. Два из них (курганы 3, 4) содержали по одной могильной яме с погребением человека с конем в каждой (соответственно женщины и ребенка), третий (курган 1) — две устроенные рядом могилы: в одной было совершено аналогичное погребение в сопровождении коня (мужское) [5], в другой — кенотаф в виде захоронения лошади без останков человека, но с набором вещей, ему принадлежавших.

Как и в соседней могиле, среди этих вещей находились предметы вооружения, в том числе берестяной колчан [6], под которым были зафиксированы плотно спрессовавшиеся куски шелковых тканей. При камеральной обработке тканей в ЛОИА выяснилось, что они являются частями одежды (скорее всего, кафтана или халата), от которой сохранились преимущественно безузорные материи темно-зеленого, темно- и светло-коричневого тонов: бесформенный кусок, состоящий из нескольких сшитых обрывков (его средние размеры — 50×60 см); подквадратный фрагмент (15×14 см) с двумя противоположно загнутыми и прошитыми краями; небольшой треугольный кусочек с пришитой к нему короткой тесемкой. Уцелел и кусок узорного шелка, отреставрированный в лаборатории реставрации тканей Государственного Эрмитажа, — тот, о котором здесь и пойдет речь.

Данная камчатая ткань первоначально была окрашена в фиолетовый цвет, но с течением времени выцвела и приобрела грязно-песочный оттенок (фиолетовый цвет сохранился на немногих местах). Общая длина камки, сшитой из пяти кусочков (два из них сравнительно крупные, три — мелкие) — 29,6 см, ширина — 13,8 см. На швы между тремя узорными фрагментами наложены узкие безузорные полоски. На одном фрагменте уцелела кромка, что облегчает определение техники изготовления ткани. Ее фон выработан полотняным плетением, узор — основной четырехремизной саржей (3:1). Плотность нитей основы — 55 на 1 см, нитей утка — 30 на 1 см.

---

[5] *Богданова В. И.* Новые палеоантропологические материалы I тыс. н. э. из Тувы // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР: Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Л., 1980. Вып. 36. С. 101—103.

[6] *Трифонов Ю. И.* О берестяных колчанах Саяно-Алтая VI—X вв. в связи с их новыми находками в Туве // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 190—197. Рис. 1.

Главные элементы орнамента ткани содержатся на трех узорных фрагментах (двух больших и одном малом). На одном большом представлены часть медальона с изгибающимся внутри него драконом и цветочно-растительный узор за медальоном. Медальон образован двумя рядами округлых перлов и двумя контурными линиями, между которыми расположен внутренний ряд, состоящий из сплошных кружков (перлы внешнего ряда выглядят как линейные кружки с точкой в центре).

На другом большом фрагменте имеются перлы двух таких же крупных медальонов, причем у одного из них — только внешнего ряда (едва различимые половинки четырех линейных кружков, обрезанных швом, соединяющим два крупных куска). Пространство между этими медальонами занято двумя фронтально переданными стилизованными цветками тождественной формы (каждый в виде трех помещенных один над другим бутонов с расходящимися в противоположные стороны листьями и «перевязанными» стеблями). Вершины цветков обращены одна к другой, основания почти соприкасаются с небольшими кругами, образованными также одинаково: одним рядом сплошных мелких перлов, заключенных в двойную контурную линию (сохранились незначительные отрезки каждого ряда с внешней линией).

О характере подобного ряда и круга в целом лучше судить по третьему (малому) фрагменту, на котором в наличии не только участки обрамления, но и центральная часть композиции, представляющая собой схематизированное изображение распустившегося шестилепесткового цветка (уцелела бóльшая его половина).

На оставшихся двух мелких фрагментах ткани видны уже знакомые по двум большим ее кускам детали орнамента: край медальона и завиток на одном фрагменте, бутон с расходящимися от него листьями (стилизованный одночастный цветок) — на другом.

Ближайшее соответствие рассмотренной ткани находится в ткани, обнаруженной в 1865 г. В. В. Радловым в сопредельном с Тувой Горном Алтае (Малый курган 1 могильника Катанда II) [7]. Довольно большие размеры этой ткани (пять кусков от 10×9 до 35×15 см) дали

[7] *Захаров А. А.* Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г. // Труды Государственного Исторического Музея. М., 1926. Вып. 1. С. 102—104. Табл. VI.

возможность Л. А. Евтюховой полностью восстановить [8], а И. Б. Бентович и А. А. Гавриловой уточнить ее орнамент [9]. При сравнении орнаментальных элементов аргалыктынской камки с такими же элементами катандинской оказалось, что они детально совпадают.

Это позволяет надежно реконструировать узор нашей материи, который, как и на алтайской, состоял из расположенных один над другим медальонов с помещенными в них драконами и заполняющих межмедальонное пространство сложных четырехлопастных розеток растительного происхождения [10]. В центре розеток, лопасти и межлопастные соединения которых оформлены вышеописанными трех- и одночастными цветками, — также уже упоминавшийся шестилепестковый цветок в круге из мелких перлов. В медальонах катандинской ткани зеркально изображенные драконы разделены сильно стилизованным «древом жизни», которое, как и второй дракон, наверняка присутствовало и на аргалыктынской ткани: об этом свидетельствует не только общая композиция реконструируемого узора последней, но и растительный завиток около передней лапы дракона на первом большом фрагменте, совпадающий с аналогичным завитком «древа жизни» катандинской камки.

Близость обеих тканей прослеживается и в технике их изготовления, в частности, в плотности нитей (у алтайской она составляет 46 нитей основы и 28 нитей утка на 1 см). Близки у них и размеры раппорта, равные 26—27 по основе и 48—49 см — по утку. Как и аргалыктынская, катандинская ткань тоже являлась частью одежды.

Сходный с описанным нами узор можно видеть и на «красной шелковой материи», найденной в 1925 г. Г. И. Боровкой в Монголии (курган у Наинтэ-суме) [11]. Сохранилось два фрагмента, бóльший из которых имеет

---

[8] Там же. Табл. VI.

[9] *Бентович И. Б. и Гаврилова А. А.* Мугская и катандинская камчатые ткани // Краткие сообщения о докладах Института археологии АН СССР. 1972. № 132. С. 31—35. Рис. 3, 4.

[10] Реконструкцию узора тувинской ткани по отдельно взятым ее фрагментам, выполненную Л. В. Трифоновой и Ю. И. Трифоновым, см.: *Лубо-Лесниченко Е. И.* «Сасанидские» перлы в Китае // Прошлое Средней Азии. Душанбе. 1987. С. 94. Рис. 3.

[11] *Боровка Г. И.* Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. II: Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л., 1927. С. 72—74. Рис. 6, 7. Табл. V.

размер 24×17,5 см. Несмотря на весьма схематичную реконструкцию «тканого рисунка», произведенную автором «на основании комбинированных данных» обоих фрагментов [12], ясно, что композиция и содержание узора монгольской ткани аналогичны тувинской. Вместе с тем наблюдаются и некоторые различия: в деталях четырехлопастной розетки, в передаче перлов наружного ряда медальонов и т. д. К сожалению, Г. И. Боровка не дает технического описания ткани.

Следующая параллель тувинской камке обнаруживается в одном из фрагментов камчатых тканей, происходящих из крепости на горе Муг в Таджикистане [13]. Реконструированный по этому небольшому (9,5×8 см) фрагменту «светло-табачного цвета» узор, во многом основанный «на сохранившемся узоре катандинской ткани» («темно-табачного цвета») [14], очень близок аргалыктынскому. Незначительные отличия выявляются главным образом в оформлении медальонных перлов, которые на мугской камке выполнены в виде шестигранников. Обе ткани изготовлены в одной и той же технике, с примерно одинаковой плотностью нитей (у мугской — 46—48 нитей основы и 37 нитей утка на 1 см).

По имеющимся сведениям, ткани с орнаментом, подобным аргалыктынскому, содержатся и среди текстильных материалов могильника Астана (Турфанский оазис, Китай), в частности фрагмент камки размером 23,5×21,2 см [15]. Недавно появилось сообщение о находке в Астане аналогичной ткани с надписью: «Кусок тонкой камчатой ткани. Уезд Шуанмо (близ современного города Чунцин, провинция Сычуань). Начальный год правления Цзиньюань (710 г.)» [16].

Наше перечисление аналогий закончим упоминанием ткани из императорского хранилища Сёсоин (г. Нара, Япония) [17]. Хотя на этой ткани «зеленого цвета ... медальоны образованы не «перлами», а растительным ор-

---

[12] Там же. Рис. 7.

[13] *Винокурова М. П.* Ткани из замка на горе Муг // Известия Отделения общественных наук ТаджССР. 1957. Вып. 14. С. 26—30.

[14] *Бентович И. Б. и Гаврилова А. А.* Мугская и катандинская... С. 31—33. Рис. 1, 2.

[15] Синьцзян чуту вэньу (Памятники материальной культуры, обнаруженные в Синьцзяне). Пекин, 1975. Табл. 115.

[16] *У Минь.* Тулуфань чуту шуцзиньды яньцзю (Изучение шуских полихромных тканей, найденных в Турфане). Вэньу. 1984. № 7. С. 80.

[17] Treasures of the Shosoin. Tokyo, 1965. Pl. 103. P. 97.

наментом»[18] и в сравнении с аргалыктынской менее усложненная розетка, заполняющая пространство между медальонами, узор на ней в целом, несомненно, близок публикуемому. Судя по описанию, техника изготовления ткани из Сёсоина такая же, как ткани из Тувы.

Последние образцы дают важные точки опоры для датировки аргалыктынской камки. Одна из них (710 г., ткань из Астаны) уже приводилась. Ткань с горы Муг относится ко времени до первой четверти VIII в. — дата гибели Мугской крепости. Как известно, материалы сокровищницы Сёсоин состоят из двух основных частей: вкладов вдовствующей императрицы Конто, относящихся к 756—758 гг., и вещей, перенесенных из Конзана-ни в Хоргадзи, — также 50-е годы VIII в. Однако ткани этого собрания, по свидетельству письменных источников, были привезены в Японию преимущественно в конце VII — первой трети VIII в. (до 739 г.)[19].

Следовательно, 20—30-е годы VIII в. с полным основанием можно считать terminus ante quem изготовления аргалыктынской камки, что не противоречит расширенной верхней границе (VIII в.), обычно устанавливаемой для тканей данного типа, в том числе катандинской и из Наинтэ-суме[20], а также общепринятой их датировке в пределах VII—VIII вв.[21] Впрочем, Г. И. Боровка, датировавший погребение в Наинтэ-суме VI—VIII вв. с предпочтительным отнесением его «к началу этого периода» и отметивший «более китаизированный» рисунок алтайской ткани при сопоставлении ее с монгольской, не исключал, что по отношению к первой вторая «окажется несколько более древней»[22].

Раньше VIII в. была, очевидно, выткана и аргалыктынская камка, но в какой отрезок предшествующего столетия (VI в. маловероятен), точно сказать невозможно, так как пока нет узких дат для определения нижней границы производства шелков с подобным орнаментом.

---

[18] *Бентович И. Б. и Гаврилова А. А.* Мугская и катандинская... С. 36.

[19] *Kaneo Matsumoto.* 7-th and 8-th century Textiles in Japan from Shosoin and Höryuji. Kyoto, 1984. P. 208—210.

[20] *Захаров А. А.* Материалы по археологии... С. 103; *Боровка Г. И.* Археологическое обследование.... С. 74.

[21] *Бентович И. Б. и Гаврилова А. А.* Мугская и катандинская... С. 37; *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. С. 65.

[22] *Боровка Г. И.* Археологическое обследование... С. 74.

Что касается верхнего рубежа бытования нашей ткани, который должен превышать вышеупомянутый верхний рубеж ее выделки, то здесь необходимо принять во внимание предполагаемый А. А. Иерусалимской для согдийского шелка «интервал между его изготовлением и моментом, когда он ... попадал в могилу»: этот интервал, «учитывая быструю изнашиваемость тонкого шелка» (особенно использованного, как публикуемый, для одежды), «не превышал нескольких десятилетий» [23], точнее — находился «в пределах жизни одного — двух поколений» [24], то есть порядка 50 лет.

Таким образом, максимально поздняя дата бытования аргалыктынской ткани, даже при явно вторичном ее использовании (сшита из мелких кусков, с полной утратой первоначального рисунка) [26], приходится на 70—80-е годы VIII в. Наиболее же реальные хронологические рамки, в том или ином диапазоне которых она существовала, — вторая половина VII — первая половина VIII вв., что вполне согласуется с датировкой кургана по другим категориям его инвентаря [26].

Как уже говорилось, техника изготовления ткани сравнительно проста: четырехремизная основная саржа на полотняном фоне. В подобной технике, традиционной для дальневосточных узорных шелков, выделывались ханьские камчатые материи, известные по находкам А. Стейна, П. К. Козлова и Ф. Бергмана [27]. Этот вид переплетения оставался доминирующим и в раннетанское время, о чем свидетельствуют материалы из Аста-

[23] *Иерусалимская А. А.* К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. Л., 1972. С. 7; *Она же.* О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье // Советская археология, 1967. № 2. С. 56.

[24] *Иерусалимская А. А.* К вопросу о торговых связях Северного Кавказа в раннем средневековье: (Несколько шелковых тканей из Мощевой Балки) // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1963. Вып. 24. С. 37.

[25] О практике такого использования, вызванной зачастую не изношенностью материи, а ее количественной ограниченностью в руках одного владельца (ввиду особой ценности), см.: Там же. С. 35; *Митина Н. З.* Фрагмент шелковой ткани из Мощевой Балки // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1956. Вып. 10. С. 41—45.

[26] *Трифонов Ю. И.* Раннесредневековый курган с двумя погребениями с конем из Центральной Тувы (в печати).

[27] *Sylwan V.* Investigation of silk from Edsengol and Lobnor. Stockholm, 1949. P. 103—114; *Лубо-Лесниченко Е.* Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э. — III в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа: Каталог. Л., 1961. С. 9—10.

ны, Дуньхуана и Сёсоина [28]. Лишь в VIII в. в результате западного влияния появляются новые, прежде не встречавшиеся на танских камчатых тканях способы переплетения.

Перечисленные раннесредневековые ткани являются характерными образцами так называемого сасанидско-китайского смешанного стиля. В основе их узора — сасанидские «медальонные» композиции [29] в виде кругов с животными, разделенными «древом жизни», и цветочные розетки. Подобные композиции, появившиеся в Китае в конце VI в. [30], в течение двух-трех столетий подвергаются, как неоднократно отмечали исследователи, творческой переработке [31], наиболее интенсивной в VII — начале VIII в., на которые приходится здесь расцвет производства тканей «сасанидского» типа [32]. Ярким примером этого служит описываемая здесь камка.

В композицию декора ткани введены драконы — древний и хорошо знакомый китайцам символ. Наполненные беспокойным ритмом, со змеевидными телами и изогнутой шеей, эти мифологические существа воспроизводились и на так называемых «юнь лун цзин» — «зеркалах с драконами в облаках». Изображение дракона, близкое к тканому, можно видеть, например, на зеркале, найденном в 1955 г. в восточном предместье Сиани (древней Чаньани) [33]. Имеющиеся на зеркале иероглифы «цянь цю» («тысяча осеней») означают, что оно было сделано по случаю «фестиваля тысячи осеней», праздновавшегося в 729—743 гг. в честь дня рождения импера-

---

[28] До Дзёдай айя-ни миру сядзи шхо (Саржевая техника на древних камчатых тканях). Kyoto, 1958; Kaneo Matsumoto. Op. cit. P. 204—207.

[29] *Дьяконова Н. В.* «Сасанидские» ткани // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1969. Т. 10. С. 81—85; *Иерусалимская А. А.* «Челябинская» ткань: (К вопросу о постсасанидских шелках). Там же. С. 103.

[30] Сычоучжи лу. Хань Тан чжиу (Шелковый путь. Тканые изделия периодов Хань-Тан). Пекин, 1972. Табл. 28; Синьцзян чуту вэньу... Табл. 82.

[31] *Дьяконова Н. В.* «Сасанидские ткани». С. 94, 97; *Иерусалимская А. А.* К сложению школы... С. 26; *Бентович И. Б. и Гаврилова А. А.* Мугская и катандинская... С. 36—37; *Лубо-Лесниченко Е. И.* «Сасанидские» перлы... С. 87—89, 92—93.

[32] Там же. С. 93—94.

[33] Шэньси шэн чуту тунцзинь (Бронзовые зеркала, обнаруженные в пров. Шэньси). Пекин, 1959. № 146.

тора Сюань-цзюна [34]. Приведенная аналогия дополнительно подтверждает наиболее вероятную датировку аргалыктынской камки (не позже первой половины VIII в.), а также указывает на то, что подобные ткани могли выделываться в одной из государственных мастерских Северного Китая [35].

Сохранившемуся на тканях из Катанды и Сёсоина и реконструированному на ткани из Аргалыкты «древу жизни» трудно найти близкую аналогию в известном нам материале. На упомянутых экземплярах оно напоминает колонну. Лотосовые завитки у основания последней восходят, возможно, к стилизованным лотосам индийских колонн (по композиции они перекликаются с лотосовыми завитками на ткани из Астаны с крылатыми конями в медальонах, датирующейся 653 г.), а стилизованный цветок в середине колонны — вероятно, дериват западного «древа жизни». Стилизованный же гранат на вершине колонны и пятнышки на ее «стволе» можно связать с сасанидскими прототипами [36].

Цветочная розетка, заполняющая пространство между медальонами, также носит некоторый характер архаичности. Оформляющий ее центр шестилепестковый цветок в круге с перлами, существующий на катандинском и аргалыктынском образцах, находит соответствие в раннетанских тканях, а лопасти розетки в виде трехчастных цветков имеют близкие параллели в декоре зеркал — не только раннетанских, но и суйских [37].

Как свидетельствуют письменные источники, ткани «сасанидского» типа становятся широко известными в Китае уже в начале VII в., распространившись, очевидно, очень быстро (в течение 20—30 лет) [38]. Так, например, в «Записях о знаменитых художниках...» Чжан Яньюаня говорится, что «во времена Гао-цзу (618—626 гг.) и Тай-Цзуна (627—650 гг.) во дворцовом храни-

[34] *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975. С. 21.

[35] *Сато Такэтоси.* Тютоку кодай кинуоримоно си кэккио (Изучение истории древнекитайского шелкоткачества). Токио, 1978. Т. 2. С. 376—378.

[36] *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.; Л., 1935. Табл. 19.

[37] *Лян Шанчунь.* Яньку цзан цзинь (Зеркала, хранящиеся в Яньку). Бэйпин, 1940. Т. 3. № 13, 14.

[38] *Лубо-Лесниченко Е. И.* «Сасанидские» перлы в Китае. С. 87—89.

лище на благовещих полихромных тканях изображались противостоящие фазаны, борющиеся бараны, парящие фениксы, играющие единороги»[39]. Особую популярность подобные ткани, называвшиеся китайцами танской эпохи «жуй цзинь» («ткани с благовещими животными»), приобретают во время правления императрицы У хоу (684—705 гг.). По сведениям «Танхуйяо», У хоу ввела обычай дарить высшим чиновникам одежды с орнаментом из противостоящих животных, в том числе — с изображениями «изгибающихся драконов»[40]. Вполне допустимо, что некоторые сюжетно тождественные ткани, привлекавшиеся выше при анализе аргалыктынской камки, как и сама ткань из Тувы, являлись более дешевыми, но тем не менее достаточно ценными репликами аналогичных императорских пожалований.

Самые различные причины определили столь широкий ареал тканей данного типа. Находки на горе Муг, включая другие зафиксированные здесь ткани китайского происхождения, говорят, с одной стороны, «об интенсивных торговых связях между Согдом и Китаем»[41], а с другой — о деятельности Великого шелкового пути, по которому шло на запад громадное количество танского текстиля[42] и поддерживалась «тесная торговая связь Византии и Китая, посредницей в которой была согдийская Средняя Азия»[43]. Ткань из Сёсоина, завезенная, как показал Е. Ота, одним из посольств танского императора к японскому двору, отражает культурно-дипломатические взаимоотношения Японии с Китаем.

Находки на Алтае, в Туве и Монголии свидетельствуют о тесных внешнеполитических контактах Танского Китая с его северными соседями — кочевыми тюркскими и телескими племенами, создавшими в VI—IX вв. ряд крупных государств — каганатов. Летописи пестрят сообщениями о поставках их предводителям больших партий китайского шелка[44], в том числе «вышитых

[39] *Чжан Яньюань.* Лидай минхуацзи (Записи о знаменитых художниках разных эпох). Шанхай, 1936. Гл. 10. С. 309—310.

[40] Танхуйяо (Основные сведения по Тан). Пекин, 1959. Гл. 32. С. 582.

[41] *Винокурова М. П.* Ткани из замка на горе Муг. С. 28.

[42] *Иерусалимская А. А.* К сложению школы: .. С. 24.

[43] *Пигулевская Н.* Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М.; Л., 1951. С. 200.

[44] *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 216, 218, 222, 233, 239, 243, 244, 246, 254, 348.

одеяний»[45], передававшихся чаще всего в виде даров, предметов откупа или торговли. Неоднократно упоминают о приобретении «в (китайском) государстве» таких атрибутов роскоши, как «золото, серебро, дорогие ткани»[46], «хорошо тканые шелка»[47], и письменные источники самих этих племен — древнетюркские рунические тексты, в частности, происходящие с территории Тувы и содержащие, кстати, сведения о помещении «парчовых материй» в погребения[48]. Эти сведения подтверждаются не только описанной тканью, но и другими обнаруженными в Туве гладкими и узорными шелками[49], которые вместе с прочими импортными изделиями (зеркала, монеты и т. д.), нередко встречающимися в аналогичных погребениях, служат наглядным доказательством включения данной области в зону прямого взаимодействия кочевых культур и раннесредневековых цивилизаций.

КОЧЕВНИКИ И СОГД

Б. И. Маршак, В. И. Распопова *(Ленинград)*

Согд, расположенный близ границы зоны оседлых цивилизаций и зоны культур скотоводов-кочевников, на протяжении всей своей истории был так или иначе связан с кочевниками. На разных этапах по-разному складывались эти связи, проследить которые сложно по археологическим данным. В частности, трудно, например, определить способ хозяйствования. Ведь кочевниками мы называем различные народы, степень вовлечен-

---

[45] Там же. С. 217.

[46] *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952. С. 33.

[47] *Он же.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С. 24.

[48] *Он же.* Енисейская письменность тюрков. С. 74.

[49] *Грач А. Д.* Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве: (Полевой сезон 1957 г.). // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 30—31. Рис. 29; *Он же.* Археологические исследования в Кара-Холе и Монгук-Тайге: (Полевой сезон 1958 г.) // Там же. С. 131, 134—137. Рис. 79, 80, 83.

ности каждого из которых в перекочевки нам практически не известна. Возможно установить только разное соотношение оседлой и кочевой части внутри того или иного общества, разные способы кочевания. Отсюда, говоря о Согде и его кочевых соседях, приходится анализировать то, в какой мере перемены в истории Согда и согдийцев, прослеженные археологами, можно объяснить как результат взаимодействия согдийцев и степных народов [1]. А формы контактов были такие: хозяйственная кооперация, основанная на разделении труда, и соприкосновение с кочевниками как с военной силой. В качестве военной силы кочевники выступали не только как угроза, но и как защита: кочевое общество — мощный источник воинской силы, поскольку кочевник — это обученный воин-всадник, легкомобилизуемый без особого ущерба для хозяйственной деятельности общества. На протяжении всей обозримой истории на территории Согда в тесном соседстве обитали этносы разного происхождения, с разными хозяйственными традициями в силу того, что сухие степи и предгорья окружали плодородные долины, пригодные для поливного земледелия, а для ряда районов характерна была чересполосица ландшафтных зон. Уже энеолитический Саразм демонстрирует сочетание нескольких глубоко различных культурных традиций, что ярко отразилось на характере его керамики [2]. Причем одна из этих традиций определенно родственна культурам степной зоны.

Археология, к сожалению, показывая, кто пользовался теми или иными благами, обычно не позволяет судить о том, кто их создал. Поэтому, например, межэтническое разделение труда приходится изучать прибегая к исследованиям этнографов. Конечно, за тысячи лет ситуация неоднократно менялась, и многие частные явления восходят к недавнему времени; но то, что постоянно отмечается для ряда регионов, может быть отнесено и к древнейшим традициям.

Этнографы показали, что хозяйственная специализация и интенсивная торговля возникли в разных ландшафтных зонах Средней Азии несмотря на слабую про-

[1] К степным народам относим как скотоводов, зимовавших, а частично и оседавших на границах оазисов, так и население глубинных, степных и отчасти горных территорий.

[2] *Исаков А. И.* Саразм — новый раннеземледельческий памятник Средней Азии // Советская археология. 1986. № 1.

изводительность труда [3]. Специализация привела к сложению межэтнического разделения труда, которое стойко сохранялось даже при изменении типа хозяйства. Так, женское гончарство без применения гончарного круга в среднеазиатском Междуречье засвидетельствовано только у оседлых ираноязычных народов [4], которые зато никогда не разводили лошадей и ослов, покупая их (причем, только самцов) у своих тюркоязычных соседей (устное сообщение А. С. Давыдова). До сих пор таджики в отличие от своих соседей, давно оседлых узбеков, не держат кобыл и ослиц. По мнению И. М. Стеблин-Каменского, бедность иранской терминологии, связанной с лошадью, говорит о том, что предки современных ираноязычных народов Средней Азии также не занимались коневодством, получая коней от каких-то скотоводческих племен, которых позднее сменили тюркские пришельцы. Отметим, что в согдийской живописи VI—VIII вв. всадники сидят только на жеребцах. Не только для тюркоязычных, но и для ираноязычных кочевников Афганистана гончарство не характерно: среди паштуязычного населения (уже оседлого) селились «гончары-таджики» [5].

Во II тыс. до н. э. на территории Согда существовали две культуры: степная андроновская и исконно оседлая сапаллинская. Андроновская, которая, возможно, вытеснила сапаллинскую, характеризуется, однако, собственной лепной керамикой и поэтому не может считаться функционально соответствующей позднейшим кочевым культурам, тем более, что в ряде районов хорошо известны оседлые поселения андроновцев. Считается, впрочем, что часть андроновцев вела кочевой образ жизни. В пределах этой культурной общности имели место, таким образом, различные типы хозяйственной деятельности.

Если согласиться с датировкой и локализацией дея-

---

[3] *Кармышева Б. Х.* О торговле в восточных бекствах Бухарского ханства в начале XX в. в связи с хозяйственной специализацией (по этнографическим данным) // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.

[4] *Пещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии. М.; Л., 1959. С. 276—278.

[5] *Demont M., Centlivres P.* Poteries et potiers d'Afghanictan // Bulletin annuel de Musée et Institut d'Ethnographie de la Ville de Genèva. 1967. N. 10.

тельности Заратуштры, предложенной М. Бойс [6], то к степным культурам поздней бронзы надо отнести возникновение религиозно-философского противопоставления этнически близких друг к другу оседлых пастухов-земледельцев и кочевников. В Авесте туры считались враждебными кочевниками, но их предводитель совершал (правда, безуспешно) жертвоприношения авестийским божествам. Борьба шла между оседлыми и кочевыми родственными племенами [7].

Табуирование коневодства у народов древней оседлости, возможно, имело не только хозяйственные, но и религиозно-зороастрийские истоки. Таджики долины Зеравшана, знавшие злобного боевого жеребца, воспринимали его как покоренного, но все же опасного дэва [8]. Абсолютную дату окончательного сложения такого разделения труда сейчас назвать невозможно. Родину зороастризма локализуют не только в степях Средней Азии, но и в Сеистане [9]. Однако в любом случае достаточно рано (не позднее, чем в ахеменидское время) произошло проникновение зороастризма в Согд.

При Ахеменидах кочевники (саки или массагеты) представляли собой самостоятельную внушительную силу за границей Согда, однако об их связях с согдийцами ничего не известно, только Дарий упомянул «Скифию за Согдом» как восточный предел своей державы. Во время борьбы Спитамена с Александром Македонским кочевники выступали в роли важных, но ненадежных военных союзников восставших согдийцев (такую же роль через тысячу с лишним лет играли тюрки и тюргеши во время арабского завоевания). Поскольку воины-кочевники были пришельцами, жившими за счет оседлого населения, союз не был прочным, однако без него сопротивление завоевателям оказывалось обреченным на поражение.

---

[6] *Boyce M.* Zoroastrians. Their Religious Beliefs and Practices: (Routledge and Kegan Paul). London, 1979. R. 1. (См.: *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987. С. 27).

[7] *Абаев В. И.* Скифский быт и реформа Зороастра // Archiv orientalni, 1956. T. 24.

[8] *Муродов О.* Древние образы мифологии у таджиков долины Зеравшана: (Этнографические исследования к истории религии и атеизма). Душанбе, 1979. С. 43—44.

[9] *Дьяконов И. М.* Восточный Иран до Кира: (К возможности новых постановок вопроса) // История Иранского государства и культуры. М., 1971. С. 138; *Gnoli G.* Zoroaster's Time and Homeland: (A Study on the Origins of Mazdeism and Related Problems). Naples, 1980.

При поздних Ахеменидах, когда часть саков и согдийцы вошли в одну державу, или несколько позже, на границах Бухарского оазиса появились погребения скотоводческого населения. Но большие курганные могильники скотоводов близ оазисов характерны уже для периода II в. до н. э. — IV в. н. э.[10]. Учитывая передатировку могильников Южного Таджикистана Б. А. Литвинским и А. В. Седовым[11], большинство погребений надо отнести ко времени конца I в. до н. э. по III в. н. э.[12] Ни ранее, ни позднее такого явления не наблюдалось. Кладбища скотоводов находились, вероятно, близ зимних жилищ, которые в таком случае располагались неподалеку от поливных земель. Вся керамика из могил — продукция оседлого ремесла. Создается впечатление о существовании теснейшей кооперации согдийцев и кочевников (или полукочевников).

Не вдаваясь в происхождение этих масс скотоводов, появившихся одновременно и близ Окса, где, однако, они селились подальше от земледельческих районов, отметим только, что это не были «кочевники на пути в Индию»[13], поскольку жили в Средней Азии после того, как их собратья, сокрушив Греко-Бактрию, устремились к Индии. Способ расселения говорит о налаженных хозяйственных связях земледельцев и скотоводов. Судить об этом помогает одна историческая аналогия. После вторжения в XVI в. в Мавераннахр кочевых узбеков из Дашт-и-Кыпчака точно так же в непосредственной близости от кишлаков таджиков-земледельцев поселились тюркские племена, которые гораздо раньше даштикыпчакских узбеков пришли в Среднюю Азию. Наиболее ранние пришельцы — карлуки — стали вступать в браки с таджиками и овладевать таджикским языком, однако у них продолжало преобладать кочевое скотоводство «в качестве ос-

---

[10] *Обельченко О. В.* Кую-Мазарский могильник // Труды Института истории АН УзССР. Ташкент, 1956. Т. 8; *Он же.* Лавандакский могильник // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1961. Т. 2; *Он же.* Курганы Древнего Согда. Ташкент, 1981.

[11] *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии (Погребальный обряд). М., 1984. С. 120—134.

[12] Передатировка обоснована рядом документов, среди которых важнейшим представляется наличие в погребальном инвентаре таджикистанских могильников римских стеклянных бус I—II вв. н. э.

[13] *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. М.; Л., 1966.

новного, а порой и единственного занятия»[14]. Хозяйство при этом было менее комплексным, чем у занявших равнины узбеков, поскольку их скотоводство дополнялось не их собственным, а таджикским земледелием.

В могилах кочевников начала новой эры найдено немало оружия, что говорит об их воинственности. Однако нет никаких свидетельств об их враждебности оседлому населению — ему скорее всего они обеспечивали так или иначе оплаченную защиту. В такой обстановке, естественно, развивался не только торговый, но и культурный обмен. Батальные сцены на роговых пластинах из Кургантепе[15], относящихся определенно к концу периода, восходят к центральноазиатской степной художественной традиции: достаточно только посмотреть на почти по-пазырыкски стилизованных коней на этих пластинах и вспомнить батальные сцены на тепсейских деревянных пластинах таштыкской культуры. В то же время кургантепинские композиции, несомненно, предвосхищают сцены боев пенджикентской живописи и согдийского серебряного блюда, которые относятся уже к эпохе раннего средневековья. Да и воинское снаряжение раннесредневековых согдийцев явно родственно кургантепинскому.

В IV в. это скотоводческое население было буквально сметено, а оседлое в ряде районов сократилось в результате вторжения кочевников, которых в Согде называли *хунами*. Пройдя через Согд, новые кочевники затем оказались на границах Сасанидского Ирана и в бывших кушанских землях. Пришельцы со своими стадами не могли занять местные степи, не отняв пастбища у скотоводов. Это, в свою очередь, должно было вызвать их уход на поля земледельцев, что привело бы к общему голоду или вызвало эмиграцию.

Памятники вторгшихся племен не известны. В проанализированном К. Эноки[16] китайском сообщении народ, уже в IV в. захвативший Согд, назван *сюнну,* но само сообщение в V в. было получено от согдийского

[14] *Кармышева Б. Х.* Очерки по этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана: (по этнографическим данным). М., 1976. С. 72—86, 165—209, 258—265.

[15] *Пугаченкова Г. А.* Новое о художественной культуре античного Согда // Памятники культуры. Новые открытия: (Ежегодник). Л., 1983.

[16] *Enoki K.* Sogdiana and the Hsiung-nu // Central Asiatic Journal. Niesbaden, 1955. V. 1. N 1.

информатора, а для названия *сюнну* в согдийском языке был эквивалент *хун* («Старые согдийские письма»), что, в свою очередь, соответствует индийскому названию *эфталитов* и *хионитов*. Не длительное соседство с кочевниками, а массовое переселение кочевого народа нарушило жизнь оседлой страны. Археологи прослеживают не движение самих хунов, а след этого движения в виде кратковременного запустения и резкого нарушения преемственности в керамике. В долине Кашкадарьи и в Бухарском оазисе распространилась примерно в IV в. лепная керамика, которую приписывают оседающим кочевникам. Однако это — не никому неизвестная кочевническая посуда, а традиционная керамика, аналоги которой найдены в старых земледельческих районах горного Согда и, в меньшей степени, Чача (каунчинская культура). Керамику принесли с собой новые поселенцы с окраин, стремившиеся возрождать земли после опустошения[17]. Среди поселенцев могли быть и потерявшие скот кочевники (из живших ранее близ оазисов), которых мы, однако, по керамике не опознаем.

Если снова прибегнуть к ретроспективному методу, то надо вспомнить страшный кризис XVIII в., когда в долину Зеравшана хлынули массы оттесненных джунгарами казахов со своими стадами[18]. Пастбища были переполнены, скот казахов и сдвинутых ими со своих мест обитания полукочевых узбеков пасся на засеянных полях. Урожай погиб, многие поля годами не засевались, начался падеж скота, голод, эпидемии. Население резко уменьшилось. В Самарканд, запустевший на две трети, переселились пенджикентцы и жители других мест, таджикское земледельческое население Зеравшанской долины в значительной степени сменили осевшие на землю после потери скота узбеки. Однако лепной керамики на этот раз на равнине не появилось, по-видимому, это объясняется тем, что не было переселения с гор, где ее тогда только и производили.

Новый тип отношений между кочевниками и согдийцами сложился в начале VI в. после эфталитского завоевания. Кочевой статус эфталитов в их отношениях с Согдом имел значение чисто военного фактора: сравнитель-

[17] *Исамиддинов М. Х., Сулейменов Р. Х.* Еркурган. Ташкент, 1984. С. 121—128, 151—152.

[18] *Чехович О. Д.* К вопросу о периодизации истории Узбекистана: (XVI—XVIII вв.) // Известия АН УзССР. 1954. № 5.

но малочисленные кочевники могли выделить для войны большую часть мужчин, чем земледельцы, что обеспечивало их превосходство. Но в Согд с юга пришли не племена со стадами, а занявшие города военные отряды эфталитского государства, установившие эфталитскую «справедливость», т. е. впервые после Ахеменидов государственную власть, не связанную с местными общими традициями. Об этой «справедливости» «городского племени» эфталитов, якобы подобной государственной практике самих византийцев и персов, в Византии узнали из Средней Азии, тогда как Индию те же эфталиты жестоко разоряли [19]. К эфталитскому времени в Пенджикенте относится трехэтажная казарма для постоянного гарнизона в толще восточной крепостной стены VI в. Ко времени прихода эфталитов относится частичное разрушение городской стены и храма II, но вскоре они были восстановлены.

В 560-х гг. эфталитов сменили тюрки. Их отношения с согдийцами также приняли характер государственного верховного сюзеренитета. Восстановление тюрками «порядка» в Бухаре после тирании Абруя (Наршахи), посольство согдийца Маниаха, посланное каганом в Византию, согдийские надписи с тюркскими титулами в надчеканах на монетах — все это разнообразные свидетельства государственного характера контактов. Новым было то, что тюркские каганы господствовали в степях, и им было выгодно покровительствовать согдийской торговле и колонизации в своем государственном строительстве (согдийская канцелярия, советники и т. д.).

Согдийская знать вошла в тюркскую иерархию, а предводители селившихся рядом с оазисами групп тюрок включились в местную политическую систему и соблюдали согдийские законы. Так, по согдийскому закону в Самарканде оформил свой брак с согдианкой Чатой тюрок из ханского рода Ут-тегин [20]. Отдельные тюрки легко вливались в согдийское общество, построенное не по клановому (как кочевники), а по территориальному признаку. Предшественником Девештича, известного государя Пенджикента, был тюрок Чакин Чур Бильге

[19] *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 210.

[20] Согдийские документы с горы Муг: (Юридические документы и письма) / Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М., 1962. Вып. 2. С. 17—45.

(около 690—704 гг.). Этот человек титуловался по-согдийски «Царь Бахта, государь Панча», т. е. Пенджикента [21]. Деваштич, претендуя на власть над Согдом, именовал себя «Согдийским царем, самаркандским господином». В. А. Лившиц определил, что владение, царем которого был Чакин Чур Бильге, это не целая страна (как Согд), а всего лишь округ за Зеравшаном к северу от Пенджикента. В XIX в. там обитали полукочевые узбеки. Соответственно в VII в. в этих пологих предгорьях могли жить тюрки-скотоводы [22]. Отряд соплеменников, которым располагал Чакин Чур Бильге, делал его значительной фигурой среди местных властителей. Могущественная пенджикентская знать могла принять его в виде своего рода кондотьера. Так, много позднее, в XVIII в., самоуправляющийся город Ташкент приглашал в ханы одного из степных казахских султанов, нуждаясь в его соплеменниках как в воинской силе для охраны оазиса и дорог [23], т. е. тюркский воинский элемент имел большое значение не только в общесогдийских, но и в местных делах.

В Согде (около обсерватории Улугбека в Самарканде) найдено только одно погребение по тюркскому обряду [24]. Среди тюрок Согда и земель к северу от Сырдарьи распространились согдийские культы [25]. Стремясь сплотить свои многоэтнические государства, владыки кочевников в VI—VIII вв. часто принимали не исконные верования Согда, а одну из мировых религий, имевших много адептов среди согдийской диаспоры: буддизм, христианство, манихейство. Археология фиксирует тюрко-согдийское сближение во всем том, что связано с бытом и деятельностью войска и аристократии. При этом в VI—VIII вв. в Согде и в степях получили широкое распространение тюркские формы вещей и согдийские моти-

---

[21] *Лившиц В. А.* Правители Панча: (Согдийцы и тюрки) // Народы Азии и Африки, 1979. № 4.

[22] *Кармышева Б. Х.* Очерки по этнической истории... С. 222.

[23] *Чехович О. Д.* Городское самоуправление в Средней Азии феодального периода // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.

[24] *Спришевский В. И.* Погребение с конем середины I тысячелетия н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды Музея истории народов Узбекистана. Ташкент, 1951. Вып. 1.

[25] *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья: (VI — начало XIII в.). Алма-Ата, 1986. С. 55—59.

вы узоров [26] — явления, имевшие место и после падения тюркской власти в середине VII в. Согдийские серебряные и подражающие им керамические кружки являются репликами металлических тюркских кружек [27]. Поясные наборы тюрок и согдийцев похожи иной раз до неразличимости.

Кочевники-тюрки сами по себе без оседлых подданных не слишком нуждались в государственности, о чем свидетельствует история ряда поздних безгосударственных кочевых обществ. В то же время в маленьких городах-государствах Согда развитие государственных институтов тормозили общинные традиции, и появление независимых от местных общин эфталитских и тюркских наместников, опиравшихся на чуждые местному народу воинские контингенты из кочевников, способствовало укреплению независимой от народа власти. Парадоксально, что до того не имевшие своей государственности тюрки с их родоплеменным бытом и согдийцы с их сельскими и городскими общинами влияли друг на друга в направлении не торможения, а ускорения государственного строительства — минус на минус дал плюс.

Таким образом, характер связей Согда с кочевниками неоднократно радикально менялся в зависимости от того, выступали ли кочевники как его долговременные соседи, как вторгшийся издалека целый народ или как войско государства, включившего в себя кочевые и оседлые регионы.

Наблюдается три разных типа взаимодействия, причем только один из них — массовое переселение — имел тяжелые последствия для земледельческой цивилизации. Поэтому едва ли всегда справедливо мнение о тормозящей роли многовекового соседства оседлых и кочевых сообществ. Многие сведения о I тыс. н. э. становятся понятнее при сопоставлении с событиями и явлениями XVIII—XIX вв., но, конечно, аналогия остается лишь приблизительной, поскольку несмотря на медленные изменения в производственной сфере, в социальной жизни есть существенные различия между периодами до и после арабского завоевания. Однако нельзя из осторожности

---

[26] *Распопова В. И.* Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1970. № 122.

[27] *Маршак Б. И.* Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв. // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Т. 5.

совсем отказаться от такого рода сопоставления, так как тогда имеющиеся данные покажутся слишком случайными и отрывочными даже для самого предположительного обобщения.

ЖИЛИЩА КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ СИРИИ И ИОРДАНИИ

О. Оранш *(Лион)*

На материале ряда случаев мы рассматриваем характер отношений, сложившихся между кочевым и оседлым населением в двух регионах Ближнего Востока — Сирии и Иордании. Примеры относятся к местностям, исследуемым отделом этноархеологии Ближнего Востока Национального научно-исследовательского центра Франции. Одно из направлений исследования — наблюдение различных степеней оседлости, достигнутых частью населения кочевого происхождения, и изменений в связи с этим способа строительства им жилищ.

Нулевая степень оседлости может наблюдаться в Qdeir, в сирийской пустыне, между Palmyre и Raqqa [1]. Речь идет о деревне, строящейся полукочевым населением, занимающимся разведением баранов и верблюдов. Первое освоение территории произошло в 1960 г.

Население проживает в деревне лишь часть года — с июня по сентябрь. Принятый тип строящегося жилища не является плодом стихийного творения: оно воспроизводит модель, заимствованную из соседних деревень, населенных оседлыми или давно осевшими земледельцами. В данном случае речь идет о домах с каменными стенами, заливка швов в которых производится посредством песчаного строительного раствора, или со стенами из необработанного кирпича, покрытых плоской глинобитной крышей, установленной на деревянный каркас.

Процесс поселения развивается следующим образом.

[1] *Aurenche O., Desfarges P.* Travaux d'ethnoarchéologie en Syrie et en Jordanie: rapports préliminaires // Syria, 1983. N 60. P. 147—183; *Aurenche O.* Travaux d'ethnoarchéologie dans la région d'El Kowm (Palmyre): enquêtes 1981—1983 // Syria, 1983. N 60. P. 300—301.

Прибытие в Qdeir — в июне — июле. Палатка устанавливается вблизи дома, который время от времени чистится или приводится в порядок. Строительство жилищ развито, стало быть, еще достаточно слабо, и палатки не могут быть размещены вблизи каждого дома. По мере постепенного поселения в доме палатка разбирается и ремонтируется.

Благодаря тщательным наблюдениям [2] можно проследить переход функции жилищ от палатки к дому: первый этап — прибытие на место мужчин в течение дня (прием) и ночи; затем — складирование ценных или скоропортящихся продуктов питания в доме; вслед за этим — прибытие женщин; в последнюю очередь — приготовление пищи. В зависимости от обстоятельств эти различные функции (причем, размещение, складирование, приготовление пищи) выполняются в одной или нескольких комнатах дома.

В приведенном примере переход функции палатки к дому является промежуточным этапом. Дом занят семьей скотовода. Одна из комнат служит приемной, в ней спят мужчины и дети, здесь же хранятся (чаще всего в нише) «особо ценные» продукты питания (чай и сахар). Другая комната предназначена для хранения соломы и топлива, третья (без прикрытия) является загоном для баранов. Палатка — обиталище женщин, где они спят, готовят лепешки и другую еду, где хранится мучная провизия. В течение всего пребывания в Qdeir эта семья будет делить и распределять функции жилья между двумя различными местами: домом и палаткой. Отбытие из деревни происходит к концу сентября, тогда комнаты дома служат складом для провизии; в случае необходимости зимой отсюда будут черпаться запасы продовольствия.

Лишь один или два дома «населены» постоянно, они заняты двумя земледельцами, которые обрабатывают поля вокруг деревни и составляют также первое «твердое» ядро оседлости. Остальные дома выполняют роль хранилищ [3].

---

[2] *Jarno R.* Tente et maison: le jeu annuel de la sédentarisation á Qdeir (Syrie) // *Aurenche O.* (*éd.*). 1984. P. 191—229.

[3] Это подтверждает замечание Бонта о другой географической области — Мавритании: архитектурное исследование жилища показывает, что функция склада является столь же значительной, что и функция человеческого жилья в прямом смысле слова. (См.: *Бонт П.* Тип оседлого поселения в Мавританской Сахаре // Настоящий сборник.).

Вариант нулевой степени оседлости представлен в другом случае, наблюдаемом в Petra в Иордании[4]. Археологическое местоположение Petra и, в частности, «растущие на скалах» могилы (II в. до н. э. — II в. н. э.); до настоящего времени в Petra обитало около 100 семей племени Бдул. Эти семьи, уже полуоседлые, традиционно занимаются сельским хозяйством, являясь в то же время бродячими скотоводами (взращивание зерна и ячменя и разведения коз). Дополнительные денежные средства поступают от туризма. Жилище перемещается в зависимости от сезона: зимние и летние гроты, соединенные с палаткой. Палатка устанавливается весной для приготовления молочных продуктов, а летом она дает приют части населения, занимающейся жатвой. Жилище, таким образом, «следует» за экономической деятельностью.

Нижеприведенный пример относится к семье скотовода-земледельца, занимающей территорию в Ouadi Mataha на севере местности. Семья состоит из мужа, жены и двенадцати детей (четырех мальчиков и восьми девочек) и обладает стадом из 65 коз и двух ослов, а также полями в Djebel Haraun, в нескольких часах ходьбы. Два верблюда служат, кроме того, транспортом для туристов. Стадо перегоняется лишь на небольшие расстояния (речь идет скорее о выгоне скота на летнее пастбище, чем о пастушеском кочевье). После запрета на взращивание культур в археологической местности поля были вынесены за ее пределы. Палатка устанавливается вблизи полей в период сбора урожая, а также недалеко от двух других мест, которые служат пастбищами. В том же Petra семья занимает 12 гротов, вытянутых в линию вдоль Ouadi Mataha, один из них предназначен для вновь прибывших, второй — для зимнего проживания. Остальные используются как склады или загоны для скота.

После решения Иорданского правительства «очистить» археологическую местность от ее обитателей началось строительство новой деревни в Umm Sayhoun, куда переселились все жители. В отличие от предыдущего случая архитектурное обрамление оседлости было заранее обдумано и навязано извне (бетонные дома,

[4] *Aurenche O.* Travaux d'ethnoarchéologie dans la région de Kerak et á Pétra: enquêtes 1982—1983 // Siria, 1983. N 60. P. 329—331.

построенные по стандартному проекту, плотно прилегающие друг к другу на небольшом участке земли). Дело в том, что один из аспектов проводимого в настоящее время исследования — это определение способности населения к адаптации в новых условиях существования. Аналогичный случай был уже рассмотрен, речь шла о Gourna в Египте [5].

Той же группой ученых, изучающих другие деревни, установлены следующие этапы оседлости. В деревне el Kowm, вблизи Qdeir, представлены, например, четыре различных архитектурных типа. Основанная, очевидно, в XVIII в. населением кочевого происхождения, деревня до сегодняшнего дня остается сельскохозяйственной и скотоводческой, выявляя при этом хорошую адаптацию бывших кочевников к новым архитектурным формам [6].

Наиболее древний тип дома — это дом из необработанного кирпича, с плоской глинобитной крышей, установленной на одной или нескольких внутренних арках. Для данной местности к моменту первой оседлости это был распространенный архитектурный тип. Топографически он составляет центральное ядро деревни. В результате племенных войн в XIX в. население el Kowm укрылось в Sfire, близ Alep, где дома строились из кирпича, но с крышами в виде куполов (свод с выступами). После возвращения из изгнания жители el Kowm принесли с собой эту новую технологию: дома с куполами в el Kowm резко выделяются сейчас на окружающем фоне. Арки и купола из кирпича являются единственными архитектурными формами, компенсирующими отсутствие строевого леса в этой пустынной местности, основную ценность которой составляют лишь используемые здесь во все времена артезианские колодцы. В XX в. благодаря развитию транспорта стало возможным приобретение строевого леса. Этот «ввозимый» материал позволяет покрывать помещения плоскими глинобитными крышами и снабжать самостоятельным выходом все больший объем внутреннего пространства, не прибегая к более сложной старинной технологии (арки и купола).

[5] *Fathy H.* Construire avec le peuple. Paris: Ed. Jerôme Martineaud, 1970.

[6] *Aurenche O., Desfarges P.* Utilisation et transformation de l' espace architectural á El Kowm (Polmyre, Sirie) // Cahiers de l'Euphrate-1982. N 3. P. 99—113.

Старинные помещения с арками и куполами постепенно были заменены помещениями с плоской глинобитной крышей третьего типа, который в настоящее время преобладает в местности (именно он использован при строительстве «новой» деревни, находящейся на расстоянии около 12 км от Qdeir).

Четвертый тип — явно городское заимствование. Это скорее не метод строительства, а способ использования пространства: создание так называемых «iwan» (комнат-пробок, изолирующих внутреннюю часть дома от его внешнего окружения). Прежде чем попасть непосредственно во двор дома, вначале оказываешься внутри сложного архитектурного комплекса. Двор дома меняет, таким образом, свое назначение: он больше не является промежуточным пространством между улицей и жилым помещением, став замкнутой, полностью изолированной территорией.

История архитектуры в el Kowm свидетельствует об успешной адаптации населения полукочевого происхождения в мире оседлости.

Другие уровни адаптации могут быть рассмотрены на примере жителей Иордании, в Smakieh, вблизи Ḳerak, граничащего с пустыней[7]. Это деревня, основанная в 1909 г. двумя кочевыми христианскими племенами — *хеджазине* и *акеше*. В настоящее время она состоит из двух частей: «старая» деревня, теперь опустошенная и разрушенная, и «новая» деревня, построенная в непосредственной близости от нее.

Можно восстановить четыре этапа в истории Smakieh.

С 1900 по 1930 г. деревня, как и Qdeir сегодня, была обитаема лишь часть года. Каждая семья присваивала себе небольшой участок земли, который постепенно застраивался прочными домами из необработанного кирпича с плоскими глинобитными крышами, положенными на одну или две арки. Это традиционный архитектурный тип в данной местности. Два племени занимали смежные, но различные территории. Демографический рост и длительность пребывания в данной местности в период

[7] *Aurenche O.* Travaux d'ethnoarchéologie dans la région de Kèrak et á Pétra...; *Aurenche O., Desfarges P.* Travaux d'ethnoarchéologie en Syrie...; *Roux V.* Superficie et plan de vilges: valeur de ces données archéologiques pour approcher les problémes d'organisation sociale // *Aurenche O. (ed.)*. Nomades et sédentaires: perspectives ethnoarchéologiques. Paris: Ed. ERC, ADPE, 1984. VP. 97—108.

1920—1940 гг. способствовали постепенному увеличению плотности населения на первоначальной территории. Это же явление наблюдалось в Qdeir в конце двадцатилетнего периода, то есть через поколение.

Перенасыщенность этого пространства произошла в 1930—1940 гг. Первые перемещения за первоначальную территорию прослеживаются в конце этого второго этапа. Необработанный камень заменился обтесанным, но система арок осталась.

Третий этап (1940—1960 гг.) характеризуется постепенным уходом из старой деревни, а также переходом от полукочевого образа жизни к полной и окончательной оседлости. Это явление ускорилось благодаря вводу экономики, основанной на выплате жалованья (третичный сектор), и в первую очередь — у христианского населения.

Четвертый этап произвел подлинную революцию в жилищном строительстве. Пребывание части активного населения «в городе» способствовало открытию нового мира, откуда были привнесены новые модели: традиционные материалы уступали место бетону, благодаря чему был создан новый архитектурный тип по городскому подобию, с увеличением числа комнат, разнообразием их функций, различным расположением в зависимости от внутренней системы сообщения между ними. В то же время «старая» деревня была покинута, и многочисленные дома превратились в руины. Аналогичное зрелище представляет собой деревня Aima на юге Иордании с мусульманским населением, с экономикой, скорее сельскохозяйственной, чем скотоводческой. Она имеет общие черты с Smakieh, значение которой будет оценено после проводящегося в настоящее время исследования.

Таковы различные формы и аспекты оседлости, рассмотренные в различных стадиях процесса на примерах истории Ближнего Востока. Они должны послужить «моделью» исследователям доисторического периода и археологам, которые в различные моменты истории этого региона изучают взаимоотношения слоев населения, имеющих разный экономический статус.

ФОРМИРОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ У КОЧЕВНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ТАЛГАР)

Т. В. Савельева *(Алма-Ата)*

Городище Талгар — один из крупнейших в Илийской долине. Как и большинство памятников оседлости, оно относится к типу «торткулей» — «четырехугольников».

Центральные развалины Талгара представляют собой возвышенный четырехугольный участок, окруженный со всех сторон оплывшим валом. Размеры сторон: северо-восточной — 300 м, северо-западной — 298 м, юго-западной — 280 м, юго-восточной — 303 м. Площадь, занимаемая укрепленной частью, составляет около 9 га. По углам вала и по периметру имелись башни, за валом — ров.

Два въезда находились один напротив другого в середине юго-западной и северо-восточной стен. Они соединялись дорогой, которая делила всю территорию города на две почти равные части. Еще два въезда устроены в середине юго-восточной и северо-западной стен. К укрепленной центральной части города со всех сторон примыкали постройки, которые составляли своеобразный торгово-ремесленный и сельскохозяйственный пригород.

Городище отождествляется с «селением Тальхиз (Тальхир)», о котором упоминает анонимный географ конца X в., автор анонимного персоязычного географического сочинения «Худуд ал-Алем». Селение располагалось, сообщает географ, среди гор на границе между тюркскими племенами чигилей и карлуков [1]. Тождество Тальхиза (Тальхира) и городища Талгар общепринято [2].

Сведения современников, размеры городища позволяют отнести памятник к категории крупных городов Илийской долины [3].

---

[1] Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1. С. 43.

[2] *Маргулан А. Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950. С. 6; *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья: (VI — начало XIII в.). Алма-Ата, 1986. С. 35.

[3] *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья: (VI — начало XIII в.). С. 128—133; *Он же.* К вопросу о численности оседлого населения Илийской долины // В глубь веков. Алма-Ата, 1978. С. 191—195.

Раскопки, которые ведутся на городище Талгарским отрядом Семиреченской археологической экспедиции (1979—1982 гг.), а с 1987 г. этим же отрядом Алма-Атинской археологической экспедиции, дали материалы по городской застройке, жилищу, ремеслам, что позволяет наметить пути формирования города в Илийской долине, контактном районе, где издревле происходили взаимодействия скотоводов и земледельцев, кочевников и горожан.

В отличие от Юго-западного Семиречья (Чуйская и Таласская долины), где в формировании городской культуры важную роль играли согдийцы и торговля по Великому шелковому пути, в Илийской долине города сложились исключительно на местной экономической основе, а населением их были перешедшие к оседлости тюркские племена.

Для понимания особенностей хозяйственной жизни населения Илийской долины в древности и средневековье необходима общая характеристика ее природных условий.

Наиболее обстоятельная физико-географическая, геоботаническая и почвенная характеристика этого края дана Р. И. Аболиным в работе «От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хантенгри»[4]. Он выделяет здесь несколько вертикальных поясов, или «зон жизни». 1. Полынно-степная зона, расположенная в пустынных и степных районах Прибалхашья; пояс зимних пастбищ. 2. Злаково-степная зона; зона пастбищ и земледелия, которое возможно здесь при наличии искусственного орошения и на богаре. 3. Разнотравно-степная зона, которая охватывает высокие предгорья хребтов; благоприятна для занятия земледелием и скотоводством с условием заготовки сена на зиму. 4. Лесная и луговая зона. 5. Высокогорная зона.

В этих поясах сосредоточены летние пастбища. Как видим, пастбищные угодья в районе не только преобладают, но и распределение их по зонам способствует развитию кочевого, отгонного и придомного скотоводства. Достаточно показательно, что пастбищные угодья со-

---

[4] *Аболин Р. И.* От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хантенгри: (Геоботаническое и почвенное описание южной части Алма-Атинского округа Казахской АССР). Л., 1930. Ч. 1.

ставляют здесь более двух третей всех земельных угодий [5].

В то же время наличие плодородных массивов земель в предгорной зоне способствовало возникновению и развитию в ней земледелия. Такая особенность природных условий этого небольшого района создала возможность для длительного сосуществования оседлых и кочевых обществ, которое К. Маркс считал одной из важнейших специфических черт Востока [6].

Скотоводство в Илийской долине характеризуется кочеванием на небольшие расстояния с амплитудой передвижений от степных зимовок к горным летовкам от 25 до 150 км. Такая система кочевания называется «вертикальной», «вертикально-кочевой», «горно-кочевой». К. И. Петров называет ее «сезонно-полукочевой» [7]. Думается, что этот термин точно отражает характер такой системы скотоводства, при которой обязательны длительные остановки на одних и тех же местах, преимущественно в районах весенних и осенних пастбищ, в предгорьях. Именно здесь, если картографировать расположение средневековых поселений и городищ, находилось их основное количество. На конусах выносов, у выхода из горных ущелий рек и ручьев, расположены крупные городища Қарагалы, Қаскелен, Алма-Атинская группа городищ, Талгар, Иссык, Чилик и мелкие городища Қзылгайрат, Қайназар, Тургень, Киикпай, Лавар. В этих же местах сосредоточены и поселения ранних кочевников — саков и усуней.

Процесс сложения города распадался на несколько этапов.

Вначале остававшаяся на зимовках и весенних пастбищах часть населения выращивала зерновые. Зачастую земледельцы концентрировались у стен феодальной ставки, замка, городища-убежища, расположенных у входа в ущелье на скотопрогонных путях. Здесь же селились ремесленники. Те из ставок, которые занимали в географическом и стратегическом отношении удобные места в долинах рек, на важнейших скотопрогонных путях к бо-

---

[5] *Ахмедова К. Б.* География животноводства Алма-Атинской области. Алма-Ата, 1962. С. 43—56.

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 28. С. 214.

[7] *Петров К. И.* Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII в. Фрунзе, 1981. С. 69—70. (Здесь же см. обзор литературы по характеристике такой стадии кочевания).

гатым летовкам, на торговых трассах, притягивали ремесленников и торговцев, становились городами. Постепенно центр административной власти превращался в центр ремесла, торговли, культуры. Именно так сформировался Тальхиз (Тальхир), что хорошо прослеживается по материалам раскопок городища Талгар.

Застройка городища была плотной, при которой усадьбы тесно пристраивались одна к другой. На площади около 4000 кв. м к настоящему времени вскрыто 10 усадеб, 9 из которых, видимо, входят в состав одного квартала-блока. К сожалению, точные границы квартала пока не устанавливаются; так же сложно определить и общее число усадеб, входящих в состав квартала из-за того, что часть усадеб, явно входящих в состав единого квартала, разрушена. Дома имели выходы на улочку, прослеживаемую на протяжении 50 м, вымощенную на отдельных участках булыжником [8]. Вскрыта еще одна, отходящая от нее под прямым углом улочка, сплошь вымощенная кирпичом и прослеженная на расстоянии 20 м.

Усадьбы состояли из жилой части и двора. Жилая часть насчитывала 4—6 и более помещений. В жилых комнатах имелись очаги — тандыры, служившие для обогрева помещений, приготовления пищи, в том числе для выпечки лепешек. В хозяйственных помещениях имелись погребки, закрома для хранения хозяйственных запасов. В большинстве домов имелись объемные (от 32 до 75 кв. м) зернохранилища, в которых держали хлеб для себя и на продажу. С одной стороны, это свидетельствует о связи населения с сельским хозяйством, с другой — о торговле с окружающим кочевым и полукочевым населением.

К домам примыкали дворы, окруженные глухими каменными или глинобитными заборами. Внутри устраивались загоны для овец и коз, конюшни, сараи для коров и молодняка, что говорит о большой роли в жизни древних талгарцев скотоводства. Это и понятно — ведь город в Илийской долине формировался из оседавших на землю кочевников. О том, что кочевой уклад, вернее, его пережитки сохранялись в быту, говорят находки остатков оснований стационарных юрт во дворах многих до-

[8] *Байпаков К. М.* О формировании средневекового города Илийской долины // Вестник АН КазССР. 1982. № 5. С. 23.

мов. Сочетание постоянного жилья и юрты (в ней жили летом) — характерная черта для перешедших к оседлости кочевников.

Город, как удалось установить, начал формироваться в конце VIII—IX вв. и особенно интенсивно развивался в X — начале XIII в. В это время он превратился в крупный экономический, политический и культурный центр. В нем были развиты ремесла — кузнечное, металлообрабатывающее, гончарное, стекольное, косторезное. Широкого развития достигло строительное дело. Об этом свидетельствуют находки. Среди них инструментарий кузнецов — наковаленки, совки, а также железные изделия — лемехи пахотных орудий, плотничьи топоры, ножи, подковы, цепи, скобы, гвозди и т. д.

Гончарное ремесло в X—XII вв. достигло того же уровня развития, что и в развитых центрах Южного Казахстана и Средней Азии. Стандартизация, которая прослеживается в керамическом комплексе, массовое изготовление поливной посуды — все это свидетельствует о производстве керамики на рынок и не только городской: талгарские гончары снабжали глазурованной посудой не только городское население, но и сельское, а также и кочевое. Чаша, покрытая поливой, и кувшин были найдены в погребении карлука XII — начала XIII в., случайно обнаруженного в нижнем течении р. Талгар [9].

Высокого совершенства в Талгаре достигло косторезное ремесло — изготовление различных украшений, пуговиц. Из кости была сделана и найденная на городище шахматная фигура.

Талгар находился в узле караванных путей, соединявших Запад и Восток, и поэтому здесь были обнаружены высокохудожественные изделия из металла, изготовленные на Среднем Востоке. Это в первую очередь медное блюдо с изображением крылатых сфинксов, различные светильники [10]. На городище при раскопках найдены караханидские монеты. Имеется даже предположение о существовании здесь монетного двора.

В X—XI вв. горожане уже приняли ислам. Об этом свидетельствуют раскопанные мусульманские погребе-

[9] *Байпаков К. М.* Средневековое погребение в Илийской долине // Советская археология. 1973. № 2. С. 257—259.

[10] *Бурнашева Р. З.* Монеты Сулеймана б. Дауда с городища Талгар // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 182—186.

ния как на самом городище, так и на городском кладбище, расположенном на окраине городища на склонах гор.

Жизнь в Талгаре стала клониться к упадку после того, как Семиречье в начале XIII в. было завоевано татаро-монголами. Здесь стал преобладающим скотоводческий уклад, тогда как земледелие и городская жизнь пришли в упадок, и во второй половине XIII в. город прекратил свое существование.

Интересно, что аналогичный путь сложения города дают материалы раскопок городища Орнек в Таласской долине. Городище находится на трассе Великого шелкового пути и, судя по арабским маршрутникам, оно может соответствовать средневековому Кульшубу. Орнек являлся одной из ставок карлукской знати, которой принадлежали в VIII—X вв. Тараз и территории к востоку.

Городище отличают мощные укрепления, наличие хаузов в центре. Раскопками внутри торткуля выявлена мечеть XI—XII вв. и казарменного типа постройки. За пределами центрального укрепления открыта жилая застройка, гончарная и кирпичеобжигательная мастерская, мусульманский некрополь. За пределами торткуля на площади около 500 га зафиксированы остатки огороженных крупными валунами участков, преимущественно «привязанных» к руслу Сулутора и его старых русел. Размеры построек различны: от 0,3 до 2 га. Но в расположении наблюдается закономерность: так, между ними прослеживаются своеобразные улицы. На некоторых участках заметны всхолмления диаметром до 10—15 м. Раскопки одного из холмиков выявили остатки небольшого однокомнатного домика размерами приблизительно 3×3 м. Стены его глинобитные. Единственное помещение дома имело внутри легкую перегородку. Замечено также, что стены торткуля перекрывают в ряде случаев каменные ограды, следовательно, торткуль появился раньше и предположительно датируется VIII—IX вв.

Археологические материалы из раскопок Орнека, наблюдения позволяют предположить, что ставка возникла на месте постоянного оседлого поселения, которое, видимо, сложилось на территории весенне-осенних пастбищ одного из племен. Здесь часть кочевого населения на огороженных полях скорее всего выращивала хлеб.

Укрепленная ставка, в свою очередь, послужила яд-

ром, вокруг которого формировался город. Находки гончарной и кирпичеобжигательной мастерской — яркое тому доказательство. Важную роль в сложении его играла международная торговля.

Исследования торткулей, таким образом, позволяют наметить пути оседания кочевников и появления у них городских центров [11].

[11] *Касенов М. С.* Карлукское городище Орнек // Взаимодействие кочевых племен и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1987. С. 168—169.

«ТИМУРИДСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ СТИЛЬ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Е. А. Смагулов *(Алма-Ата)*

Поливная керамика средневековой Средней Азии как археологический источник по истории культуры обладает необычайным семиотическим богатством. Подвижность, изменчивость морфологических, художественных и технологических признаков иллюстрируют общестадиальные и локальные историко-культурные явления [1].

Время — конец XIV—XV вв. — характеризуется в истории керамического искусства Средней Азии и сопредельных стран сложением и широким распространением так называемого «тимуридского керамического стиля» как частного проявления нового стиля в искусстве своей эпохи. Изучению этого явления посвящены многие работы [2]. Расширение археологических исследований в сред-

[1] *Якобсон А. Л.* Средневековая поливная керамика как историческое явление // Византийский временник. М., 1979. Т. 39. С. 148—159.

[2] *Сухарев И. А.* Два блюда XV в. из Самарканда // Труды ИИА АН УзССР. Ташкент, 1948. Т. 1. С. 49; *Булатов Н. М.* Кобальт в керамике Золотой Орды // Советская археология. 1974. № 4; *Он же.* Классификация поливной керамики золотоордынских городов // Советская археология. 1968. № 4; *Вактурская Н. Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма: (IX—XVII вв.): Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959. Т. 4. С. 334; *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. Н.* История искусств Узбекистана. М., 1965. С. 300; *Они же.* Очерки искусств Средней Азии. М., 1982. С. 207.

несырдарьинском регионе позволило найти здесь мощные центры керамики тимуридского облика (Бинкет, Ахсикет, Отрар, Туркестан, Сузак и др.) [3].

Исследователями современного керамического искусства Средней Азии зафиксировано существование здесь двух мощных очагов, сохранивших традиции тимуридского времени, представленных сине-белой керамикой Хорезма и Ферганы [4]. Материалы среднесырдарьинского региона свидетельствуют, что эти две керамические провинции в XV—XVIII вв. не были разобщены, а связывались керамическими центрами Средней Сырдарьи. Регион по течению р. Сырдарьи и наиболее прочно сохранил традиции керамического искусства тимуридской эпохи. В этом можно видеть продолжение древних традиций общности облика культурных традиций, заложенных еще каунчиноидными культурами I тыс. н. э., отделявших с северо-востока древнеземледельческие районы Средней Азии от европейского пояса степей [5].

В изучении керамики тимуридского стиля наименее исследованными остаются причины ее возникновения и широкого распространения. Подводя итоги состоявшегося в сентябре 1969 г. в г. Самарканде симпозиума по искусству тимуридской эпохи, Б. Веймарн отмечал: «Стало ясно, что многие проблемы генезиса тимуридского искусства ждут дальнейшей разработки и решения» [6]. Рассмотрение этого вопроса на материалах керамического искусства вылилось в узкую искусствоведческую полемику, в признание определяющим или неопределяющим влияния китайского фарфора «типа кобальт» перио-

[3] *Архаров И.* Новые археологические материалы с городища Ахсикет XIV—XVI вв. // Общественные науки Узбекистана, 1969. № 8—9. С. 79; *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; *Вархотова Д.* Художественная керамика XV—XVI вв. из Ташкента // Общественные науки Узбекистана. 1969. № 8—9. С. 86; *Ерзакович Л. Б.* Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. // Вестник АН КазССР. 1966. № 5. С. 78; *Смагулов Е. А.* Комплекс керамики из бадраба с городища Туркестан (в печати).

[4] *Жданко И. А., Жадова А., Дервиз Г. Г., Митлянский Д. Г.* Современная керамика народных мастеров Средней Азии. М., 1974. С. 12.

[5] О роли присырдарьинского региона в этногенетических процессах в Средней Азии см.: *Буряков Ю. Ф.* Археологические материалы к этнической истории бассейна Средней Сырдарьи в древности и средневековье // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. 1986. С. 50—67.

[6] *Веймарн Б.* Искусство тимуридов // Искусство. 1970. № 6. С. 62.

да династии Мин (1368—1644 гг.). Стало также традицией объяснять происхождение тимуридской керамики только технологическими причинами.

Рассмотрение этого вопроса в этнокультурном аспекте может приблизить нас к его решению, ибо столь кардинальные изменения в керамике, а главное — широкое ее распространение невозможно объяснить лишь концепцией «подражания». Эта концепция недостаточна, в частности, для объяснения феномена широкого распространения бело-голубой керамики в Средней Азии, где подражания китайской керамике появлялись уже с сунского времени [7], которые, однако, до сих пор (до XIV—XV вв.) не перерастали в «стиль эпохи» и не получали столь широкого распространения, оставаясь локальными явлениями в хронологическом и региональном плане.

Чтобы переориентировать целостное эстетическое мироощущение, вырабатывавшееся веками у определенного социума и проявлявшееся в орнаментике и цветовой гамме изделий народных мастеров, необходимы более веские причины. Признание семантической природы декоративных средств народного искусства также входит в противоречие с «концепцией подражания», акцентирующей внимание на чисто технологических причинах. Отказ от прежнего, традиционного орнаментального языка, переход к новому и его широкое распространение должно свидетельствовать об определенном сдвиге в общественном сознании, если признавать осмысленность орнаментального творчества, а не сводить его к бессодержательному украшательству. Сдвиг в общественном сознании обусловил и иное осмысление декорируемой поверхности, о чем свидетельствует распространение новых композиционных принципов, изменение цветовой гаммы росписи и т. д. Все эти инновации в конечном счете подтверждают сложение нового социального заказа на керамическую продукцию. Ведь мастер-керамист средневековья, изготавливая сосуд, наделял его только такими свойствами и эстетическими качествами, которые должны были найти потребителя и обеспечить сбыт продукции, т. е. он создавал вещь, отражающую не столько его собственную человеческую сущность, сколько со-

[7] *Вактурская Н. Н.* К вопросу о культурных связях средневекового Хорезма с Китаем // Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии: (Сборник). М.; Л., 1959. С. 28.

циальную сущность всей культуры данной эпохи [8]. Как известно, исчезновение традиционного набора признаков или уменьшение масштабов его распространенности, сложение и широкое распространение новой комбинации эстетических признаков в керамическом искусстве — такие явления чаще всего отражают изменение этнокультурной обстановки.

Рассмотрим причины возникновения и распространения группы тимуридской керамики, в частности, керамики с кобальтовыми росписями под прозрачной поливой на белом фоне.

Механическая концепция подражания китайскому фарфору «типа кобальт» не объясняет внутренних причин чрезвычайно широкого распространения керамики такой цветовой гаммы. Да и в самом Китае появление сине-белого фарфора не нашло должной историко-культурной интерпретации. Н. М. Булатов объясняет появление синей монохромии на белом фоне влиянием даосизма на китайских художников [9]. При наличии рационального зерна такая трактовка, однако, не объясняет, почему же возобладал стиль именно синей монохромии. Понять это явление можно лишь, учитывая то символическое значение, которое придавалось синему цвету в средневековом Китае [10] и в центрально-азиатском кочевом обществе.

Эдвард Шефер приводит выдержку из одного китайского источника минской эпохи: «Могут спросить, почему цвет этих деревьев совершенно синий (*цин*), когда все растения и деревья бывают зелеными. Ясно, что это потому, что зеленый — цвет между синим и желтым, а

---

[8] Культурно-социологический подход к анализу археологических объектов исходит из такого очевидного факта, что предметы материальной культуры обладают способностью аккумулировать творческие усилия и эстетические потребности производителя и потребителя и поэтому несут духовное содержание, становятся, по выражению К. Маркса, «чувственно представленной психологией» (см. *Безмоздин Л.* Культурно-социологический анализ вещи // Вопросы социологии искусства. М., 1979. С. 111).

[9] *Булатов Н. М.* Кобальт в керамике... С. 136.

[10] Отметим, что в системе древнекитайской цветовой космосимволики нет места синему (голубому) цвету. Здесь представлены желтый, белый, зеленый, красный, черный цвета, соответствующие сторонам света, временам года и пр. (см.: *Сычев Л. П.* Китайский декор как часть единой системы космологических символов // Научные сообщения Государственного музея искусств народов Востока. М., 1977. Т. 9. С. 123—132).

поскольку деревья не смогли бы вырастать, если бы не земля (считавшаяся желтой), синее становится зеленым благодаря своей зависимости от этого желтого»[11]. Синий цвет был символическим цветом растительности в средневековом Китае. Подлинный зеленый цвет в китайской теории «чистых цветов» (*чжэнся*) и «промежуточных цветов» (*цзянь сэ*) считался смешанным, полученным от смешения желтого и синего[12]. Желтый цвет традиционно символизировал землю, центр, конец лета, императорскую власть. Цветом же неба в доханьскую и раннеханьскую эпохи был цвет «сюань» (различные градации соединения черного и красного) [13]. Лишь в средневековье этот цвет в космосимволике Китая был заменен чистым синим. Видимо, это произошло в эпоху династии Юань, поскольку уже в минское время все храмовые постройки, связанные с культом неба, покрывались синей черепицей. В цинское время при ритуальных жертвоприношениях на алтарь неба участники должны были быть одеты в синее платье и украшены лазуритом[14].

Эпоха монгольской династии Юань характеризовалась как сохранением старых традиций, так и их ломкой, появлением новых черт в культуре Китая. В живописи в это время возникали простые, чистые, яркие цвета, новые сюжеты, удовлетворявшие вкусы монгольских завоевателей[15]. В это же время в Китае появилась яркая бирюзовая глазурь в сочетании с черной подглазурной росписью и фарфор «типа кобальт»[16]. Основным центром производства на рубеже XIII—XIV вв. фарфора этого типа стали императорские заводы в Цзиндэчжэ-

---

[11] *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. М., 1981. С. 449.

[12] *Сычев Л. П., Сычев В. Л.* Китайский костюм, Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве. М., 1975. С. 23.

[13] *Сычев Л. П.* Традиционное воплощение принципа Инь-янь в китайском ритуальном одеянии // Роль традиции в истории и культуре Китая. М., 1972. С. 146.

[14] *Сычев Л. П., Сычев В. Л.* Китайский костюм. С. 22—23, 29—30.

[15] *Кучера С.* Проблема преемственности китайской культурной традиции при династии Юань // Роль традиции в истории и культуре Китая. М., 1972. С. 290; *Кречетова М. П., Вестфален Э. Х.*. Китайский фарфор. Л., 1974. С. 7.

[16] *Кречетова М. П., Вестфален Э. Х.* Китайский фарфор. С. 10; *Zee I. G., Sherman E., Wai-Kat Ho.* Chinese Art under the Mougols. The Iüan Dynasty (1279—1369). Clevelend, 1968. N 133; *Арапова Т. Б.* Китайский фарфор в собраниях Эрмитажа. Л., 1977. С. 7.

не[17]. При этом, как неоднократно отмечалось, керамическое ремесло Китая основывалось на привозном иранском красителе — кобальте. В керамике Ирана использование кобальта как красителя полив и подглазурных росписей отмечено еще в более раннее время — в X—XII вв.[18]. Таким образом, по справедливому замечанию Н. М. Булатова, китайский фарфор «типа кобальт» явился результатом синтеза иранского сырья и искусства китайских ремесленников[19]. Значительное производство его на императорских заводах прямо указывает на то, что социальный заказ на этот вид керамики исходил от монгольских правителей.

В Иране монгольское завоевание также вызвало к жизни ряд новых моментов в керамическом искусстве и особенно усиление роли синего цвета, который окрашивал глазури и роспись; появились новые декоративные сюжеты — драконы, лотосы, всадники, фениксы и пр. Хотя традиция кобальтовых росписей здесь известна с XI в., специалисты выделяют «монгольский стиль» в керамике периода XIII—XIV вв., который предшествовал иранскому варианту тимуридского орнаментального стиля, сложившегося в XV в.[20] Как и в Китае, в иранском варианте отдавалось предпочтение кобальтовым росписям по белому фону, на орнаментику оказали влияние декоративные схемы и элементы китайского фарфора. Аналогичная картина наблюдалась и в регионе Средней Азии и Нижнего Поволжья, где в XV в. широко бытовала как ведущий тип керамика бело-голубой гаммы.

Цвет, являясь, как известно, наиболее активным эстетическим признаком, по утверждению специалистов, оказывает сильное эмоциональное воздействие в том случае, если он интеллектуально осмыслен и на этой основе возникло его символическое значение, которое, в свою очередь, усиливает эмоциональное воздействие этого цвета уже независимо от первоначальных причин возникно-

---

[17] *Лубо-Лесниченко Е.* Фарфоровый сосуд, расписанный кобальтом, периода Юань (1280—1367). // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1973. № 36. С. 70—73.

[18] *Сайко Э. В.* Среднеазиатская глазурованная керамика XII—XV вв. Душанбе, 1969. С. 118.

[19] *Булатов Н. Н.* Кобальт в керамике... С. 138.

[20] *Маслиницына С. П.* Начало нового периода средневековой керамики Ирана (XIV в.) // Искусство и археология Ирана: (II Всесоюзная конференция Государственного музея искусств народов Востока). М., 1976.

вения самого символа. Специальными исследованиями установлено, что живые организмы одинаково положительно гелиотропны и к белому, и к синему цветам [21]. Можно предположить, что сочетание белого и синего цветов в средневековом керамическом искусстве являлось своеобразным эстетическим знаком, сущность которого заключалась в опосредованном свидетельстве о действительности и человеческой мысли. Как известно, в искусстве средневековья символы и аллегории представляли собой тот органический способ воплощения идей и эмоций, который наиболее полно выражал сущность художественного мышления этого исторического периода [22].

В культуре среднеазиатского региона символическое значение синего (голубого) цвета документировано со времени первых синих (голубых) полив, использованных в декоре архитектурных сооружений, первые датированные образцы которых совпадают по времени с интенсивной миграцией тюрков и установлением их политической власти в Средней Азии и Иране.

Появление и распространение в Средней Азии и на Ближнем Востоке синего (голубого) цвета в архитектуре и декоре связано с мавзолеями тюркской аристократии или постройками, возведенными по их инициативе. Покрытие куполов голубой поливой было обусловлено не столько стремлением зодчих к наилучшей прочности и долговечности, как полагали некоторые исследователи [23], а тем символическим значением, которое придавалось синему цвету новыми правителями Средней Азии. Небезразличное отношение их к художественно-эстетическому облику «заказываемых» сооружений можно проиллюстрировать на примере Тимура, в указе которого о строительстве мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави были определены не только общие параметры и облик сооружения, но и некоторые декоративные элементы [24].

Если учесть, что в древности и средневековье структура погребальных сооружений (гробницы, курганы,

---

[21] *Арнхейм Р.* Искусство в визуальном восприятии. М., 1974. С. 316; *Алексеев С. С., Теплов Б. М., Шеверев П. А.* Цвет в архитектуре. М.; Л., 1934. С. 17, 25, 28.

[22] *Храпченко Н. Б.* Природа эстетического знака // Семиотика и художественное творчество. М., 1977. С. 9.

[23] *Засыпкин Б. Н.* Архитектура Средней Азии. М., 1948. С. 56.

[24] *Массон М. Е.* Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. Ташкент, 1930. С. 4.

мавзолеи и пр.) осмыслялись как микрокосмос, изоморфный структуре Вселенной [25], то становится понятным, почему именно синий цвет сначала появился на куполах мавзолеев, а потом господствовал во внутреннем и внешнем декоре. Ведь мавзолеи представляли собой жилища погребенных в потусторонней жизни, в раю, который по мусульманской религии помещался на небе.

Нам представляется, что хронологическое совпадение таких явлений, как массовое продвижение тюркских племен в Среднюю Азию и на Ближний Восток при политическом господстве здесь тюркских династий Караханидов и Сельджукидов, и появление синих глазурей в архитектуре, а потом и широкое распространение в бытовой керамике, может свидетельствовать о существовании причинно-следственных связей между этими событиями. Роль тюркского влияния в сложении новых архитектурных форм (в частности, шатровых мавзолеев, портальных композиций) признана исследователями [26]. Таким образом, есть все основания предполагать, что именно представители тюркской, а позже тюрко-монгольской аристократии были авторами социального заказа на голубой цвет в архитектурных сооружениях. В этом надо видеть конкретное проявление процессов, оказавших воздействие на ход развития художественно-эстетических идей в Средней Азии, — политического подчинения тюркским династиям и массового притока тюркского этноса во «внутримавераннахрскую кочевую степь» [27], а в последующем и в города.

Принципиальное различие роли тюркского этнического элемента в истории мусульманского Востока в I и во II тыс. отмечено К. Э. Босвортом в основном во внешне-

---

[25] *Лелеков Л. А.* Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточно-иранских народов в первой половине I тыс. до н. э. // История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С. 7; *Вагнер Г. К.* От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV—XV вв. М., 1980. С. 21—22.

[26] *Пугаченкова Г. А.* К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Материалы Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, 1949. Т. 1. С. 57; *Засыпкин Б.* Памятники монументального искусства Советского Востока // Художественная культура Советского Востока. М.; Л., 1931. С. 21—49; *Бернштам А. Н.* Архитектурные памятники Киргизии. М., 1950. С. 189.

[27] *Кармышева Б. Х.* «Кочевая степь» Мавераннахра и ее население // Проблемы тюркологии. Алма-Ата, 1980. С. 330.

политическом аспекте [28], а в культурно-историческом плане нужно признать справедливость и относительно Средней Азии XI—XII вв. тезиса И. А. Орбели о сельджукском искусстве Кавказа и Малой Азии. Им было отмечено, что сложение сельджукского искусства хотя и обязано местным корням, но было, однако, вызвано к жизни тем социальным толчком, нанесением которого закаспийские кочевники содействовали развитию новых форм государственности, а в связи с этим и новых форм культуры вообще [29].

Интенсивный синтез тюрко-иранских традиций, под знаком которого протекала история культуры во II тыс. н. э., проявился в самых различных областях. Как и в VII—VIII вв., в XI—XVI вв. пришедшие в Среднюю Азию тюрки принимали активное участие в создании культурных ценностей, были вместе с исконными жителями творцами культурного фонда, этого общего достояния среднеазиатских народов. Данное обстоятельство нельзя не учитывать, поскольку зарождение определенных содержательных идейных и эстетических качеств художественного творчества мыслимо лишь в контексте определенной исторической и этнокультурной обстановки [30].

Исследователями бытовой керамики Средней Азии и Ирана не раз отмечалось, что в XII в. здесь появлялся новый тип керамики, основными чертами которого являлось возрождение щелочных глазурей в соединении с кашинной основой, использование синих (голубых) цветов в их окраске, преимущественно черного цвета — в росписях, полихромного — под прозрачными поливами. Этот тип керамики сосуществовал с керамикой более ранних традиций свинцовых глазурей, цветовая гамма которых укладывалась в красно-зеленую часть спектра [31]. Синий цвет в окраске росписей и полив, не получивший особого распространения в X—XI вв., позднее

---

[28] *Босворт К. Э.* Нашествие варваров: появление тюрок в мусульманском мире / Мусульманский мир. 950—1150. М., 1980. С. 20—33.

[29] *Орбели И. А.* Проблемы сельджукского искусства // III международный конгресс по иранскому искусству и археологии: (Доклады). М.; Л., 1939.

[30] *Шимунек Э.* Эстетика и всеобщая теория искусств. М., 1980. С. 143.

[31] *Сайко Э. В.* Среднеазиатская глазурованная керамика XII—XV вв. С. 21.

(в XII—XV вв.) нашел широкое применение и был представлен в трактате кашанского мастера-керамиста конца XIII—XIV вв. как «синий турецкий» [32]. Это название, на наш взгляд, недвусмысленно указывает на тех, кто был основным заказчиком и потребителем изделий с кобальтовой окраской.

У тюркских и монгольских народов синий и белый цвета являются наиболее почитаемыми. Особое место синего цвета в цветовой символике этих народов обусловлено всей системой языческого мировоззрения. Среди шаманистических культов тюркских народов роль божества неба (Тэнгри) была настолько велика, что отдельные исследователи считают возможным говорить о тэнгризме как особой религиозной системе древнетюркских государственных образований [33].

У средневековых тюрков и монголов небо (тэнгри) как верховное божество обезличено, не имеет конкретного воплощения, невидимое [34], и вполне возможно, что синий цвет осознавался как имманентное качество этого божества [35]. Даже пережив этап персонификации, образ голубого неба (Ульгень — у древних тюрок, множество Тэнгриев — у монголов) расслоился и сохранил первооснову в виде некоей космической силы, начала всех начал, подателя благ [36]. Атрибутами этого верховного божества выступают небесные светила. И если оно у древних тюрков не определялось словом *кок* [37], то и древние тюрки, и монголы, дабы подчеркнуть свою избранность, прилагали этот эпитет к своему имени (*кок* — тюрки, *кок* — монголы). В цветовой этносимволи-

---

[32] *Ritter J., Ruska J., Winderlich R.* Eine persische Beschreibung der Fayencetechnik von Kashan aus dem Jahre 700 H. Istambuler Mitteilungen. Hft. 3, Istambul, 1935. S. 45.

[33] *Royx I.-P.* Tangri. Essai sur le ceildien des peuples Altuiques. Paris: R. H. R., 1956. T. 149. N 1, 2. T. 190. N 1, 2.

[34] *Стеблева К. В.* К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. М., 1972. С. 214; *Бонзаров Д.* Черная вера, или шаманство у монголов // Собр. соч. М., 1955. С. 59.

[35] В XII в. у монголов оно именовалось «хохо монхо тэнгри» — «голубое вечное небо» (см. *Бертагаев Г. А.* Космологические представления в мифологии монгольских племен // Историко-филологические исследования. М., 1974. С. 408).

[36] *Бонзаров Д.* Черная вера... С. 59—76.

[37] *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская мифология. К постановке проблемы // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1979. С. 93.

ке народов, объединенных в монгольской империи, тибетцы обозначены черным цветом, корейцы — белым, туркестанцы — желтым, китайцы — красным, а сами монголы — синим [38]. Для того, чтобы подчеркнуть божественное происхождение ханской власти, монгольские ханы именовались сыновьями вечного неба, а начальные формулы ханских указов также апеллировали к божественному авторитету вечного голубого неба [39]. Осознавая, что все живое на земле обязано своим происхождением соединению неба и земли как мужского и женского начал, монголы все же отдавали предпочтение небу, которое являлось, по их представлениям, источником жизни [40].

Особую «предрасположенность» монголов XIII—XIV вв. к синему (голубому) цвету показывает статистика поливной керамики из Кара-Корума. По данным Л. А. Евтюховой, фрагменты посуды с синей и голубой поливой составляют 67% от общего количества на втором месте — черная полива (21%), остальные цвета представлены в незначительном количестве [41].

Не менее, если не более, почитаем в общественном сознании кочевых племен Центральной Азии был белый цвет. В тюркских языках слово *ак* переводится как белый, чистый, прекрасный, чудесный, роскошный, великолепный [42]. Многие факты и наблюдения свидетельствуют

---

[38] *Шара Туджин.* Монгольская летопись XVII в. М.; Л., 1957. С. 178. (О других цветовых символах у тюрков и монголов. См. *Labain A.-V.* Vom sinn simbolisher Farbenbezeichnung // Acta Orientalia, Academiae Seientiarum hungarical. Budapest, 1962. N 1—3; *Кононов А. И.* Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. М., 1978.

[39] *Лубсан Данзан.* Алтын тобчин («Золотое сказание»). М., 1973. С. 173, 174, 293; *Бонзаров Д.* Черная вера... С. 146; *Спицын А.* Татарские байсы // Изв. археологической комиссии. Спб, 1909. Т. 29. С. 132—134; *Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма. Новосибирск, 1980. С. 217.

[40] Универсальное космогоническое представление, имевшее распространение у многих народов (см., например, *Литвинский Б. А.* Памирская космогония: опыт реконструкции // Страны и народы Востока, 1975. Т. 16. С. 253; *Сычев Л. П.* Традиционное воплощение принципа инь-янь в китайском ритуальном одеянии // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972. С. 145; *Бертагаев Г. А.* Космогонические представления... С. 406.

[41] *Евтюхова Л. А.* Керамика Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965. С. 218.

[42] *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. С. 116—117.

о том, что у средневековых тюрко-монгольских племен было распространено представление о белом цвете как об атрибуте власти божественного происхождения [43].

Семантика белого цвета у тюрко-монгольских кочевников коррелируется с тем благостным, положительным значением, которое имел белый цвет почти у всех народов мира [44]. У индоевропейских народов белый цвет был цветом высшего неба и жречества [45].

Таким образом, белый и синий цвета являлись наиболее почитаемыми в идеологии кочевых племен и народов Центральной Азии в эпоху средневековья. Однако для нас наиболее показательны факты, свидетельствующие об особой значимости сочетания этих двух цветов в одном контексте. Такие факты имеются. В ритуальных молениях и жертвоприношениях небу, совершаемых раз в год на вершине горы, сохранившихся у саяно-алтайских народов, участники прикрепляли к головным уборам белую и синюю ленты, а в жертву приносили животных белой масти [46]. В заклинаниях казахского шамана, перед его полетом на бубне-лебеде, небо предстает окрашенным то в синий, то в белый цвет [47]. У монголов эпохи империи было белое небесное знамя; в день нового года они обязательно надевали белое платье [48]. В народном искусстве монголов до сих пор сочетание белого и синего цвета является наиболее излюбленным, господствуя в расцветке покрытий юрт и палаток-майхана [49].

---

[43] *Гордлевский В. А.* Что такое «босый волк»? // Изв. АН СССР. 1974. Т. 6. С. 327; *Урманчаев Ф.* По следам белого волка // Советская тюркология. 1976. № 6. С. 22.

[44] См.: *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л., 1940. С. 83; *Иванов В., Говоров В. Н.* Комментарии к описанию кетской мифологии // Кетский сборник. Мифология. Этнография. Тексты. М., 1969. С. 130—136; *Мелетинский Е. М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1969. С. 117. (О социально-психологических аспектах возникновения культа белого цвета см. *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 300).; *Тернер В. У.* Проблема цветовой классификации в примитивных культурах: (На материалах ритуала ндембу) // Семиотика и искусствометрия. М., 1972. С. 79.

[45] *Кузьмина Е. Е.* О семантике изображений на чертомлыкской вазе // Советская археология. 1976. № 3. С. 174.

[46] *Потапов Л. П.* Древнетюркские черты почитания неба у саяно-алтайских народов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 55.

[47] Қазақ фольклорының типологиясы. Алматы, 1981. Б. 203.

[48] *Гордлевский В. А.* Что такое «босый волк»? С. 493.

[49] *Кочетков Н. В.* Народное искусство монголов. М., 1973. С. 89—90.

У центрально-азиатских кочевников право на белый и голубой цвета в одежде имели лишь представители высших рангов родоплеменной иерархии [50], чем подчеркивалась близость к верховному божеству.

В Средней Азии под влиянием тюркских кочевников белая и синяя одежда была также сакрализована [51]. В Ташкенте вышивки-сузани на белой основе (фоне) назывались *палак*. Термин, по предположению О. А. Сухаревой, происходит от арабского *фалак* (небо) [52].

Из приведенных фактов следует, что сочетание синего и белого цветов, усвоенное народным созданием в качестве эстетического знака на основе социально-эстетической конвенции, занимало особое место в цветовой символике тюрко-монгольских племен. Как отмечает М. Б. Храпченко [53], эстетические знаки обязаны своим происхождением потребности в художественном обобщении. В дальнейшем развитии искусства, с одной стороны, они сохраняют связь с воплощением характерного, а с другой — нередко предстают в качестве обозначения устойчивых представлений о сверхчувствительном, выступают в виде канонов, стереотипов, которые заменяют собой подлинную картину мира. Этот стереотип, повышенное эстетическое отношение к белому и синему цветам, их сочетанию, являвшийся фактом социальной психологии тюрко-монгольских кочевников средневековья [54], был привнесен в художественную культуру Средней Азии, Ирана и Китая. Это привело вначале к распространению тюрками в культуре Средней Азии и Ирана символики синего цвета, затем под влиянием монголов в Китае возник фарфор «типа кобальт», а в Иране на основе использования синего красителя — свой монгольский стиль в керамике.

В результате тюркизации Средней Азии и Ирана

---

[50] *Ткачев В. Н.* К эволюции охранной символики в архитектуре кочевников Центральной Азии // Советская этнография. 1985. № 1. С. 39.

[51] *Лобачев Н. П.* Из истории каракалпакского костюма // Советская этнография. 1984. № 4. С. 20.

[52] *Сухарева О. А.* Орнамент декоративных вышивок Самарканда и его связь с народными представлениями и верованиями // Советская этнография. 1983. № 6. С. 76.

[53] *Храпченко М. Б.* Природа эстетического знака... С. 18.

[54] Как отмечал Л. С. Выгодский, «только в социальной психологии раскрывается значение искусства до конца» (*Выгодский Л. С.* Психология искусства. М., 1948. С. 72).

двумя мощными волнами кочевых завоевателей (XI и XIII вв.) здесь на основе интеграции эстетических и идейно-образных установок возникла этнокультурная обстановка, способствовавшая выработке нового художественного языка керамического искусства. Роль китайского фарфора в сложении тимуридского керамического стиля заключалась лишь в том, что утонченная и совершенная интерпретация китайскими художниками ряда общераспространенных мотивов и символов пленила местных мастеров и не могла не вызвать подражания.

Таким образом, возникновение китайского форфора «типа кобальт», керамики монгольского стиля в Иране, а чуть позже — местного варианта тимуридского стиля, тимуридской керамики в Средней Азии и связанных с ней городах Поволжья можно рассматривать в культурно-историческом плане как однопорядковые явления, обусловленные изменением этнокультурной обстановки в обширном регионе Евразии, затронутом расселением тюрко-монгольских племен в первой половине II тыс. н. э. В генезисе этого общего явления отмечаются черты взаимодействия традиций, технических и культурных достижений всего обширного региона от Ирана до Китая.

СИНКРЕТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И АРХИТЕКТУРНЫЙ ОРНАМЕНТ

Б. Т. Туякбаева, А. Н. Проскурин *(Алма-Ата)*

«... В Азии развился кочевой быт. Это не низшая ступень цивилизации, как обыкновенно думают, а совершенно самостоятельная и равноправная культура, в чем убедились весьма многие ...» Эти слова принадлежат известному ориенталисту, работавшему в конце прошлого и в начале нашего века, Н. И. Веселовскому[1]. Сегодня дело изучения кочевой культуры значительно продвинулось вперед, и мы находим все новые примеры позитивной ее роли в сложении мировой цивилизации.

[1] *Веселовский Н. И.* Записки об ассириологии // Центральный государственный архив литературы и искусства. Ф. 118. Оп. 1. Д. 482.

Ярко и убедительно влияние синкретических представлений кочевых племен Центральной Азии на формирование изобразительного искусства народов Среднего и Ближнего Востока обнаруживается при исследовании декоративного убранства памятников архитектуры, относящихся к периодам миграции сюда этих племен.

Необычайно интересен в этом плане эпиграфический декор, обладающий помимо художественного, изобразительного качества, свойственного другим видам орнаментов, еще и текстовой информативностью, в связи с чем архитектурная эпиграфика оказалась способной прояснить многие, не осмысленные еще явления в архитектуре и в искусстве, как, например:

причину сакрализации архитектурных форм;

принципы трансформации письма в орнамент;

основу синтеза архитектурных и художественных форм с надписями;

семантику других синтезированных образов: зооморфно-растительных, зооантропоморфных, а также полиморфных существ (человеко-птице-животных, сфинксов, грифонов и других), т. е. прояснить природу сложившихся в изобразительном искусстве синкретических образов и знаков.

При этом важно отметить, что возникновение и сложение эпиграфического декора в архитектуре мусульманских стран происходило не в период расцвета Халифата, а в IX—XII вв., при активизации и политическом влиянии здесь тюркских династий — Тулунидов, Ихшидитов, Газневидов, Караханидов и Сельджукидов, принявших ислам [2], и возрождении при них доисламских верований, в частности, в суфийском течении ислама. Максимальное применение в архитектуре эпиграфика получила в государстве Тимура, тогда же суфийские общины стали пользоваться покровительством знати и достигли подавляющего влияния в духовной жизни народов Средней Азии и юга Казахстана [3], в значительной степени состоявших к тому времени из тюрко-монгольского этнического элемента [4].

---

[2] *Босворт К. Э.* Мусульманские династии. М., 1971. С. 74—78, 156—165, 237—240.

[3] *Туякбаева Б. Т., Проскурин А. Н.* К вопросу о возникновении суфийской ханаки в г. Туркестане // Вестник АН Казахской ССР. 1986. Вып. 6. С. 63—70.

[4] *Бартольд В. В.* Соч. М., 1963. Т. 1, С. 315—445, 531—584.

Дешифровка, прочтение и детальный анализ всего корпуса надписей эпиграфического декора ханаки Ахмеда Ясеви в г. Туркестане, одной из наиболее полно сохранившихся построек Тимура, а также фрагментов другого тимуровского сооружения — мечети Бибиханым — обнаружили систему дифференциации этого вида орнамента, в которой главные структурные элементы архитектурной композиции, соотнесенные по ассоциативно-образным признакам со структурой мироздания, оформлены соответствующими их идеологическому значению текстами с определенными художественными формами письма [5]. Так, коранические тексты — слова бога — размещены на фризе, венчающем и опоясывающем непрерывной лентой фасады памятника, барабане купола усыпальницы, михрабной нише — алтаре, вратах рая, на фризе ритуального казана из джамаатханы [6].

Все коранические тексты исполнены непрерывной монументальной вязью — почерком сульс. Фоном их служит стелящийся по синему полю спиралевидный бирюзовый стебель. Надписи оконтурены поясками из белых цветов с бирюзовыми пальметтами, повторяющими прием ранних традиций обрамлять надписи цепочкой перлов.

Другая группа надписей — Сунны пророка (хадисы) — использована только на двух главных в архитектурно-композиционном и идеологическом отношении помещениях: усыпальнице и джамаатхане (зал собраний и радений дервишей), являющихся в своей функции реликтами доисламских верований. Хадисами оформлены в них дверные и оконные проемы, т. е. места сообщения двух миров: земного (мирского) и небесного (божественного), что согласуется и с самой личностью Мухаммеда — посланника бога, передавшего людям откровения Аллаха. Значение хадисов отмечено и почерками — они выполнены уже не только сульсом, но и монументальным куфи. В художественном оформлении хадисов еще больше проступают реминисценции древней символики. Так, тимпан окна джамаатханы, оформленный «светящимися» дисками и хадисом: «Мир — останки и стремящиеся

---

[5] *Туякбаева Б. Т.* Идеологические аспекты в архитектуре ханаки Ахмеда Ясеви в Туркестане // Материалы международной конференции ЮНЕСКО: Культурно-исторические процессы в Центральной Азии в средние века. Алма-Ата, 1985.

[6] *Туякбаева Б.* Эпиграфика в архитектуре ханаки Ахмеда Ясеви // Искусство Казахстана: (Сборник). Алма-Ата, 1987. С. 28—29.

собаки», — позволяет провести параллель с изображениями мчащегося тигра с диском-душой на хребте из украшения кровли в Китае эпохи Хань и тигров с сияющими человеческими ликами на хребтах в изразце XIII в. из Кашана и в тимпане портала медресе Шир-дор. На присутствие именно этих образов в декоре построек Тимура указывают и упоминания об изображении львов на ныне обрушившемся портале его дворца Ак-Сарай в Шахрисябсе, и наличие скульптурных головок льва и львицы со львятами, венчающих текст хадиса на хальках двери в туркестанской ханаке. «Светящиеся» диски участвуют и в оформлении портала усыпальницы, на софите которого также использован хадис, выражающий анимистические представления суфиев о душе и путях познания через нее Господа [7].

Третью группу надписей составляют богословские сентенции типа: «Слава Аллаху и хвала Аллаху», «Аллах — Господь, Мухаммед — пророк», эпитеты Аллаха, имена пророка Мухаммеда и халифа Али. Этими надписями оформлены сплошь большие плоскости стен, где тексты зашифрованы в спиралевидные многократно повторяющиеся геометрические композиции, сблокированные по системе вихревого креста, что обнаруживает факт слияния надписи с синкретическими знаками — спирали и креста, т. е. трансформацию письма в орнамент. Это выражено и цветовой символикой, где надписи восприняли бирюзовый цвет спиралевидного стебля, служащего фоновым заполнением коранических текстов и сун пророка [8].

Смысл массового использования таких надписей в оформлении архитектурных памятников проясняет существовавшая тогда философская концепция о деятельной сущности имен бога и участии их в процессе построения мира. Так, известный суфийский шейх Ибн'Араби (XII в.) считал, что «Абсолют, явившийся в аспекте своих имен, которые не поддаются исчислению, пожелал увидеть их в конкретных сущностях» [9]. Объяснение же написания текстов по спирали мы находим в учениях шиитов, считавших, что «... души и индивидуумы движут-

---

[7] Там же. С. 29—30.

[8] Там же. С. 31—34.

[9] *Кныш А. Д.* Мировоззрение Ибн'Араби // Религии мира: (Сборник). М., 1984. С. 86.

ся ... под воздействием пророка и восприемника духовного завещания всегда круговращательным движением ...» [10].

Таким образом, группа рассматриваемых надписей, заполняющая пространство между фризом и цоколем — верхним и нижним мирами, выражает идею носителей божественного духа в животворящих процессах природы. Животворящими свойствами, по всей вероятности, наделена и богословская формула «Власть Аллаха», выполненная почерком «цветущего» куфи и используемая в небольших картушах, оформляющих детали фасадов.

Сложение перечисленных видов эпиграфического декора в архитектуре происходило на обширной территории, охватывающей Хорасан, Хорезм, Мавераннахр и южные районы Караханидского государства. Причем зарождение и ранние этапы развития каждого вида имели самостоятельные русла и протекали в пределах конкретных этнокультурных ареалов [11]. Так, группе южно-хорасанских и хорезмских памятников, расположенных на территориях персо-мусульманских государств и находящихся в зоне влияния или вассальной зависимости от Халифата, был присущ растительный вид декорировки архитектурных надписей, т. е. вид, не противоречивший запрету ортодоксального ислама изображать живые существа. В архитектуре он стал использоваться с X в. и прежде всего — на архивольтах арок и подкупольных фризах.

Следующие два вида декорировки надписей — почерк сульс, восходящий к плетениям, и спиралевидный эпиграфический орнамент, идущий от зооантропоморфных форм декора, возникают в начале XI в. в центральных и северных районах Хорасана, в период правления там тюркской династии Газневидов. Плетеным почерком первоначально оформлялись только башенные постройки (тип сооружений, привнесенный сюда Газневидами). Спиралевидный же эпиграфический орнамент был распространен вдоль северных границ Газневидского государства. На первых порах надписи этой тематики использовались на архивольтах арок, обегали по периметру стены помещений, а с конца XI в. они стали применяться в оформлении михрабов и больших плоскостей стен.

[10] *Аш-Шахрастани.* Книга о религиях и сектах. М., 1984. С. 169.

[11] *Туякбаева Б. Т.* Эпиграфический декор ханаки Ахмеда Ясеви: Автореферат. Алма-Ата, 1987. С. 19—21.

Процесс трансформации письма в орнамент отмечен несколькими этапами, обнаруживающими слияние изобразительных средств и синкретических знаков с буквенными. Так, первоначально растительная, плетеная и зооантропоморфная тематика использовались лишь в фоновом, сопровождающем надписи декоре (мавзолей Араб-Ата, минарет Бурана, поминальная мечеть Шир-Кабир). С середины XI в., а в растительной тематике с начала XI в., уже сами буквы стали наделяться этими знаками (искодарский михраб, минарет Абу-Джафара, мавзолей Абдуллы ибн-Бурейды и др.). На рубеже XI—XII вв. наблюдается в растительной тематике «срастание» растительных элементов букв с растительным фоном, в плетеной — переход букв в плетения и узлы и наоборот (Башни в Дамгане и Радкане, минарет в Термезе). В этот же период складываются две художественные интерпретации темы плетений: абстрактно-геометрические композиции — гирихи и почерк сульс[12] (Михраб в с. Искодар, мавзолеи Абдуллы ибн-Бурейды и Хакими ат-Термизи). Зооантропоморфная тематика декора также получила два характерных направления: натуралистическое и абстрактное. В первом случае натуралистически изображенные люди и животные означают буквы, а их композиция — текст (Мавзолей Абдуллы ибн-Бурейды, кувшины из Герата, каламдан Мадж-ал-Мулька, пластина из Ирана); во втором — изображения людей (святых) заменены их именами, написанными по спиралевидной траектории. Примерами таких композиций являются караван-сарай Дая-хатын и Бухарская Намазга, где имена Аллаха, Мухаммеда, а также первых четырех халифов, написанные по спирали в хронологической последовательности их правления, отражают известную шиитскую доктрину об имамате, основанную на представлениях о переселении божественного духа[13].

С возникновением в конце XI в. Сельджукской империи, объединившей территории Караханидского, Хорезмского и Газневидского государств, в памятниках южных районов Средней Азии намечается слияние всех видов декора архитектурной эпиграфики (мавзолей в с. Чор-

[12] *Кази-Ахмед.* Трактат о каллиграфах и художниках (1005/1596—97 г.). М.; Л., 1947. С. 63; *Фридрих.* История письма. М., 1979. С. 114.

[13] *Аш-Шахрастани.* Книга о религиях и сектах. С. 143—154; 226—227.

ку). В северной части империи и на новых территориях Газневидов, оттесненных на юго-восток, спиралевидный эпиграфический декор продолжает совершенствоваться, устилая своим ковровым рисунком все большие поверхности стен. В последующие века шла отработка художественных приемов эпиграфического декора в архитектуре, формирование его универсальных форм, сложившихся в определенный канон в монументальном зодчестве эпохи Тимура, где плетеное письмо башен «неба»[14] в виде почерка сульс использовалось уже только для коранических текстов (слов бога) и хадисов, размещенных исключительно на сакральных местах здания, спиралевидные надписи (зооантропоморфного происхождения), содержащие богословские сентенции, покрывали поверхности огромных плоскостей стен фасадов; «цветущий» же куфи (изначальная форма декорировки эпиграфики), напротив, занял теперь самое незначительное место — им оформлены лишь картуши над окнами и ниши.

Таким образом, канон предусматривал семантическую взаимосвязь архитектурного, декоративного и текстового значений эпиграфического орнамента, их синтез, в основе которого положены мировоззренческие концепции суфийских философов о «единстве бытия»[15].

Письменные источники и многочисленные памятники материальной культуры свидетельствуют о том, что эти представления восходят к синкретическим образам кочевых племен Центральной Азии. При этом образ разума-души, заключенный в эпиграфическом орнаменте, нашел свое первое художественное воплощение в виде нимбов с отходящими от них лучами и перлами на наскальных рисунках так называемых «солнцеголовых» существ, обнаруженных в Киргизии, Казахстане и Монголии[16]. Установившейся трактовкой символики этих изображений является солнце[17]. Безусловно, на сложение таких космогонических сравнений оказали влияние и

---

[14] Коран. Сура 85. Башни. Аят 1; Ал-Калби Хитам ибн Мухаммед. Книга об идолах. М., 1975. С. 29.

[15] *Кныш А. Д.* Мировоззрение Ибн'Араби // Религии мира. С. 85.

[16] *Туякбаева Б., Проскурин А.* Декоративное убранство ханаки Ахмеда Ясеви // Памятники истории и культуры Казахстана. Алма-Ата, 1986. С. 38—41.

[17] *Максимова А. Г.* Наскальные изображения ущелья Тамгалы // Вестник АН КазССР. 1959. № 9. С. 108—110; *Акишев А. К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984 .С. 83—88.

сообщения древних авторов о том, что «солнце являлось господином массагетов»[18], и очевидная схожесть изображений «солнцеголовых» с солярными знаками авестийского ареала, и неправильные, на наш взгляд, прочтения образов Хварна и Митры как солнечных божеств.

Сравнительный анализ наскальных рисунков «солнцеголовых» существ и письменных свидетельств о культах и ритуалах кочевых народов Центральной Азии позволяет предположить иную трактовку «солярных» изображений. Так, Геродот рассказывает об обычае исседонов, когда «голову покойника обнажают от волос, вычищают изнутри, покрывают золотом и пользуются ею как священным сосудом при совершении торжественных годичных жертвоприношений[19]. Такой ритуал обнаруживает тождественность его смысла с маздеитскими понятиями о разуме-душе, ее нетленности и способности перевоплощаться, т. е. с представлениями, кодифицированными и персонифицированными впоследствии в Персии[20]. О том, что именно от головы исходила (излучалась) побуждавшая возрождение природы животворная сила души, указывают и обычаи, зафиксированные И. А. Кастанье в присырдарьинских областях Казахстана, где среди полей на деревьях, заборах и кольях выставлялись головы животных, игравшие по мнению местного населения роль духов-покровителей жатвы[21].

По-видимому, эти же представления о средоточении жизненной силы в голове кроются и в бытующей до сих пор у казахов традиции подавать сваренную голову животного особо почитаемому участнику застолья — старейшине рода или главе торжества.

В древних пластах Авесты эта концепция также достаточно отчетливо прослеживается. Так, в девятнадцатом яште Гимна воздействия Хварна (сопровождающего Ийму) на природу несут, безусловно, характер животворящей силы: «У него пища неиссякаема. Неумирающие скот и люди, непересыхающие воды и растения». При этом сам Хварна, «несущий бессмертие», сотворен Маздой и жертвенными возлияниями. Эпитеты зримых черт

[18] *Страбон.* География: Т. XI (8). С. 6—8.

[19] *Геродот.* История: Т. IV. С. 25—27.

[20] *Дандамаев М. А.* Иран при первых Ахеменидах. М., 1963. С. 234—261.

[21] *Кастанье И. А.* Надгробные сооружения киргизских степей. Оренбург, 1911. С. 83.

Хварна — «сияющий, ... сверкающий ... пышный ...» — также близки к рисункам изображений «солнцеголовых». Способность же души отделиться (от человека), отлететь в Авесте выражена в аллегорической форме: «на глазах у всех от него Хварна в облике птицы отлетел» [22]. В этом фрагменте обнаруживается факт перехода синкретических представлений о душе к персонифицированным образам птицы-души.

Смена представлений, эквивалентная образно-знаковым символам, наблюдается и в самих ритуалах и обрядах, воплощавших (в жизнь) идею метемпсихоза (перехода души) из одного существа в другое, осуществляемой двумя способами инициации человека. Первый — прямой, «когда достигшие до старости изрубливаются вместе с бараниной и в таком виде поедаются [23], второй — посредством хищных животных и птиц, когда проживших более семидесяти лет «выставляли» в пустынные места на растерзание собакам или птицам» [24].

Впоследствии ритуалы выставления были канонизированы зороастрийским жречеством, а мировоззрение о перевоплощениях распространилось на весь евразийский континент. Соответственно это нашло отражение и в изобразительном искусстве — в образах полиморфных мифических существ: сфинксов, грифонов, крылатых коней, козлов, птице-женщин и др., — воплощающих в себе объединенный образ человеко-птице-животных. Придание им человеческих черт, в особенности ликов (отражений разума-души) указывает на их человеческий исток (душу), некогда поглощенную хищником. Идея же нимбов «солнцеголовых», теперь уже в образе нимба — Хварна, получила воплощение в ритуалах инвеституры и «венчания» царей — посланников бога на земле.

Исключительно ценную связь «солнцеголовых» и облагодетельствованных Хварна царей дает нимб из цепочки перлов, окружающих головы «солнцеликих» и царей, а впоследствии и христианских мучеников, причисленных

---

[22] *Бертельс Е. Э.* История персидско-таджикской литературы. М.. 1910. С. 55—57.

[23] *Страбон.* География. Т. XI (8). С. 6—8; *Геродот.* История. Т. I. С. 215, Т. IV. С. 25—27; *Порфирий* Т. IV. С. 21; *Евсевий.* Против Повинниана. Т. II. С. 7.

[24] *Секст Эмпирик.* Пироновы положения. Т. III. С. 226; *Порфирий.* Отрывок. Т. IV. С. 21; *Помпей Трог.* Филиппинская история. Т. XI; *Цицерон.* Тускулянские беседы. Т. I. С. 45.

после смерти к святым. Такие нимбы известны прежде всего по обширному нумизматическому материалу греко-бактрийского ареала, где, как известно, оказал влияние зороастризм. На монетах кушан, эфталитов, тюрко-согдийских владык и хорезмшахов традиция оконтуривать перлами их портреты продолжалась.

Рассматриваемое нами мировоззрение отразилось и в архитектуре. Одним из таких памятников является искодарский михраб, где фестончатая конха его ниши образует на срезе фасада контур многолопастной арки — формы, получившей с X в. широкое распространение в архитектуре мусульманского Востока. Ранние примеры таких конх и арок дают памятники византийского искусства, сложение которого, как известно, происходило в период так называемых «варварских вторжений на территорию Римской империи [25]. Так, в г. Равенне, являющемся центром византийского наместничества в Римской империи [26], в оформлении аркатуры саркофага из церкви Сан-Франческа на уровне пят арок веером от голов рельефных фигур Христа и апостолов, установленных в нишах, отходят нервюрные фестончатые нимбы, служащие одновременно и конхами сводчатых ниш. По форме эти нимбы-конхи аналогичны нервюрному полукуполу ниши искодарского михраба. О том, что такая преемственность отражает не просто восприятие художественной традиции, а имеет генетическую связь с кочевым миром, свидетельствует факт, что с XI в. и особенно в XIII в. с усилением роли тюрко-монгольских народов в жизни исламизированного Востока в искусстве этого региона завуалированная в различных формах идея нимбов обретает откровенные черты. Мусульманские святые и правители теократического государства в горельефах, на настенных росписях, в книжных миниатюрах стали наделяться традиционными для христиан изображениями дисков-нимбов вокруг головы. Например, человек с нимбом изображен на настенной живописи (XI в.) из Фустата, люди с нимбами представлены на миниатюре (XI в.) из музея исламского искусства в Каире или на миниатюре из рукописи «Макамат» Аль Харири (XIII в.); чело-

---

[25] *Лихачева В. Д.* Византийская миниатюра. М., 1977. С. 8; БСЭ: Изд. 2. М., Т. 8. С. 30.

[26] Всемирная история. М., 1957. Т. 3. С. 91.

век с нимбом высечен на рельефе арки ворот талисмана (1221 г.) в Багдаде и др.[27].

Идеологическую взаимосвязь арок и нимбов обнаруживает и трехлопастная ниша михраба мечети Шир-Кабир, напоминающая силуэт человека или наиск, обрамление которой эпиграфическим поясом говорит об однозначности идеи нимба с многолопастными арками и с эпиграфикой, символизирующих продукт человеческого разума, происходящего от бога. Арки при этом означают границу земного человеческого и небесного божественного пространств, о чем свидетельствует факт использования их рисунка в тематике рельефов культовых и погребальных предметов, не являющихся зданиями (например, таких, как упомянутый нами саркофаг из Равенны; самаркандские и биянайманские оссуарии и серебряные сосуды VI—VII вв. из Слудки, Лимаровки и Квацпилеево; рельеф фриза из дворца тюркских правителей на Куйрук-Тобе, где изображения архитектурных деталей — колонн, арок, фризов — не отражают тектонику и назначение самих предметов, а несут исключительно декоративную функцию и вместе с другим декором рельефов (хтоническими божествами) выражают художественный образ мироздания. Цепочки из перлов, оформляющие архивольты арок маздеитско-зороастрийских оссуариев, так же, как нимбы в арках христианских намогильных памятников, и эпиграфику на архивольтах арок в мавзолеях уже исламского времени следует отнести к категории синкретических знаков, отражающих представления о разуме-душе.

Таким образом, использование эпиграфики первоначально на архивольтах арок и фризах в постройках мусульманского периода является продолжением традиции оформлять эти элементы знаками разума-души, т. е. образами, восходящими к культам и ритуалам кочевников Центральной Азии. При этом даже растительная тематика декорировки надписей — наиболее ранняя форма эпиграфического орнамента, взятая на вооружение ревнителями правоверных толков в исламе, — возникает не в центре Халифата, а в Египте в период правления там Тулунидской династии, происходившей из тюркских военноподданных.

---

[27] *Веймарн Б. В.* Искусство арабских стран и Ирана VII—XVII веков. М., 1974. Ил. 21, 26—28, 75, 76.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

I. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР И ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ 8

Андрианов Б. В. Историческое взаимодействие кочевых культур и древних земледельческих цивилизаций в свете концепции о хозяйственно-культурных типах 8
Арешян Г. Е. Роль неоседлых скотоводов в развитии цивилизаций Евразии 21
Гарден Ж.-К. Археологические признаки номадизма: исследования в Бактрии 24
Дигар Ж.-П. Отношения между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке 33
Масанов Н. Э. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии 55
Массон В. М. Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействий 81
Сулейменов Р. Б. Формационная природа кочевого общества: проблема и метод 89

II. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДРЕВНИХ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ 103

Безенваль Р. Кочевники и добыча полезных ископаемых в пустынях и полупустынях: данные этнологии и археологические проблемы 103
Долуханов П. М. Аридная зона Старого Света: экономический потенциал и направленность культурно-хозяйственного развития 108
Кузнецова Э. Ф. Производство цветных и благородных металлов в Центральном Казахстане в эпоху бронзы и ранних кочевников 118
Макарова Л. А., Нурумов Т. Н. К проблеме коневодства в неолит — энеолите Казахстана 122
Шнирельман В. А. Этапы развития древнего скотоводства в Восточном Средиземноморье 131

III. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И ПАЛЕОМЕТАЛЛА 150

Алёкшин В. А. Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит — эпоха бронзы) 150
Аскаров А. А. Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации 158
Жарриж Ж. Ф. Древняя оседлость и полуномадизм в долине Качи, Белуджистан 167
Зайберт В. Ф. Динамика взаимодействия природно-экологических и социально-экономических факторов в процессе становления и развития производящего хозяйства в степях Казахстана 171
Зданович Г. Б. Феномен протоцивилизации бронзового ве-

ка урало-казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность 179
Ковэн Ж. Доисторические истоки общества пастухов-кочевников в Леванте 189
Франкфор А.-П. Существовал ли Великий шелковый путь во II—I тыс. до н. э. 203
Хлопин И. Н. Исторические закономерности сложения степных культур Средней Азии 217
Холл О. Формы неолитического скотоводства в Сахаре (VII—I тыс. до н. э.) 224

IV. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ДРЕВНЮЮ ЭПОХУ 246

Дебэн-Франкфор К. Саки в провинции Синьцзян до периода Хань. Критерии идентификации 246
Заднепровский Ю. А. Взаимодействие кочевников и древних цивилизаций и этническая история Средней Азии . . 257
Исмагилов Р. Б. О некоторых тенденциях развития современной отечественной скифологии 265
Мартынов А. И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н. э. 284
Негматов Н. Н. Сако-согдийский синтез на Средней Сырдарье 292
Пугаченкова Г. А. Бактрийско-юэчжийский и согдийско-кангюйский синтез в искусстве 301
Савинов Д. Г. Взаимодействие кочевых обществ и оседлых цивилизаций в эпоху раннего средневековья 305
Филанович М. И. Культурные взаимодействия оседлого и кочевого мира и формирование архитектурных традиций (по материалам Шаштепа в Ташкентском районе) 314

V. ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ 320

Арсеньев В. Р. Исторические формы взаимодействия кочевников и земледельцев в Принигерской саванне . . . 320
Ахинжанов С. М. Хорезм и Дешт-и Кыпчак в начале XIII в. (о месте первого сражения армии хорезмшаха с монголами) 326
Байпаков К. М. Город и степь в эпоху средневековья (по материалам Южного Казахстана и Семиречья). 336
Бейсембиев Т. К. Ферганские номады в Кокандском ханстве и их историографы 345
Бонт П. Тип оседлого поселения в Мавританской Сахаре 349
Бурнашева Р. З. Монеты Казахстана как один из источников изучения социально-экономического, политического и духовного взаимодействия городов Южного Казахстана и Средней Азии (VII—XII вв.) 367
Грошев В. А. Культурно-хозяйственные процессы и развитие ирригации юга Казахстана (по материалам Нижней Сырдарьи и Отрарского оазиса) 375
Ерзакович Л. Б. Особенности городской цивилизации в контактной зоне оседлой и кочевой культур (по материалам Отрара) 383

Жолдасбаев С. Ж. Зимовки-поселения и жилища казахов Семиречья (XVI—XIX вв.) 390
Кызласов Л. Р. Городская цивилизация тюркоязычных народов Южной Сибири в эпоху средневековья 400
Лубо-Лесниченко Е. И., Трифонов Ю. И. Китайская камчатая ткань из древнетюркского кургана в Туве . . . 406
Маршак Б. И., Распопова В. И. Кочевники и Согд . . 416
Оранш О. Жилища кочевого и оседлого населения Сирии и Иордании 426
Савельева Т. В. Формирование средневековых городов у кочевников (по материалам раскопок городища Талгар) . 432
Смагулов Е. А. «Тимуридский керамический стиль» как отражение интеграционных межкультурных процессов . . 438
Туякбаева Б. Т., Проскурин А. Н. Синкретическое искусство кочевых племен Центральной Азии и архитектурный орнамент 451

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР
И ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова
Академии наук Казахской ССР

Рецензенты: докт. ист. наук *Х. А. Аргынбаев*,
канд. ист. наук. *Ю. Е. Березкин*

Зав. редакцией *Л. И. Дробжева*
Редактор *А. Е. Орловская*
Художественный редактор *В. М. Грущаков*
Оформление художника *А. В. Ефимцева*
Технический редактор *В. К. Горячкина*
Корректор *Г. А. Макукова*

ИБ № 2948. Сборник научных статей

Сдано в набор 15.11.88. Подписано в печать 12.04.89. УГ09051.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бум .тип. № 1. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. п. л. 24,36. Усл. кр.-отт. 24,36. Уч.-изд. л. 27,90.
Тираж 1000. Заказ 11. Цена 5 р. 80 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР
480100, Алма-Ата, ул. Пушкина, 111/113
Типография издательства «Наука» Казахской ССР
480021, Алма-Ата, Шевченко, 28.